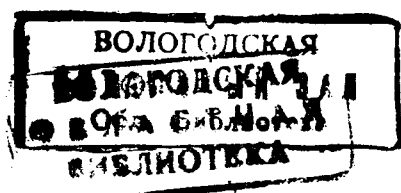

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

1

1 9 5 1

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва • Ленинград

Редакционная коллегия:

Редактор профессор С. П. Толстов,
заместитель редактора И. И. Потехин,
М. Г. Левин, М. О. Косвен, П. И. Кушнер, Л. П. Потапов,
С. А. Токарев, В. И. Чичеров

Журнал выходит четыре раза в год

Адрес редакции: Москва, ул. Фрунзе, 10

Подп. к печ. 8.III.1951 г. Формат бум. $70 \times 108^{1/16}$. Бум. л. $7^{1/4}$ Печ. л. 19,86+3 вклейки
Зак. 798 Т00158 Уч.-изд. листов 24,6 Тираж 2400 экз.

2-я типография Издательства Академии Наук СССР. Москва, Шубинский пер., 10

СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ ВАВИЛОВ

24.III 1891—25.I 1951

ОТ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР И ЦК ВКП(б)

Совет Министров СССР и ЦК ВКП(б) с глубоким прискорбием извещают, что 25 января 1951 года в Москве на 60 году жизни после тяжелой болезни скончался Президент Академии Наук Союза Советских Социалистических Республик, депутат Верховного Совета СССР, председатель Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний, главный редактор Большой Советской Энциклопедии, дважды лауреат Сталинской премии академик Сергей Иванович **Вавилов**.

Советский народ в лице академика **С. И. Вавилова** потерял крупнейшего ученого и выдающегося государственного и общественного деятеля.

Все свои силы и знания академик **С. И. Вавилов** отдал беззаветному служению Родине, советской науке, великому делу коммунизма.

ОТ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

Президиум Верховного Совета СССР с прискорбием извещает о смерти крупнейшего ученого и выдающегося государственного и общественного деятеля, депутата Верховного Совета СССР, Президента Академии Наук СССР академика Сергея Ивановича Вавилова, последовавшей 25 января 1951 года после тяжелой болезни.

ПАМЯТИ ВЕЛИКОГО ТРУЖЕНИКА И ОРГАНИЗАТОРА НАУКИ СЕРГЕЯ ИВАНОВИЧА ВАВИЛОВА

Советская наука понесла тяжелую утрату. В полном расцвете творческих сил скончался крупнейший ученый, выдающийся государственный и общественный деятель, неутомимый борец за передовую советскую науку, пламенный пропагандист великих идей коммунизма — Президент Академии Наук СССР, депутат Верховного Совета Союза ССР академик Сергей Иванович Вавилов.

С. И. Вавилов родился в Москве в 1891 году. В 1909 году он поступил в Московский университет, где учился и работал под руководством выдающегося русского ученого-физика П. Н. Лебедева. Еще будучи студентом, С. И. Вавилов выполнил оригинальное научное исследование «Тепловое выцветание красителей», удостоенное золотой медали Обществом любителей естествознания при Московском университете. По окончании университета в 1914 году С. И. Вавилову было предложено остаться в университете при кафедре физики, однако он отклонил это предложение и вместе с другими прогрессивными учеными ушел из университета в знак протеста против полицейских преследований передовых ученых.

С 1914 по 1918 год С. И. Вавилов находился на военной службе. За эти годы им выполнен ряд важных научных исследований в области радиофизики.

Выдающиеся дарования Сергея Ивановича, как талантливого ученого и организатора, в полной мере раскрылись после Великой Октябрьской социалистической революции, создавшей исключительно благоприятные условия для развития науки в нашей стране.

С первых дней революции С. И. Вавилов ведет большую педагогическую и научно-исследовательскую работу. Его жизнь и деятельность связаны с работой таких крупнейших научных и учебных учреждений, как Московский университет, Московское высшее техническое училище, Институт физики и биофизики, Государственный оптический институт и Физический институт имени П. Н. Лебедева Академии Наук СССР.

С. И. Вавилову принадлежит около ста научных работ, главным образом по вопросам физической оптики. Более 15 лет его упорных исследований природы фотолюминесценции растворов увенчались большими научными открытиями в этой малоразработанной области физики и позволили создать общую теорию явлений люминесценции.

На основании глубоких теоретических исследований С. И. Вавилова и под его непосредственным руководством разработана технология производства ламп так называемого дневного, или холодного, света, имеющих значительные экономические и светотехнические преимущества перед лампами накаливания.

По инициативе С. И. Вавилова в химии, медицине, минералогии, в пищевой, металлообрабатывающей и других отраслях промышленности получил широкое внедрение новый метод анализа вещества — люминесцентный анализ.

Особо важное научное и практическое значение имеет выдающееся открытие С. И. Вавилова и его учеников в области изучения свойств электронов при движении их в веществе со сверхсветовой скоростью. За эти выдающиеся труды Сергей Иванович был дважды удостоен Сталинской премии.

Признанием больших заслуг Сергея Ивановича перед советской наукой явилось избрание его в 1931 году членом-корреспондентом и в 1932 году — действительным членом Академии Наук СССР. Человек большой и разносторонней культуры, Сергей Иванович уделял огромное внимание общим вопросам истории и методологии науки. Многие его работы посвящены вопросам философии естествознания, где он творчески применял великое всепобеждающее учение Ленина — Сталина и показал, что достижения передовой современной науки подтверждают законы диалектического материализма и опровергают идеалистические измышления буржуазных философов и физиков. Горячий патриот Советской Родины, С. И. Вавилов последовательно боролся за приоритет отечественной науки и признание того великого вклада, который внесли ученые нашей Родины в сокровищницу мировой науки и культуры.

В годы Великой Отечественной войны, будучи уполномоченным Государственного Комитета Обороны СССР, С. И. Вавилов отдавал свои силы делу разгрома врага.

В 1945 году Сергей Иванович Вавилов был избран Президентом Академии Наук СССР. На посту Президента Академии Наук он проявил себя талантливым организатором, неутомимым борцом за осуществление великих задач, поставленных партией и Советским правительством перед учеными нашей страны.

Все свои силы Сергей Иванович отдал делу развития передовой советской науки.

Он был непримиримым борцом за все новое и передовое в науке, против косности и рутины, начетничества и талмудизма. Во всей своей деятельности С. И. Вавилов руководствовался мудрыми указаниями товарища Сталина о развитии советской науки, «той науки, которая не отгораживается от народа, не держит себя вдали от народа, а готова служить народу, готова передать народу все завоевания науки, которая обслуживает народ не по принуждению, а добровольно, с охотой».

Научные учреждения Академии Наук СССР, руководимой Сергеем Ивановичем, достигли значительных успехов в выполнении исторической задачи, поставленной товарищем Сталиным перед советскими учеными, — не только догнать, но и превзойти в ближайшее время достижения науки за пределами нашей страны.

С. И. Вавилов уделял большое внимание планированию советской науки и внедрению научных достижений в народное хозяйство. Воодушевленный решениями партии и правительства о строительстве гигантских гидротехнических сооружений коммунизма, Сергей Иванович возглавлял работу ученых по оказанию помощи великим сталинским стройкам.

Сергей Иванович неуклонно проводил в жизнь указания товарища Сталина о приобщении к науке широчайших народных масс. Выполняя большие государственные и научные обязанности, С. И. Вавилов стоял во главе массового движения советских ученых по распространению политических и научных знаний среди трудящихся. Сергей Иванович сам являлся талантливым популяризатором науки. Его произведения «О теплом и холодном свете», «Глаз и солнце» и многие другие представляют образцы популяризации современных достижений науки.

В течение многих лет он возглавлял Комиссию Академии Наук по изданию научно-популярной литературы, являлся главным редактором научно-популярного журнала «Природа», редактировал большое число изданий для народа.

С. И. Вавилов являлся главным редактором нового издания Большой Советской Энциклопедии, призванного обобщать все достижения науки и культуры.

Велика и разнообразна научно-организационная деятельность, которую вел академик Вавилов. Он был Президентом Академии Наук СССР, председателем Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний, председателем Комитета по координации научной деятельности академий наук союзных республик. На этих ответственных постах академик Вавилов с исключительной энергией руководил организацией научной работы и подготовкой научных кадров в центре и на местах.

Широко известна деятельность С. И. Вавилова как пламенного борца за дело мира во всем мире. Беззаветное служение великому делу Ленина — Сталина, жизненным интересам советского народа снискало Сергею Ивановичу глубокое уважение и любовь трудящихся нашей страны. Начиная с 1935 года, С. И. Вавилов был депутатом многих созывов Ленинградского и Московского Советов, депутатом Верховного Совета РСФСР и Верховного Совета СССР.

Советское правительство высоко оценило выдающиеся заслуги академика Вавилова перед Родиной. Сергей Иванович был дважды награжден орденом Ленина, орденом Трудового Красного Знамени и медалями Советского Союза.

Советский народ будет свято чтить светлую память о Сергее Ивановиче Вавиллове, выдающемся ученом и патриоте нашей Родины, отдавшем все свои силы и знания великому делу строительства коммунизма в СССР.

Академия Наук СССР

ВОПРОСЫ ОБЩЕЙ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

М. О. КОСВЕН

ПРОБЛЕМА ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ ГОРСКИХ НАРОДОВ КАВКАЗА В РАННЕЙ РУССКОЙ ЭТНОГРАФИИ

1

С той поры, как Россия начала становиться государством многонациональным, русская наука, в частности русская этнография, стала близко знакомиться с различными в той или иной мере отсталыми народами. Все эти народы, — народы Поволжья, восточноевропейского Севера. Сибири, Средней Азии, — стоявшие на разных ступенях развития, обладали каждый значительными культурными особенностями. Таким образом, к тому времени, когда Россия вступила в более близкое соприкосновение с горскими народами Кавказа, т. е. к середине XVIII в., русским людям уже были хорошо знакомы различные формы общественного строя.

И тем не менее, общественный строй горцев Кавказа, с их иногда довольно высокими формами политического устройства, довольно развитыми формами примитивного народовластия, с их особой «вольностью» и вместе с тем весьма устойчивым общественным порядком, весь этот строй, — наряду с крайней отсталостью материальной и хозяйственной культуры, — должен был представляться русским наблюдателям совершенно иным, особо своеобразным и вызывать особый интерес.

Не удивительно поэтому, что с самого начала появления русских описаний горских народов Кавказа особое внимание в этих описаниях уделяется общественному строю, причем явственным образом сказывается преобладание интереса к общественным формам и отношениям над интересом к прочим сторонам культуры и быта.

Первоначально, конечно, это только описания. Но уже сравнительно очень рано начинают появляться и соответствующие оценки, характеристики и определения общественного строя различных народов Кавказа¹.

Прежде всего, русские наблюдатели горских народов Кавказа не могли не обратить внимания на своеобразный характер тех коллективов, которые являлись основными общественными ячейками горцев. Эти ячейки образовывали либо отдельные селения, либо тесно между собой

¹ Настоящий очерк основывается в качестве источников только на печатных материалах. Нет сомнения, что привлечение архивных материалов не только расширило бы конкретные данные, но внесло бы и новые, существенные, черты. Однако исследование богатейших архивных фондов по этнографии Кавказа составляет еще очередную задачу.

связанные небольшие группы селений, пользовались во многих отношениях независимостью, имели хорошо развитое самоуправление и т. д. Такие туземные коллективы стали в русском словоупотреблении обозначаться неопределенным термином «общество». При этом, наблюдаемая действительность заставляла различать, с одной стороны, «общества», которые входили в более или менее развитые и сложные политические образования, подчиненные княжеской, ханской или иной подобной власти, и, с другой стороны, «общества», которые не состояли в таком подчинении и сохраняли полную или почти полную независимость. Эти последние получили название «вольных обществ». Некоторое распространение получило также обозначение этих «вольных обществ» и их союзов как «республик». Все эти термины появляются в XVIII в. и начинают распространяться в XIX в.²

Интересную, — насколько нам известно, наиболее раннюю, — характеристику формы управления таким «обществом» находим мы в виде отрыва об одном из горских народов Кавказа, а именно, абадзехах, в записке, составленной асессором иностранных дел Бакуниным в 1743 г. на основании показаний находившихся тогда в Петербурге кабардинских и кумыкских «владельцев» Атажукина, Гиляксанова и Хамзина³. «Владельцев», — говорится здесь, — не имеют, а правят между ними старики. Закона никакого не содержат, а правят между ними старики. В этом отрыве середины XVIII в. охарактеризованы те черты распадающегося родового строя, которые зарубежная буржуазная этнография подметила только в начале XX века и выделила под неудачным названием «геронтократии».

Первую развернутую характеристику общественного строя горских народов Кавказа дал в начале XIX века С. М. Броневский⁴.

В своем широко известном труде, представляющем собой первое в русской литературе общее, обширное и разностороннее сочинение о Кавказе, в частности и первое собрание соответствующих этнографических сведений⁵, Броневский писал: «Три главные виды правления: монархическое, аристократическое и демократическое, известны также на Кавказе, но смешение оных чрезмерно, наипаче двух первых видов». И ниже: «Оба... вида правления в Кавказе, т. е. монархическое и аристократическое, еще правильное можно назвать феодальным, потому что князья и ханы, не исключая царя имеретинского, все разделяют власть с своими вассалами, а разность состоит только в степенях власти и относительно их могущества» (ч. I, стр. 38 и 39). В другом месте, описав сословное

² Употребление перечисленных терминов в XVIII в. прослеживается по различным ссылкам на документы XVIII в., их употребление в начале XIX в. прослеживается по документам, опубликованным в «Актах, собранных Кавказской Археографической Комиссией», начиная с I тома.

³ Материалы по истории Осетии (XVIII в.), т. I, «Известия Северо-Осетинского н.-и. института», т. VI, 1934. — Составитель цитируемой записки — Василий Михайлович Бакунин (ум. в 1766 г.), советник Иностранной коллегии, переводчик и писатель. О нем: Азбучный указатель имен русских деятелей для Русского биографического словаря, ч. I, в книге: «Сборник Русского Исторического общества», т. 60, СПб., 1887.

⁴ Семен Михайлович Броневский (1763—1830) — офицер; участвовал в 1796 г. в Персидском походе, остался затем на военной службе на Кавказе; в 1801 г. перешел на гражданскую службу и состоял правителем дел канцелярии главноначальствующего на Кавказе (при Цицианове и Гудовиче); позже служил в Петербурге, в Департаменте иностранных дел, а в последние годы своей жизни был градоначальником г. Феодосии. О нем: 1) некролог — «Московские ведомости», 1831, 11; 2) Русский биографический словарь, 1903.

⁵ Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским, 2 части, М., 1823. Приложением к этому сочинению является: Карта кавказских земель с частью Великой Армении, изданная Семеном Броневским к описанию Кавказа, составлена А. Максимовичем, СПб., 1823.

деление кабардинцев, Броневский заключал: «Из сего явствует, что феодальная иерархия, учрежденная у кабардинцев,... мало разнствует от внутреннего управления России во время удельных князей» (ч. II, стр. 113—114).

Объединив, таким образом, монархический и аристократический виды правления общим обозначением феодального, Броневский сводит формы правления народов Кавказа к двум основным видам: феодальному и демократическому. При этом, относя к демократическому виду правления менее развитые народности и группировки Кавказа, Броневский называет одни из них «вольными обществами», другие — «республиками», третьи — «федеративными республиками».

Такова первая в истории науки попытка общей характеристики общественного строя горских народов Кавказа и вместе с тем попытка установить различные формы этого строя. Различая две основные формы: феодальную и демократическую и отмечая существующее нередко на Кавказе «смешение» этих форм, Броневский говорит о наличии в феодальном строе горских народов Кавказа элементов демократизма, о том, следовательно, что мы бы назвали первобытно-демократическим, или первобытно-общинным, укладом в феодальном обществе. Отметим замечательное для своего времени сближение у Броневского кавказского феодализма с русским феодализмом удельной эпохи.

Начиная с этого времени, в последующей кавказоведческой литературе распространяется для различных народов, в различных вариантах и формулировках, употребление всех вышеуказанных оценок и определений общественного строя, с отнесением отдельных народов к той или другой из названных двух основных форм.

Так, неизвестный русский офицер, являющийся автором напечатанного на французском языке в 1824 г. очерка, посвященного так называемым джаро-белаканским лезгинам, называет их общественное устройство «федеративной республикой» и описывает их управление, основанное на «общинных началах» и состоящее из главы селения, совета стариков, общего собрания всей общины — джамаата и, наконец, собрания в особо важных случаях всей «нации»⁶.

В 1827 г. И. Т. Раджицкий определяет общественный строй кабардинцев как «феодальное управление»⁷. Автор исходящей из Министерства иностранных дел компилятивной записки 1830 г. «О закубанских народах», говоря об общественном строе этих народов и их внутренних отношениях, пишет: «Сие напоминает о феодальном устройстве, существовавшем в средние века в Западной Европе»⁸. Несколько позже, в 1837 г., М. Ведеников, характеризуя общественное состояние горцев Северного Кавказа, пишет: «Все эти племена разделяются на многие мелкие общества, не связанные между собой никакой властью, никакими гражданскими уставами, но составляющие как бы отдельные республики». И ниже: «Некоторые племена управляются князьями,... коих власть

⁶ Sur l'état actuel des Lesguis, peuple caucasien (Communiqué par un officier russe à un voyageur français), «Nouvelles annales des voyages, de la géographie et de l'histoire», 6, 1824, novembre; немецкий перевод: Die Lesghier, ein Kaukasusvolk, «Neue allgemeine geographische und statistische Ephemeriden», 15, 1825.— «Лезгинами» в те времена и позднее нередко называли все народности Дагестана. На деле население Джаро-Белаканского округа составляли в основном аварцы. Мы сохраняем в нашем изложении терминологию источников.

⁷ И. Раджицкий, Законы и обычаи кабардинцев; очерк этот, составленный, согласно указанию автора, в 1827 г., был напечатан лишь в 1846 г.: «Литературная газета», 1846, 1—2. Автор — Илья Тимофеевич Раджицкий — офицер-артиллерист, участник Отечественной войны, долго служил на Кавказе; известен своей литературной деятельностью, а также как выдающийся ботаник. О нем: Русский биографический словарь, 1910.

⁸ Акты Кавказской Археографической Комиссии, VII, 1878, стр. 890.

однакоже весьма ограничена»⁹. В 1841 г. Д. Зубарев, говоря о джаро-белаканских лезгинях, отмечает: «Правление в Джаро-Белаканской области было республиканское»¹⁰.

Особый интерес в числе этих ранних характеристик общественного строя горцев Кавказа представляет следующий отзыв, принадлежащий Н. П. Колюбакину, содержащийся в его статье «Взгляд на жизнь общественную и нравственную племен черкесских»¹¹.

Содержание этой статьи составляет общая характеристика адыгов, имеющая целью показать, что это не «дикари», а народ с устойчивым общественным строем и прочным, хотя и неписанным, правом. «Мы призывали,— пишет Колюбакин,— называть дикарями все непокорные или недавно покорившиеся племена Кавказа». Это — заблуждение. Всем им свойственны оседлость, господство обычаев, получивших «святость законов», и т. д. Описав, как все спорные дела разрешаются у них в народных собраниях, Колюбакин говорит: «Таковые собрания, не представителей народа, а целого народа и не в пышных зданиях, а под чистым небом, в долинах, освященных важным событием или прахом усопших праотцев,— не могли не дать всем действиям племени некоторой правильности, не связать некоторыми узами всех соплеменников. В постановлениях всех этих обществ обозначаются хотя грубые очерки какой-нибудь формы правления: тут феодального, там — демократического».

Итак, уже очень рано, с начала XIX в., русские наблюдатели и исследователи горских народов Кавказа совершенно отчетливо себе представляли, что эти народы не «дикари»,— кстати сказать, это слово почти никогда не встречается в русской этнографической литературе по Кавказу, а если встречается вообще, то вызывает протест, какой мы видим, например, сейчас со стороны Колюбакина,— что эти народы отнюдь не обезличенные, одинаково отсталые, «первобытные» и проч. племена. Русские исследователи горских народов Кавказа совершенно отчетливо себе представляли, что эти народы стоят не на одинаковом уровне общественного развития, а находятся на различных его ступенях. Эти разные ступени были определены Броневским как феодальная и демократическая, и данная квалификация входит в научный оборот. При этом, общественный строй таких сравнительно развитых народов, как кабардинцы, уверенно квалифицируется как феодальный, но для общественного строя менее развитых народов еще не найдено адекватного определения и термина. Это — «вольное общество», «республика», «республиканское правление» или синонимично — «демократическое правление», наконец, «федеративная республика».

⁹ М. Ведеников, Взгляд на кавказских горцев, «Сын отечества», 1837, ч. 188, стр. 36.— Личных сведений об этом авторе мы не нашли.

¹⁰ Д. Зубарев, Поездка в Кахетию, Тушетию, Пшавию, Хевсурию и Джаро-Белаканскую область, «Русский вестник», 1841, 6.— Дмитрий Зубарев является также участником известного коллективного труда «Обозрение российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношении», 4 ч., СПб., 1836.— Личных сведений о нем мы не нашли.

¹¹ Газета «Кавказ», 1846, 11; перепечатано: 1) «Сборник газеты «Кавказ», 1846, I полугодие, Тифлис, 1847; 2) «С. Петербургские ведомости», 1846, 89.— Николай Петрович Колюбакин (1810—1868), окончив Царскосельский лицей в 1829 г., служил на военной службе; в 1834 г. за нарушение воинской дисциплины был разжалован в солдаты с отсылкой на Кавказ. В 1837 г. за геройский поступок был вновь произведен в первый офицерский чин. Прослужил затем на Кавказе до 1863 г., дослужившись до чина генерал-лейтенанта и должности кутаисского генерал-губернатора; с 1863 г.— сенатор в Москве. Имеются указания, что в раннюю пору своей службы на Кавказе Колюбакин вращался среди сосланных на Кавказ декабристов, был другом Бестужева-Марлинского и был знаком с Лермонтовым. О нем: 1) Военная энциклопедия, XIII (1913); 2) А. А. Колюбакина, Воспоминания, «Исторический вестник», 1894, 11—12 (воспоминания его жены, посвященные преимущественно мужу); 3) К. А. Бороздин, Закавказские воспоминания, Мингрелия и Сванетия с 1854 по 1861 год, СПб., 1885.

Так, сравнительно очень рано русская этнография делает свои первые, иногда уже довольно уверенные, шаги в оценке, определении и различении общественного строя различных горских народов Кавказа.

Но в свою очередь исключительно рано, уже в начале 40-х годов XIX в., русская этнография сделала и новый, крупный, шаг в познании общественного строя горских народов Кавказа.

Этот шаг и вместе с тем замечательное достижение русской науки состоит в том, что была обнаружена и выделена конкретная, живая, этнографическая форма того, что фигурировало под наименованием «демократической формы общественного устройства», «демократического правления» и пр. Этой этнографической формой явилась *родовая группа*, а заслуга первой констатации, можно сказать, открытия, равно как и характеристики этой формы принадлежит, датируясь 1843 годом, В. И. Голенищеву-Кутузову¹².

В 1843 г. Голенищев-Кутузов, в порядке исполнения служебного задания, связанного с предпринятым в начале 40-х годов военным ведомством собиранием адата горских народов Кавказа, составил довольно пространное «Описание гражданского быта чеченцев с объяснением адатного их права и нового управления, введенного Шамилем»¹³. Характеризуя здесь землевладение и землепользование чеченцев, Голенищев-Кутузов писал, что они жили первоначально маленькими группами — «племенами». Когда они расплодились, то «земли разделились между этими маленькими племенами или тохумами, как зовут их в Чечне, однако же не раздробились на участки между членами их, но продолжали попрежнему быть общою, нераздельною собственностью целого родства. Каждый год, когда настанет время пахать, все одноплеменники собираются на свои поля и делят их на столько равных дач, сколько домов считается в тохуме; потом уже жребий распределяет эти участки между ними. Получивший таким образом свой годовой участок делается полным его хозяином на целый год, зарабатывает его сам или отдает другому на известных условиях или, наконец, оставляет неразработанным, смотря по желанию».

А ниже Голенищев-Кутузов следующим образом характеризовал тохумный строй: «Каждый тохум, каждая деревня управлялась отдельно, не вмешиваясь в дела соседей. Старший в роде выбирался обыкновенно, чтобы быть посредником или судьей в спорах родственников; в больших деревнях, где жило несколько тохумов, каждый выбирал своего старика, и ссоры разбирались уже всеми стариками вместе»¹⁴.

¹² Василий Иванович Голенищев-Кутузов, офицер лейб-гвардии Семеновского полка, окончил в 1834 г. Военную Академию; с 1836 по 1846 г. служил по генеральному штабу на Кавказе, на Левом фланге Кавказской линии; в 1846 г. в чине полковника был уволен в отставку по болезни (сведения заимствованы из книги: Н. П. Глиноецкий, Исторический очерк Николаевской Академии Генерального штаба, СПб., 1882, Приложение: Офицеры, окончившие курс Военной Академии и Николаевской Академии Генерального штаба по порядку выпусков с 1834 по 1882 г., стр. 32).

¹³ «Описание» Голенищева-Кутузова оставалось ненапечатанным в течение долгого времени, однако получило известность и использовалось. Довольно широко использовал эту работу, как это оговорил сам автор, А. А. Неверовский в своей статье «Краткий взгляд на Северный и Средний Дагестан в топографическом и статистическом отношениях», «Военный журнал», 1847, 5; отдельно: СПб., 1847. Еще более основательным образом «Описание» Голенищева-Кутузова было использовано неким И. Ивановым, статья которого «Чечня» («Москвитянин», 1851, № 19—20) представляет собой порой буквально воспроизведение текста Голенищева-Кутузова, которого, однако, Иванов не называет. Тот же текст, напечатанный анонимно, представляет собой статья «Чечня» в газете «Кавказ», 1851, 95—98 (не окончено). Полностью работа Голенищева-Кутузова была напечатана впервые в книге: Ф. И. Леонтович, Адаты кавказских горцев, Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа, 2 ч., Одесса, 1882—1883; см. ч. II, стр. 78—124.

¹⁴ Ф. И. Леонтович, Указ. соч., II, стр. 78—80 и 82.

Новые образцы первобытных общественных форм были обнаружены и охарактеризованы вскоре затем в другом районе Кавказа — среди лезгин Джаро-Белаканской области — О. И. Константиновым. В статье «Джаро-белаканцы до XIX столетия»¹⁵, составленной, видимо, не на основании личных сборов, а по каким-то официальным, архивным, документам, Константинов дал характеристику общественного строя лезгин, их отдельных «обществ» — джамаатов, с разделением их на «тохумы, или фамилии», организации управления в этих «обществах», земельных отношений и пр. Общественную структуру лезгин Константинов описывает следующим образом: «Общество (джамаат) разделялось на тохумы, или фамилии; каждая из них заключала в себе не только всех близких и дальних родственников, но даже и тех, которые, вышедши из разных мест, присоединялись к оной, приняли ее название и поселились на принадлежащем ей участке земли».

В приведенных описаниях Голенищева-Кутузова и Константинова содержится ряд новых, весьма существенных, элементов характеристики общественного строя горских народов Кавказа.

В своем описании чеченцев Голенищев-Кутузов впервые представил в качестве основной общественной ячейки группу, которую он именует одинаково: «племенем», «родством», «родом», либо местным названием — «тохум». Тохум — иранский термин, «семья», был распространен на восточном Кавказе, равно как и в других странах, куда проникало иранское влияние, в качестве обозначения родственной группы. На западе Кавказа таким термином сделалась «фамилия». Насколько мы могли проследить, именно у Голенищева-Кутузова термин «тохум» в русских источниках появляется впервые. Вслед за Голенищевым-Кутузовым Константинов описал «тохумы, или фамилии», у лезгин.

Мы имеем у названных авторов и следующие черты этой общественной формы. Тохум образует отдельное селение, либо несколько тохумов составляют большое селение. В том и другом случае тохум представляет собой самоуправляющуюся единицу, возглавляемую старшим. По Голенищеву-Кутузову, как можно заключить из его текста, тохум состоит исключительно из родственников, по Константинову, у лезгин Джаро-Белаканского округа тохум, или фамилия, уже включает не только всех родственников, но и выходцев из других мест, переселенцев. Тохум, по Голенищеву-Кутузову, состоит из некоторого числа домов. Таким образом, дом, домохозяйство, составляет наименьшую хозяйственную ячейку горского общества. Голенищев-Кутузов дает, далее, замечательное описание землевладения и землепользования тохума. Основной его чертой является общая, нераздельная, собственность на землю. Даже с размножением тохума земля не делится, а остается общей собственностью всего тохума. Вместе с тем, ежегодно, накануне пахоты, все члены тохума собираются на своих полях и делят их по числу домов в тохуме на равные доли, которые затем распределяются между домами по жребию¹⁶.

¹⁵ «Кавказ», 1846, 2—3; перепечатано: «Сборник газеты «Кавказ», 1846, I полугодие, Тифлис, 1847.— Осип Ильич Константинов (1813—1856), офицер-артиллерист, затем, с 1840 г., на гражданской службе на Кавказе, состоял при главнокомандующем; в 1846 г. стал одним из основателей газеты «Кавказ» и первым ее редактором; с 1848 г. служил в Петербурге чиновником особых поручений при Военном Министерстве; в 1854—1855 гг. состоял в штабе Крымской армии при командующем кн. М. Д. Горчакове; является автором ряда статей в газете «Кавказ», а также двух оставшихся в рукописи сочинений: «История русского владычества на Кавказе» и «История Севастопольской кампании». О нем: 1) «Русская старина», 1875, 11; 2) Энциклопедический словарь Брокгауза; 3) А. Зиссерман, Из кавказских воспоминаний, «Русский архив», 1896, 2, где Константинов аттестуется как «прекрасно образованный, даровитый».

¹⁶ Мы имеем здесь, между прочим, великолепную иллюстрацию к знаменитому месту у Цезаря в его описании германцев, где говорится о том, что земля подвергалась ежегодному распределению или переделу по родам и cognationes (мы перево-

В описаниях Голенищева-Кутузова и Константинова мы имеем и следующую за тохумом общественную форму — соединение нескольких тохумов в большую группу, образующую селение, которую Константинов именует «обществом» или «джамаатом». Отныне этот арабский термин, означающий «сход», «собрание», в свою очередь становится в кавказоведческой литературе распространенным обозначением как органа управления «обществом» — совета, образуемого, как указывает Голенищев-Кутузов, из представителей или глав тохумов, так и самого «общества» или общины, соединяющей несколько родовых групп — тохумов.

Итак, уже в 1843 г. русской этнографией была открыта основная общественная форма отсталых горских народов Кавказа. Для нее еще нет устойчивого термина (племя, родство, род, тохум, фамилия), но сущность этой формы совершенно определенная. Это, в основе своей и принципиально, родственная группа, являющаяся одновременно общественной единицей, имеющая свое основание в коллективном, нераздельном, владении землей. В Джаро-Белаканском округе, по свидетельству Константинова, эти тохумы, или фамилии, включают порой и не родственников; мы имеем здесь, следовательно, уже и распадное состояние данной формы.

Таким образом, уже в 40-х годах XIX в. русская наука подошла к раскрытию основания и сущности той установленной ею незадолго до того на Кавказе «демократической формы общественного устройства», или «республики», в которой выражалось состояние менее развитых горских народов и которая вместе с тем была в известной мере присуща (составляла уклад, сказали бы мы) более развитым, феодальным, народам. В основе этого демократического устройства лежала форма, которая, еще неуверенно именуясь, представляла собой широко распространенную в то время на Кавказе родственную группу — тохум, или фамилию, ту группу, которая является одним из концентрических кругов рода, группу, которую мы называли патронимией. Наряду с этой группой русская этнография Кавказа обнаружила и более широкую группу, состоящую из нескольких тохумов, представляющую собой, в зависимости от ее социально-экономического состояния, либо в свою очередь родовую группу, следующий концентрический круг рода, либо уже территориальную, соседскую общину, получившую название «джамаат».

Так, — можно с полным основанием сказать, — уже в 40-х годах XIX в. русская наука вплотную подошла на Кавказе к проблеме родового строя и соседской общины, — достижения, с точки зрения истории общественной науки, — крупнейшие.

II

Новый шаг вперед в исследовании и оценке общественного строя горских народов Кавказа был сделан в 50-х годах XIX в. на материале преимущественно этнографии адыгов.

Здесь надо прежде всего назвать «Этнографический очерк черкесского народа» К. Ф. Стал я¹⁷. Эта работа является результатом трехлет-

дим: патронимиям), с пресловутым замечанием: qui tum una coierunt. См. об этом нашу статью: Патронимия у древних германцев, «Известия Академии Наук СССР, Серия истории и философии», т. VI, № 4, 1949. — Если бы мы раньше обратили должное внимание на это описание Голенищева-Кутузова, то не преминули бы его цитировать в данной статье и этой иллюстрацией к Цезарю, заимствованной из кавказской этнографии, значительно лучше смогли бы объяснить суть дела. Вообще, быть может, если бы описание Голенищева-Кутузова приобрело известность своевременно, оно давно избавило бы комментаторов Цезаря от затруднений и ошибок перевода этого соегиунт: совершенно ясно, что речь здесь идет именно о том, что родственники сходились все вместе на поле для производства раздела земли.

¹⁷ Карл Федорович Стал я, род. в 1817 г., учился в Дворянском полку, откуда был выпущен в 1837 г. прапорщиком; в 1842 г. окончил Военную Академию; с 1844 по 1859 г. служил в частях Кавказской линии, затем — командиром полка в России;

них, в 1846—1848 гг., наблюдений и сборов автора во время его службы за Кубанью. Согласно его же указанию, он в 1852 г. дополнил и доработал свою рукопись при помощи абадзеха, прапорщика Омара Берсеева¹⁸.

«Этнографический очерк» Сталья относится преимущественно к адыгам, частично к кабардинцам. Анализируя общественный строй различных адыгейских племен, Сталь констатирует значительное различие в их общественном развитии и делит их на аристократические и демократические общества. Обобщая свою характеристику социального строя адыгов, Сталь пишет: «Община есть первая ступень политического быта каждого народа. Община является первоначально самобытной единицей, в которой семейства или роды все одного происхождения и имеют одни и те же интересы. Община, по мере увеличения своего, раздроблялась на большее или меньшее число общин, которые тотчас отделялись друг от друга и образовывали каждая самостоятельное целое. Устройство общины или колена (*gens, φυλη*) есть первое политическое устройство человека». И ниже: «В этом-то первобытном коленном устройстве остались с незапамятных времен кавказские горские народы». Весьма любопытно еще у Сталья сближение кавказских горцев с гомеровскими греками: «все черты древнего быта эллинов,— пишет он,— описанные... Гомером, вы найдете в настоящее время существующими в быту кавказских горцев».

Поскольку Сталь употребляет термин «род», поскольку он рядом с термином «колono» ставит *gens*, мы не сделаем натяжки, если скажем, что его выражение — «коленное устройство» — можно читать как «родовое устройство». Таким образом, можно сказать, что в этом замечательном для своего времени высказывании Сталь, с обычной для той эпохи нечеткостью терминологии, определил общественное состояние горцев Кавказа как состояние родового или общинно-родового строя.

Родовой строй у адыгов констатировал и другой их исследователь — Н. И. Карлгоф¹⁹. В двух своих работах, посвященных адыгам²⁰.

в 1866 г. вышел в отставку с производством в генерал-майоры; в 80-х годах жил в Одессе. О нем: 1) биографические данные, приводимые издателем его работы Е. Г. Вейденбаумом (см. ниже); 2) Ф. И. Леонтович, Адаты кавказских горцев, I, стр. 77; 3) Н. П. Глиноецкий, Указ. соч., стр. 51.— Работа Сталья, оставшаяся в рукописи, использовалась многими, была, в частности, использована Н. Ф. Дубровиным в его известном сочинении «История войны и владычества русских на Кавказе», т. I, «Очерк Кавказа и народов, его населяющих», СПб., 1871. Свообразным порядком использовал работу Сталья, получив ее рукопись лично от автора, Ф. И. Леонтович, который, сделав из нее обширные заимствования на тему о сословном делении и по различным разделам обычного права, поместил этот текст в виде записи обычного права адыгов в своем сборнике «Адаты кавказских горцев», ч. I, стр. 159—220. Наконец, полностью напечатал очерк Сталья известный кавказовед Е. Г. Вейденбаум, с предисловием, краткими примечаниями и биографическими данными об авторе, в «Кавказском сборнике», т. XXI, 1900, по рукописи Библиотеки Штаба Кавказского военного округа. Станным образом Вейденбауму остался, очевидно, неизвестным факт использования очерка Сталья Леонтовичем, и Вейденбаум не учел сообщаемых Леонтовичем некоторых личных сведений о Стале.

¹⁸ Прапорщик Омар Хатхомуевич Берсеев — в 50-х и начале 60-х годов состоял преподавателем черкесского языка в Ставропольской гимназии («Кавказский календарь» на 1853 и 1860 гг.).

¹⁹ Николай Иванович Карлгоф (1806—1877), с 1824 г. в офицерских чинах, в 1839 г. окончил Военную Академию; с 1845 г. на службе на Кавказе начальником штаба Черноморской береговой линии; с 1858 г. — генерал-майор, оберквартирмейстер Кавказской армии; с 1870 г. — генерал от инфантерии; с 1871 г. — член Государственного Совета; состоял помощником председателя Кавказского отдела Русского Географического общества. О нем: Н. П. Глиноецкий, Указ. соч., стр. 44, и «Кавказский календарь» за ряд лет.

²⁰ 1) Н. Карлгоф, Восточный берег Черного моря (Военно-статистическое обозрение Российской империи, т. XVI, ч. 10), СПб., 1853; 2) Н. Карлгоф, О политическом устройстве черкесских племен, населяющих северо-восточный берег Черного моря, «Русский вестник», 1860, 8.

Карлгоф указывал на сохранение у них родовых форм и отношений. «Все члены одной фамилии,— писал он в первой своей работе,— составляют между собой тесный союз... Под фамилией должно понимать целый род одного происхождения, княжеского, дворянского или простого, со всеми своими отраслями, достаточно сильный для своей самостоятельности». И ниже: «Фамилии состоят из многих семейств, которые, исходя от одного корня, могут иметь между собой отдаленную степень родства». Точно так же во второй своей работе Карлгоф писал: «Семейства одного родового происхождения или одной фамилии... составляют родовой союз на подобие прежних шотландских кланов».

Мы находим здесь,— опять-таки, при некоторой неустойчивости и нечеткости терминологии,— довольно четкое для своего времени определение родовой группы.

Из мелких кавказоведческих этнографических публикаций 50-х годов отметим следующее. Неизвестный автор обзора закубанских горцев, выделяя одну группу адыгов, пишет, что они распадаются «на несколько феодальных владений»²¹. В другой аналогичного рода записке о причерноморских адыгах говорится, что «внутреннее управление их феодальное»²². Наконец, К. С а м о й л о в²³ говорит о чеченцах, что они распадаются на племена, последние — на «общества», а эти последние на роды — тохумы. Общества, указывает далее Самойлов, первоначально состояли из семейств одного происхождения. С размножением семейств и превращением их в роды родство забывалось, происходило отделение родов, каждый род составлял отдельное общество, которое впоследствии в свою очередь делилось на семейства.

Резюмируя, что дало в области проблемы общественного строя горских народов Кавказа десятилетие 50-х годов, находим, что, наряду с новым признанием феодализма у некоторых групп адыгов, уверенно и отчетливо констатируется и довольно развернутое освещение получает их родовой или общинно-родовой строй, причем повторяются термины «род», или «родовой союз», со сближениями: «gens», «клан». Но наиболее значительным явлением нельзя не считать выставленное Сталем в универсально-историческом плане положение об общинно-родовом строе, как начальной форме общественной организации человечества, вместе с тем форме, сохраняемой горскими народами Кавказа. Таким образом, русским кавказоведением в 50-х годах XIX в. была прямо выставлена родовая или общинно-родовая теория.

Исследование общественного строя горских народов продолжает расширяться и углубляться в кавказоведческой этнографической литературе 60-х годов XIX в.

Это выражается, прежде всего, в том, что термины «род», «родовой союз», для Дагестана — «тохум» или «род-тохум», для северного и западного Кавказа — «фамилия», входят в сравнительно широкое употребление. Вместе с тем, наличие соответствующих групп констатируется рядом авторов и для ряда народов. Иногда это только краткая констатация или краткое упоминание, какие мы находим, например, для адыгов у М. И. Венюкова и Д. И. Романовского²⁴, чаще же более пространные отзывы и характеристики.

Так, например, выступивший в 60-х годах дагестанский этнограф И. М. Б а х т а м о в, описывая аул Чиркей, пишет, что в этом ауле «жили

²¹ Горские племена, живущие за Кубанью, «Кавказ», 1850, 94—96 и 98; см. № 95.

²² Горские народы, состоящие в ведении Черноморской кордонной линии, которые принесли покорность России до 1838 г., «Кавказ», 1858, 96.

²³ К. С а м о й л о в, Заметки о Чечне, «Пантеон», 1855, 9—10; см. № 9.— Автор — капитан, согласно его указанию, провел четыре года в Чечне; иных сведений о нем мы не нашли.

²⁴ М. Венюков, Очерк пространства между Кубанью и Белой, «Записки Русского Географического общества», 1863, 2; Романовский, Кавказ и Кавказская война, Публичные лекции, читанные в зале Пассажа в 1860 году, СПб., 1860.

и ныне живут шесть тохумов (фамилий)», перечисляя далее их происхождение, как вышедших из различных местностей²⁵. А. В. Комаров дает следующую характеристику дагестанского тохума. Тохум — «род», «родня», «тесный родственный союз». Чем сильнее тохум, тем большим уважением и безопасностью пользуются его члены. Никто не имеет права отделиться от своего тохума без особо уважительных причин. Весь тохум наблюдает за поведением своих членов, ибо отвечает за них. Каждый тохум имеет свое название или фамилию, большей частью по имени основателя. Многие тохумы издавна пользуются некоторыми особыми правами и привилегиями. «Особенно сильные тохумы, по числу членов или по уму и богатству представителей их, всегда имели сильное значение и влияние на дела не только своих селений, но даже целых обществ и владений»²⁶.

П. С. Петухов в обстоятельном очерке быта лезгин Кайтаго-Табасаранского округа писал: «Уздени делятся на роды (тохум). Личная численность составляет силу рода и его значение в селении, поэтому родство помнится и считается до отдаленнейших колен. Каждый род составляет как бы отдельное общество; он связан своими интересами и взаимной защитой...» и т. д.²⁷

Следующую характеристику тохума у лезгин Закатальского округа дает А. Ф. Пасербский. Упомянув о переселении лезгин с гор целыми тохумами, Пасербский пишет: «Слово тохум требует пояснения. Тохумы по своему внутреннему устройству очень напоминают собою греческие филы во времена Писистрата. Каждый тохум, — они сохранились и поныне, — составляет как бы одну общую семью — братство, из лиц, не только родственных между собой, но и посторонних, имеющих одни общие интересы. Сила и влияние тохума зависела от числа его членов. Теперь, при русском управлении, тохум имеет мало значения: влияние его распространяется только на ход тяжёбных споров и на другие домашние дела. Но в то время, когда лезгины пользовались самоуправлением, влияние тохумов имело и политическое значение: каждый тохум, как греческая фила, обязан был выставить определенное число воинов. Чтобы вполне понять значение тохумов того времени, необходимо сказать несколько слов о форме тогдашнего их управления. Из среды всего населения волей народа, или вернее, тохумов, избирались ежегодно четыре казия. В руках их сосредоточивалась вся власть и все управление: они решали спорные дела и, хотя руководились шариатом, и местным адомом, пользовались неограниченной властью и злоупотребляли ею на пользу тех тохумов, из среды которых были сами...»²⁸

²⁵ И. Бахтамов, Чирка или аул Чиркей, «Кавказ», 1863, 29—30. — Автор — Исаак Михайлович Бахтамов, в 60—70-х годах служил смотрителем интендантского магазина в Дербенте (по данным «Кавказского календаря» за 1866—1874 гг.).

²⁶ А. Комаров, Азаты и судопроизводство по ним, «Сборник сведений о кавказских горцах», 1, 1868, стр. 77. — Автор, Александр Виссарионович Комаров (1823—1904), в офицерских чинах с 1849 г., в 1855 г. окончил Академию Генерального штаба; с 1856 г. — на Кавказе, где прослужил около 30 лет; состоял начальником штаба Дагестанской области, Дербентским градоначальником, военным начальником Южного Дагестана; в 1880 г., в чине генерал-лейтенанта состоял начальником Военного народного управления на Кавказе до 1883 г., когда был назначен начальником Закаспийской области. О нем: 1) Военная энциклопедия, т. XIII (1913); 2) его некролог, «Известия Кавказского отдела Русского Географического общества», XVIII, 1906, стр. 266—268; 3) Н. П. Глиноецкий, Указ. соч., стр. 82.

²⁷ П. Петухов, Очерк Кайтаго-Табасаранского округа (В Южном Дагестане) «Кавказ», 1867, 7, 8, 12, 13, 15, 16; см. № 12. — Автор, Павел Семенович Петухов, офицер-артиллерист, состоял в 60-х годах помощником Кайтаго-Табасаранского окружного начальника, в конце 60-х и в начале 70-х годов, в чине полковника, начальником Хасав-Юртовского округа Терской области (по данным «Кавказского календаря» за ряд лет); он же автор ценных статей: «Из Нагорного округа», «Кавказ», 1866, 5, 35, 95, 97, 98 и «Кубачинское племя», «Кавказ», 1866, 86—87.

²⁸ А. Пасербский, Закатальский округ, «Кавказ», 1864, 48, 59—61; см. № 48; в переработанном виде: Очерк Закатальского округа, «Кавказский календарь» и

Наличие родового уклада констатируется и для Абхазии. И. И. Аверкиев указывает, что «основание политического строя жизни абхазского племени составлял союз родовой, фамильный»²⁹.

Следующее высоко интересное высказывание находим в принадлежащей перу П. Д. Краевича записке Сухумской сословно-поземельной комиссии от 1869 г.: «Союз родовой, отдельный союз каждой фамилии,— говорится здесь,— представляет первоначальную форму общественного устройства у всех народов. Вторую ступень составляет союз нескольких фамилий, соединившихся в одно целое в силу тех же причин и во имя тех же стремлений — вследствие необходимости противопоставления большой силы неблагоприятствующим внешним условиям и усложнения внутренних отношений, не находившего удовлетворения в родовом союзе. Абхазская община (акыта) представляет соединение родовых, фамильных, союзов, с преобладающим влиянием и значением одного какого-либо лица, одной какой-либо фамилии»³⁰.

Приведем, наконец, следующую характеристику общественного строя адыгов, принадлежащую П. Невскому. «Социальное устройство общества закубанских горцев,— пишет этот автор,— имело особенный, своеобразный характер. Каждое племя (clan) делилось на колена и роды... Аул, занимая нередко пространство в 1 кв. милю по причине своей разбросанности, заключал около сотни дворов; эта сотня управлялась старшиной и составляла как бы отдельную республику; следовательно, каждое племя — федерация нескольких подобных республик... Вообще, у всех закубанских племен правление было вполне республиканское, демократическое, за исключением убыхов, где преобла-

1866 год, Тифлис, 1865, где тот же текст в менее удачной редакции.— Автор, Александр Францевич Пасербский, состоял на гражданской службе на Кавказе в течение многих лет: в 1865 г., в чине коллежского регистратора, причисленным к главному управлению наместника, в 1888 г.— секретарем Тифлисского губернского по крестьянским делам присутствия, в 1896 г., в чине статского советника, правителем канцелярии Кутаисского военного губернаторства (по данным «Кавказского календаря» за указанные годы).

²⁹ Ив. Аверкиев, С северо-восточного побережья Черного моря, «Кавказ», 1866, 70, 72, 74, 76, 77, 80; см. № 74.— Автор — Иван И. Аверкиев — в 1864 и начале 1865 г. служил в рядах Гагринского, а потом Сухумского гарнизона (по указанию в статье: Абхазцы (Азег). По поводу сочинения г. Дубровина «Очерк Кавказа и народов, его населяющих», «Сборник сведений о кавказских горцах», 6, 1872; автором этой статьи является, по нашему мнению, член Сухумской сословно-поземельной комиссии подполковник артиллерии А. Н. Введенский); в «Кавказском календаре» на 1870 г. И. И. Аверкиев значится действительным членом Кавказского отделения Русского Технического общества. Иных сведений об этом авторе мы не нашли.

³⁰ Очерк устройства общественно-политического быта Абхазии и Самурзакани (Извлечение из трудов Сухумской сословно-поземельной комиссии, представленной в 1869 г.), «Сборник сведений о кавказских горцах», 3, 1870.— Очерк напечатан без указания автора. Автор — Петр Дмитриевич Краевич, — окончил Константиновское военное училище, откуда вышел подпоручиком в лейб-гвардии Финляндский полк; в 1859 г. окончил Военную Академию; с 1861 по 1880 г. служил на Кавказе по генеральному штабу на различных должностях; с 1867 г., в чине полковника, состоял председателем Сухумской сословно-поземельной комиссии; в 1877 г. участвовал в русско-турецкой войне и за боевые отличия был награжден золотым оружием и произведен в генерал-майоры; с 1880 г. командовал бригадой 38 пех. дивизии; дальнейшее неизвестно. Краевич является также автором книги: «Военный обзор Рюонского края», СПб., 1870, имеющей узко военный характер.— Принадлежность цитируемого нами очерка Краевичу устанавливается по указанию в вышеназванной (см. предшествующее примечание) статье А. Н. Введенского.— Научный сотрудник Абхазского научно-исследовательского института Ш. Д. Инал-Ипа любезно сообщил нам следующее любопытное извлечение из архивного документа: состоявший поверенным по делам князя Г. Д. Шервашидзе А. Пахомов, в своих «Замечаниях на записку ген. шт. полковника Краевича о поземельной собственности в Абхазии», полемизируя с Краевичем, называет его «зараженным коммунистическими идеями». — О Краевиче: Н. П. Глиноецкий, Указ. соч., стр. 104, и «Кавказский календарь» за ряд лет.

дал аристократический элемент» (подчеркнуто везде автором.— М. К.)³¹.

Если мы теперь также подытожим то, что в области интересующей нас проблемы дали 60-е годы, то прежде всего еще раз отметим, что констатация рода, родовой группы или родового строя для ряда народов Кавказа получает действительно широкое распространение. В своих характеристиках родовой группы, или — для Дагестана — тохума, ряд авторов отмечает те или другие черты, свойственные данной форме. Эти характеристики отчетливо отражают то обстоятельство, что в данную эпоху род у различных народов Кавказа находился в различном состоянии, причем везде уже был в состоянии значительного распада. Таким образом, уже тогда возможности его изучения были в известной мере ограниченными.

Замечательной для своего времени представляется характеристика данная Краевичем. Мы находим здесь положение о роде как универсально-исторической начальной основной общественной форме, далее, констатацию и различие рода, как первичной формы, и, составляющей «вторую ступень», союза родов, наконец, тезис о внешней и внутренней обусловленности обеих этих форм.

В характеристике Невского обращает на себя внимание новая попытка структурного различения племени, колена и рода, а также повторение знакомого нам сближения понятий республиканского и демократического.

Отметим, наконец, что вопрос о горском феодализме не нашел в рассматриваемом десятилетии себе выражения.

Нам остается еще отметить для начала 70-х годов XIX в. работы В. Б. Пфафа по истории и обычному праву осетин³².

Не вдаваясь в изложение взглядов Пфафа на общественный строй осетин, укажем только, что в работе, посвященной истории осетин, он дал, — правда, весьма наивное, — изображение феодализма в Осетии господствовавшего, по Пфафу, с XI и до, примерно, XV в., когда феодализм стал здесь падать, оставив, однако, пережитки, сохранившиеся до новейшего времени. В работе об обычном праве осетин Пфаф дал первую в кавказоведческой литературе широкую и разностороннюю характеристику родовых форм и отношений и родового права у определенного народа.

* * *

На этом мы наш обзор останавливаем.

70-е годы XIX в. составляют, как известно, крупный рубеж в истории науки о первобытности, в частности, в истории учения о родовом строе. Рубеж этот связан с именем Л. Г. Моргана и выходом в свет его «Древнего общества». В этнографическом кавказоведении этот рубеж смыкается со значительной вехой — началом нового периода, отмеченного этнографическими работами на Кавказе в 80-х годах М. М. Ковалевского.

Но вклад, который сделал Ковалевский в этнографию Кавказа, в частности в исследование общественного строя горских народов, связан теми достижениями общественной науки, которые к тому времени сказались. Это прежде всего — крупнейшие достижения русской исторической науки, для которой исследование, в частности рода, составляло традиционную тему, начиная еще с XVIII в. Нам довелось уже показать, что

³¹ П. Невский, Закубанский край в 1864 г. (Путевые воспоминания), «Кавказ» 1868, 97—101.— Личных сведений об авторе не найдено; как видно из текста, офицер.

³² В. Пфаф. Материалы для истории осетин, «Сборник сведений о кавказских горцах», 4—5, 1870—1871; его же, Народное право осетин, «Сборник сведений о Кавказе», 1—2, 1871—1872.— Владимир Богданович Пфаф — доктор прав, окончил Дерптский университет; в 70-х годах состоял преподавателем истории и географии во Владикавказской реальной прогимназии (по «Кавказскому календарю» за 70-е годы).

вопреки довольно распространенному взгляду, не Морган является первым создателем учения о роде, а учение это, или так называемая «родовая теория», имеет длительную, предшествующую Моргану и его предвещающую, историю и что крупнейшую заслугу в разработке этого учения имеет и ведущее место здесь занимает именно русская наука³³. Таким образом, проблема рода, как она изложена в ранних работах Ковалевского, равно как и его подход к изучению рода на Кавказе,— все это является в значительной мере результатом той разработки проблемы рода, которая была выполнена к тому времени русской наукой, результатом в частности обширнейшего накопления конкретных данных о роде у народов Сибири, Поволжья, Средней Азии и пр. Нельзя, конечно, ни игнорировать, ни преуменьшать и влияния на Ковалевского зарубежной науки, в частности учения Моргана, которого Ковалевский явился первым в России распространителем. Итак,— возвращаясь к истории русского этнографического кавказоведения, в частности к истории изучения родового строя горских народов,— мы должны сказать, что с 80-х годов, со времени работ на Кавказе Ковалевского, изучение проблемы рода на Кавказе идет уже в тесной связи с состоянием и развитием как русской, так и зарубежной историко-этнографической науки.

Но мы имеем все основания утверждать, что до того, в течение всего предшествующего времени, изучение родового быта горских народов Кавказа шло и развивалось совершенно независимо от каких-либо зарубежных влияний, идя вполне самостоятельным и оригинальным путем, неизмеримо намного впереди зарубежной науки, предвосхитив и опередив в частности Моргана на ряд десятилетий. Вместе с тем, стоит вне сомнения связь исследования родового строя народов Кавказа с развитием учения о роде в русской науке и с русской этнографией вообще.

Ссылаясь еще раз на наше исследование истории учения о роде в русской науке, мы можем сказать, что настоящий наш очерк не только дает новый, большой и яркий материал на тему о заслугах русской науки в разработке вопросов ранних форм общественного строя, разработке в частности проблемы рода, не только весьма значительно обогащает прежде нарисованную нами картину и еще более выразительным образом иллюстрирует наши положения, но демонстрирует еще большие заслуги русской науки в данной области.

Выше, по ходу нашего изложения, мы последовательно подытоживали достижения русской этнографии в изучении общественного строя горских народов Кавказа. Резюмируя сейчас наш обзор в целом, мы находим прежде всего, что еще в первые десятилетия XIX в. русская этнография установила для горских народов Кавказа два вида общественного строя: феодализм и общинно-родовой строй, причем кавказский феодализм связывался с наличием широкого общинно-родового уклада.

Мы не станем здесь вдаваться в вопрос по существу, говорить о том, насколько основательны и глубоки были в их конкретном применении эти определения, и не будем вдаваться здесь в критику отдельных выставленных положений и оценок. Ограничимся лишь некоторыми замечаниями.

Достаточно очевидно, что предложенная трактовка общественного строя некоторых народов Кавказа, как феодального, была лишь намечена и отнюдь не была ни обстоятельной, ни аргументированной. Более того, как это видно из нашего обзора, трактовка этого вопроса вообще не получила в изученное нами время какого-либо развития. Можно прямо сказать, что эта тема оказалась не под силу науке того времени, и надо признать, что, достаточно сложная, тема эта вообще не доступна трак-

³³ См. нашу книгу: Матриархат, История проблемы, М.—Л., 1948, в частности ч. I, гл. VI, специально посвященную истории проблемы рода, а также нашу работу: Проблема доклассового общества в эпоху Маркса и Энгельса. «Советская этнография», 1933, 2.

товке, без подлинно научного метода, т. е. марксистско-ленинского метода. Таким образом, тема эта и не могла быть поднята буржуазной наукой. И все же, немаловажную заслугу русской этнографии Кавказа составляет то, что, не обезличивая с точки зрения их общественного строя все горские народы Кавказа, она поставила, и притом уже очень рано, вопрос о горском феодализме.

Более доступной оказалась тема общинно-родового строя. Но и здесь, конечно, без исторического подхода, без марксистско-ленинского метода, любое исследование, хотя бы основанное на самом лучшем желании и усердии, должно было остаться ограниченным.

Надо учесть при этом, что все авторы, о которых мы говорили, далеко не были ни квалифицированными учеными, ни специалистами — историками или этнографами и отнюдь не занимались изучением общественного строя народов Кавказа специально. Все это были простые наблюдатели, преимущественно офицеры, — правда, нередко получившие высшее, военное или общее, образование, — занимавшиеся этнографией между делом, помимо своих прямых служебных обязанностей.

И все же, беря то, что в данной области было сделано русскими наблюдателями быта кавказских горцев за период до 70-х годов XIX в., имеем весьма не мало.

Говоря о наличии рода у различных народов, Энгельс заметил: «Недавно М. Ковалевский обнаружил и описал его у пшавов, хевсуров, сванетов и других кавказских племен»³⁴. Уместно сказать по этому поводу, что Ковалевский действительно впервые обратил внимание на род у группы горных грузин, однако род у кавказских народностей был обнаружен и описан еще задолго до Ковалевского, еще в 1843 г., Голенищевым-Кутузовым, а затем рядом других авторов.

Но русские исследователи того времени не только обнаружили и описали род, не только установили ряд присущих ему черт, в том числе основную и главнейшую его черту — коллективную собственность на землю, но и подошли к проблеме структуры родового общества, наметив и следующий концентрический круг, который был назван «союзом родов». Русские исследователи пошли и дальше в своем анализе общественной структуры наблюдаемых ими народов — они обнаружили и отчасти описали следующую примитивную форму — территориальную общину — «джамат». Наконец, не ограничившись этими этнографическими описательными констатациями в рамках Кавказа, русские исследователи обратились и к широким историческим обобщениям, выставив общинно-родовую теорию как положение универсально-историческое.

Это последнее достижение русской науки является, конечно, наиболее значительным. Надо вспомнить, что в ту пору, когда это замечательное обобщение было впервые сделано, а именно, в конце 40-х или в самом начале 50-х годов XIX в., в зарубежной общественно-исторической науке широко господствовала реакционная патриархальная теория, тогда как противопоставленная ей общинно-родовая теория еще только делала свои первые шаги, идя еще ощупью, притом двумя отдельными путями: несмелой и ограниченной постановкой вопроса о роде, причем только в отношении «арийских» народов, и весьма неопределенными еще экскурсами на тему об общине-марке.

Неизмеримо более прогрессивную позицию в вопросе о начальном строе занимала русская наука, в которой патриархальная теория никогда не находила себе места. Наряду с тем, общинно-родовая теория получила в России уже рано весьма широкое признание. В ногу с этим передовым течением русской науки шло и русское кавказоведение. Если установить место упомянутых обобщающих положений, выставленных в

³⁴ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1950, стр. 135.

кавказоведческой литературе 50-х годов, в общерусской историографии данного предмета, то это будет место между выступлениями Соловьева и Грановского.

Итак, достижения русской науки по исследованию общественного строя горских народов Кавказа и сделанные на этой основе обобщения должны занять видное место в истории учения о родовом строе, в истории учения о первобытном обществе, в истории русской исторической науки.

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА И ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

А. З. РОЗЕНФЕЛЬД

QAL'A (KALA) — ТИП УКРЕПЛЕННОГО ИРАНСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ

Термин qal'a широко распространен в арабском, тюркских и иранских языках, а также на всем Ближнем и Среднем Востоке в различных географических названиях и, в частности, в наименованиях населенных пунктов. В одних странах и областях этот термин встречается эпизодически, в других — буквально на каждом шагу. В качестве примера на исключительно большое распространение этого термина в топонимике можно указать на Туркменскую ССР, Таджикскую ССР, некоторые районы Закавказья, Крымский полуостров, а также районы Хорасана, Мазандерана, Фарса в Иране.

Все старые и современные словари персидского языка дают значение этого слова как «крепость», «цитадель», «замок»,¹ причем приписывают ему арабское происхождение. Однако в современном персидском языке существует и еще одно живое значение этого слова, не отмеченное ни одним из персидских словарей, но вполне реальное и конкретное: qal'a значит также «деревня, обнесенная высокой глинобитной стеной», «укрепленная деревня», в отличие от qarija или dih — «неукрепленной деревни». Это слово в таком значении употребляется и в современной персидской литературе² и в фольклоре.³

¹ 1818 г. Калькутта *فهرنگ برهان قاطع*; J. A. Vullers, *Lexicon Persico-latinum etymologicum*, 1864; И. Д. Ягелло, *Полный персидско-арабско-русский словарь*, Ташкент, 1910; А. Гаффаров, *Персидско-русский словарь*, т. II, М., 1927; S. Na'īm, *New Persian-English dictionary*, Тегеран, 1936; Б. В. Миллер, *Персидско-русский словарь*, М., 1950.

² У современного иранского писателя Садека Хедаята в рассказе «Зан-и ке мард-е ход-ра гом кард» говорится: *زرّین کلاه و مادرش و مهر بانو باگوگل که در راه به آنها بر خورد بطرف قلعه گلیء خود شان که برج و باروی بلند داشت رهسپار شدند* — «Зарринколах с матерью и Мехрбану вместе с встретившимся им по дороге стадом направились к их глиняной кале (деревне), которая имела высокие башни и стены» (Сб. рассказов «Сәе рошан», Тегеран, 1312 (1933), стр. 43). В другом рассказе того же автора «Тахте Абу Наср», действие которого происходит в Фарсе, упоминается «деревенская кала» (*یک قلعه دهاتی*) (Сб. «Саг-е вельгард», Тегеран, 1943, стр. 61).

³ См. А. А. Ромаскевич, *Персидские народные четверостишия*, ЗВОРГО, т. XXIII, вып. II:

غریب افتادم دور از ولایت
بسازم قلعه دور از ولایت

«Я оказался чуженином вдали от родного края... Построю я крепостцу (следовало бы: деревню) вдали от родного края» (стр. 108).

Селение qal'a (кала) достаточно хорошо описано различными авторами,⁴ а упоминание об укрепленных селениях в Иране, Афганистане,

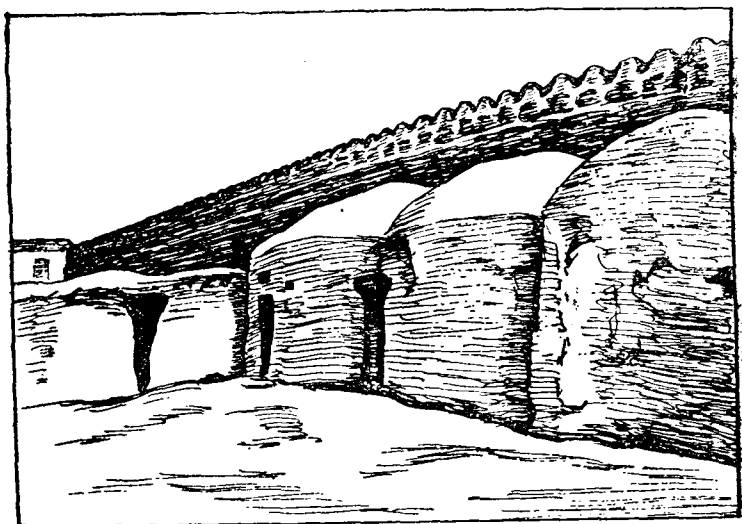

Рис. 1. Хорасан. Часть селения типа кала

а также на территории нынешней Туркменской ССР можно найти в каждой работе об этих странах. Автору данной работы пришлось лично наблюдать в Хорасане и окрестностях Тегерана селения типа

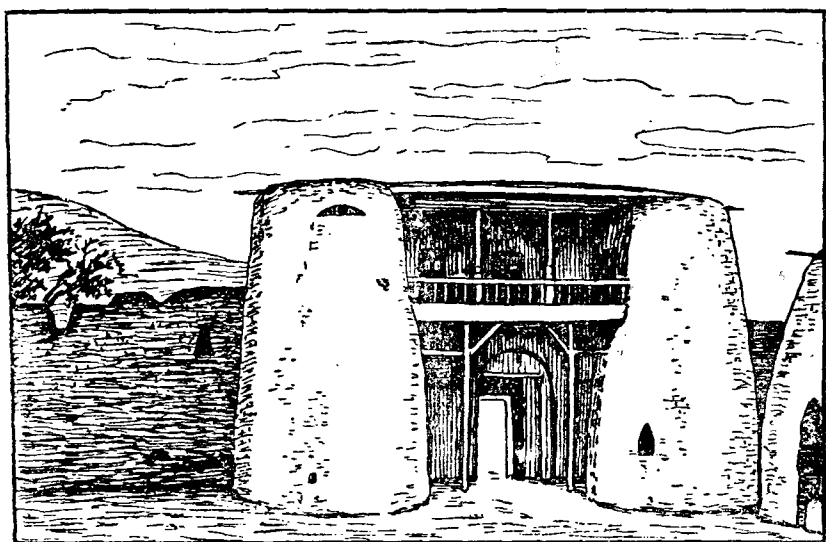

Рис. 2. Хорасан. Вход в селение типа кала

qal'a. Если мы суммируем литературные данные и прибавим к ним личные наблюдения, то в общих чертах получим следующий тип поселения, главным образом сельского, крестьянского, — «деревни».

⁴ См. Стрельбицкий, Записка о Восточном Хорасане, Сб. географических, топографических и статистических материалов по Азии, вып. LXII, СПб., 1895; И. Березин, Путешествие по Северной Персии, Казань, 1852, стр. 107—108.

Иранская (персидская) укрепленная деревня представляет собой правильной формы квадрат или прямоугольник, обнесенный глинобитной стеной, вышиной от 6 до 10 м. По углам расположены круглые башни, имеющие в настоящее время лишь декоративное значение. Иногда башневидные глиняные столбы, равные высоте стены или доходящие до ее половины, ставятся также вдоль всей стены через каждые 80—100 шагов. В одной из стен — огромные деревянные ворота с караульной башней наверху. Ворота, запирающиеся на ночь замком или подпираемые изнутри камнем, являются единственным входом в селение. Внутри стены расположены дома, которые фактически представляют вытянутые по длине стен комнаты, задняя стенка которых является частью стены, окружающей селение. Такие стены

Рис. 3. Шираз. Возведение куполообразной крыши (Музей антропологии и этнографии АН СССР (МАЭ), 4146—7).

в археологии получили весьма меткое наименование «жилых». Двери комнат выходят во внутренний общий двор. Каждая семья ютится в двух-трех таких комнатах, которые иногда располагаются таким образом, что между ними устраивается небольшой дворик. Комнаты обычно имеют куполообразную крышу, соединенную над всеми домами селения в одно целое. Встречается также и плоская кровля. В комнатах устраивается много ниш для хранения домашнего имущества. Комнаты или вовсе не имеют окон, или в стенах устраиваются узкие прорезы без стекол. Иногда дома ставятся в два этажа и нижний этаж в этих случаях используется как помещение для скота. Днем скот пасется за пределами селения и лишь на ночь загоняется вовнутрь. В одних селениях имеются специальные загоны для скота, которые также устраиваются вдоль стен, в других же скот ночует на площадке двора селения.

Сады, пашни, огороды расположены за стеной селения, вода также чаще всего находится за пределами стены. Численность населения весьма различна. В таких селениях, которые строятся и в наши дни, наряду с открытыми деревнями, живет от одной-двух до 100 и более семей.

Укрепленные поселения-деревни существуют в Иране повсеместно. Больше всего их в Хорасане, но они также имеются в Сеистане,

Исфагане, Фарсе, Хузистане и в северо-западных областях Ирана.⁵ В таких селениях живут не только иранцы (персы), но также курды, берберы, хезаре, различные тюркские племена. Эти селения у всех упомянутых народов также называются словом qal'a, которое часто входит составной частью и в наименование селения.

Рис. 4. Дома с куполообразной крышей в селении типа кала (Иран).
(МАЭ, 1163—38)

Селения в Афганистане по своему типу очень сходны с иранскими qal'a. Вот как описывает Н. И. Гродеков селение Шормас, расположенное вблизи перевала Хазрети баба: «Оно окружено стеною с башнями по углам. К стене примыкает ряд двухэтажных построек: в нижнем этаже помещаются лошади и коровы, а в верхнем — люди. Двор общий, 15 шагов в квадрате. Сюда на ночь загоняется скот, которому недостает места в нижнем этаже».⁶ Дома имеют куполообразную крышу. В другом месте этот же автор пишет: «Все поселения в Гератской области и Хорасане обнесены высокими стенами и тяжелыми воротами, заваливаемыми и по настоящее время на ночь огромными камнями».⁷ Обращает на себя внимание и еще одно замечание того же автора: «Мы двигались около селений, которые несмотря на близость Герата и огромный гарнизон его построены так же, как Шормас».⁸

Многочисленные указания на наличие укрепленных (огороженных высокими стенами) селений в Афганистане имеются у многих авторов:

⁵ По Хорасану и Сеистану см. Стрельбицкий, ук. соч.; Орановский, Военно-статистическое описание Северо-восточной части Хорасана, 1894, Сб. геогр., топогр. и стат. матер. по Азии, вып. LXXIII; Извлечение из отчета П. М. Власова о поездке в 1892 г. по сев. окр. Хорасана с приложением, Сб. геогр., топогр. и стат. матер. по Азии, вып. LII, 1893; для других областей см. И. Березин, ук. соч.; Туманский, От Каспийского моря к Хормузскому проливу и обратно, Сб. геогр., топогр. и стат. матер. по Азии, вып. LXV, 1896; E. Aubin, La Perse d'aujourd'hui Paris, 1908, стр. 269—270.

⁶ Н. И. Гродеков, Через Афганистан, Путевые записки, СПб., 1880, стр. 112.

⁷ Там же, стр. 89.

⁸ Там же, стр. 118.

«По дороге справа и слева от дороги от Газни до Гуй-Ахена селения; кишлаки крепостного типа; хутора огорожены огромными дувалами — земляными заборами в $2\frac{1}{2}$ —3 сажени высоты, напоминающие персидские деревни около Хамадана, Казвина».⁹ В таких селениях живут не только афганцы, но так же как и в Иране, берберы, хезаре и другие народы Афганистана.

В афганском языке (пашту) всякое селение называется *кала*, *кылай* (kelai),¹⁰ так же называется деревня и в языках иранской системы ормури и вазири.¹¹

Рис. 5. Узбекский дом в кишлаке Кыпчаинак возле Турткуля (Каракалпакская АССР), (МАЭ, 4078—24)

В укрепленных поселениях проживало и население современной Туркменской ССР — туркмены, узбеки, каракалпаки и часть узбеков, живущих в Узбекской ССР. Однако тип укрепленного поселения в Туркменской ССР и Узбекской ССР отличается от персидского и афганского, хотя имеет с ним много общих черт. Прежде всего это поселения хуторского типа. Это отдельные усадьбы, окруженные «толстыми и довольно крепкими глинобитными стенами, внутри которых расположены все хозяйственные постройки. Каждая усадьба является, таким образом, маленькой крепостью и таких крепостей в стране почти столько же, сколько узбекских хозяйств».¹² «Особенностью Хивинского ханства, — писал В. И. Масальский, — а также Аму-дарьинского отдела является отсутствие селений (кишлаков); узбеки селятся хуторами, причем жилище, помещающееся обыкновенно среди участка земли, принадлежащего узбеку, имеет вид небольшого укрепления, окруженного высокими стенами с огромными воротами и глинобитными башнями-столбами по углам. Изредка встре-

⁹ Н. И. Вавилов и Д. Д. Букиннич, *Земледельческий Афганистан*, Л., 1928, стр. 526.

¹⁰ См. Henry Walter Bellew, *A Dictionary of the Pukxhto or Pukshito language*, London, MDCCCLXVII, стр. 131; П. Б. Зудин, *Краткий афганско-русский словарь*, М., 1950.

¹¹ См. Grierson, *Linguistic Survey of India*, X, стр. 121.

¹² И. Магидович, *Хорезм. Территория и население Бухары и Хорезма*, кн. 2-я, ч. II, Ташкент, 1926, стр. 43.

чаются по 2—3 дома вместе, но в таком случае они принадлежат обыкновенно братьям или вообще близким родственникам».¹³

Часть туркмен (северная Туркмения) проживала в подобных же усадьбах на своих земельных участках: «...Я увидел издали крепостцу..., к одному концу которой примыкал садик... Это была крепостца Иль Гельда, она построена квадратом, по углам коего находились четыре башни; стены, сделанные из глины, смешанной с камнем, имели вышины $3\frac{1}{2}$ сажени, а длины 25. В крепостцу был только один въезд в большие ворота, которые запирались огромным висящим замком. Она принадлежала Ходжат Мегрему. В Хиве у всех почти помещиков есть такого рода строения без бойниц. Внутри делается небольшое водохранилище, несколько дворов, покои, кладовые, мельница и места для хранения скота... В Иль Гельде было человек 50 или 60 жителей, которые частью занимали комнаты, а частью помещались в кибитках, поставленных во дворе».¹⁴

В таких же усадьбах проживала часть каракалпаков: «Усадьба (хаули) каракалпака обносится обычно высокой глинобитной стеной высотой от 2 до 4 м с башнями (кунгра) по углам и напоминает своим внешним видом небольшую крепость (кала)».¹⁵ Значительная же часть каракалпаков раньше жила в юртах, которые летом ставились на пашнях или на местах выпаса скота, а «на зиму население собиралось большими группами по родовому признаку и переходило со всем своим имуществом и юртами в особые укрепления, обнесенные глинобитной стеной (кала)».¹⁶

Наконец, поселки городского типа в Туркменской ССР, где происходили базары, имели все тот же вид, будучи окруженными высокими стенами: «Все города ханства имеют довольно однообразный вид. Все они обнесены глиняными стенами толщиной внизу около трех сажен... Высота стены от 6 до 8 сажен... в стенах устроены одни или несколько деревянных ворот, навешанных на каменные столбы, увенчанные сверху уродливою сторожевою башней».¹⁷ Такой вид эти поселки сохранили до самого последнего времени: «Все небольшое пространство «базара» обнесено высокими (до 15 метров) глинобитными стенами; толщина их у фундамента около 5 метров; кверху они постепенно суживаются. В стенах устроены деревянные ворота, запирающиеся на ночь, со сторожевыми башнями, выложенными из кирпича. Таким образом хивинские «базары» устроены наподобие небольших крепостей».¹⁸

Значительная часть туркмен, а именно текинцы, населяющие предгорья Копетдага — Ахалтекинский оазис и некоторые другие районы, живут в открытых селениях, однако при селении, внутри его, имеется, крепость особой постройки: это прямоугольник с «жилыми» глинобитными стенами с одним входом и большой башней, сложенной из камня. Сюда в случае нужды укрывалось население деревни.¹⁹ Этого типа крепости также называются qal'a. Собственно, если не считать башни, то можно сказать, что в миниатюре они, так же как и вышеописанные укрепленные хуторские поселения, напоминают хорасанскую и афганскую укрепленную деревню. Укрепленные хуторские

¹³ В. И. Масальский, Туркестанский край, «Россия», т. XIX, СПб., 1913, стр. 750.

¹⁴ «Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 г. Гвардейского Генерального штаба капитана Николая Муравьева», Москва, 1822, стр. 95.

¹⁵ П. П. Иванов, Каракалпаки, «Советская этнография», 1940, № 4, стр. 30.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Гиршфельд и Галкин, Военно-статистическое описание Хивинского оазиса, Ташкент, 1902—1903, стр. 122.

¹⁸ И. Магидович, Хорезм, стр. 42.

¹⁹ См. М. Галкин, О туркменах восточного побережья Каспийского моря, Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю, СПб., 1868.

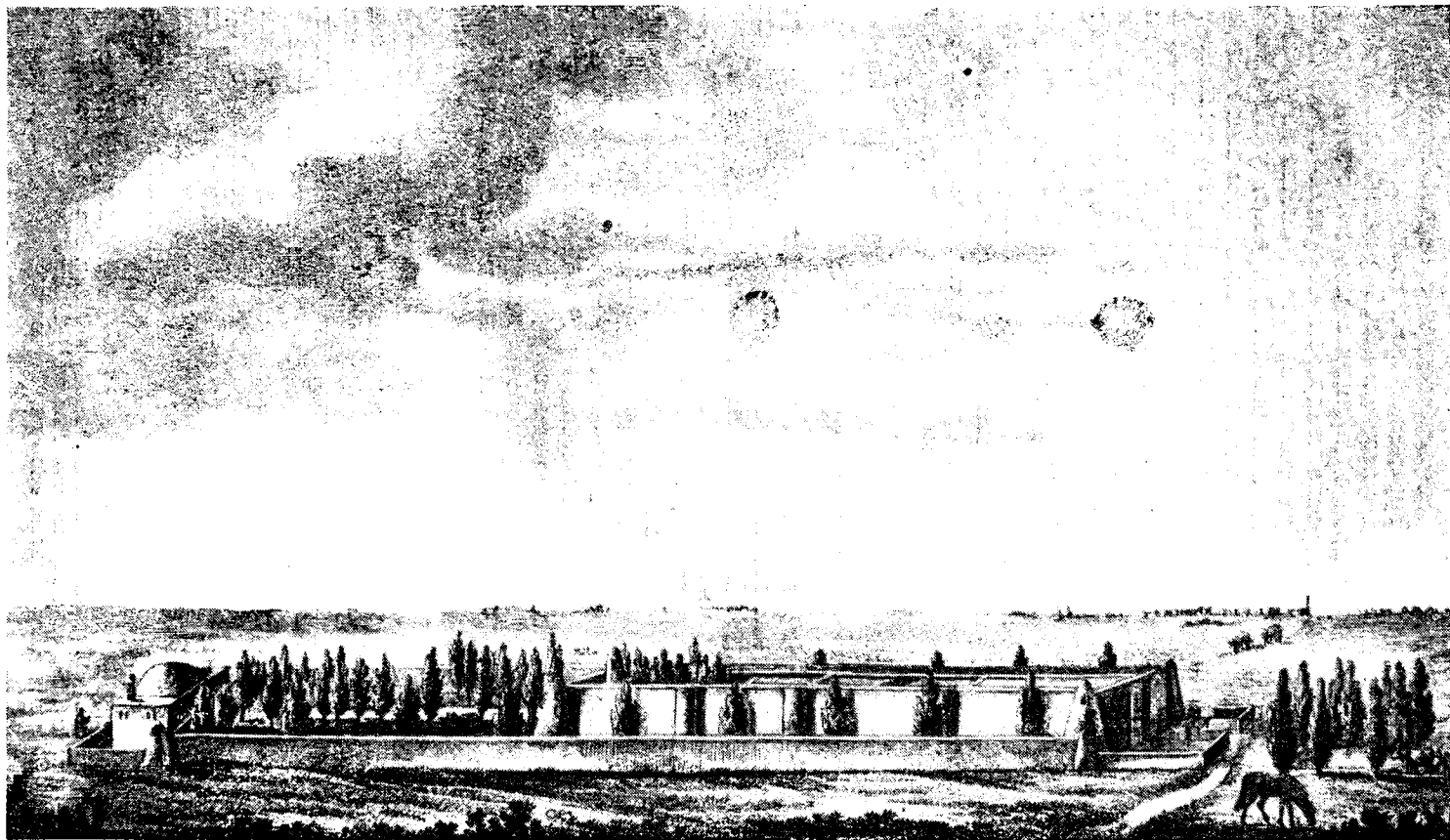

Рис. 6. Туркменская «крепостца» Иль-Гельды. Зарисовка Н. Муравьева (из книги «Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 г.»)

поселения, индивидуальные усадьбы, обнесенные высокой, часто зубчатой, стеной, у туркмен, узбеков и каракалпаков называются qal'a, или, смотря по району, куҭганча, хаули или джой.

Хуторские укрепленные поселения бытовали в низовьях долины Зеравшана в Узбекской ССР в районах со смешанным узбекским и таджикским населением: «В ряду построек весьма резко бросаются в глаза всюду разбросанные и отдельно стоящие по Зеравшанской долине дворы (кала или курганча). Они в большинстве имеют четырехугольную форму, высокие до 5 и более аршин вышины стены,

Рис. 7. Ворота и часть стены дома вблизи Самарканда. (Государственный музей этнографии народов СССР, 48—64)

оканчивающиеся кверху зубцами; по углам стен, а иногда и посредине, выведены закругления на манер барабетов. Хорошая курганча имеет вид крепостцы малых размеров, не обладая, однако, достоинствами последней в смысле обороны».²⁰

Хуторское расселение до сих пор имеет место в горном Таджикистане, например в Вахио-боло.²¹ Как указывает В. В. Бартольд, «в этнографическом отношении особенный интерес представляло бы изучение Хорезма, где сохранились до сих пор некоторые бытовые особенности, как хуторское хозяйство и первоначальный тип арбы, которые прежде были характерны для населения всего Туркестана; об этом свидетельствует сходство хорезмийских бытовых черт с бытом горных таджиков и кашгарцев».²²

В горном Бадахшане наряду с отдельными домами-усадьбами, подобными упомянутому выше хуторским поселениям Вахио-боло, встречаются

²⁰ А. Шишов, Таджики, Ташкент, 1910, стр. 100.

²¹ См. Н. А. Кисляков, Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-боло, М.—Л., 1936, стр. 100.

²² См. В. В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана, Л., 1927, стр. 34.

также и кишлаки (Бартанг), в которых сохранились крепости-замки *qalā*, окруженные высокими стенами с круглыми или четырехугольными башнями по углам (туп-хана). Дома внутри этих крепостей двухэтажные и тесно примыкают друг к другу. В таких крепостях спаслось местное население от постоянных набегов киргизов и афганцев, но после занятия края русскими жители пользовались ими как жилищами.²³ В афганском Бадахшане население живет в таких же селениях: «Тли маленький горный кишлак около р. Мунджан с 20 домами, с маленькой калой (крепостцой), характерной для деревень этого района. Кишлак же Калаи шоу сплошь состоит из крепостных построек, сооруженных лет 40 тому назад при Абдуррахмане для военных целей, ныне же населенных крестьянами-земледельцами (раятами)».²⁴

Джемшидская зимовка Чемени-бид (Туркменская ССР), МАЭ, 4561-1)

Таким образом, можно установить следующие типы селений, называемые *qal'a* (*kala*): укрепленная деревня (Иран — *qal'a*, Афганистан — *kelai*), укрепленная крестьянская усадьба (Туркменская ССР, Узбекская ССР), четырехугольная ограда, куда временно ставили свои юрты каракалпаки (Узбекская ССР); этим же термином называется четырехугольная ограда с квадратной или круглой башней при селении, служившая временным убежищем (Ахалтекинский оазис Туркменской ССР, советский горный Бадахшан, афганский горный Бадахшан).²⁵ Термином *qal'a* называются иногда также высокие башни.

В Таджикистане до Великой Октябрьской социалистической революции термином *qal'a* обозначалась резиденция местного правителя —

²³ См. И. И. Зарубин, Материалы и заметки по этнографии горных таджиков: Долина Бартагана, Сб. МАЭ, V, вып. 1, 1918, стр. 116.

²⁴ См. Н. И. Вавилов и Д. Д. Букиннич, указ. соч., стр. 114.

²⁵ Ср. также осетинские укрепленные усадьбы «галуаны»: «кау — родовое осетинское поселение с общими земельными угодьями, в которых находились укрепленные усадьбы «галуаны» с боевыми жилыми башнями и хозяйственными усадебными постройками» (Е. Г. Пчелина, Урсудонское ущелье в северной Осетии, Труды Отдела истории культуры и искусства Востока, IV, Л., 1947, стр. 133).

бека, представлявшая тип описанной выше укрепленной усадьбы. К названиям кишлаков, в которых находилась резиденция бека, обычно прибавлялось слово qal'a: Варзобкала, Лоджиргкала, Файзабадкала и т. п.

Словом kal'o у таджиков долины р. Панджшира в Афганистане обозначается дом крепкой постройки, служащий довольно надежным убежищем его владельцам.²⁶

Наличие укрепленных поселений разных типов на территории Средней Азии, Афганистана и Ирана, сохранение за ними термина qal'a, qalā, kalā, *кылай* (kala) ведет нас к далекой истории иранских народов.

Можно с определенностью говорить о том, что исконное древнее иранское население Средней Азии жило в укрепленных поселениях, а народы, пришедшие позднее на эту территорию, ассимилировавшиеся с местными аборигенами, восприняли их способ расселения. Что же касается хуторов-выселок и кварталов-домов²⁷ в горном Таджикистане, то они, несомненно, являются частью общей картины расселения древних иранских народов Средней Азии. Об этом свидетельствуют факты истории и археологические раскопки.

Открытия советских археологов за последние двадцать лет в Средней Азии — Хорезме, Семиречье, древней Согдиане (на горе Муг, Пенджикенте, Тали-барзу, Афросиабе), Ташкенте, в Фергане — дали исключительно богатый и разносторонний материал по истории этих областей и, в частности, по истории селения. Этот материал позволяет говорить о том, что современный тип укрепленного поселения с системой коридорообразного расположения отдельных, не сообщающихся между собой мелких комнат, восходит к глубокой древности.

Одним из наиболее древних типов поселений являются, по мнению С. П. Толстова, открытые им в Хорезме прямоугольные дома-кварталы с массой мелких комнат, в несколько этажей, относимые им ко второй половине I тысячелетия до нашей эры. Городище Топраккала является позднейшим общинным жилищем этого типа: «По обе стороны этой улицы расположены разделенные симметричными переулками 8—10 кварталов, из которых каждый представляет собой сплошной жилой массив без всяких признаков разделения на дома — огромный комплекс смежных комнат, число которых в одном массиве доходит до 200».²⁸ Подобные же дома-селения были найдены А. Н. Бернштамом в Ошской области: «Основная масса тепе представляет собой развалины отдельного укрепленного дома, стоящего в одной какой-либо стороне прямоугольного двора» (Шалтакское тепе),²⁹ а также в Фергане: «При завоевании Ферганы кушанами появляется новый тип поселений, бытующий всю первую и начало второй половины I тысячелетия нашей эры. Это укрепленные дома-замки типа Шалтак».³⁰ Как считает С. П. Толстов, этим поселениям предшествовали укрепленные поселения с «жилыми стенами», многочисленные остатки которых открывают советские археологические экспедиции на территории Средней Азии. Укрепленные поселения с «жилыми стенами» включают один из главных элементов последующего типа, а именно множество мелких комнат, расположенных коридорообразно вдоль стен. Этот же признак сближает древнейшие среднеазиатские многокомнатные

²⁶ См. М. С. Андреев, По этнологии Афганистана, Ташкент, 1927; *Юри ман дар kal'o* — подруга моя в кал'а (в укрепленном доме), стр. 78—79.

²⁷ См. Н. А. Кисляков, указ. соч., стр. 100; А. Шишов, указ. соч., стр. 101, 108, 109.

²⁸ С. П. Толстов, Новые материалы по истории культуры Древнего Хорезма, ВДИ, 1946, № 1, стр. 70.

²⁹ А. Н. Бернштам, Историко-культурное прошлое Киргизии по материалам большого Чуйского канала, Фрунзе, 1943, стр. 33.

³⁰ Там же, стр. 35.

постройки с позднелитическим поселением, открытым Херцфельдом в 1923 г. в Иране на холме вблизи Персеполя: «Постройки сделаны из битой глины с низкими тонкими стенами и состоят из множества мелких ульеобразных комнат. Здесь нельзя говорить о домах, комнаты составляют одно большое здание». По мнению Херцфельда, этот тип поселения вместе с найденными в нем предметами материальной культуры свидетельствует о существовании в то время матриархата и группового брака.³¹

Укрепленные поселения на холмах в форме четырехугольника строились и в древнем Иране. Таковы были поселения в Сузах,³² в Истахре,³³ в западной Мидии.³⁴ В сасанидскую эпоху также строились города и крепости четырехугольного плана.³⁵

Городища с «жилыми стенами» были открыты С. П. Толстовым в примыкающей к культурным областям Ташаузской области ТССР части Каракумской пустыни. Городища расположены на возвышенностях, очень крупных размеров, с обширным внутренним двором — загонем для скота. Вся жизнь была сосредоточена внутри массива мощных стен, заключающих в себе по два или три ряда параллельных узких коридорообразных жилых помещений, опоясывавших все городище.³⁶ Этот тип поселений С. П. Толстов относит к ахеменидскому времени, сближая его с четырехугольным варом, упоминаемым в Авесте.³⁷ Кроме того, устанавливая, что подобный тип поселений для Хорезма ахеменидского и эллинистического периодов был господствующим, С. П. Толстов высказывает мысль о том, что «скалы», засвидетельствованные историками походов Александра Македонского в Средней Азии у бактрийцев и согдийцев, были именно этого типа укрепленными поселениями.³⁸

Очень характерным для рассматриваемого типа является городище Тали-барзу в окрестностях Самарканда: «Все каре представляет собой единый строительный комплекс. Углы его укреплены башнями с бойницами. Между башнями идет ряд комнат, перекрытых потолками, сложенными из сырцового кирпича и глины. Внешняя стена комнат является и внешней стеной крепости. Комнат было не менее 500».³⁹

О существовании укрепленных поселений (деревень, усадеб, городов и замков) в Средней Азии в эпоху древности, раннего и позднего средневековья свидетельствуют все восточные, советские и европейские авторы. Чрезвычайно важно следующее замечание В. В. Бартольда: «Наряду с городами упоминаются (историками походов Александра. — А. Р.) укрепленные деревни; Бесс был покинут согдийцами

³¹ См. E. Herzfeld, *Iran in the Ancient East*, Archaeological Studies presented in the Lowell Lectures at Boston, Oxford University Press, London — New York, 1941, стр. 11 (цитирую по неизданной работе М. М. Дьяконова «Очерки по истории древнего Ирана». — А. Р.).

³² См. акад. В. В. Струве, *История древнего Востока*, ОГИЗ, 1941, стр. 61.

³³ См. E. Herzfeld, указ. соч., стр. 276, табл. XCII — XCIII.

³⁴ См. там же, стр. 213, табл. CCCXIV.

³⁵ См. Arthur Christensen, *L'Iran sous les sassanides*, Paris, 1936, стр. 451; В. А. Крачковская, К вопросу о градостроительстве на Востоке, «Советское востоковедение», т. V, 1948, стр. 322.

³⁶ См. С. П. Толстов, Городища с «жилыми стенами», Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК, вып. XVII, 1947, стр. 4—5; ср. также городище Джеты-асар (С. П. Толстов, По следам древне-хорезмийской цивилизации, М. — Л., 1948, стр. 135—136).

³⁷ См. «The Zend-Avesta», part I, The Vendidad, transl. by J. Darmsteter, Фаргард II. 33, 34, Оксфорд, 1895.

³⁸ См. С. П. Толстов, Городища с «жилыми стенами». Подобное же мнение высказано и А. Ю. Якубовским в его работе «Восстание Муканны», «Советское востоковедение», т. V, 1948, стр. 35.

³⁹ Г. В. Григорьев, Поселения древнего Согда, Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК, VI, 1940 стр. 27.

и взят в плен македонским отрядом в небольшой деревне, окруженной стеной с воротами».

Далее В. В. Бартольд подчеркивает, что представители господствующих классов как в IV в. до н. э., так и в VII в. н. э. жили в укрепленных замках.⁴⁰

Дожившие до наших дней укрепленные поселения несомненно являются памятниками общинно-родового строя,⁴¹ пережитки которого сохранялись в течение многих веков как у тюркских народов, населявших Среднюю Азию, так и у иранских.⁴² Вполне естественно, что от древности до наших дней сохранились наиболее мощные постройки замкового типа — замки, усадьбы феодалов, крепости, но план их постройки настолько совпадает с планом постройки современных укрепленных сельских селений и усадеб, что позволяет говорить о единой традиции в области гражданского строительства.

Характерно, что согдийцы, селясь вдали от родины, строили точно такие же укрепления, в которых жили их соотечественники. Иллистриацию этому дают раскопки А. Н. Бернштама в долине р. Чу, в местах древних согдийских колоний, к востоку от города Фрунзе у сел. Красная речка: «Это поселение первоначально было крупной согдийской колонией, состоящей из нескольких десятков отдельных укрепленных домов, представлявших собой сильно укрепленные усадьбы отдельных семейств. Дома эти были двух- (или трех-) этажные... помещение делилось на ряд продолговатых комнат размером 6—8×2 м. Они были перекрыты полуциркульным сводом, выложенным из сырцовых кирпичей, положенных на ребро по поперечному сечению свода».⁴³

Об укрепленных поселениях в районе Бухары в X в. говорит Нершахи в «Истории Бухары».⁴⁴ Многочисленные указания арабских географов для территории Туркестана приводит В. В. Бартольд в своих трудах. Ссылаясь, например, на Макдиси, Бартольд пишет: «Зердух был большим укрепленным селением с рабадом; Рузунд — укрепленным селением средней величины со рвом; ...Нузвар был небольшим укрепленным селением со рвом и железными воротами; ...Ардхива находилась на краю степи; стены ея, расположенные у подошвы горы, имели только одни ворота... Миздахкан был большим городом с обширной волостью; вокруг него было до 12 000 укреплений... Между Кафирниганом и Вахшем находились области Вашгирд и Кувадиан (Кабадиян) ...Область в IX в. имела большое значение; здесь в 4-х фарсах от главного города проходила граница с владениями тюрок, вследствие чего здесь было до 300 укреплений...».⁴⁵ О том же свидетельствует арабский географ XIII в. Якут для Хорезма: «Непрерывность построек, близость поселений, множество отдельных домов (усадьб) и замков в его степях...»⁴⁶

متصلة العمارة العربی كثیری البيوت المغرودة والقصور فی محاريها

Об укрепленных поселениях в Фарсе пишет персидский автор XI в. Ибн-ал-Балхи: قلاع ایراهستان بیش از آنست که بتوان شمردن کی بهر

⁴⁰ В. В. Бартольд, «История культурной жизни Туркестана», стр. 3.

⁴¹ Ср. Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 12, 13).

⁴² Ср. Н. А. Кисляков, указ. соч.

⁴³ А. Н. Бернштам, Археологический очерк северной Киргизии, Фрунзе, 1941, стр. 55—56.

⁴⁴ Нершахи, перс. текст. литография, «Новая Бухара», 1904; русский перевод Н. Лыкошина, Ташкент, 1897.

⁴⁵ В. В. Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, т. II, СПб., 1900, стр. 147—150, 72.

⁴⁶ Jaqut's geographisches Wörterbuch, изд. Вюстенфельда, арабский текст, т. II, стр. 482.

«Крепостей в Ира-
хистане больше, чем можно счесть, потому что вокруг каждой деревни имеется стена, будь то из камня, или будь то на холме, или на земле».⁴⁷

При этом следует учесть, что сельские поселения по своему топографическому устройству мало чем отличались от городов⁴⁸ и нередко «в арабских источниках... один и тот же населенный пункт именовался то «городом» مدينة, то «селением» قرية».⁴⁹ В этом отношении положение мало изменилось и в наше время. Как пишет Стрельбицкий, в Хорасане «города, кроме названия и размеров, почти не отличаются от простых деревень, хотя неперемнную принадлежность города составляет обыкновенно цитадель (арк), служащая жилищем губернатору».⁵⁰

В некоторых городах Ирана отдельные кварталы отделялись друг от друга стенами с воротами, которые запирались на ночь. При этом ограды вокруг города не было.⁵¹ Было ли это местной традицией и продолжением все того же типа укрепленных поселений или, как полагают, возникло при арабах «в связи с арабским племенным делением и с обычаем отводить в завоеванных или вновь построенных городах особое место каждому племени»,⁵² сказать трудно.

В. В. Бартольд указывает, что сближение арабского термина рабат (рибат) со зданиями иного назначения (гостиница, караван-сарай) — рабад в Туркестане — вызывалось тем, что принесенный завоевателями тип «рабата» был чрезвычайно сходен с типом существовавших ранее странноприимных домов и обителей. Все это были казарменного типа здания, в которых комнаты располагались вокруг двора.⁵³ Как нам представляется, подобное устройство общественных и культовых зданий на территории Средней Азии и Ирана несомненно говорит о сходстве их с местным типом укрепленных селений. Достаточно вспомнить современный караван-сарай в Иране, с его высокими глиняными стенами и воротами, с башнеобразными столбами по углам и вдоль стен, с жилыми помещениями, окружающими двор, на котором устраивают на ночлег вьючных животных, а теперь ставят и автомобили, чтобы невольно сопоставить их с укрепленными среднеазиатскими усадьбами или иранскими (персидскими) и афганскими деревнями. Такое же впечатление оставляют медресе, ханака и жилые помещения при мечетях и имамзаде в Иране.

Весьма возможно, что и в устройстве современных иранских городских домов пережиточно сохранились элементы укрепленного поселения. Иранский (персидский) городской дом ставится на высоком фундаменте, над подвалом, фасадом во двор, обнесенный высокой стеной. Его характерной деталью являются несколько дверей (3—5), расположенных по фасаду и выходящих из одной комнаты на галерею или во двор (например, اتاق پنجدری 'комната в пять дверей'). Иногда эти двери используются по назначению, но иногда они служат вместо окон, которые доходят до пола, хотя последнее необязательно.

Укрепленные сельские поселения всеми восточными, арабскими и персидскими авторами называются термином qal'a (قلعه), который

⁴⁷ Ибн-ал-Балхи, Фарс-намэ, изд. перс. текста Г. Ле-Стренджа и Р. А. Никольсона, G. M. S. New Series, vol. I, London, 1921, стр. 160.

⁴⁸ См. А. Ю. Якубовский, Восстание Муканны, «Советское востоковедение», т. V, 1948, стр. 47, 49.

⁴⁹ С. П. Толстов, Тирания Абрюя, Исторический сборник, т. III, 1939, стр. 27.

⁵⁰ Стрельбицкий, указ. соч., стр. 61.

⁵¹ См. И. П. Петрушевский, Городская знать в государстве Хулагидов, «Советское востоковедение», т. V, 1948, стр. 88; Туманский, указ. соч., стр. 30. (о городе Хамадане).

⁵² В. В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана, стр. 27.

⁵³ См. там же, стр. 30.

на русский язык обычно переводится как «крепость», «крепостца» или «замок». В литературе, относящейся к современному описанию Средней Азии или Ирана, применительно к указанным селениям, употребляются те же термины: «если «сад» (баг, чарбаг) обозначал в Хиве поместье или усадьбу крупного богатого землевладельца, то обыкновенная усадьба-хутор (также окруженная стеной) обозначается хивинскими историками «кала» (букв. «крепость»)». ⁵⁴ Из всего вышеизложенного можно заключить, что крепости или «замки» дикхан-феодалов Средней Азии и Ирана, также представлявшие собой укрепленные поселения и отличавшиеся, может быть, от простой сельской усадьбы лишь размерами и убранством, ⁵⁵ вряд ли подходят под понятие замка или военной крепости. На это обстоятельство уже обращалось внимание в литературе. Так, А. И. Васильев при описании согдийского замка на горе Муг указывал, что он не мог быть местом пребывания воинского отряда, для которого не обнаружено никаких помещений. Несмотря на недоступность и уединенность замка, арык проходил в полукилометре от него, вода лишь в небольшом количестве хранилась в хумах. ⁵⁶ С. П. Толстов также склонен видеть в кёшках бухарских купцов, выселившихся из Бухары в ее окрестности, не «замки феодалов», а «укрепленные усадьбы больших семей согдийских «азатов». ⁵⁷ Разбирая термин «кёшк», В. В. Бартольд приводит те его значения, в которых он встречается у восточных авторов: 1) одно из зданий дворца (каха); 2) небольшие укрепления, вероятно, башни в горных деревнях нынешнего Афганистана; 3) башня; 4) укрепленное жилище князя или представителя высшей земледельческой аристократии, соответствующее арабскому термину каср. ⁵⁸ Вот в этом последнем значении, как нам представляется, и употреблен термин «кешк» Нершахи. Следовательно, персидское слово кешк соответствует разбираемому нами термину (кала) наряду с тюркскими терминами «курган» или «курганча». Подтверждение этому можно видеть в следующем замечании Вяткина: «кушк — укрепление, курганча». ⁵⁹ Точно так же многочисленные «жилые курганы» на Ангрене, в которых видели остатки «замков дикханов» домусульманской эпохи и первых веков ислама, ⁶⁰ следует считать остатками тех же укрепленных сельских поселений.

Таким образом, те внушительные цифры, которые приводят средневековые восточные авторы при описании Средней Азии (700 замков, 12 000 укреплений; 2000 замков и садов; 1000 садов и замков), скорее говорят о родовых усадьбах крупных или мелких дикхан (феодалов) или родовых групп или о таких же сельских поселениях земледельческого и скотоводческого населения, чем о военных сооружениях — замках или крепостях.

Интересная иллюстрация содержится в следующем замечании Крестовского, относящемся к левому берегу Сыр-Дарьи: «За полосой камышей... высятся развалины чего-то вроде укрепления с наугольными круглыми башнями. На вопрос, что это за развалины, ямщик-

⁵⁴ П. П. Иванов, Удельные земли Сейид Мухаммед хана Хивинского, Записки Института востоковедения, т. VI, 1937, стр. 45, примечание.

⁵⁵ Здесь уместно напомнить указание В. В. Бартольда о том, что «местные князья были только первыми дворянами-землевладельцами; один и тот же термин — д и х к а н, прилагался как к представителям класса землевладельцев, так и к местным княжеским династиям иранского и турецкого происхождения» («История культурной жизни Туркестана», стр. 21).

⁵⁶ См. А. И. Васильев, Согдийский замок на горе Муг, Согдийский сборник, Л., 1934, стр. 30.

⁵⁷ С. П. Толстов, Тирания Аброя, стр. 26, примечание.

⁵⁸ См. В. В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана, стр. 34—35.

⁵⁹ В. Л. Вяткин, Материалы к исторической географии Самаркандского вилайета, Справочная книжка Самаркандской области за 1901 г., стр. 48.

⁶⁰ В. В. Бартольд, К истории орошения Туркестана, СПб., 1914, стр. 142.

киргиз, очень порядочно говорящий по-русски, объяснил, что в народе это место называют Урумбай-курган, но что тут не было крепости, а просто лет пятьдесят назад один богатый человек Урумбай построил себе такой двор в свое удовольствие».⁶¹

Еще в 1910 г. А. Шишов писал, что современные курганчи (кала), напоминая по внешнему виду крепостцу, совсем не подходят под понятие о средневековом замке в европейском смысле или под понятие о военной крепости, так как, имея тонкие глинобитные стенки, они могут защитить лишь от безоружного туземца или хищного зверя.⁶²

Военные специалисты при описании Хорасана, например, строго различали крепости (военные) от сельских укрепленных поселений, подчеркивая слабые боевые качества последних: отсутствие рвов вокруг многих из них, малую толщину стен, невыгодное расположение в долинах в окружении множества командных высот.⁶³

Таким образом как для древности, так и для современности следует уточнить значение термина قلعه в персидском языке, добавив ко всем установленным еще одно — «укрепленное сельское поселение» или «деревня, усадьба, обнесенная высокой стеной».

Исходя из вышесказанного, не представит особого труда этимологизировать названия многих населенных пунктов и в первую очередь столь распространенных на Востоке Кафиркала или Калае-кафир. Это название следует понимать не как «крепость неверных», а как «селение неверных», так же, как и Калаи-оташпарастан гораздо правильнее переводить как «селение огнепоклонников». Отсюда также станут ясными названия многих селений, состоящие из имени собственного и кала (Келее-Али, Келее-Нур Мухаммед, Аббаскала, Камалкала, Даудкала, Калае-Таир, Калае-Малик). Это или имя основателя селения, или старейшины в роде или семье, или, наконец, имя помещика, владельца селения. Также понятны названия, где в первой части стоит имя народа: Курдкала, Турккала, Туркменкала, Зангикала (селение негров), Хиндукала (селение индусов) (последние два в Мазандеране). Иногда в первой части стоит название какого-либо ремесла, например: Ахангаркала — деревня кузнецов, Дарзикала — деревня портных, Табак-кала — деревня, где делают деревянные миски, Атārкала — деревня, жители которой торгуют галантереей и парфюмерией, Кафшгаркала — деревня сапожников, Нанвакала — деревня хлебопеков и т. д.⁶⁴ Не представляет сложности этимология названий, в которых определением к кала выступают такие слова, как нав, янги — «новый», или кухня, ески — «старый»: Яныкала, Янгикала, Калаи-Нау, Навкала; Есикала, Калаи-кухна. Иногда же селение носит одно чистое название Кала.

Наряду с qal'a (قلعه) в письменном и живом персидском языке употребляется и форма kālā (کله). У ранних персидских авторов можно встретить kālā (именно в форме کله) как название селения. В изданном В. А. Жуковским персидском тексте «Жизнь и речи старца Абу Са'ида Мейхенейского» упоминается рабат Кала:

و دو فرسنگی میهنه رباطی است که آنرا رباط کله گویند

«в двух фарсангах от Мейхене есть рабат, который называют Кала».⁶⁵

⁶¹ В. В. Крестовский, В гостях у эмира Бухарского, СПб., 1887, стр. 6.

⁶² См. А. Шишов, указ. соч., стр. 100.

⁶³ См. «Поездка ротмистра Стрельбицкого по восточному Хорасану в 1890 г.», стр. 238—39; Военно-статистическое описание северо-восточной части Хорасана 1894 г. Ген. Штаба капитана Орановского, Сб. географ., топогр. и статист. матер. по Азии, вып. LXVIII, 1896, стр. 104.

⁶⁴ См. H. L. Rabiно, Mazandaran and Astrabad, London, 1923. В этой работе приводятся сотни названий селений с kālā.

⁶⁵ СПб., 1899, стр. 23.

В другом тексте, относящемся также к старцу Абу Са'иду, этот же рабат назван Саркала (سر کله).⁶⁶

qal'a (kala) в значении «деревня», «селение» встречается и в персидских говорах Хорасана⁶⁷ и Мазандерана. Рабино в своей работе приводит в словаре слово kala (کله) или kalāta (کلاته) в значении «укрепленной деревни».⁶⁸ Фонетическая форма kala встречается не только в топонимике или персидских говорах, но и в других живых иранских языках, например в курдском, где селение, обнесенное стеной, называется kēla, в отличие от простого селения gōnd.⁶⁹ Не может быть сомнений в том, что афганское кылай, кала «деревня» также связано с персидским kala. Большой интерес представляет и тот факт, что в языках ормури и вазири деревня значит kalai.⁷⁰

В. В. Радлов, приводя для слова кала (qal'a) общее для всех тюркских языков значение «крепость», «укрепление», для казанскотатарского дает — «город»: казан каласы «город Казань» и для киргизского и команского — «деревня».⁷¹ Последнее значение он упоминает и в работе, посвященной Codex Comanicus.⁷² Действительно, слово qal'a в значении «город» употребляется в тюркских языках (башк. кала, чувашск. хула и т. п.), и от этого же слова имеется ряд производных: в киргизском qalaalāq — «городской», «горожанин»,⁷³ в дагестанском — qal'abaki — «городничий».⁷⁴ В узбекском языке термином qal'a обозначались специально русские города,⁷⁵ откуда производное — qal'aci — «товары, привозимые из русских городов», или «товары, ввозимые в русские города».⁷⁶ Купцы, ведущие торговлю с русскими городами, также назывались qal'aci. В этом значении эти термины qal'a и qal'aci употреблялись и в таджикском языке.⁷⁷ Следовательно, хотя слово qal'a в тюркских языках и употребляется в арабизованной форме, оно сохраняет свое старое значение, лучшим доказательством чего может служить команское значение этого слова.

* * *

Уже давно было высказано мнение о том, что qal'a является не арабским, а арабизованным персидским словом kala (kalā).⁷⁸ Это слово считают связанным со словом kelāt(e) (کلاته), где '-t(e)' — суффикс позднего происхождения, возникший после отпадения исходного 'k'.

⁶⁶ «Тайны единения с богом в подвигах старца Абу-Са'ида», СПб., 1899, стр. 30, 440, 464. В Мазандеране и сейчас существует селение с названием Саркала (H. L. Rabino, указ. соч.).

⁶⁷ См. W. Ivanow, Rustic Poetry in the Dialect of Khorasan, JASB, XXI 1925, стр. 260, 270.

⁶⁸ H. L. Rabino, указ. соч.

⁶⁹ Указано К. К. Курдовым. См. также W. Ivanow, Notes on khorasani kurdisch, JASB, New series, vol. XXIII, 1927, No. 1 (kala, kale, kalle-village, hamlet P. Ar. qal'a); A. Jaba, Dictionnaire kurde-français, СПб., 1879.

⁷⁰ Ормури принадлежит к западно-иранской группе языков, и его ближайшими родственниками являются диалекты западного Ирана, а также курдский язык. Этот язык заимствовал много элементов из пашту и вместе с тем сохранил весьма старые иранские формы (Grierson, Linguistic Survey of India, X, стр. 121, 123—124).

⁷¹ В. В. Радлов, Опыт словаря тюркских наречий, т. II, СПб., 1888.

⁷² См. W. Radloff. Das türkische Sprachmaterial des Codex Comanicus, СПб., 1887, стр. 23.

⁷³ Проф. К. К. Юдахин, Киргизско-русский словарь, М., 1940.

⁷⁴ Л. Будагов, Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, СПб., 1869—1876.

⁷⁵ См. П. П. Иванов, Архив хивинских ханов, Зап. Института востоковедения АН СССР, т. VII, 1939, стр. 13, 131, 133.

⁷⁶ Там же, стр. 131.

⁷⁷ См., например, роман С. Айни «Гуломон»: bojhoji qal'aci, savdogaroni qal'aci — «купцы, ведущие торговлю с русскими городами»; qal'acigi kardan — «торговать, вести торговлю с русскими городами» (Сталинабад, 1936, стр. 108, 169, 170).

⁷⁸ Подробную сводку см. «The Encyclopaedia of Islam», т. II, статья M. Streck'a. ka'a, стр. 668—669.

Прототипом qal'a считают kalak, kalāk, сохранившееся в целом ряде районов Ирана и Средней Азии в названии селений (Хорасан, Фарс, Мазандеран, Туркменская ССР, Таджикская ССР). Подтверждение этому видят в заимствованном в армянский язык слове qagaq (khalakh) «город». Напомним, что «город» в грузинском языке значит qalaqi и это слово в этом же значении употребляется и в осетинском языке. Можно думать, что арабы, встретившие в Иране укрепленные родовые селения, называвшиеся kala(k), использовали этот термин для обозначения крепости на холме в отличие от крепости в равнине — hisar. В этом уже новом значении и в новой арабизованной фонетической форме это слово вернулось в персидский и другие иранские языки, где оно сосуществует со своей исконной формой.

В персидском языке, персидских говорах и других иранских языках существует множество фонетических вариантов слова qal'a (kala): qal'a, qalā, kele, kelai, kala, kalā; kelek, kalak (названия селений); kalāk (воспроизводимый некоторыми авторами прототип qal'a); kalāt, kelat, kelāte. Последние две формы, несомненно, связаны с qal'a (kala). Некоторые словари для kalāt и kelāte дают одинаковые значения, другие же приводят различные значения, но, повидимому, все же по своему происхождению это одно и то же слово — «крепость на холме», «селение», «укрепленное селение», причем слово kalāt (kelat) в настоящее время закрепилось в топонимике, а kelāte в указанных значениях — в словаре иранцев.

Следовательно, если на арабской почве, как указывает ряд авторов, qal'a не этимологизируется,⁷⁹ то, на основании всего вышеизложенного можно было бы считать это слово иранского происхождения. qal'a, kala, kalā, kalāt, kelāte — не только укрепленное поселение, но, как правило, укрепленное поселение на холме, о чем свидетельствует местоположение многих современных иранских селений, многочисленные остатки древних кала в современном Хорезме, письменные источники, археологические раскопки, указания большинства словарей в отношении kelāt(e) и значение qal'a в арабском языке как «крепость на холме». В персидских говорах, например в Фарсе, kala значит «холм», «холмик», «возвышение»,⁸⁰ в курдском языке небольшой холм называется kōlik.⁸¹ В «Шахнаме» Фердоуси слово qal'a (قلعه) не употреблено ни разу. Много раз встречается слово kalāte в значении укрепленного селения, но любопытно, что один раз употреблено слово qalā (قلا) как название горы.⁸²

شبانان کوه قلارا بخاند وآن خرد چندی سخنها برآند

(Пиран) вызвал пастухов горы qala и поговорил о том ребенке.⁸³ qal'a (kala, kele, kalā) или kalāt kalāte и сейчас встречается в названиях возвышенностей в Иране и Средней Азии, например, около Шираза: Кельэ гурихтэ,⁸⁴ Кал'ате сурх и другие.

Таким образом, вполне вероятно, что древнее население Ирана, как и другие народы, в целях безопасности первоначально селясь на холмах и скалах в укрепленных поселениях, называло их тем же именем, каким они называли и самый холм.

⁷⁹ См. Siegmund Fraenkel, Die aramäischen Fremdwörter im arabischen, Leiden, 1886, стр. 237; A. Sidiqi, Studien über die persischen Fremdwörter im klassischen Arabisch, Göttingen, 1919.

⁸⁰ «Kāla — oben — Höhe — см. O. Mann, Die Tajikmundarten der Provinz Fārs «Kurdisch-persische Forschungen», Abt. I, 1909, стр. 54.

⁸¹ Указано К. К. Курдоевым.

⁸² См. Fritz Wolff, Glossar zu Firdausis Schāhnāme, Берлин, 1935.

⁸³ Mohl, т. II, стр. 42.

⁸⁴ Туманский, указ. соч., стр. 84, 118.

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ С С С Р

Г. С. МАСЛОВА

КУЛЬТУРА И БЫТ ОДНОГО КОЛХОЗА ПОДМОСКОВЬЯ

(Колхоз имени Сталина Луховицкого района Московской области)

Один из опытов этнографического изучения современной деревни осуществлен организованной Институтом этнографии в 1950 г. научной командировкой¹ в передовые колхозы Подмосковья с целью изучения их культуры и быта. В центре внимания исследователей был колхоз имени Сталина (в с. Дединово Дединовского сельского Совета Луховицкого района), которому и посвящен настоящий очерк.

I

Большое село Дединово с многотысячным населением расположено в южной части Московской области, недалеко от Коломны, раскинувшись по обеим сторонам Оки. В левобережной, наиболее обширной и населенной части села и находится сельскохозяйственная артель имени Сталина. Кроме нее в селе имеются два крупных колхоза и большой животноводческий совхоз «Дединово».

Левобережная, заокская, часть Луховицкого района представляет собой сильно заболоченную равнину. Селения расположены среди заокских заливных лугов, отличающихся высоким урожаем хороших по составу трав. Луховицкий район обладает лучшей кормовой базой в Московской области, являющейся одним из условий создания в районе крупного передового социалистического животноводства, развитого в Дединове и других селениях, расположенных в пойме Оки.

Дединово, в прошлом крупное торговое село, отличалось своеобразной экономикой. Оно не имело пашни и не знало земледелия. Заливные луга давали богатые укусы трав и способствовали развитию животноводства и разведению высокоудойного молочного скота. Огромные сенокосные угодья пойменных лугов были собственностью помещика, сдававшего их в аренду кулакам. Второй укос трав сдавался в аренду скотопромышленникам, закупавшим на юге гурты скота и откармливавшим их на дединовских лугах, а затем рекой на баржах отправлявшим скот в Москву.

Скудные крестьянские земли, разбросанные в разных местах, не могли обеспечить сносное существование основной крестьянской массы.

¹ Командировка была осуществлена автором статьи и аспирантом Института этнографии Л. Н. Чижиковой.

Ежегодно, чтобы прокормить свой немногочисленный скот, трудовое крестьянство вынуждено было покупать у помещика укусы трав с аукциона. Малоземелье заставляло искать заработок «на стороне», и дединовцы уходили в города — Москву, Рязань, Коломну, Петербург и другие места в качестве фабрично-заводских рабочих, прислуги, приказчиков, а особенно служащих чайных лавок и трактиров. Основная бедняцко-средняцкая часть крестьянства жила в Дединове рыболовством, животноводством (хотя коров имели далеко не все), отходничеством, батрачеством, работой на лошадях — возкой сена.

Великая Октябрьская социалистическая революция коренным образом изменила условия жизни трудового дединовского крестьянства. Земля, конфискованная у помещиков и кулаков, была передана в бесплатное пользование дединовскому крестьянству и поделена «по едокам»; с этого времени крестьяне начинают заводить огороды, сажать картофель.

Созданные в 1918 г. комитеты бедноты организуют помощь беднякам, выделяя им лучшую часть лугов, помогая строиться. Большинство бедняцких хозяйств смогло обзавестись коровами, лошадьми, построило новые дома. Однако кулачество пыталось сохранить свое влияние в хозяйственной и общественной жизни деревни. Классовая борьба не прекращалась, достигнув наибольшего обострения к началу периода коллективизации.

В 1929 г. в селе было создано Товарищество по совместной обработке лугов; в него вошло 18 бедняцких хозяйств. В том же году, когда в Товариществе было 30 хозяйств, приступили к созданию сельскохозяйственной артели. Колхозу были отведены лучшие земли. Животноводство и садоводство стали основой экономики колхоза. Колхоз привлекает и середняка. Число хозяйств в колхозе увеличивается до 800. Вместе с тем в колхоз просачиваются и кулаки, начавшие разлагать колхоз изнутри. Деятельность кулачества вызвала в 1930 г. применение решительных мер против него; в этот период в районе происходит ликвидация кулачества как класса.

После этого в колхоз снова вливаются вышедшие из него под влиянием кулацкой агитации середняцкие хозяйства; к концу года они составляют в колхозе уже 50% всех хозяйств. В 1935 г. колхоз, в котором насчитывалось 700 хозяйств, был разукрупнен: из него выделились еще два колхоза — «Маяк» и имени Мичурина (к последнему отошло садовое хозяйство). Колхоз имени Сталина объединил половину всех ранее входивших в него хозяйств. Значительно развившееся животноводство колхоза вызвало необходимость постройки большого скотного двора. В это время был построен двор колхоза, называемый теперь «старым».

1935 год для колхоза был ознаменован событием всесоюзного значения — Луховицкий район становится родиной стахановского движения в животноводстве. Среди луховицких животноводов возникает передовое движение доярок-трехтысячниц. Возглавила его доярка колхоза «Красная заря» — Наргова из с. Любичи, расположенного рядом с Дединовым; животноводы колхоза имени Сталина активно включаются в движение за высокие удои и свои достижения в дальнейшем демонстрируют на сельскохозяйственной выставке 1938/39 г. Доярки колхоза Федюнина, Лощенова и др., добившиеся более 3000 кг молока с каждой коровы в год, становятся участницами выставки.

Однако растет не только животноводство колхоза, возникает и развивается полеводство, которого не знало Дединово до революции. Накануне второй мировой войны колхоз обладал крепким животноводческим хозяйством, имел уже посевы зерновых, корнеплодов, овощей, картофеля.

В трудных условиях военного времени, когда лучшие силы колхоза

ушли на фронт, в условиях временной эвакуации скота в глубокий тыл, работа в колхозе ведется дружным сплоченным коллективом. Путем напряженного творческого труда колхоз добивается повышения урожайности полевых культур. После возвращения скота из эвакуации колхоз восстанавливает стадо, из года в год повышается удойность коров. В этот период особенно ярко проявилось чувство глубокого советского патриотизма членов колхоза имени Сталина. Колхоз выступает инициатором выделения молока в фонд защитников Родины и сдает для этого ежегодно тонны молока. Колхозники снабжают одеждой и обувью Советскую Армию, делают взнос в 180 тыс. рублей на постройку танковой колонны.

После войны колхоз восстановил свое хозяйство, превысил его довоенный уровень и вступил на новый этап всестороннего интенсивного развития.

II

В настоящее время колхоз объединяет 360 хозяйств и 1156 человек населения, русского по своему национальному составу. В колхозе имеется лишь несколько приезжих мордовских семей.

В сложном производстве колхоза имени Сталина сочетается много различных отраслей, но молочное животноводство является ведущей. Пять животноводческих ферм колхоза представляют своеобразную фабрику молока и мяса, в которой работа ведется по строго установленному распорядку и многие процессы труда механизированы. Молочно-товарная ферма 1-й животноводческой бригады представляет собой просторный новый скотный двор, в широкие окна которого проникает много дневного света, а ночью на ферме горят электрические огни. Корозы свободно располагаются на деревянном настиле, покрываемом бетонированным полом в стойлах. Здесь имеются автопоилки, применяется электродойка; подвесная дорожка с железной вагонеткой облегчает работу скотников, беспрерывно, посменно убирающих помещение двора. К скотному двору примыкают подсобные помещения: кормокухня, приемочная молока (тут же помещается лаборатория, где производится анализ молока), помещение для содержания агрегата электродойки.

На ферме — чистота и порядок. Перед дойкой доярки тщательно моют руки, надевают белые халаты; после дойки переодеваются в черные халаты для ухода за коровой. От доярок требуется много умения, знания характера и привычек каждого животного, чтобы добиться от него наивысшего удоя.

За каждой дояркой закреплена определенная группа коров. Особо ответственной является работа по уходу за коровами высокоудойного стада, поэтому доярки-пятитысячницы (за каждой закреплено девять коров) работают бесменно и четыре раза приходят на ферму для кормления и дойки (с 4 до 6 час., с 9 до 12, с 14 до 16 и с 20 до 22), а в промежутках между работой снова уходят домой. Доярки остального колхозного стада работают в две смены, но зато группа прикрепленных к каждой доярке коров вдвое больше, чем у доярок высокоудойного стада. Работа скотников связана с общим распорядком и режимом дня на ферме; кроме того, они несут ночное дежурство, работая посменно.

Труд животноводов, строго распределяемый по времени, с установленными днями отдыха, в значительной степени механизированный, при всей своей специфичности напоминает труд на индустриальном предприятии.

Большое значение в деле организации труда и отдыха животноводов в зимний период имеет построенный вблизи молочно-товарных ферм дом доярки. Это теплое помещение, состоящее из двух комнат, куда приходят доярки во время перерывов работы на ферме. Здесь про-

водят беседы ветеринарный врач, зоотехник, происходят производственные совещания, а также политбеседы и читки вслух.

На основе высокой культуры производства колхоз добился большой продуктивности молочного скота, получая по всему поголовью в целом по 4500 кг в среднем с каждой коровы в год (всего дойных коров в колхозе 300, а общее поголовье крупного рогатого скота достигает 600 голов). От высокоудойного стада доярки-пятитысячницы получают по 5500 кг молока в год от каждой коровы.

С неослабеваемой творческой энергией животноводы артели имени Сталина² вместе с другими животноводами работают над выведением собственной «приокской» породы высокоудойного молочного скота путем тщательного подбора племенного молодняка при формировании стада, правильного ухода, кормления и организации труда.

Выращиванию молодняка животноводы колхоза уделяют особое внимание. В колхозе имеется «родильное отделение» для коров, «профилакторий» для новорожденных телят и два других отделения, куда переводят телят соответственно увеличению их возраста. Помещенные в отдельных клетках, они окружены уходом прикрепленных к ним телятниц и находятся здесь в течение нескольких месяцев. После пяти месяцев их переводят во двор ремонтного молодняка, а после года — в общие скотные дворы.

Учитывая необходимость правильной организации пастбищного содержания скота, колхоз организует летом лагерную круглосуточную пастьбу. В 2—3 км от села располагается стадо под присмотром колхозных пастухов (зимой выполняющих работу по уборке помещения фермы), работающих посменно. В целях правильного использования пастбища его делят на восемь частей — клеток; на каждой из них проводят выпас скота в течение пяти суток. Переходя от одной клетки к другой, стадо через 35 дней возвращается на первый участок, где за это время снова отрастает трава.

В центре пастбища расположены временные постройки лагеря — приемочная молока (здесь хранится молочная посуда), а также помещения для доярок, пастухов на случай необходимости укрытия от дождя. Взывающий на шесте вымпел — «сигнал дойки» — четыре раза в сутки извещает о ней. Пастухи собирают стадо к постройкам лагеря, доярки подъезжают из села на подводах.

Основной заботой колхоза в настоящее время является устройство металлической изгороди, что намного облегчит труд пастухов, и подведение к лагерю электричества для применения электродойки.

В колхозе значительно развиты и другие отрасли животноводства. Хорошо поставлены свиноферма, овцеферма; имеется племенная конеферма, где содержатся породистые тяжеловозы и рысистые кони. Значительное развитие получило разведение кур. Однако все эти отрасли имеют второстепенное значение в сравнении с основной — молочным животноводством.

Замечательным достижением колхоза является его полеводство, которого не было в старом Дединове. «Наши старики не знали, что это за пахота», — вспоминает 88-летний колхозник Ф. Ив. Савельев. Теперь дединовцы научились не только пахать, сеять, но и выращивать большие урожаи ржи, пшеницы, овса, проса, что считалось раньше невозможным в пойме. Колхоз осваивает и новые культуры, ранее не известные в центральной полосе. Новатором этого дела является председатель колхоза Герой Социалистического Труда Ф. С. Генералов, с неисчерпаемой творческой инициативой производящий опытные посевы разнообразных культур, в том числе южных. Первоначальные опыты сева

² Молочнотоварная ферма колхоза с 1943 г. включена в зону деятельности Луговичского государственного племенного рассадника.

ржи, пшеницы и других зерновых культур в пойме уже доказали возможность развития в ней полеводства. Теперь делаются опыты выращивания конопли, кукурузы, дающие неплохие результаты. Кукуруза используется как высокопитательная культура для силоса; вместе с тем опыты колхоза показали, что она может здесь стать продовольственной культурой: в 1949 г. кукуруза полностью созрела, и посев следующего года колхоз произвел своими семенами.

Большое значение имеют в колхозе овощеводство, посадка картофеля, корнеплодов. Полеводство ведется на высоком агротехническом уровне, на основе машинной техники (колхоз обслуживается МТС), правильного севооборота (внедрен девятипольный полеводческий севооборот с подсевами многолетних трав — клевера и др. — и семипольный кормоовощной севооборот).

В колхозе немало подсобных производственных предприятий — молочный завод, мельница, крупорушка, лесопилка (пилорама) и др. Имеется своя электростанция, обслуживающая 16 производственных точек. Электричество применяется при приготовлении корма, дойке, стрижке овец, особенно при молотье.

Сердцем колхоза является его механический цех, от работы которого зависит налаженность всех отраслей колхозного хозяйства.

Производство колхоза построено на основе плановости и учета. Производственный план, составленный на год, планы весеннего сева и уборки доводятся до бригады, звена, каждого члена. Вместе с тем ведется повседневный учет труда, составляются графики, исполнение работ бригад и звеньев отмечается на доске, расположенной у здания правления.

Высший орган управления артели — общеколхозное собрание. Отчетное собрание, подводящее итоги работы производственного года, является важнейшим событием в жизни колхоза. Оно происходит в первом месяце нового года; коллектив ждет его, готовится к нему, о нем неоднократно извещает колхозное радио. Происходит собрание в колхозном клубе. Праздничное убранство ярко освещенного зала, музыка, исполняемая духовым оркестром, придают особую торжественность обстановке, в которой происходит собрание. Кроме членов артели, на собрание приглашается актив соревнующегося с ней колхоза «Маяк», представители районного центра. Отчет председателя о работе за прошедший производственный год и содоклад ревизионной комиссии подвергаются критическому разбору. Характерна та активность, с которой проходят обсуждения доклада. Собрания артели показывают, что члены ее являются подлинными хозяевами, болеющими за общественное добро. В результате по-хозяйски вскрытых недочетов осуществляются мероприятия по устранению их, а иногда происходит и значительная перестройка отдельных участков работы.

III

Производственный быт колхоза тесно связан с формами организации труда. Основной производственной единицей является бригада, имеется и звеньевая система, подчиненная бригаде. В колхозе — пять полеводческих и три животноводческие бригады, в основу формирования которых положен производственный принцип. Люди подбираются по опыту, склонности, специализации. За каждой полеводческой бригадой закреплена земля (в количестве 130 га покоса и 60 га пашни) на все время севооборота, транспортные средства, сельскохозяйственный инвентарь, сенокосилки, жнейки и пр. В каждой бригаде — 50—60 человек.

Роль бригадира как руководителя одного из важнейших участков производства, как организатора работ бригады — ответственна; от него

требуется знание агротехники и политическая грамотность. Помощниками бригадира в его организационной работе являются звеньевые. Звеньевых — два в каждой бригаде, соответственно числу звеньев. Работа по звеньям осуществляется в овощеводстве, большая же часть работ выполняется без деления на звенья.

С вечера председатель колхоза, собрав бригадиров, дает им задания на день. Рано утром бригадир распределяет задания между членами бригады. Бригадир осуществляет учет работы. Ежедневное наблюдение за состоянием различных частей обширного хозяйства ведет председатель, объезжающий на автомашине или мотоцикле все участки колхозных полей.

Одним из существенных моментов производственной жизни бригады являются бригадные производственные совещания, где обсуждаются планы работы, нормы выработки, социалистические обязательства.

Работа крупного социалистического хозяйства невозможна без наличия квалифицированных колхозных кадров. Старое Дединово не знало людей таких профессий, которые теперь стали обычными в селе: бухгалтеров и счетоводов, механиков, электромонтеров, шоферов и др. Семилетнее образование имеют многие из рядовых колхозников; не редкостью являются наличие среднего десятилетнего образования. Колхозом подготовлены агрономы, ветеринарные фельдшеры, зоотехники и др.

В полеводческих бригадах мужчины выполняют работу на лошадях: к каждой бригаде прикреплена группа транспортников из 10 человек; имеются транспортники и на фермах. Основные работы в полеводстве выполняют женщины. Они же являются звеньевыми. В животноводческих бригадах мужчины исполняют должности пастухов, конюхов, а женщины работают доярками, телятницами, свиновками. Должности механиков, электромонтеров, шоферов (в колхозе пять автомашин) занимают мужчины. Они же являются бригадирами, но есть бригадиры и женщины; так, например, бригадиром животноводческой бригады (по ремонтному молодняку) является т. Якунинская. Женщины занимают и руководящие выборные должности в колхозе: звеньевая Юрьева и доярка Лощенова избраны членами правления колхоза. Женщины входят также в состав ревизионной комиссии.

Основной формой оплаты труда является сдельная, почти полностью вытеснившая повременную. Применяется групповая, но в ряде работ — индивидуальная сдельщина, особенно в животноводстве, огородной работе, дающая положительные результаты. Женщинам-домохозяйкам, занятым в полеводстве, закрепление за ними участка позволяет распределить свое время так, чтобы выполнить и свою часть работы в поле и домашние дела.

Возглавляемое партийной и комсомольской организациями социалистическое соревнование в колхозе поднято на высокий уровень. Замечательное движение доярок-трехтысячниц давно переросло в движение доярок-пятитысячниц. Из года в год повышая надои, многие из них взяли обязательства надоить более 6000 кг от каждой коровы в год. Доярка колхоза Герой Социалистического труда К. М. Лощенова держит первенство по всему Луховицкому району, являющемуся районом передового социалистического животноводства, и вместе с тем первенство по всей Московской области.

Социалистическое соревнование проявилось также в форме межрайонных соревнований: Луховицкий район в целом соревнуется с Бородинским районом Киевской области УССР.

В результате тесного общения и обмена опытом украинских и русских колхозников украинцы заимствуют передовые методы социалистического животноводства, подмосковные колхозники переносят к себе опыт выращивания высоких урожаев зерновых и используют южные культуры на полях Подмосковья.

Партийная и комсомольская организации колхоза выпускают стенную газету «Сталинец», а в период горячей летней поры — специальные боевые листки «молний».

Высокий уровень социалистического соревнования и стахановского движения отражает новое, творческое отношение к труду членов колхоза имени Сталина. В колхозе много орденосцев, а восемь человек носят звание Героя Социалистического Труда.

Сознание ответственности за работу колхоза в целом обусловило развитие межбригадной и межзвеньевой производственной помощи. Та заботливость, которую проявляют передовые люди колхоза к важнейшей задаче — своевременному выполнению обязательств перед социалистическим государством, свидетельствует о глубоком понимании колхозниками и общегосударственных задач. Колхоз из года в год одним из первых в районе выполняет поставки государству, направляя ему красные обозы с молоком, зерном и другими продуктами. Задержки в выполнении этой задачи вызывают беспокойство людей колхоза, причины задержек обсуждают на колхозных собраниях и принимают меры к их устранению.

Гордость успехами своего колхоза сливается в сознании членов коллектива с чувством ответственности за колхоз, носящий имя И. В. Сталина. Успехи колхоза связываются с его именем, с его заботой о колхозном крестьянстве. В сознании членов артели ярко выражено стремление сделать колхоз достойным имени, которое он носит. Эти чувства широко отражены в устном поэтическом творчестве коллектива, в его песнях и частушках.

Передовые люди колхоза умеют сочетать свои личные интересы с общественными. Проявление мелкособственнической идеологии, например, стремление обработать личное хозяйство раньше и в ущерб общественному, имеет еще место, но встречает строгое осуждение. Резкой критике подвергаются также случаи проявления недисциплинированности в работе.

Существенной чертой облика передового колхозника артели имени Сталина является его борьба с косностью, рутинной в производстве, сознание необходимости овладения новыми приемами ведения хозяйства, освоения техники.

Фактом огромной важности явилось применение в 1949 г. агрегата электродойки; первоначально доярки несколько недоверчиво отнеслись к незнакомому аппарату. Первой взялась за дело освоения электродойки К. М. Лощенова — передовая доярка, не уступающая своего первенства никому в районе. К. М. Лощенова помогла и другим дояркам колхоза в освоении электродойки.

К. М. Лощенова является подлинным мастером высокого раздоя коров. Она дала обязательство на районном слете животноводов в 1950 г. надойти 7000 кг от каждой коровы в год. Работа доярки — творческая, исследовательская; она тесно связана с работой научных институтов животноводства и Института кормов. К. М. Лощенова проводит опыты кормления животных различными кормами, исследуя влияние их на урожайность и качество молока.

Рационализация колхозного производства, смелое внедрение нового опыта неразрывно связаны с именем председателя колхоза — Героя Социалистического Труда Ф. С. Генералова. С неутомимой творческой изобретательностью он вносит рационализаторство в область полеводства, в строительную технику (использование новых материалов) и т. д. Являясь много лет депутатом Московского областного Совета депутатов трудящихся, Ф. С. Генералов избран депутатом в Верховный Совет Союза ССР.

С ростом социалистического сознания изменяется отношение к тем видам труда, которые раньше не пользовались уважением крестьян. В прошлом в пастухи шли наиболее бедные крестьяне; середняки счи-

тали эту работу одной из худших. В настоящее время в колхозе имени Сталина работу пастухов выполняют уважаемые всеми члены коллектива, сознающие всю ответственность охраны основного богатства — колхозного стада. Значительная доля в успехах развития животноводства и росте его продуктивности принадлежит пастуху. Пастух колхоза Н. П. Федулов путем правильной организации пастьбы высокоудойного стада помог колхозу добиться высоких удоев. Получение молодым пастухом звания Героя Социалистического Труда свидетельствует о том почете, которым окружен труд пастуха в современной деревне. Вместе с тем этот факт имел решающее значение в деле духовного роста самого Н. П. Федулова. Молодой пастух пристрастился к чтению, оно стало его

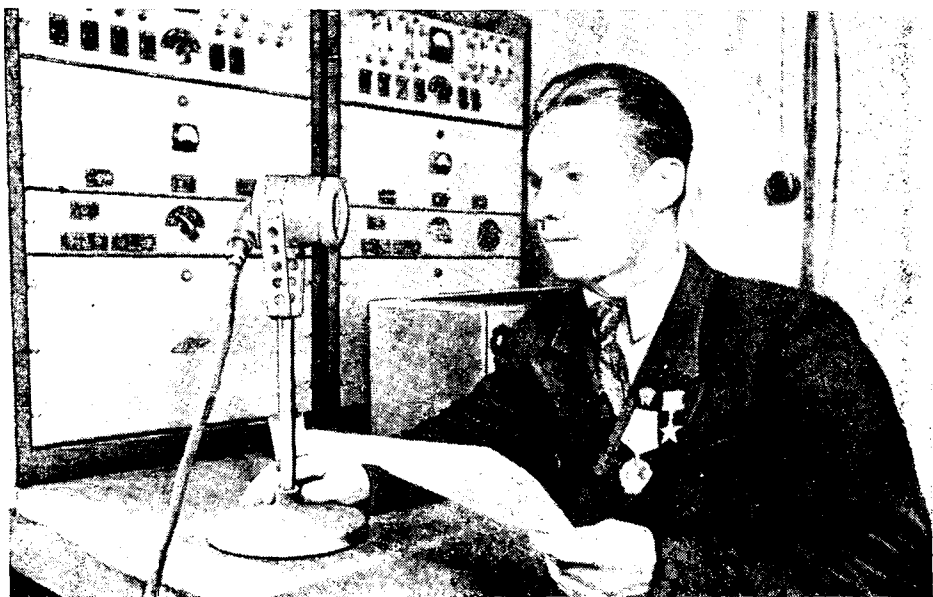

Рис. 1. Колхозный пастух — Герой Социалистического Труда Н. П. Федулов у микрофона колхозного радиоузла. Фотохроника ТАСС.

любимым занятием. Досуг свой он проводит за слушанием радио и чтением. Н. П. Федулов — комсомолец. Он часто выступает по радио, рассказывая о своем опыте, участвует в районных и областных слетах животноводов.

Ведущая роль в деле организационно-хозяйственного укрепления колхоза, в воспитании колхозных кадров принадлежит партийной организации села. Она помогает расстановке сил в производстве, возглавляет социалистическое соревнование, ведет политико-массовую работу. Одной из важнейших форм работы является создание агитколлектива (в составе 42 чел.) из передовых людей колхоза и сельской интеллигенции. Центром политмассовой работы является организованная при клубе комната агитатора, которая в дни больших политических кампаний превращается в агитпункт. Большое место в работе агитколлектива занимает пропаганда передового опыта в животноводстве. Так, например, в 1950 г. была устроена фотовитрина с показом производственных успехов совхоза «Караваш» (Костромской обл.), в котором удои достигают 6 и даже 10 тыс. кг на одну корову в год.

Во всех мероприятиях партийной организации ее первыми помощниками являются комсомольцы.

Передовые организаторы колхозного производства, выращенные партией, из года в год умножают богатства колхоза, увеличивая его неде-

лимые фонды, повышая стоимость колхозного трудодня. Из года в год растет товарность продукции колхоза³. Колхоз (доход которого за 1949 г. составил почти два с половиной миллиона рублей) стал миллионером.

IV

Коренные производственные преобразования обусловили изменения быта, наблюдаемые в жилище колхозника, пище, одежде, семейной, а также общественной и культурной жизни деревни.

Значительно изменился внешний облик с. Дединова. Расположенное на берегу Оки, оно раскинулось на протяжении 4 км и состоит из множества больших и малых улиц. Основная из них — Пионерская улица (в прошлом «Передняя») — расположена на левобережье, вдоль реки; в северной части ее находится площадь Карла Маркса (б. «Базарная»). В высоких двухэтажных домах, являвшихся в прошлом собственностью сельской буржуазии, размещены основные организации села: сельский Совет и библиотека, правление колхоза имени Сталина, почта и телеграф, магазины продуктовых и промышленных товаров. Здесь же, у площади, — клуб и новое здание столовой-чайной. Здания начальных школ и средней школы-десятилетки расположены в разных частях села, а в центре его помещается дединовская больница и амбулатория.

Улицы Дединова частью располагаются перпендикулярно Пионерской, образуя кварталы, а частью сходятся к площади. Село разделяют на неравные части «бохатъ» (от слова бухта) — озера, в которые, по преданию, Петр I спускал свои суда. Все старые названия улиц (например, «Барская задворка», «Миллионная деревенька», «Корчма», «Кубышник» и т. п.) заменены новыми: Гражданская, Бригадная, Луговая. Три улицы названы в честь погибших от руки кулачества в 1919 г. дединовских коммунистов: ул. Тарусина (б. «Пожарная»), ул. Кислова (б. «Швивка»), ул. Шашина (б. «Кривуля»), а так называемая «Гаванка» носит имя великого преобразователя природы И. В. Мичурина. На территории колхоза имеется бывшая церковь, колокольня которой используется в качестве водонапорной башни.

Колхоз уделяет внимание благоустройству села: улучшены дороги, сделан подъезд к паромной переправе через Оку; посажены деревья вокруг центральной хозяйственной усадьбы колхоза; в селе имеется водопровод, и вместо старых колодцев установлены водоразборные колонки. Ночью сельские улицы освещаются электричеством, на площади установлен громкоговоритель.

Колхозу и сельскому Совету в ближайшие годы предстоит озеленить улицы, расширить водопроводную сеть. Очень нужна постройка моста через Оку, так как ни моторные лодки, ни новая паромная переправа, имеющиеся в распоряжении колхоза, не могут удовлетворить нужды колхоза в постоянной связи с правобережьем — с районным центром, Коломной и Москвой.

Недалеко от центральной площади села помещается основная усадьба колхоза, обнесенная забором, здесь расположены молочно-товарные фермы, дом доярки, электростанция, механический цех колхоза, мельница, колхозная баня, омшаник и ряд других хозяйственных построек. Отдельно стоят родильное отделение для коров и профилакторий; в значительном отдалении, за жилыми домами, находятся овцеферма, свиноферма и птичник, а далее двор ремонтного молодняка (названный «комсомольским», так как первоначально в нем работали преимущественно комсомольцы); у правления колхоза помещается «племферма» — центральная конеферма колхоза.

³ Одним из значительных фактов хозяйственной жизни колхоза является организация торговли молочными продуктами на Центральном рынке в Москве, где артель имеет свою палатку.

Разбросанное положение колхозных построек в известной степени объясняется природными условиями: для них выбраны наиболее возвышенные места, так как во время весеннего разлива Оки даже значительная часть улиц Дединова заливается водой.

Кроме того, каждая полеводческая бригада имеет свою хозяйственную усадьбу, где помещаются конюшня, склад для хозяйственного инвентаря, средств транспорта и т. д. Строительство общественных зданий колхоза, начатое еще в 1933 г., особенно развернулось в последние годы послевоенной сталинской пятилетки. Значительное по своему размаху (построены новый скотный двор 1-й бригады, свиноферма и овцеферма, электростанция, гараж, пилорама, крупорушка и др.), оно отличается от первоначального строительства в колхозе использованием огнеупорных материалов: кирпича, шлакобетона, цемента, железа, шифера и др.

Колхозные постройки для скота — более старого типа, это — продолговатые срубные одноэтажные здания с двускатной крышей; новые строятся на кирпичном фундаменте и кирпичных столбах со стенами на шлакобетонном растворе. В верхней части такого двора под крышей нередко устраивается сеновал, в чем можно видеть продолжение местных традиций.

К общественным колхозным постройкам культурно-бытового назначения относятся клуб, правление колхоза, баня и ряд других. Правление колхоза имени Сталина помещается в большом двухэтажном доме и размещено в четырех комнатах верхнего этажа. В одной из них ежедневно собираются бригадиры для получения от председателя наряда на работу; здесь же находится телефон, связывающий колхоз с районом (здание правления также соединено телефоном с важнейшими производственными объектами колхоза, в частности с его фермами). Из первой комнаты дверь ведет в благоустроенный кабинет председателя колхоза, уставленный красивой мебелью, с ковром на полу. Стены кабинета украшают почетные грамоты, которые колхоз имени Сталина получал за отличную работу, стоит переходящее знамя района за успехи колхоза в полеводстве. В двух других комнатах размещаются бухгалтерия, машинистка и зоотехник колхоза. К помещению правления колхоза через сени примыкают комната партийной организации колхоза, радиоузел и комната для приезжих.

Усиление жилищного строительства особенно заметно проявилось в 1948—1950 гг. Применяются материалы, не известные в прошлом, — шифер для крыши, шлакобетон и др., но дерево все же служит основным материалом для жилых построек. Для хозяйственных построек на приусадебных участках колхозников, используется техника, по их словам, сравнительно недавно заимствованная от приезжих украинцев: плетневые стены с обеих сторон обмазывают глиной. Стройка жилых домов производится пришлыми плотничьими артелями (из соседнего Егорьевского района). Для выполнения общеколхозных строительных работ есть своя колхозная плотничья бригада.

Архитектура жилого дома и тип связи его с двором остаются характерными для среднерусской полосы, в частности, для юга Московской и севера Рязанской областей. Это — изба, чаще в виде одного сруба (иногда — пятистенная) на подклети (т. е. с полом, поднятым от земли), с двускатной крышей (или с трехскатной и с мезонином), с примыкающим к дому двором. Двор состоит из двух частей — крытой части в виде «глаголя», примыкающей к дому, и открытой части, обнесенной забором, которые образуют вместе с домом замкнутый прямоугольник с воротами и калиткой, выходящими на улицу. Однако теперь нередко «глаголь» нарушен, и крытая часть двора стоит отдельно от дома, что является более гигиеничным (см. рис. 3).

Крытая часть двора носит общее название — «сарай»; нижняя часть «сарая» называется «конюшня», хотя назначение ее иное: она исполь-

зается для содержания коров, овец, свиней. Собственно конюшня после обобществления лошадей исчезла из личного хозяйства колхозника. К хозяйственным постройкам двора относится «погребец» — срубное помеще-

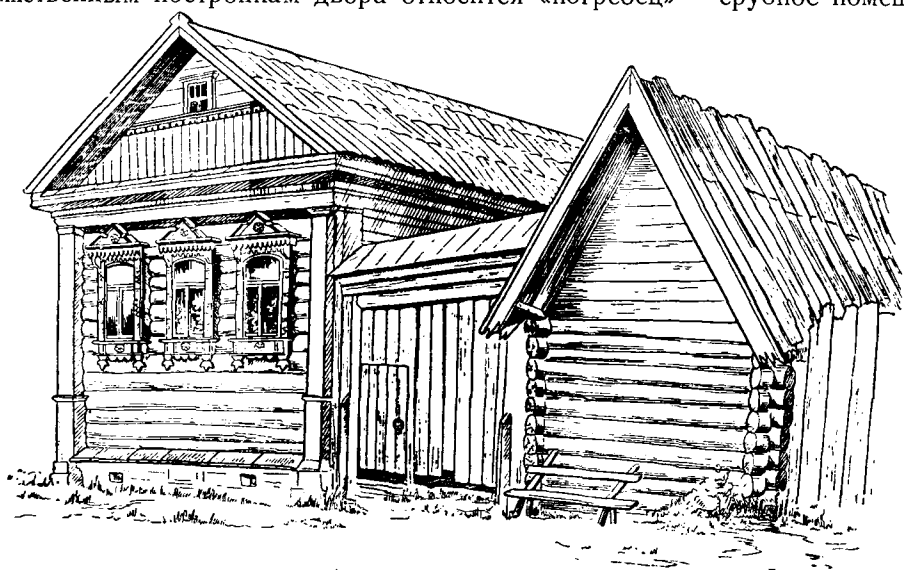

Рис. 2. Дом И. А. Медведкова. Построен в 1949 г.

ние с погребом, который помещают иногда у ворот. (одна из его стен выходит на улицу, см. рис. 3), и «дровяник» — сарай или навес для дров.

Отмечается наличие в крытом дворе второго этажа — «ящика» для

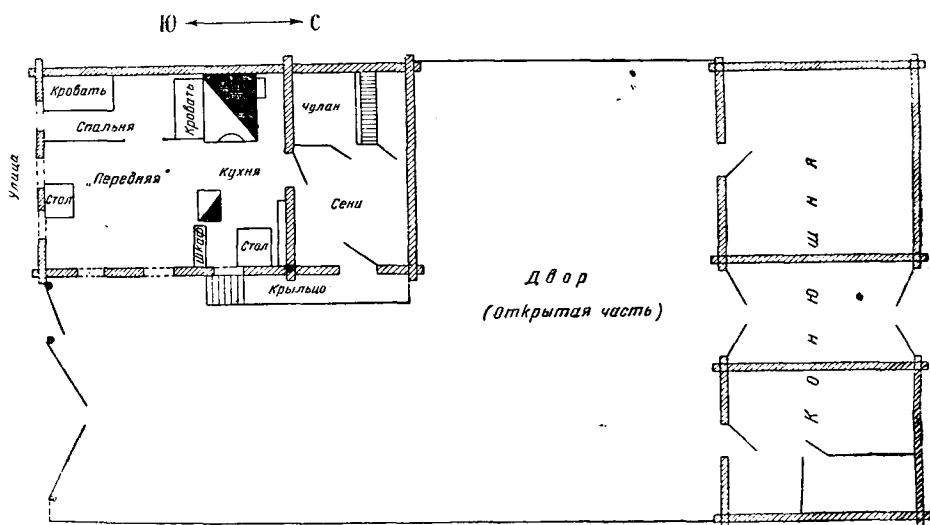

Рис. 3. Дом и двор колхозницы В. И. Морозовой

сена, что не характерно для южного открытого типа двора, но здесь в условиях весенних разливов реки, покрывающих значительную часть села, и необходимости хранения больших запасов сена, видимо, выработалась эта своеобразная разновидность двора.

Новым типом постройки жилого колхозного дома нужно считать дом передовой доярки колхоза — Героя Социалистического Труда К. М. Лощеновой, построенный ею в 1949 г. с помощью колхоза. Возведен дом на кирпичном фундаменте, с массивными кирпичными столбами по углам

и стенами из шлакобетона, оштукатуренными и побеленными снаружи и изнутри. Дом имеет подполье (пол поднят от земли) для хранения картофеля и овощей (как каждый дом в колхозе); сзади примыкают «мост» — сени с «чуланом» и двор. Двускатная крыша дома — из железа. По фронтальной стене расположены три окна с деревянными голубыми резными наличниками (что также типично для архитектуры русского жилого дома), а два окна имеются по боковому фасаду. У входа в дом со двора устроено небольшое крылечко. При использовании более прочных и огнеупорных материалов основной архитектурный облик да и планировка дома продолжают сохранять традиции русского народного зодчества.

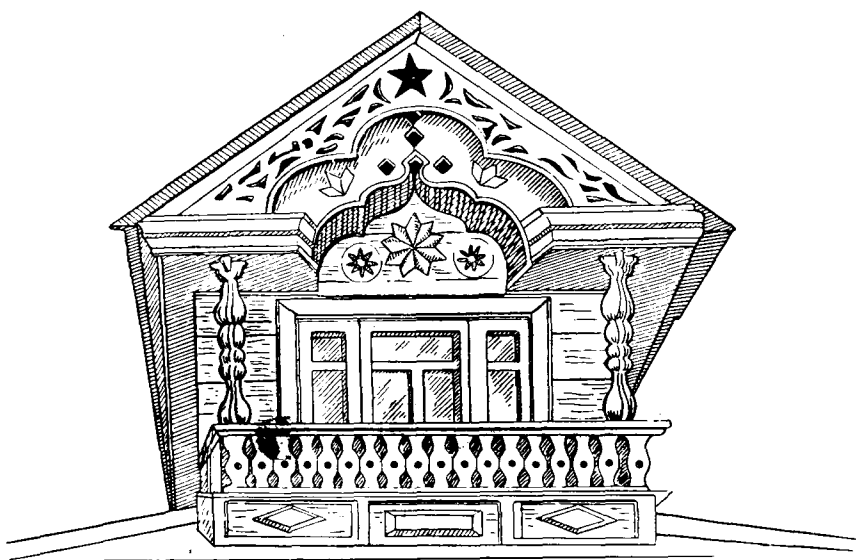

Рис. 4. «Светелка» дома В. С. Шамарыкиной

Большая любовь к украшениям отмечается в домах как старой, так и новой постройки. Наличники окон, карнизы, мезонины украшены резьбой, чаще пропиловочной, ажурной или накладной. В ней преобладает причудливая растительно-геометрическая орнаментировка, но встречаются и изображения птиц. Новым является включение мотивов советской эмблематики — особенно част мотив пятиконечной звезды (рис. 4).

Значительно более, чем архитектура дома, изменились его внутренняя планировка, убранство и бытовое содержание. Так называемый северно-великорусский план избы (который характерен был для средней полосы) сохраняется лишь в домах старой постройки (при этом печь повернута устьем к фасаду, находясь в углу у двери). В большинстве домов планировка другая — печь повернута к боковому фасаду; вся хозяйственная часть избы расположена непосредственно у входа, и, таким образом, весь «перёд» изолирован от кухни. «Перёд» состоит, как правило, из двух комнат — «зала», или «горницы», и спальни. В современном колхозном жилище ярко выражено стремление выделить части избы по их функциям: изба перегораживается деревянными «переборками» на три-четыре комнаты. Часто стены, особенно «зала», оклеивают обоями, а полы красят или оставляют некрашенными, но моют добела и застилают сплошь половиками и невыделанными овчинами и телячьими шкурами. Приходящие снимают у входа обувь и остаются в одних толстых вязаных чулках. «Зал» или «горница», как правило, утопает в зелени цветов, растущих в горшках и кадках. На окнах и дверях, соединяющих комнаты, повешены ажурные, чаще своей вязки, или ситцевые занавески.

вески; скатерти и салфетки, покрывающие столы, столики, комод, расставленные в «горнице», также своей работы. Здесь стоят стулья и нередко имеется мягкий диван. Обилие фотографий на стенах и в альбомах — характерная черта бытового убранства колхозного жилища.

Электричество и радио прочно вошли в домашний быт колхозников с. Дединова. Наличие небольшой домашней библиотечки в доме показывает то новое, что характеризует быт передовых колхозных семей. Портреты советских деятелей, художественные репродукции с картин современных художников украшают стены «горницы» или «зала».

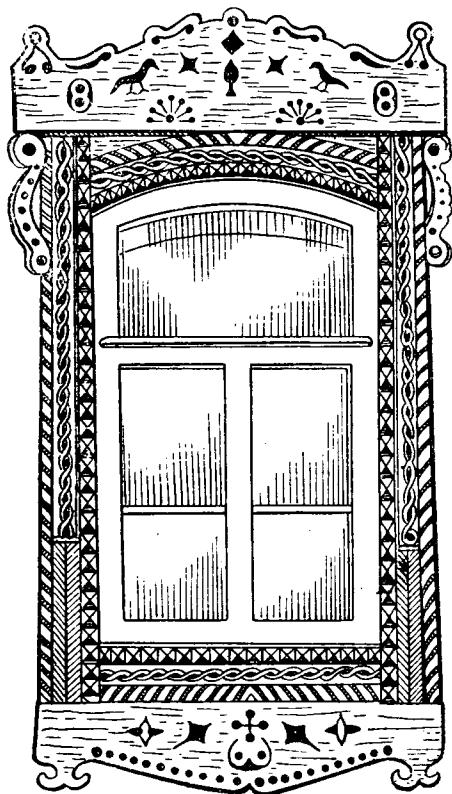

Рис. 5. Наличник окна дома К. И. Белоусовой

В спальне (или «передней») обычно помещается никелированная кровать. Она является предметом особого внимания, заботливо убрана покрывалом, кружевным подзором, горой подушек.

V

В другой области материального быта — питании населения с. Дединово также наблюдаются большие изменения в сравнении с прошлым.

Вот что вспоминает В. М. Пичугина о жизни и питании дединовской семьи бедняка до революции:

«У нас было 6 человек детей. Отец плел корзины, мать стирала на купцов. Бабка ходила по миру — собирала. Мать бывало принесет от богачей картошки, да шей горшок, накормит нас. В избе холодно. Ни лошади, ни коровы у нас не было, а свиней тогда вообще не держали. Отец сильно пил. Мать зарабатывает поденщиной 25 копеек в день, бежим в лавочку и покупаем. Своего — ничего не было. Молока мы не видали.

Если кому поможет мать на сенокосе, то дадут ей молока за работу. Подсолнечное масло было и за молоко и за жиры».

В настоящее время натуральная часть оплаты трудодня обеспечивает колхозную семью пшеном, овощами и картофелем, а частично рожью и пшеницей. Так, например, семья Юрьевых, состоящая из четырех человек и заработавшая в 1949 г. 1750 трудодней, получила 15 т различных продуктов и в том числе 1,5 т зерновых. Овощи и картофель, кроме того, выращиваются на приусадебных участках. В прошлом все это нужно было покупать. Большое значение в питании колхозников имеют молоко и молочные продукты. Корова местной высокоудойной породы, как правило, имеется у каждой семьи, а, кроме того, некоторые семьи, члены которых работают в животноводстве, получают молоко в качестве дополнительной оплаты труда — иногда до тысячи и больше килограммов в год. Мясо заготавливают в своем хозяйстве с осени — телятину, баранину, свинину (одного поросенка иногда держат до весны); используется мясо домашней птицы и яйца; большое значение в питании имеет рыба (рыболовством из членов колхоза занимаются мужчины, преимущественно старики; имеется рыболовецкая кооперативная артель). Кроме натуральной, значительна денежная оплата трудодня⁴. Это дает возможность покупать кондитерские изделия, продукты гастрономии, бакалеи и многие другие; потребление их значительно возросло в сравнении с прошлым.

Приготовлением пищи в семье занимается тот, кто менее всего принимает участия в производстве, кто-либо из старших женщин — мать, свекровь, но не всегда, иногда молодые. Для варки употребляется чугунная посуда, а также алюминиевая, эмалированная, используется и глиняная; она особенно необходима для хранения молочных продуктов.

Принимают пищу обычно три раза в день — утром (завтрак), в полдень (обед), вечером (ужин). Однако приемы пищи происходят не всегда одновременно всеми членами семьи, если они заняты на различных видах колхозной работы и приходят домой в разное время.

На стол, покрытый скатертью, ставят эмалированные миски или фаянсовые тарелки и кладут алюминиевые ложки. В большинстве семей, особенно в тех, которые жили в городе, подаются каждому отдельные тарелка и прибор. Ставят отдельную посуду детям, гостям, а также на торжественных, например, свадебных обедах. Чайная посуда — стеклянная и фарфорово-фаянсовая; один-два самовара имеются в каждом доме. Сноха, вступившая в семью, обязательно привозит в дом самовар. Украшенный баранками и цветами (как и зеркало, а иногда еще и комод), он привозится вместе с постелью и остальным приданым невесты.

Дединовцы очень любят пить чай: называют себя «водохлёбами». Чай пьют не менее двух раз в день — утром и вечером; пьют с сахаром или кондитерскими изделиями. Употребляют и кофе. Мужчины часто уходят пить чай в чайню.

В обычный повседневный рацион колхозной семьи входят: различные супы, щи, уха, каши, картофель с салом или мясом, рыба, кисель и обязательно молоко в разных видах. Любят квашеную капусту и соленые огурцы, употребляют и острые приправы, уксус, перец и др. В пище преобладают те или иные виды продуктов в зависимости от сезона (так, например, осенью и зимой больше употребляется мясная пища, а летом — молочная). Обед обычно состоит из двух-трех блюд. В праздничные дни, на свадьбах число кушаний доходит до шести-семи. Основными блюдами праздничного стола являются холодные и горячие мясные кушанья и печенья из теста. Среди них немало русских национальных, как, на-

⁴ Колхозники имеют также денежные доходы от продажи излишков продуктов личного хозяйства, главным образом молока, картофеля и овощей.

пример «холодец» — студень, «крупенник» — сладкая запеканка из крупы, пироги, ватрушки и пр. Наряду с этим стали готовить кушанья, общепотребительные в городе и ранее не приготовлявшиеся, — винегрет, колбасы (которые научились делать сами), котлеты с макаронами. Последние составляют обязательное блюдо свадебного стола или обеда на колхозном празднике.

Изобилие, каким отличается праздничный стол на свадьбах и на колхозных торжествах, свидетельствует о возросшем благосостоянии колхозников.

Во время второй мировой войны колхоз ввел в практику устройство общественного питания в бригадах — на дальних и близких покосах, на жнитве — варку обеда для всей бригады. В настоящее время предпочитают обедать дома или, если работают далеко от дома, берут с собой еду в поле. Она состоит из молочных продуктов, яиц, огурцов, помидоров, хлеба и какого-нибудь печения собственного приготовления. В период уборки овощей и картофеля берут с собой котел и варят картофель для всего звена.

Нужно отметить наличие общественной столовой-чайной в Дединове, обслуживающей и приезжих, и дединовцев (которые пользуются ею главным образом как чайной), а также организацию в колхозе общественного питания детей дошкольного возраста (в колхозных яслях и детском саду). Колхоз снабжает детские учреждения мясом, маслом, молоком, пшеном, картофелем, овощами; другие необходимые детям продукты (хлеб, печенье, сахар, кондитерские изделия, компот, манная крупа и пр.) покупаются. Для приобретения их колхозники вносят небольшую плату — один рубль в день с каждого ребенка. Меню детского питания разрабатывается на неделю; оно разнообразно. Для приготовления детских завтраков, обедов и ужинов держат повара.

Одежда современного Дединова мало чем отличается от той, которую носят в Москве, Коломне, Рязани и других городах, с той лишь разницей, что моды в Дединове появляются с некоторым запозданием. Но и в дореволюционное время одежда дединовцев имела мало общего с распространенными в соседних районах народными формами великорусского костюма. В Дединове в силу особых экономических условий не получили развития ни ткачество, ни вышивка; своих посевов льна или других волокнистых веществ не было. Одежду шили из покупного материала, а по покрою она была близка к одежде городских мещанских слоев.

Современная одежда колхозников свидетельствует о поднятии материального уровня и благосостояния крестьянства. У женщин она состоит из юбки с блузкой, платья, костюма, трикотажного жакета и т. д. У мужчин — «пара» или «тройка»; их носят с рубашкой с отложным воротником и галстуком, а пожилые мужчины иногда с косовороткой.

«Горничную» (платье, блузки, костюмы и др.) и верхнюю одежду дединовцы покупают готовыми в сельских магазинах или отдают шить: в Дединове есть портные и портнихи.

Принадлежности костюма, которые все же отличают одежду колхозников от городской, составляют: 1) вязаные изделия своей работы, получившие широкое распространение, — шерстяные чулки, носки (большая часть надевают под валяную обувь), перчатки и особенно мягкие теплые платки, которые носят девушки и женщины вместо шляп⁵; 2) ситцевые платки, которые колхозницы завязывают узлом под подбородком; 3) овчинные тулупы, которые надевают поверх шубы.

Верхняя одежда разнообразна: в качестве рабочей общепотребительны «ватники», пальто, шубы, куртки. Вместе с тем у каждого имеет-

⁵ Обработка шерсти домашним способом и прядение — единственный вид обработки волокнистых веществ, который применяется дединовскими женщинами и имеет большое значение в настоящее время.

ся в запасе хорошая суконная шуба (у женщин — плюшевая или бархатная) с меховым воротником, нередко подбитая мехом. Зимой носят валенки с галошами, в другое время — кожаную и резиновую обувь. Лапти, бывшие обувью дединовской бедноты в покос, иронически теперь называемые «двадцать четыре клеточки», — исчезли из обихода.

Колхозницы уделяют немало внимания своевременной подготовке для дочерей-невест носильного и постельного белья, одежды и обуви, составляющих так называемое «приданое».

VI

Обратимся к характеристике взаимоотношений в колхозной семье. Средняя численность семьи — три-четыре человека. Среди семей есть такие, число членов которых доходит до 8—12, есть семьи-одиночки. Семья, как правило, состоит из супругов, детей и стариков-родителей или одного из них. Типична и такая семья, где, кроме детей младшего возраста, живет женатый сын с женой и детьми. Семьи, в которых имелись бы две снохи, — не встречаются; в таких случаях происходит отделение молодой пары путем либо перехода в другой дом, либо отъезда в город, на промышленное предприятие. «Принятие в дом» зятя практикуется довольно часто, особенно, если у родителей нет детей, кроме единственной дочери.

Современная колхозная семья — это малая семья, коренным образом отличная от малой семьи капиталистического периода. Колхозная семья — часть трудового социалистического коллектива и тесными узами связана с ним. Зажиточность семьи определяется крепостью и богатством всего колхоза. Материальная база семьи складывается из продуктов и денег, получаемых на трудодни за работу в колхозе (этот заработок имеет основное значение), и из доходов от приусадебного участка и от содержания скота (являющихся дополнительными к основному доходу от работы в колхозном производстве). Сюда присоединяются заработки отдельных членов семьи, работающих в совхозе, служащих или сельской интеллигенции. Колхозные семьи, в которых имеются члены, занятые не физическим, а умственным трудом, теперь не представляют исключения. Нередки семьи, в которых родители работают в колхозе, а дочь или сын — педагогом, или муж — ветеринарным фельдшером, агрономом, жена же — доярка или выполняет какие-либо другие работы в колхозе.

Уровень зажиточности колхозной семьи во многом зависит от числа трудоспособных членов в ней, от их опыта, квалификации и активности в колхозном производстве. Зарботки семьи складываются вместе и, как правило, тратятся сообща. Новая, социалистическая экономика семьи обусловила иные взаимоотношения между ее членами — супругами, родителями и детьми и т. д., чем те, которые существовали в старой крестьянской семье. В советской колхозной семье исчез деспотизм мужа и отца, присущий дореволюционному семейному быту, взаимоотношения между членами семьи основаны на правилах социалистического общежития и полноправности всех взрослых.

Активное участие женщины в колхозном производстве и общественной жизни обусловило ее положение в семье как равноправного члена. Нередко ее активная роль в коллективе придает ее голосу в семейных делах решающее значение.

Приведем в виде примера семью Акуловых, состоящую из Н. И. Акулова, работающего колхозным сторожем, жены его П. И. Акуловой, работающей свинаркой (каждому из них более 50 лет), дочери — медицинского работника (в настоящее время не работающей из-за маленького ребенка) и зятя — агронома. П. И. Акулова, с энтузиазмом отдающаяся своей работе на свиноферме, является основным работником семьи. Дома хозяйством занимается дочь.

Без П. И. Акуловой не решаются семейные дела, здесь ее голос имеет основное значение. И хотя муж нередко высказывает недовольство по поводу ее долгого отсутствия, вместе с тем он старается облегчить ее работу по дому: уходу за скотом, за огородом и т. д.

Ролью в колхозном производстве в первую очередь определяется положение женщины в семье. «Положение у печи», за которое в прошлом велась борьба и которое было привилегией «старшей», потеряло какое-либо значение. Хозяйство ведет та из женщин, которая менее занята на колхозной работе.

Упрочившееся положение женщины в коллективе, ее роль в семье вызывают изменение обычного семейного права, в частности, эти изменения отмечаются в области наследования имущества. Дом, хозяйство не всегда передаются по мужской линии, как это было в прошлом, но нередко, если родители считают нужным, оставляют дом за дочерью.

Дети в семье окружены заботой и лаской. Вместе с тем уже в раннем возрасте их приучают помогать в домашнем хозяйстве. Более старшие подростки в свободное от учебы время (например, летом) выполняют легкие работы в колхозе.

Дети остаются дома под присмотром бабушки или деда. Если не с кем оставить детей дома, отдают их в ясли и детский сад колхоза. Это практикуется главным образом летом, во время полевых работ. Зимой чаще мать находится при ребенке. С организацией в 1936 г. яслей, матерям-колхозницам предоставляется возможность работать, оставив детей под надежным присмотром.

Колхозные ясли и детский сад в настоящее время объединены и включают две группы детей: младшую, где находятся дети до трех лет, и старшую — от трех до пяти лет. Число детей в обеих группах колеблется от 25 до 50. Размещаются они в просторном двухэтажном доме; в нижнем этаже — хозяйственные помещения, а в верхнем — столовая (она же комната для игр), две спальни для младшей и старшей группы и изолятор, куда помещают заболевших детей. Дети находятся под наблюдением врача. Воспитательную работу с детьми проводит заведующая детским садом, занимая их досуг играми, рисованием; много времени дети проводят на воздухе. При доме имеется участок, обнесенный изгородью, но пока недостаточно еще благоустроенный.

Огромное значение в воспитании детей более старшего возраста имеют школа, пионерский отряд, а в воспитании молодежи — комсомольская организация, воспитывающая их как передовых членов социалистического общества.

Во время Великой отечественной войны колхозники Луховицкого района создали детский дом для детей, оставшихся без родителей. Каждый колхоз взял на себя содержание трех детей-сирот. Созданный колхозами, в том числе колхозом имени Сталина, детский дом в Дединове в настоящее время приобрел областное значение; в нем воспитываются 80 мальчиков и девочек с Дединова и других, иногда очень отдаленных селений. Воспитанники детского дома учатся в школах села. Большая воспитательная работа проводится в детском доме, в нем организованы кружки музыкальный, физкультурный, юных натуралистов, кройки и шитья и т. д. Теплой заботой окружены воспитанники дома; так, например, принято отмечать день рождения каждого; в этот день пекут пирог, виновнику торжества делают подарки. Детский дом тесно связан с колхозом и совхозом Дединова, которые ему помогают. Вместе с тем воспитанники участвуют в колхозных работах, помогают убирать урожай и т. п. Ни сироты, ни семьи, потерявшие трудоспособных, не остаются без помощи: колхоз оказывает им материальную поддержку.

В колхозе создана касса взаимопомощи, фонд которой составляется из отчислений от валового дохода. Касса помогает членам коллектива продуктами и денежными возвратными и безвозвратными ссудами; в

кассу обращаются колхозники при постройке нового дома, приобретении скота и т. д. Этот вид взаимопомощи, как и упомянутая выше производственная взаимопомощь, характеризует новые, социалистические отношения в деревне.

Большим вниманием в семейном быту окружена молодежь. Случаи проявления деспотизма родителей, насильственных браков, распространенных в прошлом, в настоящее время просто невозможны. Выбор невесты или жениха обусловлен личной склонностью, хотя и положение брачующихся в коллективе не безразлично. С изменением семейных взаимоотношений в значительной степени изменились характер и содержание семейных обычаев.

Свадебная обрядность имеет еще значительное распространение в современной жизни Дединова: в этом отражается стремление особенно торжественно отметить один из важнейших моментов в личной жизни человека, а возросшая зажиточность колхозников обусловила ту пышность, с которой празднуется колхозная свадьба. На свадьбу готовят обед, рассчитанный на 50—100 человек. Поездка за постелью невесты осуществляется на нескольких разукрашенных повозках с так называемыми «провожатками» (родственницами невесты, отмеченными цветком и лентой) и «дружками», по обычаю перевязанными через плечо полотенцем.

Свадебный цикл проводится то сокращенно, то более полно. Основные моменты: сватовство, регистрация брака в сельсовете, привоз постели невесты и девишник, «бал», т. е. собственно свадьба и послесвадебные празднества.

При выходе замуж вдовы или при браке лиц пожилого возраста выпадают почти все эти моменты за исключением сватовства и «бала». Браки в пожилом возрасте иногда даже не регистрируются, так как считают, что «неловко», «стыдно» пожилым идти в сельский Совет.

Несмотря на внешнее сходство с ранее бытовавшими здесь свадебными обычаями, характер современной свадьбы, осмысление различных ее моментов, значительно изменились.

Сватовство приобрело значение лишь формального скрепления родителями той договоренности, которая уже осуществлена ранее самими брачующимися. Меньше, чем в прошлом, придают значение обряду венчания, нередко этот момент совсем выпадает из свадьбы. Вместе с тем, наряду с регистрацией брака в сельском Совете, устройство «свадебного вечера», «бала» считается необходимым. Исчезли из свадебного обряда архаические обычаи, позорящие женщину (как, например, обычай показа рубашки молодой, бытовавший ранее в с. Дединове), а ряд моментов приобрел чисто увеселительный характер: например, выкуп женихом места, выкуп постели невесты и др.

«Дружок» утерял свои прежние апотропейные функции; основной его задачей является представлять со стороны родных жениха и веселить гостей. Первая часть старого свадебного обряда, носившая печальный характер (когда невеста оплакивала потерю ею вольной волюшки и выражала боязнь жизни в чужой семье), как совершенно не соответствующая современному положению женщины, коренным образом изменилась. Плачей нет в современной свадьбе, изменился характер девишника, проходившего ранее в угрюмой, печальной обстановке: теперь — это веселая вечеринка накануне «бала», с гармонью, песнями и пляской, на которую приходят не только девушки — подруги невесты, но и жених со своими товарищами. Изменился и узкосемейный характер дединовской свадьбы: на свадьбу теперь приглашаются близкие товарищи по колхозной бригаде, бригадир, нередко председатель колхоза.

Свадебный песенный репертуар обогатился бытовой, лирической песней, песней советских композиторов, проникнутой здоровым оптимизмом, частушкой, и, таким образом, собственно свадебная песня по существу вытеснена. Любопытно, что свадебные действия сопровождаются диа-

югами, ведущимися иногда в иносказательной форме, пересыпанными шутками, остротами, прибаутками.

В семейных обычаях, связанных с рождением и смертью, также произошли большие изменения, и в передовых семьях эти моменты имеют безрелигиозный характер.

Следует указать на обычай отмечать «вхóдины» — новоселье, организуемое после переезда семьи в новый дом. На «вхóдины» приглашаются родные, знакомые, иногда приглашают плотников; гостям подают угощение, вино; после пиришества веселятся, поют и пляшут под гармонию.

Старые церковные праздники колхоз в целом никогда не празднует, но отдельные семьи отмечают пасху, рождество и др.

В семье, где имеются дети, вошло в практику устройство детских новогодних елок — обычай новый, которого не знала старая русская деревня.

VII

Коренные изменения произошли в культурном облике отдельных семей и всего коллектива в целом. До революции в селе было только сельское пятиклассное училище, в котором обучались дети преимущественно зажиточных. В настоящее время проведено всеобщее семилетнее обучение. В колхозе нет неграмотных, лишь среди старых женщин встречаются иногда малограмотные.

В селе имеются четыре начальные школы и одна средняя школа-десятилетка. Школа, кроме основной задачи обучения и воспитания детей, проводит внешкольную работу, организуя кружки учащихся. При школе создана хорошая библиотека, в которой 5000 книг. Школа является участницей культурных мероприятий, организуемых ею совместно с клубом и сельской библиотекой (устройство литературных вечеров, читательских литературных конференций, постановка докладов). Педагоги школы являются членами агитколлектива села. Однако в работе школы наблюдается некоторая оторванность от жизни колхоза, она не сумела наладить тесной связи с колхозом.

Необычайно сильно стремление молодежи к образованию. Среди колхозной молодежи — немало кончающих десятилетку или после семилетки продолжающих обучение в техникумах.

Современная сельская интеллигенция вышла преимущественно из колхозной среды, работа ее теснейшим образом связана с коллективом. Она работает для нее. Одним из образцов преданной созидательной работы для коллектива является труд С. П. Сосова, ветеринарного фельдшера.

С. П. Сосов, сын сапожника, с детства работал по найму и был пастухом. С 1918 г. он поступил в школу, с тех пор прошел долгий путь многолетнего практического опыта, учебу в ветеринарном техникуме. Пройдя всю войну на фронте, С. П. Сосов вернулся в колхоз к своей работе и с энергией принялся за дело. Ему обязан колхоз снижением заболеваемости коров, яловости и т. д., что содействовало общим успехам колхоза в развитии животноводства. С. П. Сосов награжден званием Героя Социалистического Труда. Творческая мысль С. П. Сосова не ограничилась ветеринарией, а проявлялась и в других областях производства и быта. Так, например, по его инициативе в селе был использован артезианский колодец для водопровода.

Молодежь, окончившая школу-десятилетку, нередко остается работать в селе — учителями начальной школы, заведующими библиотекой, клубом. Но чаще воспитанники десятилетки уезжают продолжать образование в высших учебных заведениях Москвы, Рязани, Коломны. По окончании их значительная часть молодежи разъезжается в разные концы Советского Союза.

Есть среди дединовской интеллигенции и приезжие работники с высшим образованием, давно сроднившиеся с колхозом и много поработавшие для его успехов. Герой Социалистического Труда зоотехник В. И. Вальстен воспитала поколение замечательных доярок. Путем многолетнего упорного труда по организации правильного ухода, кормления животных, подбора и выращивания племенного молодняка и по обучению колхозных животноводов В. И. Вальстен добилась успехов по продуктивности скота, которыми гордится колхоз. Работа зоотехника связана с научно-исследовательской работой Института животноводства и опытной станцией Института кормов им. академика Вильямса.

Центром общественной и культурной жизни колхоза является клуб. Большое здание клуба, вновь отремонтированное в 1950 г., имеет зрительный зал на 400—450 человек, фойе и комнаты для занятий кружков, комнату агитатора и т. д. Здесь происходят общественные собрания для торжественного проведения советских праздников и праздников, отмечающих ту или иную юбилейную дату.

Вместе с тем в клубе ежедневно проводятся различные мероприятия. организуются лекции или доклады. Через день демонстрируются кинофильмы: все новейшие кинокартины проходят на экране клуба Дединова. Устраивают вечера показов художественной самодеятельности клубных кружков — хорового, драматического, хореографического. В репертуаре клубных постановок — пьесы русских классиков — Гоголя, Островского. Чехова и современных драматургов. Силами кружка была поставлена пьеса «На далеком этапе» Кравченко, «Константин Заслонов» и др. Молодежь колхоза своими постановками участвует в районных смотрах самодеятельности.

Следует упомянуть о значительной работе кружка художественного чтения; в репертуаре чтецов стихи русских классиков и отрывки из прозаических сочинений, например «Поднятая целина» Шолохова. Примечательно наличие в репертуаре произведений Маяковского («Стихи о советском паспорте»), к которым отмечается большой интерес.

Заметна большая тяга к музыке: не плохо работает хоровой кружок клуба. До Великой отечественной войны в с. Дединове была музыкальная школа, в настоящее время не функционирующая; кое-кто из дединовской молодежи по окончании школы-семилетки поступил в музыкальный техникум в Москве. При клубе желающие учатся играть на баяне и аккордеоне в детском доме — на скрипке.

Клуб колхоза имени Сталина — центр культурной жизни не только одного колхоза, он привлекает население соседних колхозов, рабочих совхоза, хотя у них имеются свои политико-просветительные центры: клубы и красные уголки.

Организацией большого культурного значения является дединовская сельская библиотека: в ней насчитывается более 4000 книг; она обслуживает 550 читателей из учащихся, сельской интеллигенции, рядовых колхозников (звеньевых, доярок, телятниц, пастухов и др.). Анализ читательских абонементов сельской библиотеки, а также библиотеки красного уголка совхоза, которой пользуются колхозники, показывает уровень запросов и художественный вкус читателей. Из художественной литературы читают классиков: Толстого, Тургенева, Короленко, Горького и др. Однако спрос на литературные новинки больше, чем на классическую литературу, так как значительная часть читателей с ней уже знакома. Охотно читают: «Белая береза» Бубеннова, «Кавалер Золотой Звезды» Бабаевского, «Первые радости» К. Федина, «Алитет уходит в горы» Семушкина и многие другие. Большой спрос на книги Шолохова. Запросы читателей библиотека не всегда удовлетворяет. Ощущается недостаток в детской литературе, что только отчасти восполняется книгами школьных библиотек. Большое активизирующее значение имеют литературные читательские конференции, организуемые библиотекой

совместно со школой. Здесь читатели подвергают разбору литературные произведения, характеризуют основную идею и образы. Такие конференции были проведены по роману Первенцева «Честь смолоду», Фадеева «Молодая гвардия», книге Мусатова «Стожары».

Несмотря на значительный размах политико-просветительной работы в селе, она все же не удовлетворяет выросших запросов: необходимо дальнейшее расширение и оборудование клуба. В связи с этим предполагается постройка Дома культуры со зрительным залом на тысячу мест.

Книга, газета стали необходимыми в семье и коллективе. Можно сказать, что во всеобщее употребление вошла сельскохозяйственная литература: книги по зоотехнике стали настольными книгами многих членов коллектива. Из политической литературы в домах колхозников, главным образом в домах коммунистов, комсомольцев, членов агитколлектива, чаще всего встречаем «Биографию И. В. Сталина» и «Историю ВКП(б)».

Неизмеримо выросла потребность населения в художественной литературе. Читка вслух художественных произведений — один из любимых способов проведения семейного досуга.

Показателем выросшего культурного уровня современного дединовца является большая роль газеты, которую она приобрела в жизни коллектива. Большинство колхозных семей выписывает газеты: областную «Московскую Правду», или же районную «За темпы». В 1950 г. колхоз получал 469 газет (из них около половины центральных), что в среднем составляет более одной газеты на семью.

Особенно примечательным фактом является участие самих членов колхоза имени Сталина в писании статей и заметок в районную газету, областные («Московская Правда», «Московский Комсомолец»), а иногда и в центральные. В этом участвует весь актив колхоза: не только председатель, руководители партийной и комсомольской организаций, но и доярки, пастухи, телятницы, бригадиры, звеньевые. На страницах печати, а также в выступлениях по радио они рассказывают о своей работе, делятся своим опытом, делая его достоянием всего советского крестьянства, и, таким образом, участвуют в общественной жизни всей страны. Есть среди колхозного актива такие, которые работают над созданием книг. Так, например, Клавдия Михайловна Лощенова пишет книгу «Мой опыт раздоя коров».

Говоря о культурном облике современных дединовцев, следует сказать о том значительном интересе к истории села, который они проявляют; среди населения сохранилось довольно много легенд, преданий, рассказов о прошлом. Ряд мест в селе связывают с именем Ивана Грозного и особенно с Петром I, который, по преданию, строил здесь свои суда. Интерес к изучению родного села выразился в стремлении учительства организовать кружок краеведов. Многие члены коллектива высказывают мысль о необходимости создания в будущем музея в Дединове и размещении его в одной из дединовских церквей постройки 1700 г. (памятник русского зодчества).

Для характеристики культурного облика современного дединовца много дают наблюдения над способом проведения им досуга. Об использовании досуга молодежью частично нами было уже сказано. Молодежь — основной участник клубных мероприятий, кружков самодеятельности. Выше говорилось, что наиболее активным читателем является молодежь. Мужская часть молодежи проявляет большой интерес к спорту. Занятия учащихся физкультурой, спортом ведутся при школах, детском доме. Для колхозной молодежи, не связанной со школой, центром спортивных занятий является клуб. Здесь имеется спортивный коллектив в количестве 62 человек; среди них 10 участников — из женской молодежи. Летом работают спортивные секции: по городкам, волейболу, баскетболу и футболу. Созданы две футбольные команды, принявшие участие в соревнованиях на первенство в районе.

Однако в зимнее время спортивная работа замирает. Бегание на лыжах, коньках — одно из любимых занятий детворы и подростков — не носит организованного характера. Исключение представляет лишь работа детского дома, который проводит лыжные вылазки и походы.

Одним из любимейших занятий молодежи является игра в шашки, шахматы. Большое участие принимает молодежь в шахматном турнире, который ежегодно организует библиотека совместно с клубом; во время зимних каникул в нем принимает участие 12 и более человек.

Среди молодежи имеют место и некоторые традиционные увеселения; к ним, например, относятся качание на качелях на масленицу, новогодние гадания и ряжения. Ряжение — одно из любимейших развлечений: оно применяется на свадьбе (на другой день «бала»), а также под новый год. Традиционное народное ряжение приобрело новую форму в виде новогоднего бала-маскарада, который ежегодно организуется в клубе колхоза.

Досуг более старших и пожилых членов коллектива протекает несколько по-иному. Много нового имеется и здесь: книга, газета, радио вошли в жизнь пожилого поколения. Пожилые или старые женщины, любящие книгу, интересующиеся газетой, не представляют единичного явления. Об этом свидетельствует ряд примеров: так, например, семидесятилетняя колхозница М. Ф. Кузнецова — одна из активных читательниц библиотеки красного уголка дединовского совхоза; ею прочитаны произведения Толстого, Гончарова, Горького, Н. Островского, Чапыгина, Пановой и многие другие; Е. Г. Тарусина, мать шофера колхоза, с особым интересом прочла книгу Каверина «Два капитана», «Повесть о настоящем человеке» Полевого. «Люблю почитать, — говорит она, — и читаю сама, иногда же внук (пятиклассник Вова) читает нам вслух».

Пожилые члены коллектива посещают кино, но значительно реже, чем молодежь. Большое значение в их жизни имеет радио, даже, может быть, больше, чем в жизни молодежи, которая в силу своей подвижности сравнительно мало бывает дома. Почти все дома в селе радиофицированы. Радио любят все, старики даже сердятся, если его выключают. Слушают музыку («не хочешь, а научишься петь», — говорят они) и многое другое, особенно последние известия. При передаче их даже в общественной чайной-столовой наступает тишина и все внимательно прислушиваются.

Фактом большой важности является создание в колхозе собственного радиоузла; передаются объявления, иногда музыка (патефонные пластинки, которые подбирают сами колхозники, часто бывающие в Москве); среди передаваемых произведений преобладают русские народные песни в исполнении Воронежского хора, хора имени Пятницкого и песни советских композиторов.

Большое значение имеют опыты трансляции общеколхозных собраний из клуба, что важно для старых или пожилых колхозников или колхозниц, мало выходящих из дома. «Ты, бабушка, на печи будешь слушать собрание», — говорят в таких случаях.

Известная специфика в проведении досуга наблюдается не только по возрасту, но и по полу. Так, например, женщины любят заниматься рукоделием: вышивкой, вязанием и прядением шерсти на «рогульке», слушая в то же время радио или чтение. Наиболее красивые изделия были выставлены в фойе клуба. На этой же выставке нашла отражение живопись маслом, которой занимается кое-кто из молодежи.

Для мужской части колхозников излюбленным местом отдыха является общественная чайная-столовая, которая является для них как бы вторым клубом.

«У нас раньше, — говорят колхозники, — чайная была, как биржа, не пойдешь, так без работы останешься, а теперь гонит привычка. Вроде

как на народе лучше. Тут и дела свои обсуждаем за чаем. Дома у нас только бабы пьют чай. Иной раз и самовар на столе кипит, а туда как магнитом тянет».

Современная чайная коренным образом отлична от старой чайной. Это не «биржа» и не «кабак», сюда приходят отдохнуть за чашкой чая, поговорить о делах в кругу товарищей. Здесь имеется радио. Однако культурное обслуживание в чайной поставлено не на достаточной высоте — так, например, здесь нет газет.

Коренные изменения в сознании колхозников, происшедшие в результате социалистического переустройства и культурной революции на селе, обусловили изменение в отношении ко многим старым обрядам и поверьям, имевшим огромное значение еще в недавнем прошлом. Наиболее активны в преодолении многих пережитков прошлого коммунисты и комсомольцы села. Из среды комсомольской молодежи раздаются протесты против выполнения тех или иных закоснелых обычаев, в частности некоторых свадебных.

Говоря о том новом, что характеризует современную деревню, нельзя умолчать об общеколхозных празднествах, составляющих существенную часть общественного быта. Вместо старых церковных праздников, которые колхоз не отмечает, созданы новые, качественно отличные, связанные не с религией и церковью, а с трудовыми достижениями социалистического коллектива. Такими новыми, безрелигиозными праздниками, проникнутыми социалистическим содержанием, являются советские праздники: Первое мая, Седьмое ноября, праздники бригады, общеколхозные торжества, отмечающие окончание отчетного года. Годовой колхозный праздник «с отчетной», не приуроченный ни к какой календарной дате, происходит в первые месяцы нового года и проводится по бригадам. Каждая бригада организует подготовку «бала», как называются эти вечера; получает продукты из колхоза, выделяетстряпух для приготовления праздничного обеда и, выбрав один из более просторных домов, по соглашению с хозяином дома, готовят его к «балу».

К назначенному часу собираются нарядные, празднично одетые члены бригады, приглашается актив из других колхозов; председатель колхоза или секретарь партийной организации открывает вечер краткой речью, где подводит итоги прошедшего трудового года и желает успеха в будущей работе. Бригадир и звеньевые — это радушные хозяева. Сидящих за столом обносят блюдами с обильным угощением, вином, брагой. Произносят тосты и уже за столом начинают петь песни.

После окончания торжественного обеда выносят столы и другую лишнюю мебель из помещения, освобождают место для танцев: начинается собственно «бал». Песенный репертуар колхозных вечеров довольно разнообразен. Здесь проявляется репертуар различных поколений, имеющий свою специфику. Более пожилые поют иногда местные старинные песни: хороводные — «Со вьюном я хожу», свадебные — «Я вечер млада», «Комарик» и др., но сравнительно редко. В быт вошла советская массовая песня, воспринимаемая через радио, кино, школу, колхозные самодеятельные кружки, от вернувшихся фронтовиков. Очень распространены в молодежном репертуаре песни: «За дальнею околицей», «Прощайте, скалистые горы», «Колхозная песня о Москве», «От колхозного вольного края» и многие другие. Некоторые из них вошли в репертуар всех поколений, например, «Катюша» (на слова Исаковского). Общеупотребительны старые народные песни: «Ермак», «Стенька Разин», «Златые горы» и др.

Кроме песен, одним из ведущих фольклорных жанров является частушка, пользующаяся любовью всех поколений, живо откликающаяся на все явления современности. В ней нашли отражение тема колхозного труда, любовь к своему колхозу, к партии Ленина — Сталина и социалистической Родине. Нередко со всей остротой частушка бьет по недо-

статкам колхозной жизни или отдельных членов колхоза. Широко отражена в частушке любовная лирика. Исполняется частушка под гармонь, сопровождается ритмическими движениями и отбиванием ногами дробы, т. е. теснейшим образом связана с пляской.

Особые плясовые частушки, составленные с чувством глубокого юмора, исполняются на колхозных «балах» (а также на свадьбах), где пляска проявляется во всем своем разнообразии. Это «русская» и разновидности ее — «елецкий», «семеновна», «яблочко» и др., исполняющиеся с пением частушек. Кроме того, танцуют вальс, краковяк, польку, па д'эспань, «светит месяц», «цыганочку» и др.

Можно сказать, что эти праздники в колхозе имени Сталина — праздники нового, социалистического типа, облеченные в национальную форму.

Быт колхоза имени Сталина, представленный в настоящем очерке, свидетельствует о глубоких коренных изменениях в жизни с. Дединова, происшедших за годы советской власти. В результате социалистического преобразования хозяйства и социальных отношений изменился культурный облик деревни, выросло социалистическое сознание крестьянства

Г. М. ВАСИЛЕВИЧ и М. Г. ЛЕВИН

ТИПЫ ОЛЕНЕВОДСТВА И ИХ ПРОИСХОЖДЕНИЕ

I

Вопросы о древности оленеводства, его происхождении и путях распространения принадлежат к числу наиболее трудных и вместе с тем наименее освещенных в сложной проблеме истории материальной культуры народов Севера. В обширной литературе по оленеводству нет недостатка в различных гипотезах, теоретических построениях по указанным вопросам, немало и работ по оленеводству отдельных народов, но, к сожалению, почти отсутствуют исследования, посвященные характеристике и сравнительному анализу элементов оленеводства, их классификации, истории отдельных типов оленеводства. Настоящая работа имеет целью хотя бы частично восполнить указанный пробел¹.

Оленеводство может быть характеризовано с разных точек зрения: по общему направлению хозяйства и роли в нем оленя, по характеру использования оленя для транспорта, по способам пастьбы, по породам оленя и т. д. В основу классификации типов оленеводства могут быть положены различные признаки в соответствии с теми задачами, которые ставит себе предлагаемая классификация. В этнографической классификации, которая должна отразить историю сложения отдельных типов и исторические традиции того или другого оленеводческого народа, следует исходить из признаков, в наибольшей степени сохраняющих эти традиции и, следовательно, менее подверженных изменениям в связи с географическими условиями, экономикой хозяйства. Этнографическая классификация должна служить не только рабочим приемом при сравнении различных форм, но и отражать реальные исторические взаимоотношения тех этнических групп, которые явились создателями или распространителями тех или иных культурных элементов.

Наиболее известна классификация типов оленеводства, принадлежащая В. Г. Богоразу². Богораз выделял следующие типы: северное тундрное оленеводство с санной ездой и более южное — с верховой ездой. В пределах первого он выделял западное оленеводство с применением пастушеской собаки и восточное — с пастьбой оленей без пастушеской собаки. По способу пастьбы верховое оленеводство относится к восточному типу. Классификация Богораз, правильно отмечая главнейшие отличительные черты оленеводства крупных географических областей, слишком обща и не отражает характерных черт оленеводства разных

¹ Для настоящей статьи нами проработаны, помимо литературных источников, коллекции Музея антропологии и этнографии АН СССР, а также использованы устные сообщения наших товарищей по работе: Б. О. Долгих, А. А. Попова, Е. Д. Прокофьевой, Н. Ф. Притковой. Только благодаря этому удалось составить себе представление о различных деталях, которые в литературе отражены крайне скудно.

² В. Г. Богораз, Древние переселения народов в северной Евразии и в Америке, Сборник Музея антропологии и этнографии, VI, 1927, стр. 37—62; его же, Оленеводство. Возникновение, развитие, перспективы, сб. «Проблемы происхождения домашних животных», вып. 1, Труды лаборатории генетики, Л., 1933, стр. 219—251.

этнических групп. Она учитывает только два признака: способы пастьбы и вид транспорта (упряжной и верховой).

Необходима более детальная классификация, основанная на ряде признаков, которая позволила бы дать развернутую характеристику типов и выделить внутри них подтипы и варианты.

Помимо предложенных Богоразом признаков (виды транспорта и пастьба), важное значение в классификации имеют и такие признаки, как наличие или отсутствие доения важенок, способы кастрации и др.

В характеристике транспортного использования оленя недостаточно выделять только верховой и упряжной транспорт; следует учитывать в пределах этих видов различные особенности в упряжке, конструкции нарт, седел и упряжи, в способах посадки и управления оленем.

II

Начнем рассмотрение с отдельных элементов транспортного использования оленя, вначале упряжного, затем верхового.

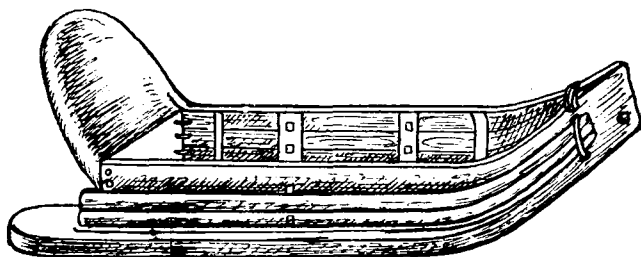

Рис. 1. Кережка (колл. МАЭ, 343—16)

Исключительно упряжный способ езды был распространен на западе Сибири у ненцев, энцев, хантов, мансов, кетов, а также у коми, заимствовавших оленеводство у ненцев в совсем недавнее время, на востоке — у чукчей и коряков.

Исключительно выючный и верховой транспорт был распространен среди тувинцев восточного горного района (тоджинцев) и тофаларов (карагасов), а также среди некоторых групп эвенков и эвенов.

Оба вида транспорта имелись у саамов (люпарей), отдельных групп звенков, эвенов, юкагиров, у якутов, долганов, негидальцев и ороков. При преобладании нартового транспорта иногда встречался верховой и выючный у лесных ненцев, селькупов и нганасанов.

Сани

Весьма существенным элементом в классификации упряжного оленеводства является типология саней. Здесь в первую очередь различаются: бескопыльная кережка и копыльная нарта. Кережка имеет весьма ограниченное распространение и характерна для саамов.

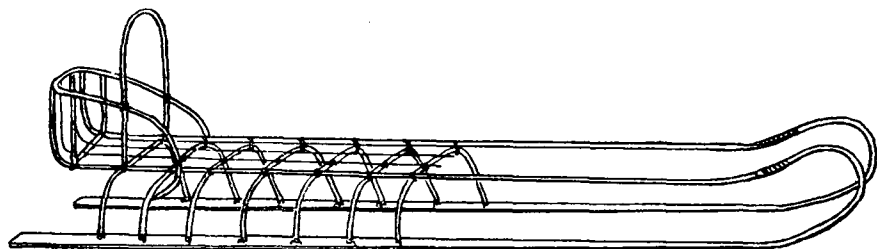
Кережка, в отличие от нарты — двухполосных саней на копылях, — является однополосной, бескопыльной короткой повозкой в виде лодки с тупой кормой. Полос, подобно килю в лодке, проходит посередине.

Все остальные формы оленных саней по конструкции объединяются в одну большую группу двухполосных нарт. Нарты бывают ездовые и грузовые.

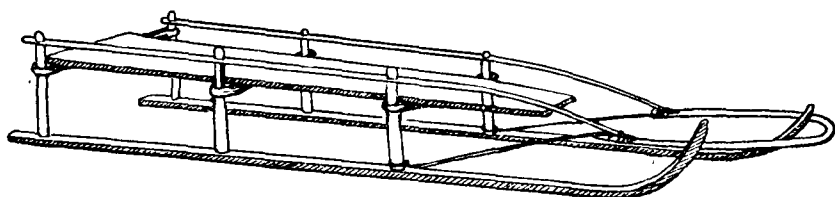
Необходимо отметить, что у одной и той же этнической группы ездовые и грузовые нарты иногда существенно различаются. Поэтому мы рассмотрим вначале ездовую нарту.

Детали устройства ездовых нарт (копылья, передок нарты, полозья и способы крепления) позволяют выделить несколько типов.

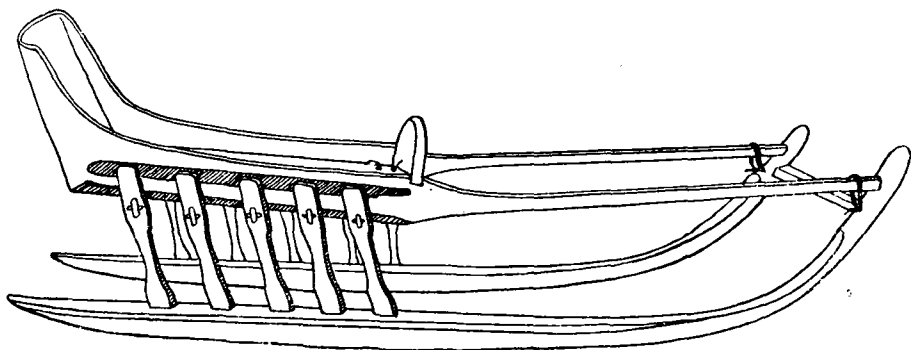
1. Нарта узкая, низкая, длинная с копыльями (обычно шесть-семь) в виде цельных дуг, концами упирающихся в полозья; с полозьями, загнутыми спереди в виде вытянутой дуги и соединенными с нащепами. На дугах копыльев между нащепами привязаны жердочки, образующие решетку — настил. Все части нарты связаны между собой ремешками.

1

2

3

Рис. 2. Типы ездовых нарт: 1 — дугокопыльная; 2 — прямокопыльная; 3 — косокопыльная

В мужской нарте сидение сзади переходит в решетку, в женской эта решетка окаймляет весь настил нарты, оставляя справа отверстие для сиденья. Этот тип нарты, которую мы будем называть дугокопыльной, характерен для чукчей и коряков, встречается среди эвенов и юкагиров, заимствовавших его от соседей — чукчей и коряков.

2. Нарта широкая, низкая, с прямыми невысокими, вертикально поставленными копыльями (обычно три пары). Копылья примерно на середине своей высоты соединены попарно между собой вязками или поперечинами, на которые укладывается досчатый настил. Верхние концы копыльев соединены между собой ободком, образующим барьер. Спереди нарты — горизонтальная дуга «баран», привязанная к передней паре копыльев. Крепление нарты пазовое и ременное. Этот тип нарты, которую мы будем называть прямокопыльной, характерен для

северных эвенов и оленных якутов Северной Якутии; встречается среди долганов и нганасанов, а также у олекминских якутов и эвенков, к которым он проник с развитием грузоперевозок.

Своеобразную конструкцию имеют оленные нарты алдано-зейско-амгунских эвенков, с одной стороны, и ороков, — с другой. У указанной группы эвенков ездовая нарта — низкая, узкая, короткая; она имеет две-три пары изогнутых копыльев. Нижние концы их вставлены в пазы полозьев, верхние сближаются и соединены вязком или поперечиной. На поперечинах укреплены доски — настил. Передок имеет баран, концы которого связаны с нижней частью передних копыльев. В отдельных случаях дугообразна только средняя пара копыльев; крайние копылья — прямые. В такой нарте настил посередине имеет выемки для удобства при сидении верхом. Эта нарта встречается также среди якутов и негидальцев. Описанная нарта как бы соединяет черты дугокопыльной и прямокопыльной.

Нарта ороков — широкая, низкая (три пары копыльев); она отличается наклонной постановкой полозьев, при которой вертикально поставленные в полозья копылья одной стороны обращены к копыльям другой стороны под острым углом. Барана нет.

3. Нарта широкая, высокая и длинная, с копыльями (обычно три-четыре пары, а иногда и больше), поставленными в полозья наклонно внутрь и назад. Копылья располагаются в задней половине полоза. Верхние концы копыльев вставлены в нащеп, а ниже нащеп соединены поперечинами, на которые положены доски настила. Передние концы полозьев соединены поперечиной. Крепление исключительно пазовое. Этот тип нарты, которую мы будем называть *косокопыльной*, характерен для ненцев, энцев, нганасанов, селькупов, кетов, долганов и оленных хантов и мансов. Встречается среди западных (сымских) и северных (илимпийских и ербогоченских) эвенков и северных оленных якутов.

В районах лесо-тундры к передку этой нарты привязывается иногда баран для подгибания кустарников во время езды.

Грузовые нарты чукчей и коряков также дугокопыльные с ремennым креплением, но отличаются от ездовых деталями конструкции, которая зависит от назначения нарты. Наряду с нартами, у которых полозья загнуты дугообразно, как в ездовой, имеются нарты, у которых передок полоза соединен с нащепом под углом.

Грузовая нарта эвенов и северных якутов не отличается по конструкции от их прямокопыльной ездовой нарты, но только она массивнее и грубее сделана. У алдано-зейско-амгунских эвенков, негидальцев и якутов грузовая нарта по своему устройству не отличается от северной прямокопыльной нарты.

Грузовые нарты самоедских народностей обычно того же типа, что и ездовые — *косокопыльные*; они различаются по количеству копыльев и устройству поперечин. Но, наряду с *косокопыльными* грузовыми нартами, встречаются и *прямокопыльные*. Они ниже *косокопыльных*, но приближаются к ним по расположению копыльев в задней половине полозьев.

Упряжка

Число оленей, запрягаемых в кережку, ездовую и грузовую нарты колеблется от одного до семи.

Однооленная упряжка характерна для лопарской кережки и орокской нарты. Встречается часто в дугокопыльной нарте чукчей, коряков и живущих среди них эвенов.

Двухоленная упряжка распространена наиболее широко. Она характерна для эвенков, эвенов, якутов, негидальцев как в грузовой нарте, так и в ездовой. Она сосуществует с упряжкой из одного оленя среди чукчей

и коряков. У ненцев, энцев, нганасанов, долганов, селькупов, кетов, хантов и мансов парная упряжка применяется обычно в грузовой нарте и в женской ездовой.

Упряжка в три и более оленей, «веером» (косяком) характерна для ездовой нарты самоедских народностей и их соседей, заимствовавших от них этот тип упряжки (ханты, мансы, селькупы, кеты, долганы).

Упряжь

В оленней упряжи следует различать следующие части: недоуздок и поводок; лямку, потяг и пояс, а также способы соединения лямки с потягом и потяга с нартой.

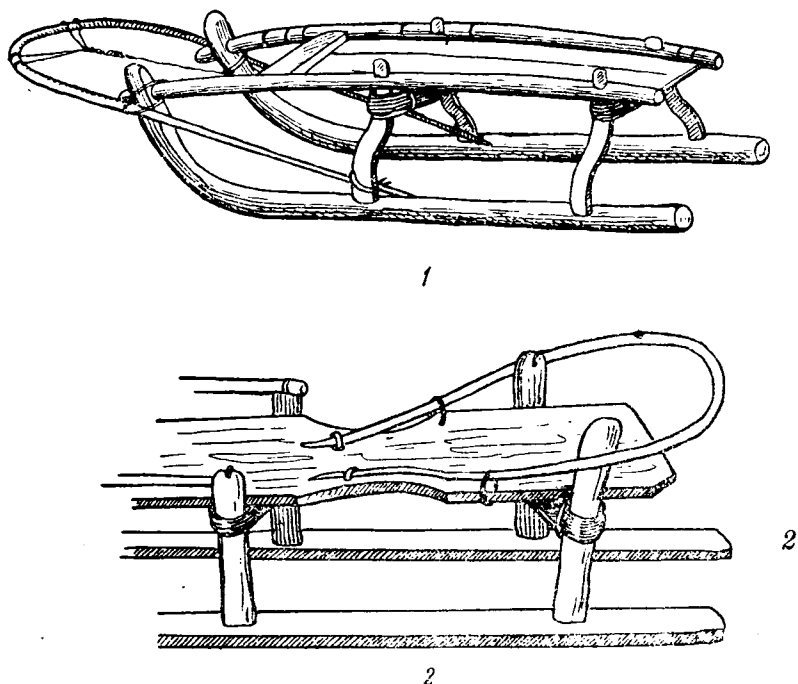

Рис. 3. Нарты алдано-зейско-амгунских эвенков

Недоуздок и поводок. В оленней упряжи выделяется два типа недоуздков: простой и сложный. Простой состоит из ременной оброти с вязками и поводка; в сложном недоуздке обротъ состоит из системы ремешков и костяных пластинок. Простой недоуздок распространен у всех оленеводов, но у самоедских народностей, обских угров, кетов и долганов он применяется только в грузовой упряжке. В ездовой же упряжке у этих народов — сложный недоуздок. Он различается по числу костяных пластин: у передового оленя преимущественно бывает две налобные пластины, у боковых оленей — две налобные и две нащечные.

Лямки также бывают двух типов: простая — из одного ремня и сложная — с подгрудным ремешком. Как и недоуздки, сложный тип лямки характерен для ездовой упряжки самоедского типа.

Потяг — длинный ремень, соединяющий лямку с нартой. В чукотско-корякской упряжке потяг проходит справа от каждого оленя; в тунгусо-якутской упряжке — обычно между оленями (т. е. у правого оленя слева, а у левого справа); в самоедской, лопарской и орокской — между задними ногами оленя.

Пояс — широкая кожаная полоса, перекинута через спину оленя, прикрепленная к лямке и служащая для поддержания поводка, а в

верной упряжке, кроме того, для прикрепления цепочки, соединяющей ряд стоящих оленей. Пояс характерен только для ездовой упряжки самоедских народов и их соседей, заимствовавших от них вместе с упряжью и эту ее часть. Пояс встречается и в упряжи передового оленя ездовой нарты якутов и эвенков, к которым он, повидимому, проник с запада от самоедских народов.

Соединение лямки с потягом; потяга с нартой. Типы соединения лямки с потягом совпадают с типами недоузdkов. В упряжи с простым недоузdkом бывает и простое соединение — присте-

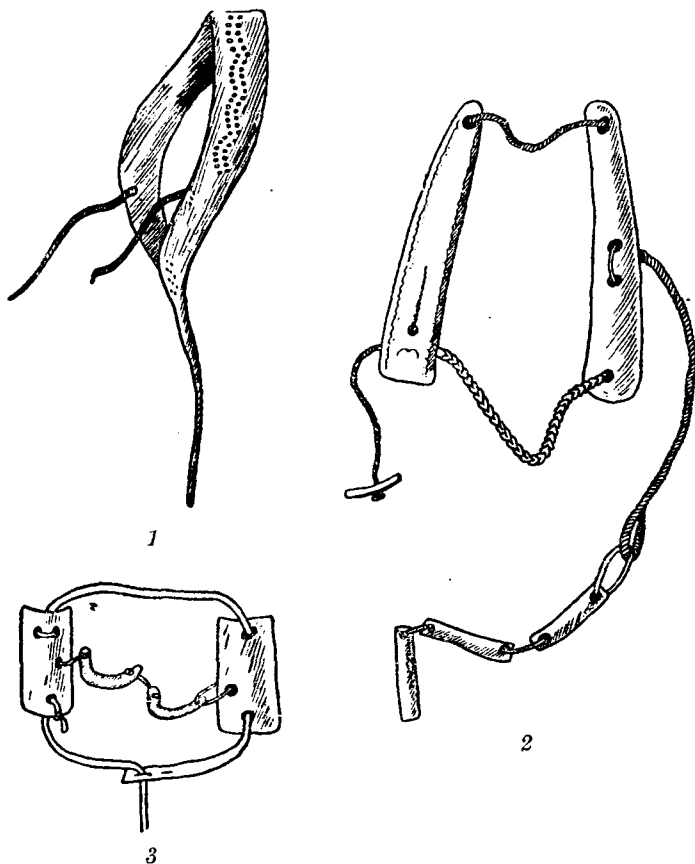

Рис. 4. Типы недоузdkов: 1 — простой; 2 и 3 — сложные

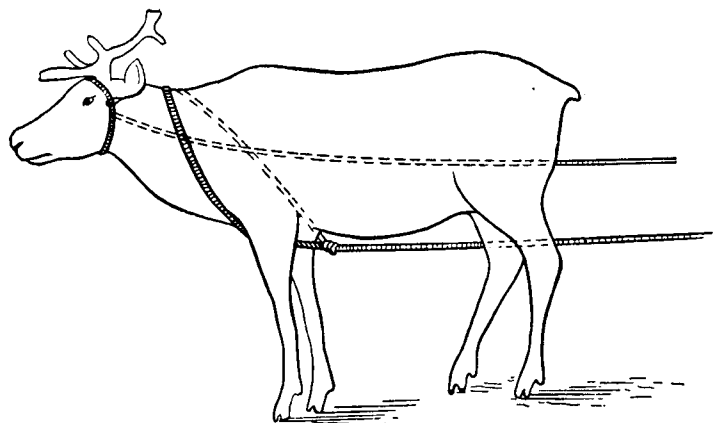
гивание на кляп (пуговицу) или связывание узлом; а упряжи со сложным недоузdkом соединение лямки с потягом и поясом представляет собой систему ремешков и колец.

Соединение потяга с нартой различно. Здесь можно выделить три типа:

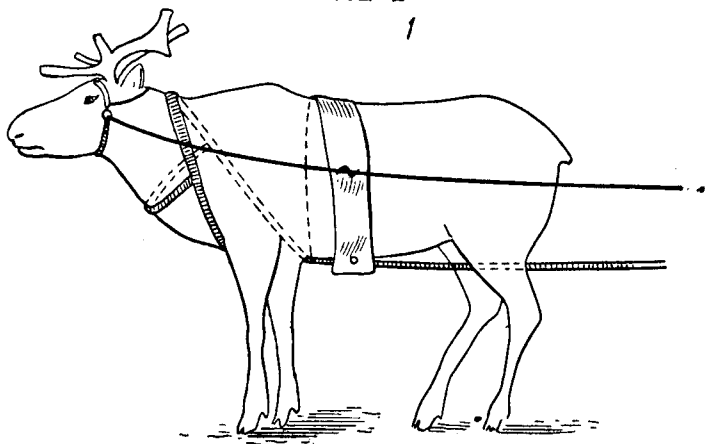
Неподвижное соединение путем привязывания отдельно потяга к оленю к нарте; характерно для чукчей и коряков, а также для лапарской и орокской однооленной упряжки.

Перекидное соединение, когда один потяг для двух оленей свободно перекинут через «баран» нарты, распространено у эвенков, эвенов, якутов, долганов в прямокопильной нарте.

Блоковое соединение, при котором потяги протянуты через блоки, образующие более или менее сложную систему; характерно для всех самоедских народностей и заимствовавших от них упряжку хантов, манси, долганов и отдельных групп эвенков и якутов.

1

2

Рис. 5. Оленья упряжь: 1 — чукотский тип; 2 — самоедский тип

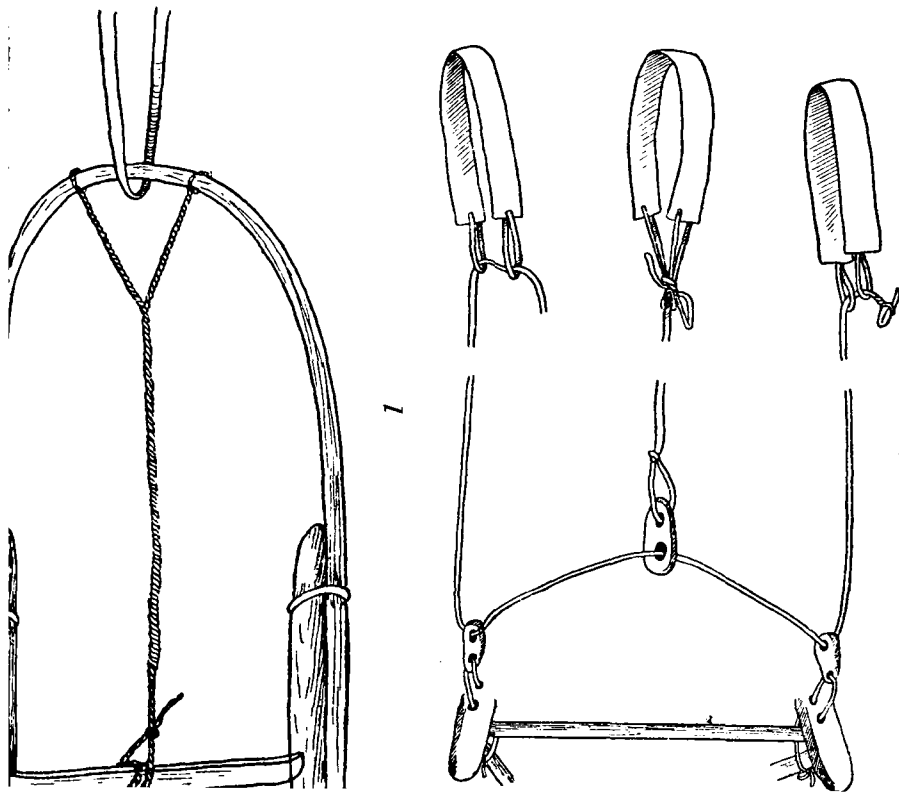

Рис. 6. Соединение потяга с лямкой: 1 — тип перекидного соединения; 2 — тип блокового соединения

Посадка и способ управления

Посадка на нарте также бывает трех типов: верхом, с вытянутыми ногами, и боком справа или слева.

Посадка верхом характерна для чукчей, коряков и их соседей — эвенов, для алдано-зейско-амгунских эвенков, негидальцев и ороков.

Посадка с вытянутыми ногами характерна для оленных якутов, эвенов Якутии, олекминских эвенков и саамов. Интересно, что этот тип посадки встречается и у нганасанов.

Посадка боком справа характерна для эвенков (сымских и илимпийских), долганов и западных якутов. Справа сидят также женщины чукчей и коряков.

Посадка боком слева характерна для всех самоедских народностей, хантов, мансов, кетов и селькупов.

Поводок-вожжа может проходить справа и слева от оленя. Справа она проходит в упряжке чукчей, коряков, эвенов, эвенков, долганов и якутов. Слева она проходит в упряжке всех самоедских народов, хантов, мансов и кетов. Для управления оленями самоедские народы, ханты, мансы, кеты, долганы, северные эвенки и якуты применяют хорей — длинный шест (до 4 м); чукчи, коряки, эвены, некоторые группы эвенков и якутов, саамы применяют для управления хлыст или кну на длинной палке.

Мы рассмотрели отдельные элементы упряжного оленного транспорта. Приведенные материалы позволяют выделить следующие основные типы, характерные для определенных групп народностей.

I. Чукотско-корякский тип. Для него характерны:

Нарта: дугокопыльная; крепление ременное.

Упряжка: один-два оленя.

Упряжь: недоуздок простой, лямка простая.

Соединение потяга с нартой: неподвижное; потяг проходит справа от каждого оленя.

Посадка и управление: верхом на нарте; поводок-вожжа проходит справа, управление кнутом.

Распространение: чукчи, коряки и живущие среди них эвены, у которых езда на нарте заимствована от первых.

II. Тунгусо-якутский тип. Для него характерны:

Нарта: прямокопыльная, с «бараном» на передке; крепление ременное.

Упряжка: парная.

Упряжь: недоуздок простой, лямка простая (на олене-передовике может быть пояс).

Соединение потяга с нартой: перекидной потяг один для двух оленей; потяг проходит между оленями.

Посадка и управление: сидят с вытянутыми ногами; поводок вожжа проходит справа; управление кнутом.

Распространение: северные якуты, эвены Якутии, олекминские якуты и эвенки; встречается также у долганов и нганасанов.

По некоторым признакам в этом типе выделяется алдано-зейско-амгунский вариант. Его отличия относятся к нарте (форма копыльцев и посадке (верхом) — признаки, сближающие его с чукотско-корякским типом. По всем остальным признакам он повторяет тунгусо-якутский тип.

III. Самоедский тип. Для него характерны:

Нарта: косокопыльная, с поперечиной на передке; крепление пазовое.

Упряжка: веерная (косяком) в три-семь оленей.

Упряжь: недоуздок сложный; лямка с подгрудными ремешками.

Соединение потяга с нартой: система блоков и ремешков; потяг проходит между задними ногами оленя.

Посадка и управление: сидят боком слева; поводок-вожжа проходит слева, управление хореум.

Распространение: ненцы, энцы, иганасаны, ханты, мансы, селькупы, кеты, долганы, эвенки (сымские и илимпийские) и большинство северных якутов. Однако у последних трех народностей сидят на нарте справа и поводок проходит справа.

Наряду с этими широко распространенными типами на крайних полюсах распространения оленеводства встречаются еще два типа упряжного оленного транспорта с узким ареалом распространения: на западе среди лопарей, на востоке среди ороков.

IV. Лопарский тип. Для него характерна вместо нарты кережка, запряженная одним оленем; простые недоуздки и лямка (у западных — норвежских — групп отмечена лямка в виде хомута с постромками, что является, повидимому, подражанием конской упряжи недавнего происхождения); потяг проходит между задними ногами оленя; посадка с вытянутыми ногами.

V. Орокский тип. К сожалению, материалы по орокскому оленеводству крайне фрагментарны и не дают возможности характеризовать его подробно. Орокская нарта отличается косой постановкой полозьев, благодаря чему копылы каждой пары, поставленные в полоз вертикально, наклонены друг к другу под углом. Упряжка однооленная. Потяг проходит между задними ногами оленя и, раздвигаясь, привязывается к передним концам полозьев нарт. Посадка в нарте верхом.

Приведенные характеристики выделенных типов упряжного оленного транспорта относятся к ездовой упряжке. Мы указывали уже, что у некоторых народов ездовые и грузовые нарты отличаются не только по своей конструкции, но и по упряжке и устройству упряжи.

В чукотско-корякском типе эти отличия незначительны и относятся в основном к устройству передка нарты.

В тунгусо-якутском типе различия опять-таки относятся только к тщательности отделки нарты, но в алдано-зейско-амгунском варианте грузовая нарта всегда прямокопыльная, тогда как ездовая, как указывалось, имеет изогнутые копылья.

В самоедском типе различия между ездовой и грузовой упряжкой очень существенны. Нарта грузовая бывает не только косо-, но и прямокопыльной, последняя всегда значительно ниже. Упряжка всегда парная. Недоуздок простой. Пояс в упряжи отсутствует. По всем этим причинам самоедская грузовая упряжка более сходна с тунгусо-якутской, чем самоедская ездовая.

III

Прежде чем перейти к рассмотрению выючно-верхового оленного транспорта, необходимо отметить, что не все народы, применявшие оленя под выюк, знали верховую езду. Ее не знали саамы и некоторые группы эвенков (сымские и на верховьях Нижней и Подкаменной Тунгусок, а также на верховьях Лены).

Основными элементами, которые могут быть положены в основу классификации типов выючно-верхового транспорта, являются: недоуздок, устройство верхового и выючного седла, способ седлания и посадка. Недоуздок обычно простой, состоящий из обороти и поводка. Но прохождение поводка бывает различно: с правой или левой стороны. Прохождение поводка справа характерно для всех эвенков, эвенов, долганов, юкагиров, негидальцев и ороков; прохождение слева — для тофаларов и тувинцев.

Седла выючные и верховые различаются по своей конструкции.

Рассмотрим вначале верховое седло. Здесь можно различить два основных типа: саянский и сибирский.

Седло саянского типа по своему устройству сходно с конским

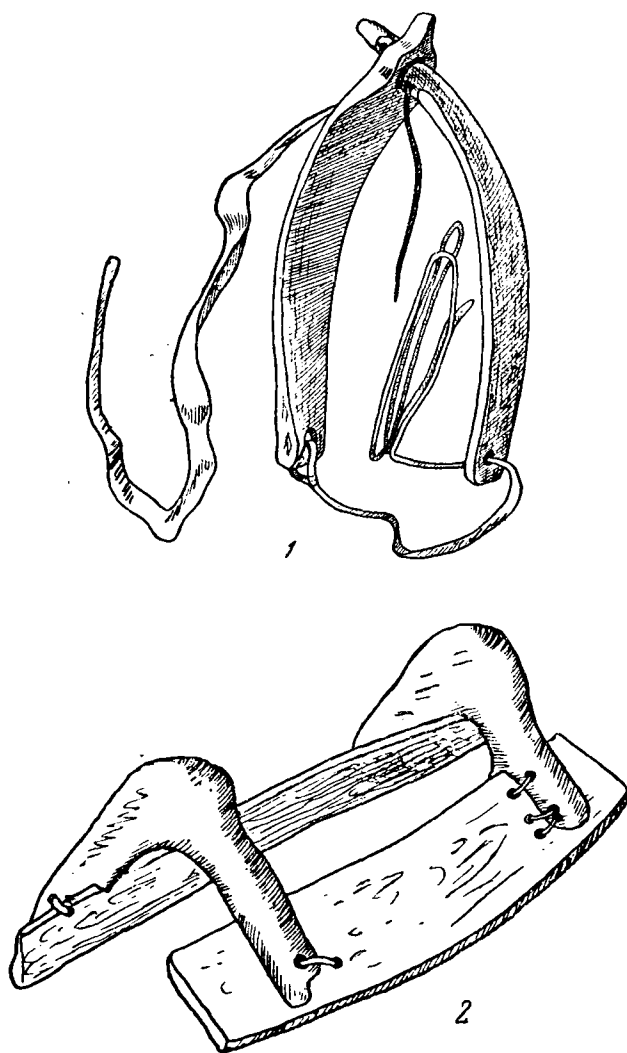

Рис. 7. Вьючные седла: 1 — лопарский тип; 2 — саянский тип

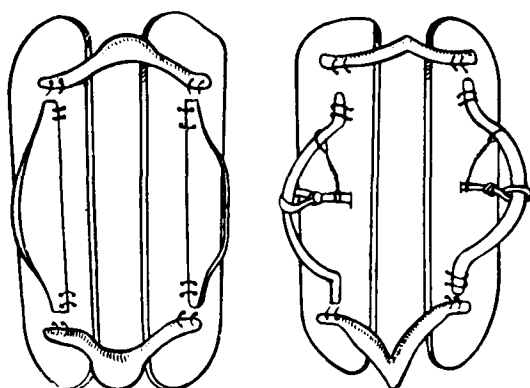

Рис. 8. Остов седла сибирского типа с «крылышками»

седлом. Оно имеет высокие массивные луки, укрепленные на досках, несколько отступя от концов к середине. Это седло имеет стремяна и, кроме подпруги, также подгрудный и подхвостный ремни. Доски его не обшиты, а под седло укладывают сложенный войлок и кусок ровдуги. Такие седла распространены у тувинцев и тофаларов, которые иногда покупали их у своих соседей — коневодов.

Седло сибирского типа имеет отличную от конского конструкцию. Луки в виде маленьких роговых дужек (передняя выше задней) соединяют концы досок. Наклон досок верхового седла меньше, чем выючного. Посередине досок снаружи перпендикулярно к ним укреплены «крылышки» в виде планок или дужек различной высоты. Доски вместе с крылышками обшиты шкурой мехом внутрь, а пустоты, кроме того, заполнены шерстью. Сверху к седлу обычно пришта шкура с головы оленя или лося, покрывающая обе или только заднюю дужку. Седло не имеет ни стремян, ни подгрудного и подхвостного ремня. Этот тип характерен для эвенков (алдано-зейско-амгунская, сахалинская, илимпийская группы), эвенов, юкагиров, якутов, долганов, негидальцев и ороков. Необходимо отметить, что у подкаменнотунгусских, олекминских и витимских эвенков верховое седло по своей конструкции не отличается от выючного.

Выючные седла также различаются по своей конструкции.

Особо выделяется лопарское седло, резко отличающееся от всех других седел. Оно представляет собой две узкие дугообразные доски, вставленные верхними концами одна в другую в виде рогульки. Они охватывают спину оленя и связываются внизу ремнем. Выюк перекидывается через рогульку.

Остальные седла объединяются в два типа: саянский и сибирский. Седло саянского типа имеет узкие доски, отстоящие на большом расстоянии друг от друга и скрепленные массивными дужками-луками. Доски без обшивки. Этот тип распространен среди тофаларов и тувинцев.

Седло сибирского типа имеет широкие доски, поставленные близко друг к другу и скрепленные высокими луками. Доски обязательно обшиты или вставлены в мешки с шерстью, простеганные ниже досок. Этот тип характерен для эвенков, долганов, якутов. У эвенов и юкагиров седло этого типа имеет конструктивную особенность: верхние концы луков соединены между собой продольной палкой или ремешком.

Способы седлания. В литературе давно уже указывалось на различие в способах седлания на Саянах и в Сибири. Тофалары и тувинцы кладут седло почти на середину спины, все остальные — на лопатки.

Посадка на оленя различается. Тофалары и тувинцы садятся на оленя, как и на коня, слева (с возвышения, без помощи посоха); все остальные народы садятся справа (прыжком, опираясь на посох). Первые ездят без посоха, вторые — с посохом.

Приведенные материалы ясно указывают на существование трех различных по технике типов выючно-верхового оленного транспорта: саянского, сибирского и лопарского.

Саянский тип характеризуется чертами, сближающими его с типом выючно-верхового конного транспорта: все устройство седла со стремянами и двумя ремнями, способ седлания и посадка. В отличие от сибирского типа поводок проходит слева. Распространен только у тувинцев и тофаларов.

Сибирский тип отличается от саянского устройством как верхового, так и выючного седел, способом седлания, посадкой, употреблением посоха при посадке и езде, а также прохождением поводка с правой стороны. Распространен среди эвенков, эвенов, долганов, юкагиров, якутов, негидальцев и ороков.

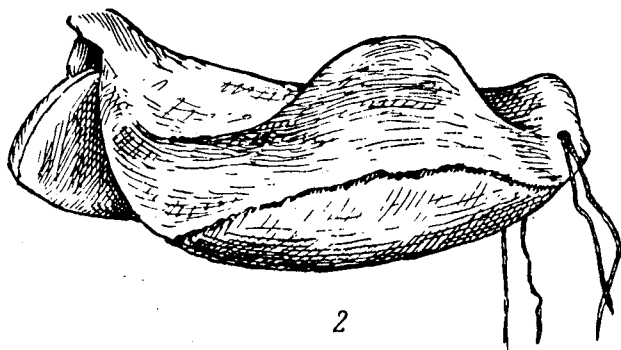
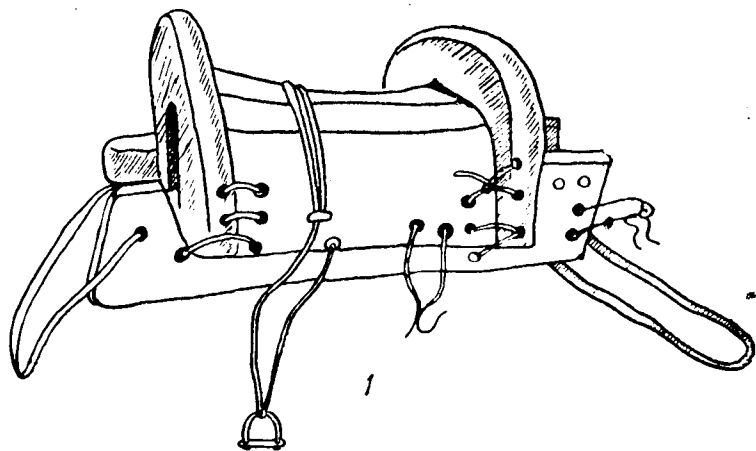
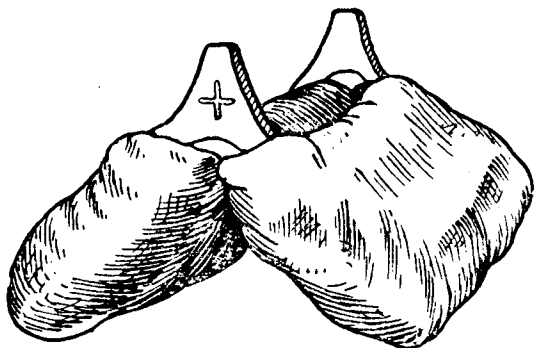
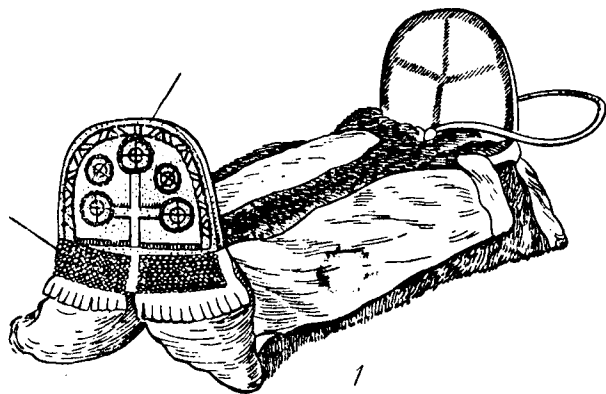

Рис. 9. Верховые седла: 1 — саянский тип; 2 — сибирский тип (с «крылышками»)

2

Рис. 10. 1 — вьючное седло долганов, приспособ-
 ленное под женское верховое; 2 — вьючное,
 оно же верховое седло витимо-олекминских эвенков

Лопарский тип характеризуется отсутствием верховой езды и своеобразным устройством вьючного седла. Распространен только у лопарей.

IV

Использование оленя не ограничивается только транспортом. Для классификации оленеводства важное значение имеет и такой признак использования оленя, как наличие или отсутствие доения важенок.

Отсутствие доения было характерно для ненцев, энцев, нганасанов, селькупов, хантов, мансов и жетов — на западе; для чукчей, коряков, якугиров и эвенов — на востоке.

Доение важенок было известно эвенкам, охотским эвенам, негидальцам, орокам, долганам, северным якутам, а также тувинцам, тофаларам и саамам.

Классификация оленеводства по способам пастбы, как говорилось выше, берет за основу наличие или отсутствие пастушеской собаки. Пастба с пастушеской собакой характерна для лопарей, ненцев, энцев, нганасанов и заимствовавших от ненцев оленеводство хантов и мансов. Долганы также заимствовали способы выпаса с собакой у самоедских народов. Для всех остальных характерно отсутствие собаки при пастбе оленей.

Различаются и способы кастрации. Среди оленеводов применялись два способа кастрации: кровавая операция надрезанием или проколом мошонки и бескровная — путем раздавливания (обычно зубами). Первый способ, сходный с операцией кастрации у коневодов, был характерен для тофаларов, тувинцев и известен самоедским народностям (нганасаны практиковали оба способа; второй был распространен у всех остальных оленеводов: саамов, эвенков, эвенов, чукчей, коряков и др. (среди якутов встречались оба способа).

V

Рассмотрим основные черты оленеводства разных народов.

Оленеводство с а м о в характеризуется настолько своеобразными чертами, что его следует выделить в целом в особый тип. От оленеводства их ближайших соседей — ненцев — оно отличается наличием вьючного транспорта, техникой упряжки с кережкой и своеобразным устройством вьючного седла, наличием молочного хозяйства. Сближает оленеводство лопарей с ненецким применение пастушеской собаки. В последние десятилетия среди кольских лопарей распространилась нартовая упряжка ненцев, но это было связано непосредственно с недавним переселением (70-е годы XIX в.) к ним коми и ненцев.

Оленеводство н е н ц е в по всем основным признакам представляет также особый тип: достаточно вспомнить конструкцию нарт, упряжку и упряжь, отсутствие доения, пастбу с собакой и др. Необходимо отметить, что так называемые лесные ненцы (между Пуром и Тазом), наряду с нартовым транспортом ненецкого типа, в недавнем прошлом имели верховой и вьючный транспорт.

Оленеводство н г а н а с а н о в относится в целом к ненецкому типу, но по некоторым признакам оно сближается с оленеводством эвенков: наличие в недавнем прошлом вьючного транспорта, распространение, наряду с основной самоедской, и прямокопыльной ездовой нарты тунгусо-якутского типа, бескровный, как и у эвенков, способ кастрации.

Оленеводство с е л ь к у п о в, характерное только для северных групп, сочетает в себе, как и нганасанское, разные черты. Относясь в целом к ненецкому типу, оно отличается отсутствием пастушеской собаки, наличием в прошлом верховного и вьючного транспорта.

Оленеводство х а н т о в и м а н с о в имеет те же черты, что и ненецкое. Но для них, как известно, оленеводство не характерно, оно распространено только у северных групп и заимствовано от ненцев.

Оленеводство эвенков характеризуется рядом признаков, общих для всех групп на огромном пространстве их расселения: наличие выючно-верхового транспорта (исключение составляют группы эвенков, расселенные к западу от Енисея, — сымские, на верховьях рек Нижней и Подкаменной Тунгуски и Лены, у которых нет верховой езды), наличие доения, бескровный способ кастрации и пастьба без собаки. Даже отдельные элементы, характеризующие верховой транспорт, как-то: седлание на лопатки, посадка справа, прохождение поводка справа от головы оленя, — у них общие. Но среди эвенков имеются и различия: некоторые группы имеют только выючно-верховое оленеводство, другие же знают и упряжное. Упряжка у разных групп различна. У некоторых (илимпийские, сымские) она, несомненно, заимствована от самоедских народностей.

При распространении доения у всех эвенков только некоторые (алдано-зейские, витимо-олекминские, амгунские) знали приготовление молочных продуктов. Различаются группы и по наличию или отсутствию специального верхового седла. Интересно отметить, что как раз те группы, которые знакомы с приготовлением молочных продуктов, имеют и специально верховое седло.

Оленеводство негидальцев (верховских) совпадает с оленеводством алдано-зейско-амгунской группы эвенков.

Оленеводство ороков, по некоторым признакам примыкая к оленеводству эвенкийских групп, отличается своеобразной упряжкой, не имеющей нигде себе подобных.

Оленеводство эвенов, имея общие черты с эвенкийским, в то же время отличается отсутствием доения оленя (исключая немногие группы, живущие смежно с эвенками). Среди эвенов некоторые группы имеют, кроме выючно-верхового транспорта, и нартовый. Упряжка групп, живущих среди чукчей и коряков, несомненно, заимствована от последних.

Оленеводство юкагиров сходно с оленеводством эвенских групп; группы юкагиров, соседящие с чукчами, заимствовали от них нартовую упряжку.

Оленеводство чукчей и коряков по всем основным признакам представляет собой особый тип. Оно характеризуется совершенно особым типом упряжки и нарт и отсутствием доения. Отметим, что по некоторым признакам (пастьба без собаки, бескровная кастрация) оно сходно с оленеводством тунгусских народностей. Интересно, что такие детали, как прохождение поводка справа от оленя, отсутствие пояса в упряжи и женская посадка на нарте справа, также сходны.

Оленеводство долганов совмещает в себе разные черты, характерные для самоедских народностей, с одной стороны, и тунгусских — с другой. Нарта и упряжка у них — двух типов (самоедского и тунгусо-якутского). Но посадка на нартах обоих типов и прохождение поводка — «эвенкийские», т. е. справа. В отличие от самоедских народностей долганы ездят на нартах только зимой, а летом употребляют оленя под седло и выюк; на нартах перевозят только людей. По типу седел они сближаются с илимпийскими группами эвенков. С самоедами же их сближает наличие пастушеской собаки.

Оленеводство якутов, характерное лишь для северных и отдельных групп, живущих среди эвенков, по всем признакам сходно с оленеводством последних.

Остается рассмотреть еще оленеводство тувинцев и тофаларов. Оно обнаруживает ряд черт, которые выделяют его в особый тип. Относясь так же, как и оленеводство ряда эвенкийских групп, к выючно-верховому типу без пастушеской собаки, оно отличается вместе с тем от оленеводства тунгусских народностей способом кастрации и многими деталями выючно-верхового транспорта: устройством седел, способом

седлания, отсутствием посоха, посадкой и прохождением поводка слева. Обратим внимание, что прохождение поводка и посадка слева (в одном случае на оленя, в другом случае на нарту) сближают саянский тип с самоедским. На черты, сближающие оленеводство тофаларов и тувинцев с коневодством, указывалось уже выше.

Резюмируя все сказанное выше, можно выделить с этнографической точки зрения пять основных типов оленеводства: I — лопарский, II — самоедский, III — саянский, IV — тунгусский и V — чукотско-корякский.

VI

Каковы же генетические и исторические соотношения указанных выше типов?

В обширной литературе, посвященной общим вопросам происхождения и древности оленеводства, высказывались различные взгляды по вопросу о моно- или полицентрическом его происхождении³. Тогда как одни авторы принимали независимое происхождение оленеводства различных типов, другие связывали их генетически и сводили к одному или двум центрам. Теорию единого алтае-саянского центра защищали Лауфер⁴, Хэтт⁵, Богораз⁶, и Флор⁷. Два центра принимал Максимов: один алтае-саянский центр для всего сибирского оленеводства и второй самостоятельный — скандинавский центр (по Максиму, саамы заимствовали оленеводство у северных германцев)⁸.

Приведенные выше материалы дают достаточное основание для выделения двух различных типов выючно-верхового оленеводства: тунгусского и саянского. Если допустить, что оба эти типа возникли в одном центре и первоначально характеризовались общими признаками, то пришлось бы принять, что все свои прежние особенности саянское оленеводство утратило, что признаки, характерные для современного саянского оленеводства, появились в нем вторично под влиянием соседей-скотоводов. Никаких данных в пользу такого сложного построения привести нельзя. Укажем, что никаких совпадений в терминологии оленеводства у тофаларов и тувинцев, с одной стороны, и тунгусских народностей, с другой стороны, отметить не удастся. Еще А. Н. Максимов, говоря о едином центре происхождения сибирского оленеводства, все же различал две первоначальные области: район Саянских гор (территория позднейшего расселения камасинцев, тофаларов и тувинцев) и «районы «верховьев Амура и Прибайкалье» (территория расселения тунгусов)⁹. Без должного основания, однако, Максимов говорит о географической близости этих областей и аргументирует этим единство происхождения саянского и тунгусского оленеводства.

Все представленные выше материалы приводят к мысли о существовании двух различных центров происхождения саянского и тунгусского оленеводства.

³ Обзор и библиографию см. в работах: А. М. Золотарев и М. Г. Левин, К вопросу о древности и происхождении оленеводства, Сб. «Проблемы происхождения, эволюции и породообразования домашних животных» (КОДЖ), т. I, стр. 171—189; А. Н. Максимов, Происхождение оленеводства, «Ученые записки РАНИОН», т. 6, М., 1928, стр. 3—37.

⁴ B. Laufer, The Reindeer and its Domestication, Memoirs of the Amer. Anthropol. Assoc. IV, No. 2, 1917, стр. 91—147.

⁵ G. Hatt, Notes on Reindeer Nomadism. Memoirs of the Amer. Anthropol. Assoc. VI, No. 2, 1919, стр. 75—133.

⁶ В. Г. Богораз, Оленеводство.

⁷ F. Flor, Haustierte und Hirtenkulturen, Wiener Beiträge zur Kulturgeschichte und Linguistik, Wien, 1930.

⁸ А. Н. Максимов, Указ. раб.

⁹ А. Н. Максимов Указ. раб., стр. 27—28.

VII

При характеристике отдельных типов оленеводства мы уже отмечали некоторые общие черты в саянском и самоедском типах. В пользу реальных исторических связей этих типов оленеводства говорят и данные по этногенезу самоедских народностей. Алтае-саянская теория происхождения самоедов, аргументированная в свое время Кастреном, получила в дальнейшем более полное развитие в работах советских этнографов и лингвистов.

Если Кастрен, связавший наречие енисейских самоедов с камасинским и койбальским, представлял себе происхождение северных самоедов как простое переселение с Саян, то Прокофьев и Чернецов в своих работах показали всю сложность этого процесса¹⁰. Современные самоедские народности сложились в результате смешения древнего доолeneводческого населения Северо-Запада Сибири с самоедскими племенами, распространившимися из Саянских гор на север и принесшими сюда оленеводство. В результате смешения самоедский язык одержал верх, обогатившись значительным количеством лексики аборигенов, относящейся к формам доолeneводческого хозяйства.

В литературе уже дискутировался вопрос об относительном возрасте верхового и упряжного оленеводства. Богораз и Максимов показали несостоятельность взглядов Лауфера, Хэтта и Флора, рассматривавших оленеводство с упряжным транспортом как более древнее. Русские исследователи аргументировали большую древность верхового оленеводства. Следы верхового транспорта можно проследить как бы на пути с Саян на север. Не только тофалары и тувинцы, но камасинцы ездили только верхом на олене¹¹. Мы указывали уже, что селькупы были знакомы с верховым оленем, что лесные ненцы до нашего времени ездили как на нарте, так и верхом. В этом отношении интересно свидетельство Георги о наличии в его время верхового транспорта у самоедов. «Почти у всякого — пишет он, — есть по несколько, а у иных по 100 и 150 смиренных оленей. Они ездят на них верхом и впрягают их в санки»¹².

Если древнее самоедское оленеводство было верховым, то как объяснить возникновение упряжного транспорта современных самоедских народностей? По вопросу о происхождении упряжного оленного транспорта ряд авторов высказывал взгляд о том, что оленяя упряжка возникла в подражание более древней собачьей упряжке. Одни (Лауфер) указывали на сходство оленных и собачьих нарт, другие (Хэтт) — на сходство упряжи. А. Н. Максимов, говоря о возникновении езды на нартах у самоедских народностей, также считал, что и они перешли от верховой езды на олене к нартовой в подражание собачьей упряжке аборигенов. Это правильная догадка не была, однако, должным образом обоснована анализом конструктивных деталей нарты и упряжи.

Нам предстоит рассмотреть этот вопрос несколько подробнее.

В связи с рассмотрением генезиса оленной упряжки самоедов большой интерес представляет вопрос о возрасте собачьего транспорта в Северо-Западной Сибири. Следует полностью отвергнуть мнение Бо-

¹⁰ Г. Н. Прокофьев, *Этногония народностей Обь-Енисейского бассейна* (ненцев, иганасанов, энцев, селькупов, кетов, хантов и мансов), «Советская этнография». Сб. статей, III, 1940, стр. 67—76; В. Н. Чернецов, *Очерк этногенеза обских угров*, «Краткие сообщения ИИМК», IX, 1940, стр. 18—28.

¹¹ Указание Грум-Гржимайло (Западная Монголия и Урянхайский край, т. III, вып. 1, стр. 49) на существование запряжки оленей в нарты у тувинцев явно ошибочно, оно противоречит всем имеющимся в нашем распоряжении данным.

¹² И. Г. Георги, *Описание всех в Российском государстве обитающих народов*, ч. III, СПб., 1777, стр. 8.

горазда, считавшего собачий транспорт в Западной Сибири сравнительно поздним явлением, которому здесь предшествовал якобы олений транспорт. Все данные свидетельствуют о том, что в Северо-Западной Сибири упряжное собаководство является более древним. Уже самые ранние из известных нам сообщений русских летописей, арабских и западноевропейских писателей отмечают наличие у народов Приуралья езды на собаках, тогда как сведения о езде на оленях появляются в исторических документах позднее¹³.

Проследивая различные сообщения, мы можем установить, что в X—XIII вв. Северное Приуралье и Приобье были областями распространения езды на собаках. В XV в. здесь ездили уже и на собаках и

Рис. 11. Собачий и олений транспорт по Иртышу и Тоболу (Кунгурская летопись)

на оленях. А в XVIII—XIX вв. езда на собаках почти исчезла. Можно считать доказанным, что в Северо-Западной Сибири собачья упряжка предшествовала олений. Повидимому, саянские самоедские племена, знавшие езду на олене верхом, в своем продвижении на север столкнулись с аборигенным населением, ездившим на собаках, частично заимствовали от него упряжное собаководство и перенесли навыки упряжки на оленя.

¹³ См. А. М. Золотарев и М. Г. Левин, К вопросу о древности и происхождении оленеводства.

К сожалению, мы не располагаем достаточными данными, чтобы реконструировать в деталях собачью упряжку и устройство нарт в ранние периоды. Но все же немногие сохранившиеся рисунки путешественников и изображения на первых сибирских картах, а также краткие описания в разных источниках позволяют высказать некоторые соображения.

Можно предполагать, что древние собачьи нарты были здесь типа кережки ¹⁴. В Кунгурской летописи даны рисунки ручной нарты в виде кережки на полозьях и на копыльях, собачьей нарты и разных оленых

Рис. 12. Кережка в собачьей упряжке и кережка-волокуша на копыльях (Кунгурская летопись)

нарт ¹⁵. На рисунке, приложенном к работе Витсена, показана кережка на копыльях ¹⁶.

Ламартиньер (1653) описывает оленную нарту как сани, сделанные «в виде гондолы, поддерживаемой четырьмя подпорками, которые укреплены в деревянном бруске на два фута более длинном, чем сани... запрягают их (т. е. оленей) в пару постромок, которые прикреплены к саням из оленной кожи» ¹⁷. И тут же к описанию приложен рисунок. О том

¹⁴ См. М. Г. Левин, О происхождении и типах упряжного собаководства, «Советская этнография», 1946, № 4.

¹⁵ «Краткая Сибирская (Кунгурская) летопись», СПб, 1880.

¹⁶ N. Witsen, Noord en Oost Tartarye, Amsterdam, 1672—1705.

¹⁷ Ламартиньер. Путешествие в северные страны. «Записки Московского археологического ин-та», т. XV, 1912.

то самоедские народы ездили на кережках, запряженных оленем, имеются сведения и в других источниках: А. Олеарий (1647), рассказывая об оленеводстве самоедов, пишет, что они впрягают оленей «в небольшие легкие сани, которые устроены вроде получелноков или лодок»¹⁸. Эти сведения могут служить указанием на то, что оленные нарты-кережки на этой территории подражали в своей конструкции собачьим кережкам. Но, наряду с рисунками собачьих кережек, мы имеем и рисунки обычной двухполозной собачьей нарты на копыльях. Интересно, что эти нарты изображаются всегда прямокопыльными. Следует в связи с этим вспомнить, что и у современных самоедских народностей, наряду с косокопыльными грузовыми нартами, есть и прямокопыльные. Косокопыльная норта представляет собой, повидимому, более позднее усовершенствование, которое появилось у самоедских народностей после расселения их по тундре, когда они стали владельцами крупных стад, требовавших далеких сезонных перекочевов в течение круглого года. Летнее передвижение на нартах по мокрым тундрам с большим количеством кочек и переезды через реки обусловили изменение прямокопыльной нарты в сторону большей высоты, устойчивости и прочности, что было достигнуто увеличением высоты копыльев, наклонной установкой их и расширением расстояния между полозьями.

Каковы были древняя собачья упряжка и устройство упряжи в Западной Сибири? На старинных рисунках ясно изображается упряжь в виде пояса, надеваемого на собаку перед задними ногами, с потягом, проходящим между ними. Этот специфический, мало рациональный тип упряжи, при котором собака тянет лишь задней частью корпуса, характерен только для Северо-Западной Сибири и был распространен здесь до недавнего времени. Первые рисунки оленной упряжи самоедов изображают ее в виде хомута на шее каждого оленя, от которого идет потяг, проходящий между ног оленя под брюхом. Подобное описание с рисунком такой упряжи дано Зуевым, участником экспедиции Палласа (1768—1774 гг.)¹⁹. Соблазнительно видеть в этой упряжи подражание собачьей.

Те же рисунки дают парную упряжку в ездовой оленной нарте. Переход от парной ездовой упряжки к веерной произошел, очевидно, под влиянием тех же условий, которые вызвали изменение нарты. Новая косокопыльная норта стала массивнее и тяжелее старой прямокопыльной. Это обусловило подпрягание вначале одного, затем большего числа оленей в старую парную упряжку. Подпрягание дополнительных оленей привело к системе блоков, при помощи которых потяги соединялись с нартой.

Интересно напомнить, что для самоедов характерна посадка на нарте и прохождение поводка слева, т. е. так же, как садятся на оленя и управляют им саянские оленеводы. Одинаков у тех и других и способ кастрации. Вопрос о доении остается неясным. Может быть, прав Максимов, который считал, что самоедские племена на Саянах первоначально не знали доения и что оно появилось у тувинцев и карагасов позднее под влиянием их соседей-скотоводов, но возможно также, что самоедские племена утратили навыки доения на своем пути на север.

VIII

Вопрос о происхождении лопарского оленеводства решался в литературе по-разному. Одним из узловых пунктов в построениях разных

¹⁸ Ад. Олеарий, Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно, СПб., 1906, стр. 170.

¹⁹ В. Ф. Зуев, Материалы по этнографии Сибири XVIII века (1771—1772). «Труды Института этнографии», Новая серия, т. V, 1947, стр. 88, 91.

авторов является вопрос о генезисе лопарской кережки. Лауфер, рассматривающий лопарское оленеводство как заимствование от ненцев, считает лопарскую кережку более древним типом, раньше бытовавшим и у ненцев; тогда как ненцы в дальнейшем кережку заменили копыльной нартой, лопари сохранили этот более древний тип. Хэтт также считает лопарское оленеводство заимствованным от ненцев, но он рассматривает кережку лопарей исключительно как местную своеобразную форму. По Хэтту, лопари, переняв оленеводство от ненцев, приспособили свою древнюю ручную нарту-кережку для упряжки. А. Н. Максимов, как указывалось уже, принимает самостоятельный центр для скандинавского оленеводства и развивает взгляд, что лопари еще в IX в. не знали оленеводства и заимствовали его позднее от скандинавов. Одним из аргументов в пользу происхождения лопарского оленеводства независимо от оленеводства сибирского является, по мнению Максимова, отсутствие кережки у ненцев. Это мнение оказывается, однако, ошибочным.

Выше мы привели материалы о бытовании в прошлом кережки у ненцев и в собачьей, и в оленней упряжке. Против заимствования ненцами кережки от лопарей говорит широкое распространение в Западной Сибири сходных с кережкой типов ручных охотничьих нарт. Ладьеобразная, очень сходная с кережкой ручная нарта известна в прошлом у селькупов, у камасинцев; к ним близка корытообразная нарта сымских эвенков²⁰. В свете этих, оставшихся неизвестными Хэтту и Максиму, данных кережка не может рассматриваться в качестве специфической формы. Напротив, бытование кережки у лопарей связывает оленеводство с оленеводством самоедских народов. Интересна и такая деталь, как прохождение потяга между задних ног оленя, характерное как для всех самоедских народов, так и для саамов.

Связывает лопарское оленеводство с самоедским и наличие пастушеской собаки, которая, как известно, отсутствует у всех других народов Сибири. Наличие в прошлом использования оленя под седло у самоедских народностей и существование вьючного транспорта у лопарей также могут служить доказательством в пользу этих связей. Правда, развитое молочное хозяйство лопарей отличает их оленеводство от самоедского, но в этом случае вполне допустимо предположить, что, не зная в прошлом доения, лопари заимствовали его от своих соседей — норвежцев.

Конечно, приведенные данные недостаточны для доказательства заимствования лопарями их оленеводства от самоедских народов, но они делают такое предположение вполне законным.

IX

Переходим к рассмотрению чукотско-корякского оленеводства. Еще Л. Шренк²¹ в свое время высказал мысль о том, что чукчи и коряки заимствовали оленеводство от тунгусских народов. Из позднейших авторов наиболее подробно останавливается на этом вопросе Ф. Флор, но полная несостоятельность его аргументации и дефектность материала, на котором он строил свои выводы, были показаны в свое время В. Г. Богоразом²².

Однако имеющиеся в нашем распоряжении новые материалы позволяют вернуться к этой гипотезе. При всем различии чукотско-коряк-

²⁰ См. М. Г. Левин, Указ. раб., стр. 77, 81—83, 102—103; Г. М. Василевич, Корытообразная нарта сымских эвенков. Сборник МАЭ, т. X, 1948, стр. 93—97.

²¹ Л. Шренк, Об инородцах Амурского края, т. II, 1899, стр. 176 и 178.

²² В. Г. Богораз, Оленеводство.

ского и тунгусского оленеводства у них имеются и общие черты: пастба без собаки, бескровный способ кастрации, а также такая деталь, как прохождение поводка справа. Можно, повидимому, связывать и посадку на женской нарте справа у чукчей и коряков с такой же посадкой на нарте у илимпийских эвенков и посадкой на оленя справа у всех тунгусских народностей. Существенно указать и на общность некоторых терминов, относящихся к оленеводству. Например, чукотско-корякское название для оленя — *коранга* (чукотск.), *хоянга* (корякск.) в своем корне (кор || хой²³) сближается с тунгусским названием для домашнего оленя — *орон* (ор || хор). Сближаются и названия яловой важеньки *ванхатхой* (корякск.) *вангахай* (эвенкийск.), а также для тощего оленя *тангэххой* (корякск.), *танга* (эвенкийск.).

Сходство в деталях и терминологическая общность вряд ли могут быть объяснены иначе, как реальными историческими связями между чукотско-корякскими и тунгусскими группами в прошлом. Русские исторические источники указывают на более южные территории расселения коряков по Охотскому побережью в XVII в. Поселения коряков распространялись до Тауйской губы, но в отдельных случаях встречаются указания, что коряки доходили и южнее. Вместе с тем это была территория расселения тунгусских групп. Можно предполагать взаимооттопления между этими группами в более раннее время. Этнографические и антропологические материалы советских исследователей показали, что в состав чукчей и коряков вошли, помимо древнего аборигенного населения побережья Берингова моря и Ледовитого океана, также континентальные группы, связанные с внутренними областями Восточной Сибири²⁴. Особого внимания заслуживают чуванцы. Это название относилось в XVII в. к племени, близкому к юкагирам, жившему в районе Чаунского залива. Интересно, что название оленных чукчей *чаучу* совпадает с названием оленных коряков *чаучу*вен и обозначает «оленных» в противоположность «сидячим». Эти названия близки к названию *чужан* (~ *чавача*, записи Врангеля), в чукотской огласовке *чаван* (*чужанцы*)²⁵. Они вскрывают нам связи оленных чукчей и коряков с чуванцами и через них, повидимому, с тунгусскими группами.

Связывая происхождение чукотско-корякского оленеводства с тунгусским, мы должны объяснить особенности нартового оленного транспорта чукчей и коряков. Как известно, чукотско-корякская нарта не имеет себе аналогий у тунгусских народностей, а в тех случаях, когда мы ее встречаем среди эвенов, она заимствована в позднейшее время последние от чукчей или коряков, а не наоборот.

Как же объяснить появление чукотско-корякской нарты?

Естественно предположить, что чукчи и коряки приспособили к оленю старинную собачью нарту. К сожалению, мы не знаем ее конструкции. Первые зарегистрированные у чукчей и коряков нарты были прямокопыльными. Однако известно, что прямокопыльная собачья нарта, характерная для восточносибирского собаководства, распространилась по Камчатке в недавнее время, что раньше ей предшествовала здесь дугокопыльная нарта, сохранявшаяся у камчадалов в XVII и даже в

²³ Переход конечных *р*, *н*, *л*, в *й* характерен для многих языков Северо-Восточной Азии: *китан*—*китай*; в эвенкийском *эгу*—*эйгу*—острога; негидальск. *ойон*, эвенкийск. *орон*—олень.

²⁴ М. Г. Левин. Антропологические типы Сибири и Дальнего Востока (К проблеме этногенеза народов Северной Азии), «Советская этнография», 1950, № 2.

²⁵ Для северо-восточных эвенских говоров и чукотско-корякских языков характерен переход губно-губного *в* между гласными в *у* и переход конечного *н* в *й* с опусканием *е* при добавлении суффикса. Таким образом, *чаван* будет звучать в чукотско-корякском языках — *чауа*. Для этих же языков характерно удваивание корней; таким образом, в *чаучу* можно видеть удвоенное *чауа* — *чаван*.

XVIII вв. Повидимому, то же было и среди чукчей и коряков. Еще Богораз высказал мысль, что древняя собачья нарта у них была прототипом для оленней нарты. До недавнего времени среди них сохранялась однооленная упряжка. Вероятно, эта упряжка и была первоначальной.

В отличие от тунгусских народностей, чукчи и коряки не знают доения. Но следует вспомнить, что его нет и у соседних тунгусских групп — эвенов. Возможно, что те древние тунгусские группы, от которых оленеводческие навыки перешли к чукчам и корякам, и не знали доения, утратив его на своем пути на север.

X

Нам остается рассмотреть выючно-верховое оленеводство.

Как мы видели, многие элементы саянского оленеводства обнаруживают поразительное сходство с элементами коневодства. Это относится к устройству седла (со стременами и ремнями), к седланию (ближе к середине спины), к посадке (слева) и езде (без посоха), к молочному хозяйству и способу кастрации. Интересно указать еще на устройство детского седла с луками в виде крестовин, на которые устанавливается люлька. Сходное устройство седла для люльки мы знаем у казахов.

Само название для оленного седла то же, что для конского седла в тюркских языках (*ынгырчах*); обща и другая терминология; например: *баг* в тувинском и тофаларском — недоуздок, а в тюркских — вязка; *тартыг* в тофаларском подпруга, а в тюркских *тарт* — тащить.

Конечно, нельзя отрицать возможности того, что отдельные черты сходства саянского оленеводства с коневодством могли получить свое развитие в позднейшее время, что первоначально седло и другие части упряжи были несколько иными. Но если вспомнить отдельные сходные детали в саянском и самоедском оленеводстве, которые, несомненно, относятся к отдаленному времени, то отпадает возможность относить целиком все особенности саянского оленеводства только за счет позднейших заимствований от коневодов.

Среди тунгусских народностей распространены как выючно-верховой, так и упряжной транспорт. У отдельных групп (илимпийские и сымские эвенки) последнее, несомненно, заимствовано от самоедских народов, у других (эвены Чукотки и Камчатки) — от чукчей и коряков. Ниже мы покажем, что упряжной транспорт и остальных групп — явление более позднее по сравнению с выючно-верховым.

Необходимо вспомнить, что среди эвенков выючно-верховой транспорт представлен различно. Одни группы (сымские и ангарские, расселенные по притокам Подкаменной, истокам Нижней Тунгуски и Лены) не знают вовсе верховой езды, употребляя оленя только под выюк, другие же (алдано-зейско-амгунские и илимпийская группа эвенков, а также эвены, долганы, негидальцы, ороки) широко пользуются верховой ездой и имеют специальные верховые седла.

Теоретически возможны различные предположения. Можно допустить, что отсутствие верховой езды было свойственно в прошлом всем тунгусским группам и что верховая езда явление позднейшее, развивавшееся лишь у части из них. Возможно и другое предположение, что оленеводство возникло у определенной группы тунгусов на сравнительно узкой территории с использованием оленя под выюк и под седло. В дальнейшем, будучи связанными соседством с безолennыми и расселяясь, эти группы передавали свои навыки оленеводства другим. Но не все осваивали эти навыки одинаково: значительная часть тунгусских групп ограничивалась выючным транспортом.

Имеющиеся в нашем распоряжении различные данные говорят в пользу второго предположения. Начнем с материалов фольклора. Эвенкийский фольклор, повествуя о взаимоотношениях различных тунгус-

язычных групп в далеком прошлом, рисует, наряду с безоленными племенами, племена коневодов, скотоводов и оленеводов, соседящих друг с другом. Сказания помещают эти племена в области к северу от р. Онон — на территории отрогов Яблонового хребта. В фольклоре одни из этих племен — коневоды, содержащие оленей только для мяса на случай неудачной охоты, другие — оленеводы, использующие оленя под выюк и под седло. Известно этим племенам и доение оленя. Интересно, что некоторые имена героев и их родов в этих сказаниях могут быть объяснены из монгольской этнонимии XII—XIII вв.²⁶ Это хорошо согласуется с историческими данными о соседстве тунгусских и монгольских племен, а также с указаниями китайских источников на оленеводов в верхнем Приамурье и севернее. Очень существенны материалы по терминологии, относящейся к оленному транспорту.

Ряд терминов в эвенкийском и эвенском языках происходит из монгольских языков, например: седло эвенкийск. — *эмгин*, эвенск. — *эмгун*; в монгольском *эмэл*, *эмэгэл*; обшивка седла и мешки, в которые вставлены доски седла, — *комдан* ~ *хомдан*; в монгольском *хом* — потник под седлом верблюда; холощение и холостить — *акта*; метка на ухе — *им* ~ *им*; *им* монгольск.; в эвенкийском *тэнинэ* — коврик под седло; монгольское *тэн* — потник и др.

Отметим, что те термины, которые не связаны с монгольскими, имеют в тунгусских языках часто или описательный характер, или одновременно и другое значение, например: *тынгэнтун*, подпруга, буквально обозначает предмет, охватывающий грудную клетку; *уси* ~ *ухи*, поводок, одновременно обозначает и длинный ремешок.

Приведенные данные могут служить указанием на то, что оленеводство тунгусов возникло под влиянием коневодства монголоязычных групп. Добавим, что и сейчас оленеводство с молочным хозяйством, с верховой ездой на специальном седле распространено как раз среди южных групп эвенков в районах отрогов Яблонового и Станового хребтов.

Распространяясь среди различных тунгусоязычных групп, оленеводство не всюду сохраняло свои первоначальные черты; среди некоторых групп верховая езда не развилась, другие если и ездили на олене, то только на вьючном седле.

Оленеводство ороков, отличающееся, как указывалось, своей нартой и упряжкой, в остальном сходно с оленеводством алдано-зейско-амгунской группы эвенков. Сходна у ороков и эвенков и вся терминология, относящаяся к верховому транспорту. Сказания ороков упоминают предков, вышедших с Амгуни на Охотское побережье и дальше на Сахалин. Сказанное выше позволяет видеть в этих предках группы древних оленных тунгусов.

Еще несколько слов об упряжном транспорте тунгусских народностей. Об упряжках самоедского и чукотско-корякского типа, заимствованных отдельными тунгусскими группами, было уже сказано выше. На севере Якутии среди некоторых эвенков и оленных якутов и южнее среди долеминских эвенков и якутов, а также у долган распространена прямокопыльная нарта. Генезис ее не совсем ясен. Распространили ее в качестве оленной нарты по Якутии и смежным с нею на западе и на востоке районам преимущественно якуты. Но как она появилась у якутов, при отсутствии данных сказать нельзя. По конструкции эта оленная нарта сходна как с собачьей нартой восточно-сибирского типа, так и с охотничьей нартой эвенков и других народностей Сибири. Заслуживает внимания, что в фольклоре эвенков и якутов с Яны и Нижней Лены часто

²⁶ См. «Сборник материалов по эвенкийскому фольклору», Л., 1936; частично в подготовленной к печати работе Г. М. Василевич «Эвенкийский фольклор». Например, род Кеян в эвенк. — Кият монгол., род Оха в эвенк. — Оха монгол. — род Кедан и Кетан в эвенк. — Кедан — Кидан — кидане, и др.

упоминается собачья упряжка у каких-то нетунгусоязычных групп населения.

Нарта с изогнутыми копыльями алдано-зейско-амгунских эвенков и якутов, живущих смежно с ними, отчасти сходна с дугокопыльной оленней нартой чукчей и коряков. Следует думать, что так же, как и чукотская нарта, алдано-зейская оленняя нарта имеет своим прототипом собачью нарту. А если это так, то открываются интересные связи древнего аборигенного населения Чукотско-Камчатского края, с одной стороны, с населением Алдано-Амгунско-Охотского края, с другой. Эти вопросы выходят за рамки настоящей работы.

По поводу оленней упряжи ороков еще Шренк высказал мысль о том, что они стали запрягать оленей, подражая собачьей упряжке нивхов (гиляков) и айнов²⁷. Надо сказать, однако, что орокская нарта коренным образом отличается от нивхской собачьей нарты. Оригинальна и упряжка из одного оленя. Возможно, что тунгусоязычные предки ороков пришли на Сахалин, уже будучи знакомы с оленней упряжкой.

XI

По вопросу о древности оленеводства в литературе высказывались самые разнообразные взгляды. Тогда как одни авторы относят возникновение оленеводства к неолиту и даже палеолиту, другие возражают против большой древности оленеводства и относят его уже к нашей эре. Первая точка зрения была высказана Богоразом²⁸, по мнению которого олень был приручен палеолитическим охотником. Эту же теорию на археологическом материале безуспешно пытался доказать Г. П. Сосновский²⁹. В пользу большой древности приручения высказывается и В. И. Равдоникас³⁰. Все эти авторы рассматривают оленеводство как древнейшую форму скотоводства вообще. В советской литературе эта точка зрения получила распространение под влиянием работ Н. Я. Марра, который на лингвистическом материале пытался показать, что олень предшествовал другим домашним животным³¹. Теория, согласно которой олень является первым после собаки животным, использованным человеком для транспорта, пропагандировалась представителями реакционной культурно-исторической школы, особенно Ф. Флором³². Согласно этому автору, оленеводство, возникнув впервые в Саянском нагорье у протосамоедов и прототюрков, явилось древнейшим скотоводством вообще. Мы не можем останавливаться здесь сколько-нибудь подробно на критике этой концепции. Против древнего возраста оленеводства говорят как данные истории и этнографии (отсутствие оленеводства в Северной Америке, несомненно позднее его распространение в Западной Сибири, факты сравнительно недавнего перехода ряда групп Северной Азии от пешего передвижения к оленному транспорту и т. д.), так и данные археологии, согласно которым нет никаких сколько-нибудь достоверных следов домашнего оленя не только в палеолите, но и в неолите Сибири. В пользу того, что в Алтае-Саянском нагорье оленеводство предшествовало коневодству, приводились материалы Пазырыкского могильника на Алтае³³, в котором были найдены на головах

²⁷ Л. Шренк, Указ. раб., стр. 182.

²⁸ В. Г. Богораз, Указ. работы.

²⁹ Г. П. Сосновский, Древнейшие остатки собаки в Северной Азии, «Проблемы истории материальной культуры», 1933, № 5/6.

³⁰ В. И. Равдоникас. История первобытного общества, ч. II, Л., 1947 стр. 8—10.

³¹ Н. Я. Марр, Средства передвижения, орудия самозащиты и производства и доистории. Избранные работы, т. III, стр. 123—151.

³² Ф. Флор, Указ. раб.

³³ Эту ошибочную точку зрения поддерживал и я в совместной с А. М. Золотаревым работе.— М. Г. Левин.

лошадей маски в виде головы северного оленя с рогами натуральной величины. В этом хотели видеть доказательство того, что олень в хозяйственной жизни предшествовал здесь лошади, и маску рассматривали как отражение этого факта в ритуале. Это мнение не может считаться основательным. Напомним, что во втором Пазырыкском кургане, раскопанном С. И. Руденко в 1947 г., найдена маска, сюжет которой — птица на голове горного барана. В алтайских курганах (Катандинском и др.) многочисленны изображения фантастических животных; среди них есть изображения лошадей с ветвистыми рогами, изображения, напоминающие лошадь с головой грифа, и т. д.³⁴

Оленные маски на голове лошади в такой же степени могут служить доказательством существования на Алтае древнего оленеводства, как и изображения грифов — доказательством хозяйственного их использования. Отметим, что в алтайских курганах, наряду с фантастическими, найдены и реалистические фигурки оседланных лошадей, но не найдено ни одной фигурки оленя с седлом.

На Шалаболинских наскальных изображениях, зафиксированных В. А. Адриановым и датированных Вяткиной в значительной части VII — IX вв., имеются многочисленные изображения оленей, коров, лошадей, но все изображения всадников связаны с лошадью и нет ни одного на олене³⁵. Никаких фактов в пользу того, что езда на олене в Южной Сибири древнее езды на коне, привести нельзя.

Давно уже высказывалось в литературе мнение о том, что оленеводство возникло под влиянием коневодства (Ган, Лауфер, Максимов). А. Н. Максимов развивал мысль о «первоначальном возникновении оленеводства в качестве временного суррогата у какого-нибудь тюркского или монгольского племени, потом опять отказавшегося от оленеводства в пользу разведения крупного рогатого скота и лошадей»³⁶. Построения Максимова явно искусственны. Но нам вовсе незачем прибегать к таким ложным построениям, чтобы связать возникновение оленеводства с влиянием коневодства. Выше мы привели материалы в пользу того, что оленеводство распространилось по северу Евразии из южных районов Сибири. Анализ особенностей различных типов оленеводства привел нас к выводу о том, что оно возникло в двух областях — Алтае-Саянском на юге и в горных районах Забайкалья — Приамурья. Первоначальное транспортное использование оленя было под выюк и седло. Во всем этом мы видим свидетельство того, что оленеводство действительно возникло под влиянием коневодства.

Можно высказать предположение, что древние тунгусоязычные группы горного Забайкалья, жившие смежно с монголоязычными, заимствовали от них коневодство (необходимо отметить, что лошадь в тунгусских языках называется по-монгольски *мурин* ~ *морин*). Навыки коневодства привели к одомашнению оленя. Возможно предположить, что аналогичный процесс проходил в Саянах, где самодоевые народы, жители горной тайги явились зачинателями оленеводства под влиянием их тюркоязычных соседей-скотоводов. Конечно, эти предположения остаются пока гипотезой. Но возникновение оленеводства под влиянием коневодства, вопреки теории Н. Я. Марра, согласуется со всеми имеющимися в нашем распоряжении фактами.

³⁴ См. С. В. Киселев, Древняя история Южной Сибири, «Материалы и исследования по археологии СССР», 1949, № 9, стр. 177—216. С. И. Руденко, Второй пазырыкский курган, Ленинград 1948.

³⁵ К. В. Вяткина, Шалаболинские (тесинские) наскальные изображения, Сборник Музея антропологии и этнографии, т. XII, 1949.

³⁶ А. Н. Максимов, Указ. раб., стр. 33.

П. Е. ТЕРЛЕЦКИЙ

ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ ОБ ЭТНИЧЕСКОМ СОСТАВЕ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ ЯКУТСКОЙ АССР

В советской статистической практике единственным универсальным и в полной мере удовлетворяющим всевозможные практические потребности критерием определения этнического состава населения являются субъективные показания самого населения — каждого из отдельных его членов — о своем национальном состоянии как выражении своего национального самосознания. В суммированном виде эти показания отражают собой объективную, действительную, реально существующую картину этнического состава. Получение показаний самого населения может быть осуществлено методом переписи или специального сплошного опроса населения.

Этнографический метод исследования, если он не сопряжен со статистическим сплошным опросом населения, дает, как правило, лишь приближенное, общее представление об этническом составе. Назначение этнографического исследования — дать по возможности наиболее полную характеристику самих этнических групп в отношении особенностей языка (диалекта, говора), наиболее употребительных орудий труда и средств транспорта, способов их изготовления, способов ведения хозяйства, внутрисемейных и внутрисемейных отношений, особенностей пищи, одежды, жилища, а также обрядов, искусств и других элементов материальной и духовной культуры, причем этнографическое исследование не нуждается в сплошном обследовании объектов наблюдения. Несмотря на это, этнографическое исследование позволяет, однако, обнаруживать встречающиеся в статистической практике ошибки — неправильное отнесение той или иной группы населения к той или иной национальности.

Так, в итогах переписи 1897 г. значительная группа (около 500 чел.) есейских якутов числилась тунгусами. На это обстоятельство в свое время было обращено внимание многих этнографов, и в составленной КИПС'ом Академии Наук «Этнографической карте Сибири» эта ошибка переписи была выправлена. В итогах переписи 1926 г. значительная часть эвенов (ламUTOB) восточной части Сибири зарегистрирована была эвенками (тунгусами). Допущены были ошибки в отношении южной группы расселения селькупов, зарегистрированных хантами (остяками) и т. п. Эти ошибки, несомненно, извратившие представление об этническом составе некоторых районов, обнаружены были ленинградскими этнографами и лингвистами и отмечены в печати.

Подобного рода ошибки переписей, вскрываемые при этнографических исследованиях, должны привлекать соответствующее внимание.

С этой точки зрения представляют интерес появившиеся в этнографической литературе заметки и статьи И. С. Гурвича, затрагивающие вопросы этнического состава северо-западной части Якутской АССР и

дающие критическую оценку данным переписи 1926 года по этой территории¹.

В этнических процессах на Крайнем Севере, помимо условий советского строя, находят еще свое отражение и бывшие, ныне исчезнувшие, условия эксплуатации и национального угнетения северных народностей при царизме. В прошлом эти условия сказались на утрате некоторыми из них своего родного языка, восприятию другого языка, нового быта, новых отраслей хозяйственной деятельности и т. п., а в некоторых случаях и на полной ассимиляции их с другими народами. Исследование подобных процессов на основании данных переписей дает возможность сделать некоторые выводы, заключающиеся в следующем.

а) Народности или отдельные их части, утратившие свой родной язык и воспринявшие быт, направление хозяйственной деятельности, материальную и отчасти духовную культуру ассимилирующей их народности и утеравшие представление о своем этническом происхождении, т. е. подвергшиеся в полной мере процессу ассимиляции, окончательно ассимилировавшиеся, — такие народности или их отдельные части в советское время стали причислять себя в национальном отношении к ассимилирующей их народности.

Несмотря на то, что в дореволюционное время в силу сословных перегородок такое население, как «инородцы» — вне зависимости от своего национального самосознания — относилось к тем или другим народностям по их историческому происхождению, в советское время, как только рушились сословные перегородки, это население в подавляющей массе показало себя (по данным переписей) представителями другой, в прошлом ассимилировавшей их народности и выявило, таким образом, свое новое национальное положение. Конкретно этот процесс проявился в значительной «убыли» численности ассимилировавшейся народности, т. е. в легализации имевшегося уже ранее процесса, и в соответствующем «увеличении» численности ассимилировавшей (в прошлом) народности.

К таким народностям или отдельным их частям относятся ивдельские, таборинские и тавдинские манси, селькупы Чаинского и Кривошеинского районов, эвенки Читинской области и Бурят-Монгольской АССР и значительная часть камчадалов (ительменов) Камчатского полуострова. Все они в подавляющей массе не только утратили свой родной язык, но и перешли на оседлость, освоили сельское хозяйство и ведут соответствующий образ жизни. В советское время национальное самосознание представителей этих групп отразилось (по данным переписей) в показаниях их себя русскими (манси, селькупы, камчадалы и эвенки) или бурятами (эвенки).

б) Народности или отдельные их части, в значительной мере утеравшие свой родной язык, но сохранившие свой быт, направление своей хозяйственной деятельности, свою материальную и духовную культуру и даже передавшие некоторые свои особенности ассимилирующей народности, — такие народности, как отмечают переписи, не утратили представления о своем этническом происхождении. Их национальное самосознание сразу же обнаружилось, как только установилась советская власть, как только идеи ленинско-сталинской национальной политики, ее основные положения стали понятными этим народностям. Конкретно оно проявилось в численности населения, намного превышавшей возможную их численность с учетом нормального естественного прироста. Здесь в результате развития национального самосознания обнаруживается процесс восстановления (своеобразной консолидации) своей народности.

К таким народностям или к отдельным их частям относятся ненцы

¹ И. С. Гурвич, Пять лет этнографической работы в Оленекском районе Якутской АССР, «Советская этнография», 1947, № 1; его же, Оленекские и анабарские якуты, автореферат диссертации. М., 1949; его же, К вопросу об этнической принадлежности населения северо-запада Якутской АССР, «Советская этнография», 1950, № 4.

Большеземельской тундры, отчасти долганы, а также почти все эвенки северных районов Якутской АССР. Ненцы Большеземельской тундры в значительной своей части утратили свой родной язык и восприняли язык коми, но сохранили свои остальные этнические признаки: быт, направление хозяйственной деятельности и свою материальную и духовную культуру. Несмотря на то, что многие из них в дореволюционное время числились коми-ижемцами, они при переписи 1926 г. показали себя ненцами. Национальное самосознание долган, несмотря на то, что все они считают своим родным языком якутский, сохранилось и даже, более того, долганы, ранее считавшиеся (по языку) якутами, при переписи 1926 г. показали себя долганами. Их быт, занятия и материальная и духовная культура — своеобразная и отличающая их от якутов — укрепили у них этническую общность, выразившуюся в их национальном самосознании. Аналогичный процесс имел место и в северных районах Якутской АССР и, в частности, в северо-западной ее части.

Рост численности большеземельских ненцев, долган Таймырского национального округа и эвенков северных районов Якутии в советское время оказался исключительно высоким, превышавшим их возможный естественный прирост.

Национальное самосознание и той и другой категории народностей ярко обнаружилось: в первой — в форме легализации завершившегося процесса ассимиляции и осознания своего нового национального состояния и во второй — в форме подтверждения и восстановления своей национальности.

* * *

В связи с изложенными соображениями разрешение вопроса об этническом составе населения бассейнов рек Анабары и Оленека нам представляется в совершенно ином плане, чем это сделано И. С. Гурвичем в его работе.

Основное положение автора сформулировано им в следующих словах: «Изучение истории, хозяйства, материальной и духовной культуры оленекских и анабарских якутов убеждает в том, что эта группа якутов-оленеководов сложилась в результате длительного культурного взаимодействия и слияния эвенков-аборигенов с якутами-переселенцами из центральных якутских волостей и русскими оседлыми промышленниками»², причем этот процесс, по его словам, начал слагаться в первой половине XVIII и закончился в середине XIX в. Таким образом, к этому моменту здесь как будто бы имела одна однородная группа якутов-оленеководов.

Это положение находится в явном противоречии с показателями этнического состава населения Анабарского и Оленекского административных районов, представляющих собой территорию, почти совпадающую с географической территорией бассейнов указанных двух рек. Данные переписи 1897 г. говорят, что на этой территории проживало якутов лишь 14,1%, основная масса населения были эвенки (81,4), долган было 2,4% и русских — 2,1%. В дальнейшем этнический состав этих районов, в сопоставлении с 1897 г., характеризуется следующими соотношениями народностей (в процентах к общему количеству населения каждого года):

Годы	Эвенки	Якуты	Долганы	Русские
1897	81,4	14,1	2,4	2,1
1926	53,2	33,3	5,5	8,0

² См. И. С. Гурвич, Оленекские и анабарские якуты. (Историко-этнографический очерк). Диссертация. Рукопись. Архив Института этнографии. (Разрядка моя.— П. Т.)

Здесь виден ярко выраженный процесс снижения удельного веса эвенков за счет якутского, русского и отчасти долганского населения. Чтобы представление об этом процессе было более четким, необходимо отметить, что численность эвенкийского населения этой территории за рассматриваемый период по существу оставалась стабильной; что же касается якутского населения, то оно в силу притока извне возросло и, в особенности, возросло русское население. Самый процесс движения эвенкийского населения Оленекского района (в Анабарском районе эвенков не было ни в 1897, ни в 1926 г.) нельзя рассматривать изолированно от двух смежных районов — Булунского и Жиганского, тесно связанных с ним в экономическом и этническом отношении: многие из групп оленекских эвенков охотников-оленеводов являлись представителями своих жиганских и булунских соплеменников, имели пастбищные и охотничьи угодья в пределах Оленекского района, да и в составе самих так называемых «анабарских и оленекских якутов-оленеводов» имелись группы эвенков и отчасти якутов, административно входившие в состав Булунского и Жиганского районов. Кроме того, необходимо отметить, что в процессе образования населения Оленекского района имели существенное значение эвенки б. Вилюйского округа (южной части района-Шологонский и отчасти Кирбеевский наслеги). В пределах указанных районов, являющихся замкнутой и компактной (относительно, понятно) территорией расселения эвенков, именно и происходили, как увидим ниже, интересующие нас изменения в составе населения.

Рассмотрение данных движения эвенкийского населения всей этой территории приводит к выводу о наличии исключительно большого прироста, значительно превышающего, как мы уже отмечаем, возможный нормальный естественный прирост,— население значительно увеличилось. Далее, если в 1897 г. подавляющая масса эвенкийского населения вела кочевой образ жизни охотников-оленеводов, то в 1926 г. значительная часть (около половины) стала оседлым населением, и в настоящее время переходит к рыболовству и охотничьему промыслу оседлого характера. В целом же за рассматриваемый период имели место падение численности кочевого эвенкийского населения (в связи с оседанием) и весьма значительный рост оседлого населения. Именно на этой территории в прошлом происходили передвижения эвенкийских родов под напором расселявшегося якутского населения, а также этнические процессы — брачные отношения между эвенками и якутами, вхождение якутов в эвенкийские роды или эвенков в якутские наслеги и т. п.

Еще более интенсивный рост наблюдается и в среде якутского населения на указанной территории (включая и Анабарский район). Так, в последнем районе численность якутов увеличилась в пять раз (понятно, за счет притока извне), а в Оленекском — в восемь раз.

Без рассмотрения всего комплекса вопросов образования этнического массива на этой территории трудно или почти невозможно составить себе представление о характере процессов в населении бассейна рек Анабары и Оленека, как органически связанном с ней.

* * *

Что же представляют собой так называемые анабарские и оленекские якуты-оленеводы? По данным И. С. Гурвича, их всего 259 хозяйств с общим числом населения 1568 чел. В 1926 г. они распределялись на следующие группы (территориальные и родовые)³: затундренские якуты — 58 хозяйств, Осогостохский род — 56, Хатыгинский род — 17, Чордун-

³ Для распределения хозяйств на группы мы воспользовались похозяйственным данными (151 карточка) и списками (шологонских тунгусов и затундренных якутов), выкопированными из данных похозяйственной переписи Приполярного Севера, любезно предоставленными Б. О. Долгих в наше распоряжение.

ский — 35, Бетинский — 21, 2-й Угулятский — 20, Шологонский — 50 и прочие — 2 хозяйства.

В отношении населения первых трех групп (затундренских якутов, осогостохских и хатыгинских хозяйств) нет сомнения в их якутском происхождении и национальности. Об этом говорят данные переписи 1926 г. и картографические материалы («Этнографическая карта Сибири», изданная Академией Наук и «Карта расселения народностей Крайнего Севера», изданная Комитетом Севера). В литературе также нет указаний на принадлежность их к эвенкам. Расселение в низовьях рек Анабары и Оленека и хозяйственная характеристика их как оленеводов тундры не вызывают сомнения в их якутской национальности.

В отношении Бетинского, Угулятского и Шологонского родов нет сомнения в их тунгусском происхождении (или во всяком случае, нет уверенности и у И. С. Гурвича в их якутском происхождении). Их расселение в таежной и лесотундровой зоне и охотничий тип хозяйства подчеркивают их эвенкийскую национальность. Группа Чордунского рода по данным переписей 1897 и 1926 гг. является эвенками.

В опубликованной статье И. С. Гурвич указывает еще на одну группу якутов-олeneводоB «кангаласов и хатыганов 3-го Хатыгинского наслега» общей численностью в 359 чел. Но и эта группа, как и первые три, отмеченные выше, бесспорно (и в историческом прошлом) якутов в разрешении поднятого вопроса также не может быть полезной. Включение этой группы якутов в общую группу так называемых «анабарских и оленекских якутов оленеводов» еще более затуманивает и без того сложный вопрос образования «новой» этнической группы.

Ограничивая себя указанными пределами, И. С. Гурвич ничего не говорит об остальном, не затронутом им населении тех же взятых им родов. Так, в пределах бывшего Вилюйского округа, куда входили и территории современных Анабарского и Оленекского районов, в составе Бетинского и Чордунского родов в 1897 г. имелось 822 тунгуса, а по данным И. С. Гурвича, их в 1926 г. было 326, по Шологонскому роду — 270 против 445 и по Угулятскому — 138 против 534 тунгусов в 1897; т. е. в указанных четырех родах, вместо 1801⁴ тунгусов принято во внимание лишь 734 чел. Какова судьба остальных 1067 тунгусов, остается неизвестным. Далее И. С. Гурвич совершенно не интересуется, что произошло с группами тунгусов Тогуйского, Жохутского и Кельятского родов, расселенных в пределах верховьев Вилюя и его левых притоков и ныне вошедших в состав Оленекского и отчасти Жиганского районов (по переписи 1897 г. в них было 919 чел.). Какова судьба Кюпского и Эжанского родов жиганских тунгусов, кочевавших в пределах бассейна реки Оленек (по переписи 1897 г. — 210 чел.)? Мы уже не говорим о группах эвенков Илимпейского, Чапогирского, 2-го Летнего и Усть-Турыжского родов Эвенкийского округа, также кочевавших в пределах верховьев Анабары и Оленека.

Таким образом, по данным 1897 г., имелась довольно большая группа (в 3023 чел.), составлявшая эвенкийское население Оленекского и двух смежных с ним Булунского и Жиганского районов. Примерно половина этого населения в 1897 г. кочевала в пределах современной территории Оленекского района. Данные же, приводимые И. С. Гурвичем, касаются лишь 734 (Бети — 98, Чорду — 228, Шологон — 270 и Угулят — 138) эвенков.

Между тем, не только все эвенки указанных районов, но и эвенки остальных северных районов Якутии, по мнению И. С. Гурвича, должны по национальности считаться якутами.

⁴ Не считая 110 тунгусов этих же родов Жиганского улуса, которые также имели отношение к оленекским тунгусам.

* * *

Но возвратимся к группе так называемых «анабарских и оленекских якутов-оленевопроводов». Действительно ли она является однородной «самобытной, обособленной культурной группой», представляющей «органическое единство материальной культуры» и т. п.? Действительно ли она может быть названа «якутами-оленевопроводами»?

О присутствии в этой группе русских у Гурвича нет никаких намеков. Очевидно, по его мнению, группа русских так «слилась», растворилась в якутском населении, что от нее не осталось никаких следов. А между тем после «слияния» еще в 1897 г. русские были расселены не только в районах низовьев рек Анабары и Оленека, но и в соседних с ними районах — по правому берегу Хатанги, в низовьях Лены (Булуң, Жиганск) и в других смежных районах. Считать, что все эти русские — вновь появившийся элемент, нет оснований. Значительная часть их, как и в других северных пунктах Якутии (Казачье, Нижнеколымск, Походск и др.), находившихся в аналогичных условиях окружения коренным населением, несомненно является потомками бывших русских поселенцев XVII, XVIII и XIX вв. Во всяком случае, иное утверждение должно быть доказано в результате специального исследования, хотя бы путем опроса современных русских жителей об их историческом прошлом, или опроса «слившихся» русских — ныне «якутов-оленевопроводов» о том, как они превратились в якутов. В 1926 г. русские низовьев Оленека и Анабары — 11 семейств (в среднем по 7 чел.) являлись полuosедлыми охотниками на песца, имели по 75—90 пастей и по 50 оленей в среднем на хозяйство, а остальные русские — оседлые, также охотники на песца, имели в среднем такое же число пастей, но вместо оленей у них было по одной собаке упряжке, все они занимались рыболовством, а некоторые из них имели коров и лошадей. Совершенно несомненно, что это не те работники, «прибывшие для проведения различных мероприятий», о которых говорит И. С. Гурвич, а именно — потомки бывших русских. То, что они имеют крупные семьи, указывает также на их более древнее происхождение. Таким образом, одно звено в концепции И. С. Гурвича об образовании единой однородной группы «якутов-оленевопроводов» выпало.

Мы уже видели, что часть населения — затундренские якуты, Осого-тохский и Хатыгинский роды — по своему происхождению являются чистыми якутами (по переписи 1926 г. они отнесены к якутам), а остальные — бетинцы, угулятцы и шологонцы (а также и чордунцы) — так называемые объякученные тунгусы, по своему тунгусскому происхождению являющиеся несомненно и той группой, показали себя и в 1897 и 1926 гг. эвенками (тунгусами). Несмотря на единство языка⁵, по своему быту (кочевой быт каждой из этих групп различен) и направлению хозяйственной деятельности, а также материальной и духовной культуре они представляют собой две этнические группы. Постараемся доказать это на ряде примеров.

Обработанные данные карточек и списков упоминаемых выше 259 хозяйств, распределенных на две основные указанные выше группы — яку-

⁵ Нам представляется, что обе группы населения имеют и два различных диалекта. Условия образования и развития диалекта якутской группы, как переселенцев из центральных районов, совершенно иные, чем условия образования языка — диалекта эвенкийской группы — в результате длительного процесса потери своего языка и смешения с якутским. Необходимо отметить, что еще сравнительно недавно, по сообщению Патканова, «небольшая часть тунгусов, живших в верховьях левых притоков Вилюя и отчасти Оленека, повидимому, еще пользовалась родною речью» (см. С. Патканов. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири, ч. II, в. 2, СПб., 1914, стр. 177). Перепись 1926 г. отмечает также наличие эвенков со своим родным эвенкийским языком: в б. Вилюйском округе — небольшое, 2,4%, а в Булуңском — 22,1%, в Верхоянском — 98,5%.

тов и эвенков (тунгусов) и в каждой из них по размерам оленного поголовья, дают следующую их характеристику:

Группы по оленному поголовью	Якуты			Эвенки		
	хозяйств	в них оленей	в %	хозяйств	в них оленей	в %
до 50 оленей	86	1 843	15	114	1 716	51
51—250 „	31	4 003	33	15	1 339	40
251 и более	12	6 324	52	1	320	9
Всего	129	12 170	100	130	3 375	100
В среднем на хозяйство		95	—		26	—

Здесь мы имеем две совершенно различные группы: одну — оленеводов, имеющих в своем распоряжении около 80% всего поголовья, и другую — охотников, у которых олени играют подсобную, главным образом *транспортную роль. Крупные оленные стада (12 стад) находятся в руках якутских хозяйств, самое крупное, в 2300 оленей — якутское стадо, и лишь одно хозяйство эвенков, с некоторой натяжкой, может быть отнесено к крупным. Даже мелкие якутские хозяйства оказываются значительно крупнее мелких эвенкийских. Несомненно, что и пути кочевания этих групп (а с ними связан и быт кочевников) совершенно иные: они различаются и по своей длине и по постоянству маршрутов. Сама территория их кочевания различна: у якутов-оленеводов — низовья рек Анабары и Оленека — тундра и лесотундра, у эвенков-охотников — среднее и верхнее течение реки Оленека и верховья рек Анабары, Вилюя, Мархи, Маркоки, Курун-Юрях, Тюнена и Тюнга, а также Муны, притока Лены — тайга и лесотундра. Отдельные хозяйства обеих групп, понятно, заходят и на смежные территории, но основное расположение путей кочевания обеих групп четко отграничено и соответствует направлению их хозяйственной деятельности.

К сожалению, дальнейшая непосредственная характеристика этих двух групп не может быть освещена: на карточках и в списках, кроме данных о числе оленей и количестве членов семьи, нет никаких других сведений. Между тем отмеченная выше характеристика распределения оленного поголовья по группам хозяйств является вполне идентичной с распределением оленного поголовья кочевых хозяйств якутов и эвенков Булунского округа, как об этом говорят материалы переписи 1926—1927 гг.⁶ Эта идентичность позволяет нам отметить еще одно весьма важное обстоятельство, указывающее на существующую экономическую зависимость эвенкийского хозяйства от якутского. Эвенкийское оленеводство по своему составу — транспортное (75,5% стада — транспортные олени, причем все важеньки используются в транспорте, и остальная часть — молодняк); оно не дает возможности воспроизводства стада, и тунгусы вынуждены постоянно обращаться за пополнением своего транспортного поголовья к якутам-оленеводам, располагающим большими возможностями (запасом «гулевых», не используемых в транспорте оленей).

Кроме того, материалы похозяйственной переписи дают возможность расширить характеристику самих якутских и эвенкийских хозяйств. По данным переписи, якуты являются охотниками на песца — у них около 60 тысяч пастей, в среднем 60—70 пастей на хозяйство, и они добывают в год в среднем по 9 песцов; охотой на белку они не занимаются. На-

⁶ См. «Похозяйственная перепись Приполярного Севера 1926—1927», Изд. ЦСУ СССР, 1929, стр. 65.

оборот, эвенки (тунгусы) — охотники на белку в среднем добывают по 30 белок на хозяйство; у них преобладают всевозможные ловушки на менее ценных пушных зверей, а песцовый промысел для них является второстепенной отраслью охоты, число песцовых пастей лишь несколько превышает восемь тысяч. Все это указывает на то, что в обеих группах хозяйств больше различий, чем сходства. Отсюда и различия в быте и в материальной культуре и этнические различия вообще.

* * *

Некоторые исследователи (Б. О. Долгих, И. М. Суслов), а за ними и И. С. Гурвич утверждают, что в бывшем Вилюйском округе слово «тунгус», как в дореволюционное, так и в советское время понималось и применялось не как название эвенкийской национальности, а как «собирательный термин» для обозначения кочевого населения вне зависимости от его национальности. Это отождествление понимания национальности состояния и производственно-бытового положения, по их мнению, настолько привилось, настолько стало распространенным, что на вопрос о национальности каждый кочевник-оленевода этой территории, вне зависимости от того, эвенк он или якут, отвечал «тунгус». Установившееся таким образом, «традиционное» представление о кочевнике-оленеводе как о «тунгусе» отразилось как будто бы и на национальном составе населения этой территории: основная масса якутов-оленоводоов, по данным переписей населения, как будто бы показывала себя «тунгусами» и причислялась к эвенкам.

Напомним, что не все исследователи или лица, так или иначе соприкасавшиеся с этим вопросом, разделяли подобную точку зрения. Большинство из них подчеркивало тунгусское происхождение населения верховьев рек Анабары, Оленека, Вилюя и его притоков, называя их тунгусами, утерявшими свой родной язык и говорящими на якутском языке. К таким исследователям в прошлом относятся Кларк, Маак и в особенности Патканов. Причем все они, как и Чекановский и другие, подчеркивая тунгусское происхождение этого населения и указывая на их якутский язык и на некоторое сходство с якутами, не называют их просто якутами. По личному сообщению Г. М. Василевич, в Якутске якуты считают «тунгусов» «не настоящими», а некоторые вообще не считают их якутами и выделяют в особую группу якутоязычного населения. К этой группе в Якутске относят и тунгусов Амги. Это сообщение Г. М. Василевич вполне совпадает со всей практикой проведения национальной политики правительством Якутской республики в отношении так называемых малых народностей севера. Правительство считалось с наличием эвенков и не пыталось, путем зачисления в состав якутской национальности, обезличить их только на основании их якутского языка. Примеры переписи 1926 г., проводившейся якутскими статистиками, показывают, что, по данным итогов этой переписи, эвенкийская народность не только сохранилась, но и была восстановлена в своей действительной численности.

В этом отношении характерно и сообщение А. А. Попова: «Слово тунгус, — говорит он, — часто употребляется не как название народности, но как название оленного вообще. По этой причине вилюйские якуты, имеющие коров и лошадей, затундренских оленных якутов называют тунгусами, хотя эти последние, сталкиваясь с долганами, называют себя только якутами»⁷. Оказывается, что сами затундренские якуты-оленоводоов, да и не только они, но и якуты-оленоводоов других наслегов, не считают себя «тунгусами», а якутами; исключительно

⁷ А. А. Попов, Материалы по родному языку долган, «Советская этнография», 1934, № 6, стр. 33. (Разрядка моя. — П. Т.)

поэтому в данных переписей и дореволюционного и советского времени, наряду с кочевым эвенкийским населением, довольно солидно представлены и якуты-оленоводы, характеристику которых мы привели выше. Необходимо отметить, что по переписи 1926 г. эвенками (тунгусами) и якутами считаются не только кочевники, но и оседлое эвенкийское и якутское население. На территории Оленекского и Анабарского районов имеются не только кочевые и оседлые якуты, но и кочевые и оседлые эвенки.

* * *

Мало того, в отдельных населенных пунктах как в 1897 г., так и в 1926 г. переписью были обнаружены совместно проживавшие якуты и эвенки. Аналогичное положение имеем и в среде кочевого населения. В одних и тех же урочищах — пунктах (стойбищах) летнего или зимнего пребывания кочевников были зарегистрированы совместно кочевывшие эвенки и якуты, а также долганы и якуты. Так, по данным списков населенных мест и мест расположения кочевых стойбищ — урочищ в 1926 г., из общего количества 106 оседлых и кочевых мест Булунского улуса в 25 пунктах находились совместно проживавшие и совместно кочевывшие эвенки (93 хозяйства) и якуты (199 хозяйств); по Устьянскому улусу из 121 пункта в 23—41 хозяйство эвенков и 84 хозяйства якутов. Аналогичное явление наблюдалось и в Жиганском улусе. Таким образом, только в названных улусах имелось примерно около 900 эвенков и свыше 1500 якутов, совместно проживавших в отдельных населенных пунктах, причем из них совместно кочевывших было около 350 эвенков и свыше 650 якутов.

В Анабарском улусе, как известно, эвенков нет, но там имеются, кроме якутов, долганы. Оказывается, что из 31 зарегистрированного урочища имелось 6 урочищ с долганами (42 хозяйства, 264 человека), кочующими совместно с якутами (33 хозяйства, 201 чел.).

Следуя распространенному мнению, что регистраторы переписи как будто бы отождествляли понятие кочевого быта со словом «тунгус», и кочевых якутов при переписи регистрировали тунгусами, надо было бы ожидать отсутствия в итогах переписи по этим районам каких-либо данных о якутском кочевом населении. Практика переписей показывает, как мы видели, совершенно другое. Очевидно, регистраторы переписи в определении национальности руководствовались не установившейся «традицией» вилюйских администраторов, а исключительно национальным самосознанием самого населения, особенно определившимся в советское время. Ответы якутов и тунгусов о своей народности при переписи явились подлинным выражением их национального самосознания. Нам представляется, что названием «тунгусы» своих сородичей кочевников вилюйские якуты (не администраторы, понятно) отнюдь не имели в виду причисления их к другой национальности, а характеризовали их новый быт, — «живут, как тунгусы» — и только.

* * *

Необходимо напомнить, что в среде эвенкийского населения, несомненно, происходил процесс ассимиляции их с якутами (брачные отношения, вхождение якутов в тунгусские роды, а тунгусов в якутские наследи, названия тунгусских родов якутскими именами, восприятие якутского языка и т. п.), и то, что представители одного и того же рода на Есее показывали себя якутами, а на Оленеке — тунгусами, не должно интерпретироваться как результат сложившейся местной традиции. Нам представляются вполне вероятными случаи (в процессе ассимиляции), когда член якутской семьи — якут с оз. Есее или низовьев Анабары или просто переселенец из центральных якутских районов, женившийся на тунгуске, вошел в тунгуский род или приписался к нему, стал считать себя тунгу-

сом, или тунгус, женившийся на якутке, причисленный к якутскому наслегу, мог показать себя якутом. Образование национальности, развитие национального самосознания гораздо сложнее, чем полагает И. С. Гурвич и, во всяком случае, в особенности в советских условиях, не подчиняется влиянию всевозможных установившихся традиций местных администраторов.

* * *

Необходимо отметить еще одно весьма важное обстоятельство, проливающее свет на некоторую устойчивость отмеченных двух национальных групп. Патканов, на основании первичных материалов переписи — записей о происхождении (местонахождении, роде, принадлежности к родовой управе и т. п.), констатирует, что коренные жители северных районов Якутии — тунгусы, ламуты, юкагиры и долганы имеют родовое деление. Все опрошенные в 1897 г. показали свою принадлежность к тому или иному роду. По данным переписи, встречаются лишь единичные хозяйства, не показавшие свою принадлежность к роду. И, наоборот, в отношении якутского населения, как правило, отмечалось отсутствие показаний родовой принадлежности: — «роды не показаны» или «родовое деление утрачено»⁸. Это обстоятельство Патканов совершенно правильно объясняет характером образования якутского населения северных районов. Якуты, по его словам, выходцы из центральных районов Якутии, переселялись, как правило, отдельными семьями, а не родами и уже на месте нового поселения объединялись в наслеги. Исключение из этого общего правила составляют есейские якуты (у Патканова обозначенные тунгусами), у которых сохранилось родовое деление. Нам представляется, что именно это обстоятельство — наличие деления на роды и соответствующие показания есейских жителей о принадлежности их к тем или иным родам, позволило Патканову отнести есейских якутов к тунгусам. Как мы знаем, эта «ошибка» Патканова была исправлена этнографами КИПСа Академии Наук, и на «Этнографической карте Сибири», составленной ими на основе материалов переписи 1897 г., район севернее оз. Есая окрашен якутским цветом. Перепись 1926 г. отметила в этом районе 483 якута. Что касается якутов так называемого Затундренского якутского рода (828 чел. по переписи 1897 г.), расселенных в пределах низовьев Хатанги (и ее левых и правых притоков) и Анабары, то само объединение их представляется нам объединением более административно-территориального характера, чем объединением большого рода.

Таким образом, и в общественном отношении обе группы — тунгусы с родовым строем и якуты, представляющие собой объединенные в наслеги отдельные семьи, потерявшие связь со своим родом, — представляются совершенно различными, нашедшими свое оформление в разделении по национальному признаку.

Характерно и еще одно обстоятельство. В приводимых И. С. Гурвичем примерах генеалогий дело с происхождением отдельных якутских родов обстоит как будто бы благополучно (Канглаский, Осогостохский, Эспекский роды) — все они действительно якуты; что же касается генеалогий тунгусских родов, которые (генеалогии), по И. С. Гурвичу, доказывают якутское происхождение, то родоначальники этих родов, по преданиям, оказываются то ли якутами, то ли тунгусами (например, род Бети — основатель Мыкая одними считается якутом, другими — чапогирцем, тунгусом). И. С. Гурвич и сам признает, что достоверность приведенных им преданий о происхождении родов сомнительна. Причем происхождение (по данным генеалогий) перечисленных родов относится

⁸ Наоборот, якуты центральных районов по переписи 1897 г. почти поголовно показали свою принадлежность к тому или иному роду.

к началу XIX в. (видимо, воспоминания о роде, при отсутствии письменных памятников, теряются в четвертом — пятом поколении) и численность членов таких родов в лучшем случае могла составить 50—70 человек, тогда как род Осогостох имеет минимум на Есее — 160 и в низовьях Оленека до 300 человек, род Эспек — 170—180 чел., род Чордуд на Есее — около 260 и в низовьях Оленека — около 230 чел. и т. д.

Таким образом, эти «сомнительные» предания в лучшем случае дают представление о более позднем происхождении, и то лишь небольшой родственной группы, или о зародыше нового рода, но не о происхождении перечисленных старых родов.

* * *

В то же время исторические документы дают довольно четкую характеристику происхождения обеих групп. Одна из них, якуты — пришлый, а другая, эвенки, аборигенный элемент. Более внимательное рассмотрение побудительных причин появления в северных районах якутов выходцев якутского народа показывает, что, помимо особых социальных условий, сложившихся в старых центральных якутских районах в XVII, XVIII и XIX вв., естественному процессу расселения способствовало также исключительное богатство отдаленных районов Якутии. Вне зависимости от тяжелых климатических и других природных условий, не считаясь с невозможностью заниматься привычным делом разведения лошадей и крупного рогатого скота, якутские выходцы из центральных районов заселяли эти отдаленные территории. Пушнина — особенно доходный соболиный, а также песцовый промысел, мамонтовая кость, относительно легкая возможность обогащения путем торговли с коренным населением, извозный промысел — были заманчивыми, сулившими предприимчивым якутам более значительные доходы по сравнению с примитивным скотоводческим хозяйством своих центральных районов. Экономические интересы, и только они главным образом являлись побудительными причинами движения якутов на север и вообще в периферийные районы Якутии. Этим объясняется появление якутов на побережье арктических морей, а затем и на островах, появление почти повсюду торговых элементов, организация перевозок военных и других грузов из Якутска к пунктам Охотского побережья, появление их в районе золотых приисков, в низовьях Амура и на Сахалине. Этими же экономическими интересами объясняется и появление их на Оленеке, Анабаре, Хатанге и освоение ими в начале соболиного, а затем песцового промысла, кочевого быта и оленеводства. Как более предприимчивые, более культурные представители своего народа, северные якуты быстро освоились с новой, непривычной для них обстановкой и подчинили своему влиянию почти все коренное население.

Коренные же обитатели северных районов Якутии — охотничье-олениводческие племена эвенков, эвенов, юкагиров, теснимые в прошлом продвижением более мощного якутского народа, постепенно отходили в глубь бесконечных таежных и тундровых пространств и все более и более подпадали под экономическое влияние якутов. Связанный с этим процесс восприятия коренным населением якутского языка не мог все же значительно изменить (отчасти в силу природных условий) остальные этнические черты — быт, направление хозяйства и материальную культуру. Эти последние, наоборот, были отчасти восприняты якутским пришлым населением.

* * *

Мы не имеем возможности в настоящей статье остановиться на более подробном изложении развития материальной и духовной культуры обеих групп. Отметим только, что элементы эвенкийской культуры, отражающие собой и направление хозяйственной деятельности и характер кочевого быта, не могут не быть отличными от элементов якутской куль-

Гурвичем группы так называемых «анабарских оленекских якутов» показало довольно заметное преобладание в ней элементов эвенкийской культуры. Это обстоятельство говорит о живучести эвенкийской культуры, и только обезличенное в «якутской культуре» представление о ней (а не расчлененная характеристика культуры двух этнических групп) создает кажущееся впечатление единства.

* * *

И. С. Гурвич в своей работе довольно часто ссылается на выявление им при исследовании группы «анабарских и оленекских якутов» якутского самосознания населения. Так, он говорит, что «в отношении хатыгинских, шологонских, угулятских, чордунских и других тунгусов удалось (?) выяснить, что члены всех упомянутых выше наслегов считают себя настоящими якутами, потомками якутов, выходцами из южных районов Якутии». Или, в другом месте «тунгусское население, принадлежащее к поречным якутским родам, считает (?) себя якутами». В то же время он нигде не указывает метода, с помощью которого им выявлено национальное самосознание той или иной группы населения. Поэтому все его показания существования «анабарских и оленекских якутов» как однородной в этническом отношении группы оказываются также несовершенными и мало убедительными.

Между тем, как мы уже указывали, единственным, универсальным и в полной мере удовлетворяющим всевозможные практические потребности критерием определения этнической принадлежности той или иной группы населения или этнического состава той или иной территории, района и т. п. являются субъективные (самостоятельные, личные) показания самого населения (каждого из отдельных его членов) о своем национальном состоянии как выражении своего национального самосознания. Только такие показания, статистически суммированные, отражают действительную, реально существующую картину национального состава населения. Получение показаний самого населения может быть осуществлено лишь методом переписи или специального сплошного опроса. Такова, между прочим, и практика советских переписей, основной задачей которых являлось выявление национального состава населения нашей многонациональной страны.

Мы считаем методологически неправильным примененный И. С. Гурвичем прием исследования, заключающийся в полном игнорировании изучения процесса образования каждой этнической группы якутов и эвенков в отдельности. Смешав обе группы в «единую», «органически целостную» группу и назвав их одним именем «якутских оленеводов», И. С. Гурвич тем самым отрезал себе все пути к действительному выяснению как самого этнического состава населения, так и характеристики каждой из существующих (и поныне) национальностей — эвенков, долган, якутов в районе бассейнов рек Анабары и Оленека.

* * *

В советское время, в связи с ленинско-сталинской национальной политикой, получило особое развитие чувство национального самосознания у всех народов нашей страны, в особенности у угнетавшихся в прошлом народностей Крайнего Севера. Эвенки, долганы, якуты и другие северные народности впервые за многовековую историю своего существования получили возможность вывить свое национальное состояние. Последнее нашло свое отражение в данных советских переписей, в которых национальный состав населения северо-западной части Якутской АССР и, в частности, состав Анабарского и Оленекского районов представлен совершенно иным — более многообразным и, во всяком случае, не «однородным», не «единым целым» в этническом отношении.

М. Г. ВОСКОВОЙНИКОВ

ОБ ЭВЕНКИЙСКОЙ НАРОДНОЙ ПЕСНЕ

*(По материалам, собранным автором во время его работы
у эвенков Баунтовского района Бурят-Монгольской АССР
в 1930—1935 гг. и во время экспедиции в 1946—1947 гг.)*

Песни народов советского Крайнего Севера, в частности эвенкийские песни, до сих пор мало изучены. В 1910 г. Л. Я. Штернберг впервые записал с помощью фонографа несколько эвенкийских песен. Начиная с этого времени значительное число фонографических записей эвенкийских песен было сделано дореволюционными русскими этнографами (И. М. Суслов и др.). Записи эти остались неопубликованными. После Великой Октябрьской социалистической революции фонографические записи эвенкийских песен были сделаны: в 1927—1928 гг. Е. В. Гиппиусом и З. В. Эвальд от студентов Института народов Севера, в 1930 г. — в полевых условиях Н. М. Кавериным, в 1937—1939 гг. — С. Д. Магид также от студентов Института народов Севера¹. Часть этих записей (семь эвенкийских напевов) опубликована в приложении к статье З. Эвальда, И. Косованова и С. Абаянцева «Музыка и музыкальные инструменты народностей Сибири» (Сибирская советская энциклопедия, т. III); в этой статье дана вместе с тем краткая характеристика напевов эвенкийских песен, отмечающая их мелодическое богатство: «Тунгусские певцы славятся как мастера песни. И действительно, по сравнению с соседними народностями... тунгусские песни поражают прежде всего развитым звукорядом, ритмикой и кристаллизированным напевом». В 1928 г. ряд фонографических записей эвенкийских песен был сделан в полевых условиях В. Стешенко-Куфтиной; пять записанных ею напевов опубликованы в приложении к ее статье: «Элементы музыкальной культуры у палеоазиатов и тунгусов» («Этнография», 1930, № 3), в которой также дана характеристика эвенкийских напевов. В 1938 г. в сборнике Е. В. Гиппиуса «Народные песни о Ленине и Сталине» опубликована музыкальная запись эвенкийской песни о Сталине.

В послереволюционное время большое число словесных текстов эвенкийских народных песен (старинных и современных) записано советским тунгусоведом Г. М. Василевич. В середине 30-х гг. Г. М. Василевич сосредоточила свое внимание преимущественно на эвенкийских песнях-импровизациях и несколько недооценивала бытующие среди эвенков песни с устойчивым текстом. Она писала: «Песен с определенным,

¹ Все упомянутые дореволюционные и послереволюционные фонографические записи эвенкийских песен хранятся в Фонограммархиве Института русской литературы Академии Наук СССР (по данным на 1936 г. — 124 фонографические записи). См. С. Д. Магид, Список собраний фонограмм архива ИАЭА Академии Наук СССР, сб. «Советский фольклор», № 4—5, Л., 1936, стр. 415—428.

вполне устоявшимся текстом у эвенков нет»². Однако на бытование песен с устойчивым текстом указывал еще в конце XIX в. Гут, а затем в годы советской власти — Титов, Стешенко-Куфтина, Малых и др.

Находившийся среди эвенков Северо-Байкальского района Бурят-Монгольской АССР тунгусовед Титов собрал значительный материал из песенного репертуара, часть которого была опубликована в сборнике материалов по эвенкийскому фольклору Г. М. Василевич. Остановившись на характеристике отдельных певцов-исполнителей, Титов писал: «Песни свои Аеулев знает точно, повторяя текст слово за слово. Повторяя свои песни, Букидаев в редких случаях сбивался на новую версию, стоило ему подсказать слово, он отсчитывал метры длинного лирического излияния в совершенном согласии с первоначальной редакцией»³. В более поздних своих работах Г. М. Василевич также признала существование у эвенков песен с устойчивым текстом⁴.

Отдельные исследовательские статьи по эвенкийской песне, кроме кратких замечаний Гута⁵, Широкогоровой⁶, В. Стешенко-Куфтиной⁷, З. Эвальда⁸ и А. Малых⁹, до сих пор не были опубликованы.

* * *

В 1946—1947 гг. мы записали ряд народных песен у эвенков Баунтовского района Бурят-Монгольской АССР, именовавшихся в дореволюционной литературе баунтовскими или баргузинскими «ороченами». Эти песни подразделялись исполнителями на три вида: давлaвун, эгэвун, икэвун.

Дaвлaвун — песни на определенные мелодии с устоявшимся текстом, а также песни-импровизации.

Эгэвун — различные припевы в улгур-героическом эпосе, нимнга-кан-сказке и импровизации, часто непонятные современному поколению.

Икэвун — песня-пляска.

Эвенкийские песни исполняются обычно либо в сольной манере, либо при совместном пении, в унисон, с небольшими отклонениями от него. Песни видов давлaвун и икэвун поются, по нашим наблюдениям, всегда без инструментального сопровождения; песни икэвун исполняются иногда с сопровождением национального музыкального инструмента **корда-вун** (вид губного варгана). Кроме кордавуна, единственный национальный музыкальный инструмент эвенков — бубен. В последние годы многие эвенки стали играть на великорусских (струнных) народных инструментах.

В настоящем очерке мы даем описание песен вида икэвун и некоторых разновидностей давлaвун (ограничиваем себя старинными колыбельными и свадебными и современными народными песнями). Лирических давлaвун («весенних», «песен сиротинки» и др.) мы не касаемся, не касаемся также песен вида эгэвун.

² Г. Василевич, Материалы по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору, Л., 1936, стр. 7.

³ Там же, стр. 163.

⁴ Г. М. Василевич, С. Д. Магид, Новая эвенкийская песня, «Советский фольклор», 1941, № 7.

⁵ «Die tungusische Volksliteratur und ihre ethnologische Ausbeute», Изв. Академии Наук, т. XIV, СПб., 1901.

⁶ Е. Н. Широкогорова, Volksmusik in China, «The China Journal of science and arts», Schang-hai, 1924 (по сборнику Г. М. Василевич).

⁷ В. Стешенко-Куфтина, Элементы музыкальной культуры у палеоазиатов и тунгусов, Этнография под ред. Богораза-Тана и др., М.—Л., 1930.

⁸ З. Эвальд, В. Косованов и С. Абаянцев, Музыка и музыкальные инструменты народностей Сибири, «Сибирская советская энциклопедия», т. III.

⁹ А. П. Малых, Несколько слов об ороченах и их фольклоре, сб. «Изучайте родной край», Зап. РГО, Чита-Владивосток, 1924.

I. ИКЭВУН — КРУГОВЫЕ ПЛЯСКИ ¹⁰

В круг встают иногда одни мужчины, иногда одни женщины, иногда и те и другие. Иногда в круг становятся только пожилые или молодые, иногда люди всех возрастов или только дети. Участники располагаются разнообразно, например: половина круга — мужчины, вторая половина — женщины или молодые, отделившиеся от пожилых; принимавшие гости выделяются.

Чаще всего икэвун исполняется 20—40 минут, затем устраивается перерыв; случается, однако, что икэвун, начинаясь с вечера, продолжается до утра. В весеннее время икэвун особенно часто исполняется несколько вечеров подряд; тогда его называют протяжно «икэвун» или «икэкэвун». На стойбище съезжаются представители многих родов или полностью все население родов; в таких случаях стойбище вырастает до 30—40 палаток и 30—40 юрт.

Перед началом «икэвун» кто-нибудь из более почтенных людей произносит: «Кэ, икэлгэр!» (А ну, играть!). Исполнители быстро становятся в круг, который постепенно пополняется новыми участниками.

Икэвун в одних случаях выражает грусть и горе людей (и сопровождается тогда грустными протяжными заунывными песнями), в других — радость и счастье (сопровождается тогда светлыми, радостными песнями, причем темп икэвуна ускоряется, движения участников становятся энергичными, пляска почти экстатической). В икэвуне эвенков ярко и сильно выражаются мысли и чувства людей. Во время исполнения икэвуна участники горько плачут или же радостно улыбаются. Различный характер исполнения икэвуна, по нашим наблюдениям, был вызван следующими поводами. В медленном темпе в сопровождении заунывных, протяжных песенных напевов икэвун исполнялся в случаях:

- а) смерти кого-нибудь из людей данного рода;
- б) несчастного случая с охотником (случайно задрал медведь);
- в) нападения стаи волков и похищения ими большого стада оленей;
- г) эпидемии в оленьем стаде;
- д) плохого промысла на пушных и копытных зверей и т. д.

Икэвун в быстром (ускоренном) темпе, сопровождаемый радостными напевами, имеющими оттенок призыва, исполнялся:

- а) во время удачной охоты;
- б) в день посвящения юноши в самостоятельного мужчину;
- в) в день рождения ребенка;
- г) в день переезда на новое стойбище.

Перед тем как приступить непосредственно к пляске, все участники повторяют слово «кэ!» (ну!). Слова песен, сопровождающих икэвун, не имеют смыслового значения, но они традиционны, их знают все; заново они не придумываются. Каждая мелодия может быть исполняема различно, в разных темпах икэвуна, в зависимости от обстановки и настроения участников. На одну и ту же мелодию могут исполняться различные строфические цепочки слов, не имеющих смыслового значения, но всем хорошо известные.

Мелодии при замедленном темпе икэвуна:

- а) о-со-ро, о-со-рой!
- б) де-лень-де-лень, до-вай-ду-а;
- в) эгэ-ге-лэ-ей, эгэ-ге-лэ-ей;
- г) о-чо-ра!

Мелодии при ускоренном темпе икэвуна:

- а) га-со-гор! га-со-гор!

¹⁰ Круговую пляску — икэвун мы наблюдали, участвуя в кочевке эвенков (во время последней экспедиции). Чтобы вникнуть во все детали, во все тонкости исполнения икэвуна, мы изучали его практическим путем, принимая непосредственное участие в исполнении икэвуна.

б) гай-хон-оhe-гай-хон-оhe-гай!

в) делики-энь, де-лэ-энь!

Всего нами зарегистрировано до пятидесяти различных мелодий, сопровождающих икэвун; по всей вероятности, их больше.

Запевала в икэвуне называется «икэлэном». Икэлэн должен обладать хорошим голосом и слухом. По существующей традиции исполнение мелодий икэлэнами строго дифференцировано. Так, например, мелодию: «ю-со-рой, о-со-рой!» могли петь лишь икэлэны — пожилые мужчины и женщины; мелодию: «эге-ге-лэ-ей, эге-ге-лэ-эй!» — пожилые женщины; мелодии: «делики-энь, де-ле-энь!» и «до-вэр-до-тын, до-вэр-ду!» исполнялись лишь икэлэнами — юношами и девушками.

В последние годы эта дифференциация не всегда соблюдается.

«Икэвун» широко популярен среди русского населения Баунта. Во время летнего национального праздника в районном центре «икэвун» продолжается в течение двух-трех-четырёх вечеров, и в его исполнении принимают участие вместе с эвенками сотни русских молодых людей.

II. ДАВЛАВУН

1. Колыбельные песни

Гут, наблюдавший исполнение эвенкийских колыбельных песен в 1897 г., говорил о холодном и неласковом обращении матери к новорожденному ребенку в третьем лице (вместо нежного на «ты»). «Не исключена возможность, — пишет Гут, — что употребление третьего лица (так же, как и у нас в таких случаях) имеет целью придать обращению матери дразняще-шуточный характер». Но дело совсем не в этом. Обращение матери к своему ребенку в третьем лице обусловлено суеверием: нельзя называть имя новорожденного ребенка. Пережитки магии в колыбельной песне эвенков сохранились до последних дней.

В колыбельных песнях, где мать обращается к своему ребенку уже во втором лице, она все же не называет его имени:

Миннги утэв, аскал,
Эсакарви нимдыниксэ,
Миннги утэв, аскал,
Ая бэе бидедингэс.

Дитя мое, спи,
Зажмутив глазки,
Дитя мое, спи,
Хороший будешь человек.

Аналогичный эвенкийский текст был записан 25 лет назад Титовым в другом районе:

Мой сын заснет, глаза свои зашуруив.

В некоторых колыбельных песнях мать вначале поет о ребенке в третьем лице, затем ласково обращается к нему на «ты», а в конце снова говорит о нем в третьем лице.

Нунган горово-вол
Минэ сэксэливкэнчэн
Горово нунганман алатчав
Бэе бидедингэс,
Мэкчэкэнэ вадингас
Лулудэлэви, тунинилдэлэви,
Гиркудякинин оннган.

Долго-то он .
Заставлял меня сильно печалиться,
Долго его ждала.
Мужчина [взрослый] будешь,
Кабарожку убьешь.
До глубокой старости своей,
До опирания коленями своими,
Путь чтобы его был.

По сообщению Н. Т. Лоргактовой (52-летней колхозницы), называть имя ребенка в колыбельных песнях в старину считалось грехом.

Наталья Тимофеевна помнит песню, исполнявшуюся лет 50 назад ее матерью. Перед тем как ее исполнять, Лоргактоева тщательно проверила запор в дверях, внимательно посмотрела в окна и минут пять о чем-то думала. Потом, чуть всхлипывая, запела:

Горово-вол эчэн эмэрэ
Горово сэксэливкэнчэн,
Алатми-нун алатми,
Нюриктэлви кимэргэдэлэтын.

Долго же не приходил он,
Долго он заставлял печалиться,
Ждала-то, ждала,
Пока волосы не поседели.

Колыбельные песни могут быть условно разделены на две группы: 1) песни с устоявшимися припевами («Бай-бой, бай-бой!» или «Бой-бай, бай-бой!»), исполняемые всеми членами семьи, кроме отца ребенка; 2) песни, исполняемые только матерью ребенка. Первые поются главным образом при убаюкивании младенца в люльке, вторые — в любое время, но в отсутствие чужих людей и отца ребенка (если в момент исполнения песни матерью войдет кто-либо из чужих людей или отец ребенка, то песня немедленно прерывается). Вторая группа может быть названа «материнскими песнями». Во многих колыбельных песнях слова устойчивы, например, часто встречаются слова несомненно древнего происхождения:

Бай, бой эгдылдингэс,
Бой, бай нюритви
Мэкчэкэнэ вадингас.

Бай, бой ты вырастешь,
Бай, бой стрелой своей
Кабарожечку убьешь.

Все эвенкийские колыбельные песни проникнуты лаской к ребенку; для них типичны ласкательные суффиксы сравнений:

а) Вместо «эмкэдуви аскал» (в своей люльке спи) — «эмкэдуви асчикал».

б) Миниги утэв аскал,
Эсакарви нимдыниксэ.
в) Нунгай уликуткэн.

Дитя мое, спи,
Зажмуришь глазки.
Он очень маленький.
(малютка).

Слова припева «бай, бой, бой, бай» произносятся очень протяжно, чуть слышно, с особой нежностью.

2. Свадебные песни

Свадебные песни могут быть разделены на две группы. Песни первой группы непосредственно связаны со свадебными обрядами, они исполняются только определенными лицами, например отцом невесты, отцом жениха. Песни второй группы исполняются не только во время свадебного обряда, но и в любое время, по инициативе давлалана, народного певца-исполнителя. Давлалан нередко импровизирует, добавляя и изменяя содержание песен с уже устоявшимся текстом.

Записанные нами эвенкийские свадебные песни, бытовавшие до настоящего времени.

а) Песня просватанной девушки своим подружкам

Эгэдингэв, эгэдингэв,
Энтынгилви, амтынгилви
Минэвэ, минэвэ усэгэндэчэтын
Гирипуланнгэчир.

Буду петь, буду петь,
Мои родители
Меня, меня бросили,
Как лоскуток.

Девушку отдают в чужой дом, в «чужие люди». Ее родные получили за нее калым. Она продана. Перед уходом навеки в чужой род

невеста рассказывает подружкам о своем горе, как бы изливая обиду а родителей, бросивших ее, «как лоскуток». Дальше она поет:

Эдук-кэй, тадук-кэй,
Чопкокордук этэкуденгнэм,
Эре-вэл бидэдукви
Дылача-эки дёникса,
Улапкун инистуву
Гирасилдямкия

Оттуда, отсюда
С кочек прыгаю,
От такой жизни,
Вспоминая сестру-солнце,
В сырой своей жизни
Буду шагать.

Тяжкая доля в чужой семье отражается в песне символически (прыжки по кочкам):

Эдук-кэй, тадук-кэй,
Чапкокордук этэкуденгнэм

Оттуда, отсюда
С кочек прыгаю,

Девушка оплакивает будущую «сырую свою жизнь» («улапкун инистуву») и говорит своим верным подружкам, что, когда ей будет тяжело, она обратится к «дылолча-эки» («солнцу-сестре»). Это отголосок эвенкийского предания о солнце — покровителе сирот (существуют эвенкийские сказки о покровительстве солнца детям-сиротам).

б) Песня матери невесты

После просватания невесты родственники готовились к передаче ее в чужой род. В юрту матери собирались женщины и помогали справлять для невесты приданое — шить одежду, обувь, материал для юрты или палатки. Перед началом коллективной работы в юрте оставались только пожилые женщины. Тогда мать невесты, часто всхлипывая начинала петь песню, как бы обращаясь к присутствующим:

Унатви булделим, утэви
Мэннги балдынави,
Эла-ка эдян бирэн?
Дагал-гу тэгэлдулэ?

Дочь свою отдам, дитя свое,
Свое родное.
Что с ней может быть?
К близким ли родам (она уходит)?

Песня прерывалась плачем, плач переходил в рыдание, певица обращалась с вопросом к присутствующим:

Он-нган кэми ичэтчэлдерэ?
Элдула-нган, гнилдуланган
Усэнгэндэделиркэв...

Как же посмотрят [другие]?
Кому же, кому же
Бросила я...

Песня заканчивалась утешением, что все думы матери о дочери-невесте:

Амидуви гиркуми-вал,
Эрэгэн-нун дёнчакагда.

Во сне хожу ли,
Только об этом и вспоминаю.

в) Песня невесты, исполнявшаяся перед отъездом к жениху

Жених гостил у тестя несколько дней или недель ¹¹. После связанных с этим обрядов невесту сажали спиной к голове оленя, и кто-либо из близких ее подруг вел за поводок ее ездового оленя 20—30 метров. Делалось это для того, чтобы невеста в последний раз посмотрела на свое стойбище, на своих родных. Перед отъездом невесты, когда сборы

¹¹ Иногда жених из бедной семьи, не имевший средств для калыма, должен был отработывать за невесту в хозяйстве тестя от трех месяцев до одного года. См. об этом подробно в работе А. Ф. Анисимова «Родовое общество эвенков», Л., 1936, изд. Института народов Севера.

уже полностью закончены, девушки стойбища уходили далеко от юрт и пели хоровую песню; невеста пела отдельно.

Хор запекает:

Эгэми-нун эгэлигэр,
Чувасиял ултадутын,
Эгэми-нун эгэдигэт,
Энггия-вал тумнаденэл

Будем петь да петь,
Чтобы эхом в сопках раздавалось
Будем петь да петь,
Не опираясь локтями (в хороводе)

Невеста повторяла всю песню одна, заканчивая ее следующими словами:

Илэ-кэ эя-ка одялми?
Инггия, нгинггия эсандям?
Энггив-гу, нинггив-гу айдялдя?

Куда мне итти и что мне дела?
Ничто, никто, меня не спасет.
На что и на кого я взгляну
[оглянуся]

г) Песня жениха, исполнявшаяся во время приезда в его стойбище родственников невесты

После того как жених получал согласие родителей невесты на брак, кто-либо из ее родственников ехал «ирэмэми» (гостить) в семью будущего зятя. Отец жениха устраивал пир. Во время пира жених, а иногда кто-либо из его братьев, пел песню, в которой говорилось о превосходстве жениха над невестой. Нами записано несколько вариантов этой песни, мелодия ее всегда одна и та же, многие строфы текста устойчивы¹²:

Илан аси гунингкитын:
Минэ гакал,
Минэ гакал,
Иливасун гадылдингав.

Три женщины говорили:
Меня возьми,
Меня возьми.
Из вас третью возьму¹³.

Смысловая связь последующих слов с началом песни нами пока не выяснена. Имеем в виду следующие стихи:

Тридцати налимов
Печенью оседлаю,
Из кишек подпругу сделаю.

В другом варианте поется так:

Тридцати налимов
Из кожи
Покрышки делаю,
Ремни делаю.

В записях Титова:

Тридцати налимов
[Из] икры
Торсуки делаю,
[Из] плавников
Узды [делаю],
[Из] болоней
Подпругу...

¹² Титов записал почти адекватные варианты этой песни у северобайкальских эвенков (Г. М. Василевич, упомянутый сборник, стр. 189—190).

¹³ Записано от Аксины Ивановны Аполлоновой, 56 лет, сообщившей, что она слышала эту песню еще в раннем детстве.

Эвенки объясняли значение этих стихов, имеющих большую популярность, всегда одинаково: «кэнэтчэрэн» (хвалится). По всей вероятности, жених или кто-либо из его родных пел эти слова для восхваления (величания) рода жениха.

д) Песня отца жениха

После приезда молодых в отцовскую юрту отец выделял сыну соответствующий пай из своего хозяйства. Перед выделением сына организовывалась прощальная трапеза, где давлалан или кто-нибудь из присутствующих импровизировал песни, воспевающие новобрачных. Нередко песню исполнял отец жениха, обращаясь к сыну. В одной из таких песен отец рассказывает сыну о жизни в прежние, далекие времена у чужеродцев-эвенков:

Энгкитын дылачая-вл ичэрэ.	Солнце они не видели,
Дюмигэлэ депчэнэл, биденгкитын.	Только можжевельником питаюсь,
Митгэчинчиги орочэр бинэл,	жили.
Килтырээ дептэвэр эвкил сарэ	Как мы же люди были,
бичэтын.	Как мы же были орочены,
Диктэлэ дюмигэлду соликсал,	Они жили, не зная хлеба,
депчэл.	Ягоды с можжевельником смешивая,
	ели.

Далее песня повествует, как однажды слепой старец попросил у своих сыновей покурить; сыновья вместо табака положили в кисет порох. Этот эпизод песни имеет следующий смысл: рисуя в мрачных тонах жизнь эвенков-оленьеводов, отец жениха описывает несчастье старика в дни его глубокой старости и как бы спрашивает сына, каково будет его отношение к родителям после выделения из семьи.

Обычно, после того как отец оканчивает песню, сын поет в ответ песню-импровизацию.

е) Песня отца невесты

Невеста и ее мать относились к свадьбе как к горю, после свадьбы молодая превращалась в работницу своего мужа. Песни невесты и ее матери были поэтому проникнуты скорбью. Иной характер имеют песни отца невесты. Для него свадьба была прежде всего выгодной хозяйственной сделкой, связанной с получением большого калыма.

Перед исполнением песни отец невесты сообщал, что он будет петь голосом зятя. Этим он показывал, что род невесты с почтительностью относится к сородичам жениха. Затем отец невесты сообщал, что песня исполняется им как знак уважения его семьи к жениху (зятю).

Кавкадукви давландикса,	Из глубины горла начинаю петь
Гиргиласмэ дылгандиви,	Своим побрякивающим голосом,
Гиргиткитчам уламаят	Побрякиваю красным.
Конгактэмэ мевандиви.	Своим звенящим сердцем.

Дальше подчеркивается, что сочетание молодых произошло по желанию духа гор:

Тангаракан аявдяран	Дух гор ¹⁴ любит,
Эдукэкэн, дюядувун,	Вот здесь, в нашей юрте,
Тэгэчинчэдэтын дялаксакар	Чтобы сидели
	Молодые [новобрачные].

¹⁴ В записях Титова вместо слов «дух гор» — «бог». Словами: «дух гор» (или бог) отец невесты обращает внимание на ответственность бракосочетания как для жениха, так и для невесты, поскольку брак их состоялся по воле «духа гор» или «бога».

Отец выдавал свою дочь замуж, не спрашивая ее согласия. Тем не менее публичный отказ невесты от жениха считался большим позором для ее семьи¹⁵. Поэтому отец невесты должен был во время свадебного обряда внешне проявлять радость:

Калардуквар депилдегэр!

Из своих чаш [котлов] начнем
есть!

Туги эгэдем, эгэдем, эгэдингэв!

Так пою, пою, буду петь!

Песен, отражающих отношение родителей к невесте или к девушке, «сбившейся с истинного пути», мы не встретили. Но такие факты известны. В единичных случаях девушка, отданная в другой род, по различным причинам покидала мужа и приходила в отчий дом. В таких случаях отец и старшие братья, опасаясь требования о возврате калыма, высказывали негодование по поводу проступка невесты. Магь и сестры, напротив, оплакивали судьбу девушки. Отец нередко не принимал дочь в свою юрту, она уходила в услужение к кому-нибудь из братьев отца, т. е. к своим дядям. В этом случае отец мог быть спокойным, что жених не потребует от него возвращения калыма. Если девушка до замужества нарушала традицию и уходила на сторону, в другой род, самостоятельно к жениху, ее отец или старшие братья проявляли еще большее негодование. Это считалось большим позором. Семья невесты должна была пережить моральное унижение в своем роду за потерянную честь девушки, а старейший рода усматривал в проступке жениха кровное преступление перед родом невесты. По рассказам Н. Т. Лоргактовой, за такое преступление в старину девушка проклиналась всем родом, а ее родственники убивали жениха стрелой. На это же указывает Георги, описывая обычаи байкальских тунгусов. «Если дурной человек соблазнил девушку хороших родителей, то братья и родственники последней пронизывают его стрелой»¹⁶.

Гут записал песню у енисейских эвенков, где ярко отражен этот обычай (варианты этой песни у эвенков Баунта нами не записаны; записи Гута пополняют этот пробел):

Отец бранит сбившуюся с пути девушку:

Иди, я отрекаюсь от тебя [иди отталкиваю],
Ничего не получу я [как выкуп за тебя],
Когда ты выйдешь замуж [когда встретишься],
Так как [когда] ты сама себя отдала,
Никогда не показывайся мне на глаза,
Отсюда [из моего дома] я тебя выгоню [отталкиваю].
Не приходи больше ко мне [теперь ты не показывайся мне].
Поэтому уходи прочь сейчас¹⁷.

3. Современные советские народные песни

Изменилась сибирская тайга. Настало новое время для эвенков Баунта. Новые времена — новые песни. Огромную роль в их распространении среди эвенков Баунта сыграли студенты Института народов Севера.

Произведения национальных молодых поэтов доходили до широких слоев народа в специально изданных сборниках эвенкийской поэзии и в учебниках по родному языку для начальной школы. Многие из этих произведений широко бытуют в народе, утратив авторство. Иные из них

¹⁵ См. подробно у К. М. Рычкова, «Енисейские тунгусы», М., «Землеведение», 1917, кн. 1—2, 1922, кн. 1—2, 3—4.

¹⁶ И. Георги, Описание всех в Российском государстве обитающих народов, СПб., 1779, ч. I, стр. 278.

¹⁷ Г. М. Василевич, Сборник, стр. 238.

подверглись изменениям и записаны нами как варианты. В настоящее время нередко где-нибудь на пушном промысле сидит бригада охотников за правкой беличьих шкурок и слушает песню давлалана, а слова этой песни написаны одним из молодых национальных поэтов: А. Платоновым, Н. Сахаровым, А. Салаткиным. Лишь немногие из певцов знают, что где-то далеко от них живут и создают песни Салаткин, Сахаров. Старики эвенки нередко переделывают эти стихи, добавляя свои слова. Современные песни часто поются эвенками на традиционные национальные мелодии, иногда же на мелодии, усвоенные от русских, бурят и якутов. Эти последние широко распространены среди взрослого населения, среди молодежи и среди детей¹⁸.

Произведения молодых поэтов-эвенков стоят на грани литературной поэзии и народного творчества; своими корнями они уходят в национальный фольклор, отражая мысли и чаяния своего народа. Многие песни складываются на месте, в тайге, известными в роду давлаланами. Исполняются они в своей семье, в колхозе, на суглане, в районном центре.

Новую, свежую струю в современное народное песнетворчество влили эвенки, участвовавшие в 1940 г. в Декаде бурят-монгольского искусства в Москве. Новые песни принесли также воины-эвенки, возвратившиеся после победы над врагами к себе на родину.

Великий Октябрь внес коренные изменения в сознание населения северных окраин. В годы установления советской власти на Севере народ проявлял огромный интерес ко всему новому, пришедшему на Север вместе с первыми национальными Советами. Посланники большевистской партии знали, что «как для массового порождения этого коммунистического сознания, так и для достижения самой цели необходимо массовое изменение людей, которое возможно только в практическом движении, в *революции*»¹⁹.

Раскрепощенные люди в сибирской тайге, как полноправные граждане единой семьи советских народов, стали складывать новые поэтические произведения, величающие от глубины человеческой души новую жизнь, совсем не похожую на старую, и прежде всего тех, кто построил эту новую жизнь.

Первое слово благодарности и любви народ выражает освободителям от вековых мук и страданий, тем, кто «принес в тайгу и тундру новый закон счастья», самым дорогим для всего человечества — Ленину и Сталину.

«Морально-политическое единство народа в нашей стране имеет свое живое воплощение. У нас есть имя, которое стало символом побед социализма. Это имя вместе с тем стало символом морального и политического единства советского народа. Вы знаете, что это имя — Сталин»²⁰.

Искренняя любовь к великому творцу новой Конституции, отцу и близкому другу народа, звучит в песнях эвенков:

Дылачадук нгэритмэр
Дяличикун Сталин.
Ленинниги алагувдярин
Аяткумама Сталин

Светлее солнца
Гений Сталин.
Ученик Ленина
Лучший Сталин.

Эвенки организованы в колхозы. С помощью государства они построили себе деревянные дома. Тепло и светло их детям в просторных

¹⁸ Особенно много новых, современных песен на русские мелодии слагают эвенки — студенты Отделения народов Крайнего Севера Ленинградского педагогического института им. Герцена. Самыми излюбленными являются мелодии песен «По долинам я по взгорьям», «Тонкая рябина», «Полюшко-поле».

¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 60.

²⁰ Доклад т. Молотова 6 ноября 1937 г., «Правда» от 10. XI. 1937.

школах. Новое поколение лишь по рассказам старших узнает о беспроектном прошлом своего народа. В песне, поющей во всех национальных Советах, звучат слова:

Нонон мунэ бэюрди
Купецил тангингкитын.
Баясал мундук кэтэе
Гангкитын.
Тыкин мунду гирки Сталин
Октоё нгэригдерэн.
Сэвдепчувэ биниевэ
Нунган мунду бурэн.

Раньше нас за зверей
Купцы считали.
Много податей богачи
От нас брали.
Теперь товарищ Сталин
Нам дорогу освещает.
Это он счастливую
Жизнь нам дал.

Глубокий старик Павел Ильич Наиканчин поет мелодию старинной песни:

Ого-го-ло-ой,

Ого-го-ло-ой

и обращается с искренним чувством приветов к вождю. Поет он свою песню перед выборами в Верховный Совет РСФСР и, выражая волю земляков-колхозников, просит Сталина приехать и полюбоваться на новую колхозную жизнь в тайге:

Нгэримэмэ-эй, алтамама-эй,
Амиканмун, эмэдэви-эй,
Агияла-эй амакандэ-эй.
Умунупкит-эй, синэвэе-эй.
Алатчавки-эй сокакунди.
Орочэрти-эй, эвэнкилты-эй
Синэвэе-эй алатчавкил.

Светлейший, золотой,
Отец наш, приезжай
Поскорей в тайгу,
Колхоз тебя
Очень уж ожидает,
Наши орожены, наши эвенки
Тебя уж ожидают.

Творцы народной поэзии ищут в сокровищнице своего языка сравнения для образа Сталина:

Дёлоёдук мангатмар,
Аяврингит Сталин.
Урэелдук гугдатмар,
Урувсипчу Сталин.
Нянгняядук гугдатмар
Дяличикун Сталин.
Дылачадук нгэритмэр
Дяличикун Сталин.

Крепче, чем камень,
Любимый наш Сталин.
Выше гор
Радостный Сталин.
Выше, чем небо,
Умнейший Сталин.
Светлее солнца
Умнейший Сталин²¹.

В народной поэзии Сталин неотделим от Ленина. Их называют «двумя соколами», «двумя орлами», «двумя богатырями», «двумя братьями», «двумя солнцами».

Аксинья Ивановна Аполлонова, прожившая 56 лет, поет свою песню о Ленине и Сталине. Она их называет «солнцем».

Ленин-солнце
Нашу жизнь освещает.
Сталин-солнце
Детей наших ведет.

²¹ Эти два куплета взяты из известной песни А. Платонова «Эвэнки давлавурия», Л., ГИХЛ, 1938, но текст переработан сказителями.

Интересно отметить, что это характерно для поэзии и фольклора всех народов Крайнего Севера. Вот отрывок из саамской песни:

Спасибо тебе, сын мудрого Ленина — Сталин,
За заботы
О кольских саамах,
Большое спасибо тебе
За школу,
За книги,
Большое спасибо,
За красивую жизнь лопарей...²²

Ленин и Сталин неотделимы от народа так же, как и народ неотделим от своих вождей:

Урэкэндут — Ленин,
Биралдут — Ленин.
Агиядут — Сталин,
Орочернун — Сталин.

На сопке нашей — Ленин,
На реках наших — Ленин.
В тайге нашей — Сталин,
С ороченами — Сталин.

Многие песни построены на сравнениях старой и новой жизни. Красной нитью подчеркивается тяжкая доля женщины в прошлом. Н. Т. Лоргактоева вспоминает свою старую жизнь:

В старые годы
Даже слова я не знала.
Когда теперь стала жить, в играх, и песнях,
В юности и молодости
Шагаем под руководством
Вождя Сталина.

«Советская республика России,— писал Ленин,— сразу смела *все без изъятия* законодательные следы неравенства женщины, сразу обеспечила ей полное равенство по закону»²². На районной олимпиаде искусства Лоргактоева пела свою песнь, с горечью вспоминая былые страдания эвенкийской женщины:

Унадитын эла-вэр буми-нун,
Нгэнэтчэкэл, сарэ-вэл эсилэн,
Ичэрэ-вэл энэлэн,
Усэгэденгкитын.

Девушек куда-нибудь когда
выдавали,
Иди, к незнакомому
К невиденному
Отправляли.

Распространена песня о старой и новой жизни женщины эвенкийки:

Ноноптылду тар аннганилду
Экунаткат энгкив сарэ
Дялавдуви, дялавдуви.
Эткэн советнги власть
Очалаң,
Асинги турэнин улталдаң,
Урэлдули, урэлдули

Раньше в те голы
Ничего-то не знала
В своем уме, в своем уме.
Теперь, как советская власть
Настала,
Женское слово раздаваться стало
По горам, по горам.

В песнях эвенков, как и всех трудящихся нашей родины, звучит пафос социалистического созидания. Широко развернуто социалистическое соревнование в колхозах.

²² Сб. «Ленин — Сталин в поэзии народов СССР», ГИХЛ, М., 1939, стр. 268—269.

²³ В. И. Ленин, Соч., т. XXV, стр. 63.

Люди видят в своем труде не только личную заинтересованность, но и общественный долг. Это также отражено в одной из песен Н. Т. Лор-гактовой:

Горные эвенки
Руководством ободряющим,
Встречаясь друг с другом, ходят.
Здесь никому не уступают первенства,
Указания Сталина
Чтобы не потерять.

Канули в вечность старые законы, по которым женщина-эвенкийка считалась рабыней. Теперь мы можем встретить женщину на партийно-комсомольской, советской, хозяйственной руководящей работе. Евдокия Корсакова — депутат Верховного Совета Бурят-Монгольской АССР, Харитина Салаткина — секретарь РК ВКП(б) в Эвенкийском национальном округе, Ираида Семенова — учительница в школе Читинской области. Десятки девушек-эвенкиек обучаются вместе со своими подругами в Ленинградском и Хабаровском педагогическом институтах. Здесь во время досуга девушки-студентки поют песни на русском языке одного из хантыйских поэтов — Григория Лазарева:

Песня девушки

(с хантыйского)

Пусть качает мой челнок
На речной волне.
Путь далек и путь широк,
И поется мне.

Я пою, пою, как птица,
Над речной волной.
Еду, еду я учиться
В Ленинград родной.

Хорошо учиться буду,
Долго-долго я,
И вернусь уже оттуда
Комсомолкою.

Только что-то бьется сердце:
Не вина моя,
Что люблю тебя я с детства,
Сторона моя!

Молчаливые леса,
Голубой простор
И подружек голоса,
И лесной костер.

Буду часто вспоминать
Я собак своих,
Как учила меня мать
Не бояться их.

Образ матери любимый
Увезу с собой,
Весь мой край необозримый,
Ты всегда со мной!

Так неси меня, река!
Так лети, челнок!
Если песня широка,
Значит путь далек.

Эвенки бережно и заботливо относятся к колхозному добру. Они с любовью вкладывают свою энергию в общее колхозное дело.

В песне Аюра Наиканчина звучат слова:

Эсипты ая гудёй итывар
Мэннгит нгалэтвар дявучагат.
Эгды кэвэркэнду
Мури́н авдуван иргигэт!
Гудёйкакунду дованду
Орон авдуван иргигэт!

Современную цветущую хорошую
жизнь
Крепко в своих руках будем
держать!
На большой степи
Конское поголовье вырастим!
В цветущих перевалах
Стадо оленей взрастим!

Народные песни эвенков насыщены глубокими идеями советского патриотизма:

Эситкэн бими, эсиптыдувэр
Эдингэтлэ эя-вал-ла давдадыла

Сейчас, в наше время
Ничему мы не поддадимся.

В дни Великой Отечественной войны эвенки, как и все народы нашей родины, встали на защиту своей отчизны. С Сахалина и Амура, с Витима, Лены и Енисея уходили на фронт славные патриоты тайги и тундры. Под Ленинградом стояло «на смерть» подразделение эвенка майора Семена Комбагира, у стен Сталинграда дрался с фашистами капитан Савин, погиб у Днепра смертью храбрых Герой Советского Союза Иннокентий Увачан.

В дни Великой Отечественной войны провожали на фронт многих юношей эвенки Баунта. Старейший и мудрый 92-летний представитель колхоза «10 лет БМ АССР», провожая своего внука Аюра Наиканчина в Советскую Армию, старинной мелодией, по-новому и с новыми словами спел прощальную песню. Дед Иннокентий вдохновлял внука и его товарищей на патриотическую защиту своей родины. Аюр Наиканчин возвратился с победой к родным и запомнил многие отрывки из песни своего деда, умершего в 1943 году.

Среди многих студентов, обучавшихся в Ленинградском институте народов Севера, был замечательный юноша Павел Алексеев. Пламенный патриот молодой поэт Паша Алексеев погиб смертью героя у деревни Кряково Волосовского района Ленинградской области. И теперь хор студентов Отделения народов Севера Ленинградского педагогического института им. Герцена, где обучаются представители 19 северных народностей, исполняет песню поэта-воина на русском языке, сложенную им в грозные дни боев 1941 года.

По улицам и переулкам
Полки за полками идут,
И сердце колотится гулко:
«Клянусь, что враги не пройдут!»
Я тоже стал городу сыном
И тоже шагаю в строю...
Взглянул я на небо синее
И мать припомнил свою.

Припомнил я, как напоследок
Платок развевался ее;
Припомнил я старого деда,
Вручавшего мне ружье.
Припомнил родимые смолоду
Якутию, Лену, тайгу;
Припомнил горячее золото
На солнечном берегу.

Я дымную юрту припомнил,
Где в шкурах ребенком лежал;
Припомнил я зданья огромные,
Где вырос и возмужал.

Припомнил я все — и гордо
Свой новенький сжал автомат...
А песня гремела над городом —
«Спокойно спи, Ленинград».

Учился в твоём институте я,
С подругой бродил над Невой,
И, как за родную Якутию,
Иду я сегодня в бой.

Иду за тебя по-сыновьи,
А если погибну в бою,—
Пошлешь ты на Лену, в станowie,
Солдатскую клятву мою:

Клянусь, что мне равно дороги
Якутия и Ленинград;
Клянусь, что узнают враги
Мой новенький автомат...

По улицам и переулкам
Полки за полками идут,
И сердце колотится гулко:
«Клянусь, что враги не пройдут!»²⁴

Особенно за последние годы расцветает национальная по форме и социалистическая по содержанию песенная поэзия у народов советского Крайнего Севера. Это видно и на районных олимпиадах национальной самодеятельности, это видно и на примере творческого коллектива самодеятельности студентов-северян в Ленинграде.

Все народы великого Советского Союза выполняют Сталинские пятилетние планы развития народного хозяйства. Эвенки, как и все народы советского Крайнего Севера, активно участвуют в этом труде и с помощью великого русского народа идут к сияющим вершинам коммунизма.

²⁴ «Мы — люди Севера», Л., 1949, Изд-во «Молодая гвардия», стр. 79.

В. Л. ВОРОНИНА

ОБ УЗБЕКСКИХ БАНЯХ *

В ряду общественных сооружений в странах Востока видное место занимают *хамам* — бани. Функции бань выходят далеко за пределы их прямого назначения — они являются своего рода клубами, где можно приятно и с пользой провести время. И. Орбели в статье «Баня и скоморох. XII века» характеризует их так: «...Баня на Кавказе, как и на всем Востоке,— предмет особой заботы и градоправителя, и цеховых организаций, и отдельного богача, устроившего баню для себя и для своих друзей. Потому что баня служит не только для омовения, но и для укрепления сил, поднятия упавшего настроения, для отдыха, для встречи и дружеской беседы с приятелями, для встречи и разговора о купле и продаже, о торговой сделке и для показа мастерства в шахматах или нардах»¹.

Насколько значительна была роль бани в общественной жизни, свидетельствует отрывок оттуда же: «Трудно найти литературное произведение, написанное на любом из восточных языков, будь то сказка, повесть, поэма, роман, в котором баня не была бы упомянута хоть раз. Встречаются и подробные рассказы о тех «церемониях», одну из которых описал Пушкин, и сообщения о роскоши отделки бань и такие краткие попутные упоминания, как в поэме Руставели, например в рассказе о прибытии Автандила в гости к Придону»².

Бани являются одной из жизненных потребностей, предусмотренной и религиозными законами, пишет Саладэн. Они тем более необходимы, что открыты для людей, которые не могут оплачивать частного массажиста³.

«Бани так же необходимы мусульманину, как и мечети; в городе более трехсот общественных бань, не считая частных...» — отмечает Джелал Эссад при описании константинопольских бань⁴.

Известный средневековый каллиграф поместил на стене одной из бань Мешхеда сентенцию: «Пространство бани подобно раю, хотя строение ее из глины и кирпича...»⁵

В банях Востока, как и в римских термах, процветал культ тела, понимаемый, впрочем, несколько иначе, так как там практиковались физические состязания и спорт, здесь же гимнастические упражнения заменяет в известном смысле массаж. Процесс купания чрезвычайно сложный, с непременно́м массажем, возведен в ритуал, чем славятся

* Устные сведения собраны автором.

¹ И. Орбели, Баня и скоморох XII века, сб. «Памятники эпохи Руставели», Л. 1938, стр. 159.

² Там же.

³ H. Saladin, Tunis et Kairoin, Paris, 1908, стр. 49.

⁴ Джелал Эссад, Константинополь, Москва, 1919, стр. 267.

⁵ Из мемуаров Восифи (цит. по Болдыреву, «Очерки из жизни гератского общества», ТОВЭ, IV, стр. 336).

режде всего турецкие бани⁶. В течение длительной процедуры купания посетитель постепенно переходит из помещения в помещение с последовательно нарастающей температурой; ему делают массаж, ополаскивают, юют горячей водой и взбитым в пену мылом. Все это перемежается отдыхом и завершается кейфом с кофе и трубкой.

В Турции некоторые бани не закрываются и ночью. Во время поста них царит оживление, посетители собираются группами и проводят время с музыкой и шутками⁷.

В Персии процедура купания также детально разработана, сопровождается бритьем головы, подкрашиванием бороды и усов и т. д. Здесь с банями связаны некоторые суеверия и специальные бычаи⁸.

В жизни женщин, скудной развлечениями, посещение бань играло также большую роль. Они приносили с собой съестные припасы и проводили в бане целый день, распевая песни, угощаясь и разговаривая⁹. Для женщин процедура купания смягчается, массаж уступает место уалету — окраске бровей, ногтей, прическе и т. д. Там, где не было специальных женских бань, посещение бань мужчинами и женщинами регулировалось по дням недели или по часам дня. Турецкие бани часто двойные, т. е. делятся на мужскую и женскую половины.

Наконец, среди многообразных функций бани одна из самых важных — ее лечебное значение. Бани с их процедурами помогают бороться против расслабляющего действия жаркого климата¹⁰. Посещение бани с горячим полом превосходная мера для лечения некоторых трудных заболеваний. На горячих целебных источниках строились специальные бани. Целебные бани на ключах Бруссы назначены главным образом для кожных болезней, некоторые служили даже для лечения проказы¹¹. О тбилисских банях с сернистой водой французский путешественник XVII в. Шардэн писал, что они посещаются столько же для облегчения болезней, сколько для очищения тела¹².

Из всего сказанного становится ясным, что при подобной многогранности своего содержания бани не были сооружениями чисто утилитарного характера. Архитектуре бань уделялось большое внимание. Убранство бань и купальный ритуал не раз являлись предметом описания путешественников, наряду с мечетями, медресе и прочими замечательными постройками того или иного города. В ряде случаев отмечено при этом и количество городских общественных бань. «Желаю выставить преимущества какого-либо города — хвалят бани, наоборот — указывают грязь и неопрятность бань, — сообщает А. Вамбери: — Для увековечения своего имени можно построить мечеть, караван-сарай, коллегию, но еще вернее — баню, просторную и обильно снабженную водой»¹³.

Почти все исследователи отмечают нечто общее в устройстве и функциях мусульманских бань и римских терм¹⁴. Действительно, первые содержат ряд зал с нарастающей температурой, по характеру отвечающих залам вторых (почему в описании удобно пользоваться античной терминологией, которую и употребляют в этом случае многие из авторов). Налицо сходство и в техническом устройстве — подпольная система отопления, хотя в термах «гипокаустик» — пол на столбиках, между

⁶ Д Желал Эссад, указ. соч., стр. 272.

⁷ K. Klinghardt, *Türkische Bäder*, Stuttgart, 1929, стр. 15.

⁸ «Книга персидских женщин» (перев. с франц.), Ташкент, 1912, стр. 18—20.

⁹ Там же, стр. 21—23.

¹⁰ Saladin, указ. соч., стр. 49.

¹¹ Klinghardt, указ. соч., стр. 8.

¹² Chardin, *Journal du voyage en Perse*, Londres, 1686, стр. 223.

¹³ А. Вамбери, *Очерки и картины восточных нравов*, СПб., 1877, стр. 98.

¹⁴ Saladin, указ. соч., стр. 49; Klinghardt, указ. соч., стр. 4 и др.

которыми свободно циркулировал горячий воздух из топки, тогда как в *хамам* он проводится обычно жаровыми каналами.

Однако было бы ошибкой отнести черты сходства целиком за счет восприятия античных приемов. Следует иметь в виду, что римляне, которые создали неповторимый по масштабу и убранству тип купального сооружения, могли при этом сами руководствоваться какими-то ранее существовавшими, пришедшими с Востока, традициями. Весьма вероятно, что еще задолго до Римской империи в восточных деспотиях уже сложилась архитектурная программа купальных сооружений. Это подтверждают раскопки Мохенджо-Даро, где обнаружены руины водолечебного здания с большим плавательным бассейном, неподалеку от которого различаются остатки жаропроводящих каналов, принадлежавших, повидимому, горячей бане¹⁵. В пользу преемственности и неравнозначности древневосточной традиции говорит также существование сасанидских бань¹⁶. Таким образом, правильнее полагать, что, напротив, план и устройство терм имеют древневосточные корни.

Что касается архитектурных приемов и декорации, то школы Востока выработали свою особую концепцию, специфические формы и детали, которые свойственны исключительно данному типу зданий, с парадным решением плана и внутреннего пространства.

Купальные здания, возводившиеся первыми династиями халифата, отличаются богатством убранства и украшены росписью¹⁷. Последняя, будучи исключительно интересной по сюжетам и стилю, представляет древнейший памятник изобразительного искусства средневекового Востока.

Наиболее обстоятельно освещены в литературе бани османской Турции. Планировка турецких бань насчитывает несколько вариантов, причем бани на горячих ключах Бруссы с большим купальным бассейном наследуют систему византийских бань (Ески и Йени Каплиджа). Но особого внимания заслуживает рисунок креста в плане главного зала, столь обычный в турецких банях. Центр главного зала отмечен эстрадой для массажа — *геибек-таши*. В куполах — серия отверстий, которые придают затейливые очертания звезд, розеток и т. д., защищенные стеклянными колпачками. Аподитерий оживляется фонтаном. Бани Ирана по архитектурному облику, насколько можно судить, отличны от турецких. В убранстве их применялись фаянс и настенная роспись. Наружная поверхность куполов покрывалась бирюзовыми изразцами. Любопытны по формам мавританские бани Испании¹⁸.

На территории СССР в планировке бань Крыма, Булгар и Азербайджана превалирует четкая фигура креста (рис. 1), которая характерна для земель с тюркским населением, тогда как в Армении и Грузии коренным являлся прием сочетания небольших прямоугольных комнат, близких организации средневековых бань Херсонеса¹⁹.

¹⁵ J. Marshall, Mohendjo-Daro and the Indus civilization, London, 1931, I, стр. 24—26.

¹⁶ Oscar Reuther, Sasanian architecture. A survey of Persian art. I, стр. 54.
¹⁷ Kusejr Amra, Wien, 1907; F. Sarre, E. Herzfeld, Erster vorläufiger Bericht über Ausgrabungen von Samarra, Berlin, 1912, стр. 24 сл.

¹⁸ Klinghardt, указ. соч., H. Wild, Brussa, Berlin, 1909, стр. 90—100.
¹⁹ P. Coste, Monuments modernes de la Perse, Paris, 1847; De Laborde, Voyage pittoresque et historique en Espagne, Paris, 1806, 1820, и др.

¹⁹ Б. Н. Засыпкин, Памятники архитектуры крымских татар, журн. «Крым» 1927, кн. 2, стр. 115; А. С. Башкиров, Памятники болгаро-татарской культуры и Волге, Казань, 1929, стр. 77 и сл.; А. П. Смирнов, Баня XIV в. в Великих Болгарах, КСИИМК, 1940, и др.; М. Г. Алиев, Баня Гаджи-хамам, Памятники архитектуры Азербайджана, Москва — Баку, 1946; Д. Мухелишвили, Дманиси, история и описание городища, Матер. культура эпохи Шота Руставели, Тбилиси, 1938 (в груз. яз.); Н. М. Токарский, Архитектура древней Армении, Ереван, 1948, стр. 10.
А. Л. Якобсон, Из истории средневековой архитектуры в Крыму. «Советская археология», VIII, 1946 и др.

* * *

Строительство бань Средней Азии в основе своей — народное искусство. Бани возводились мастерами-специалистами по традициям, передавшимся из поколения в поколение. Посещение бань являлось насущ-

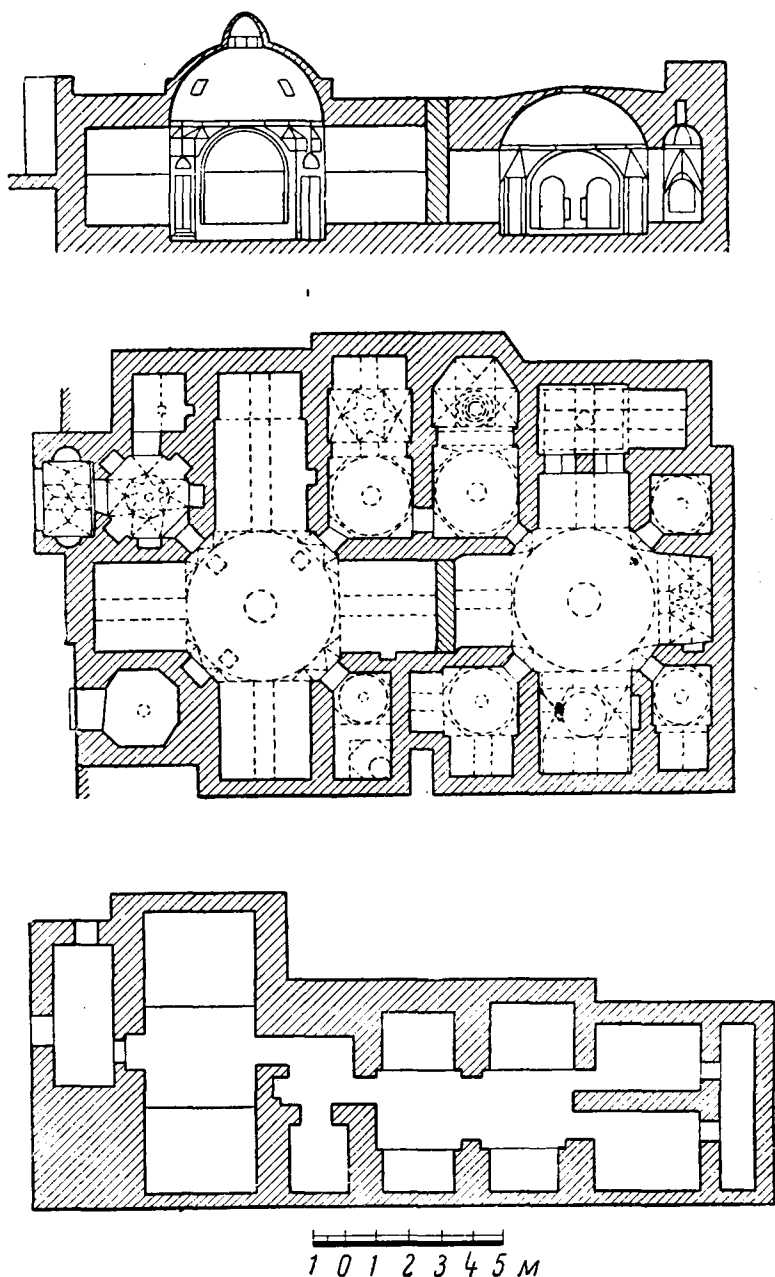

Рис. 1. Баня Гаджи-хаммам в Баку. (Из статьи М. Г. Алиева «Баня Гаджи-хаммам», Памятники архитектуры Азербайджана, М.-Б., 1946)

ной потребностью широких слоев населения не только в видах гигиены, но и в лечебных целях. Особенно желательно считалось пользование баней с горячим полом при простудных заболеваниях, как, например, при ревматизме.

Впрочем, не всегда и не везде это учреждение удовлетворяло запросы широких слоев населения. Так, например, бани Хивы, которых было всего три, строились по директиве ханов и назначались для обслуживания привилегированных лиц. Имеются указания, что в эмирской Бухаре беднейшие классы были не в состоянии пользоваться банями (см. ниже). Вообще говоря, бани составляли статью дохода своих владельцев; таким образом, они, очевидно, посещались достаточно широким контингентом жителей, в противном случае едва ли могли быть рентабельны. Следует отметить, что в Средней Азии посещение бань женщинами было сильно ограничено по сравнению с другими странами Востока. В Ташкенте, например, по рассказам старожиллов, в семьях привилегированных классов, особенно духовенства, посещение бань считалось для женщины предосудительным и допускалось главным образом как лечебная мера; в Хиве женщины вообще не ходили в баню²⁰. Поэтому в Средней Азии не строили «двойных» бань, разбитых на равноценные мужскую и женскую половины, как это было принято в Турции.

Самая процедура купания в общих чертах та же, что и в турецких банях. Для мытья употреблялись рукавицы из грубой шерстяной ткани — *хальта* и небольшие деревянные или металлические тазы — *джом*, а кое-где, видимо, и гончарная посуда. Массаж занимал, как везде, почетное место. Любопытную особенность среднеазиатских бань составляет наличие помещения для молитвы, где с наступлением установленного времени намаза купальщики собирались и молились, как были — в набедренных повязках (допущение, оговоренное для таких случаев шариатом). Обычай этот характерен, может быть, только именно для Средней Азии — по крайней мере мы нигде не находим упоминаний о подобного рода устройстве в банях других стран Востока.

Баням отводят место в описаниях путешественники по Средней Азии. Интересную характеристику бухарских бань можно почерпнуть у Борнса²¹:

«Во время путешествия по Кабулу я часто наслаждался роскошью бань по обычаю восточных жителей. В Бухаре я также позволял себе это удовольствие; но тут меня пускали только в известные бани, ибо здешние духовные особы утверждают, что во всех прочих вода превратится в кровь, как скоро они будут осквернены женщиной или неправым. Восточные бани так хорошо известны, что мне нет надобности их описывать подробнее. Способ мытья чрезвычайно странен: вас раскладывают во весь рост, трут волосяными щетками, скребут, колотят, ломают, и все это необыкновенно освежает тело. Бани в Бухаре чрезвычайно просторны: они состоят из множества небольших комнат со сводами,строенных вокруг большой круглой залы с куполом и нагреваемых до различных температур. Днем свет проходит через разноцветные стекла в куполе, а ночью одной лампы достаточно для освещения всех отделов. В той части круга, которая обращена к Мекке, устроена мечеть, где роскошный Магоммеданин может возносить свои молитвы, наслаждаясь одним из обетованных благ пророкова рая. В Бухаре считается восемнадцать бань; но не многие из них построены в большом размере. Они по большей части приносят по 150 тилл (1000 рупий) годового дохода. Каждый входящий в баню платит ее содержателю десять бронзовых монет, коих на рупию полагается 135. Следовательно, за одну тилля могут вымываться сто человек, а за 150 тилл 15 000 человек в каждой бане; в восемнадцати же банях ежегодно наслаждаются этой роскошью 270 000 человек. Здесь, однако же, бани открыты толь-

²⁰ Все отмеченные здесь сведения о хивинских банях записаны со слов мастера-строителя Балтаева.

²¹ Борнс, Путешествие в Бухару, М., 1848 (пер. с англ.). II, стр. 411.

по полгода, в продолжение холодных месяцев. Бедный класс жителей не в состоянии пользоваться ими.

Описание каршинской бани находим у Яворского, который получил от нее менее выгодное впечатление²².

Состав помещений

Основная группа помещений для мытья, сложенных из жженого кирпича и покрытых куполами, всегда сопровождалась двумя пристройками: одна из них с каркасными стенами и балочным потолком на колоннах или стойках — *чорхары*, выполняющая в настоящее время (там где она сохранилась) функции раздевальной, в прошлом отнюдь не была ею в полном смысле слова. Это была чайхана и парикмахерская — место отдыха, чаепития и бесед после купания. Здесь оставляли лишь верхнюю одежду — халаты. Другая пристройка — навес при топке, где также хранится топливо. Пол чорхары приходится на уровне земли, но самая баня несколько углубляется в землю — для уменьшения потерь тепла, а также в связи с особенностями примитивной системы водоснабжения. Таким образом, между первой и второй существует некоторая разница уровней. Что же касается топки, — она совершенно уходит в землю.

Для иллюстрации состава помещений особенно удачна одна из ташкентских бань на Тупи-базаре (теперь улица Махсидузлик) с правильным и четким планом, где налицо все необходимые части (рис.2).

Первая комната бани — с умеренной температурой — назначалась для раздевания; здесь оставляли нательную одежду и получали набедренную повязку — *люнги*; отсюда происходит название помещения — *люнги-хона* (или по-таджикски — *румоль-хона*²³ — рис. 2, 1). Вторая комната, где температура значительно выше, на узбекском языке не носит определенного названия. По словам ташкентского мастера-каменщика Икрамова, ее называли иногда *таша-хона*, хотя причину такого наименования он затруднился объяснить. В том случае, если вторая комната меньше первой, в Фергане называют ее *джиляу-хона*. В Бухаре первые две комнаты называются *пой-шуи авваль* и *пой-шуи сони*, что означает по-таджикски «первая и вторая комнаты для мытья ног». Здесь некоторое время отдыхали перед возвращением из бани в раздевальную, так как резкая перемена температуры считалась нежелательной. Названные первые две комнаты предшествуют большому центральному залу (3) — *мион-сарай* (по-таджикски), или иначе —

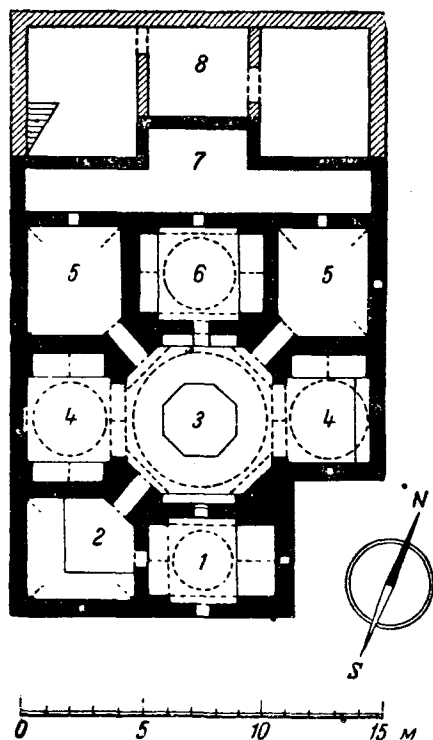

Рис. 2. Баня в Ташкенте на ул. Махсидузлик: 1 — лунги-хана; 2 — промежуточное помещение; 3 — катта-гумбаз или мион-сарай; 4 — массажные (западная служила для молитвы); 5 — сауук-хона; 6 — иссык-хона; 7 — су-хона; 8 — топка

²² Яворский, д-р. Путешествие русского посольства по Афганистану и Бухарскому ханству в 1878—79 гг., СПб., 1882, т. 1, стр. 50—53.

²³ При употреблении терминов будут каждый раз отмечаться названия на таджикском языке, принятые в Бухарской области, в отличие от узбекских.

катта-гумбаз, т. е. «большой купол» (по-узбекски). Этот зал с высокой температурой, своими функциями — паровая и массажная — соответствует аналогичным помещениям в банях Турции, Персии и др. и, следовательно, в известной степени, — лаконику античных бань. Он не соприкасается непосредственно с цистернами для воды. В центре и в нишах мион-сарая устроены *суна* (возвышения); на супах в зале и в бенюарах производится массаж. Помещения для массажа по-таджикски называются *ходим-хона*, на узбекском языке не имеют специального названия. Из центрального зала открываются входы в помещения для мытья, температура которых имеет градации: *саук-хона* и *иссык-хона* (по-таджикски — *хунук-хона* и *гарм-хона*), т. е. холодные и горячие. Обычно были три комнаты для мытья — две холодные (5) и горячая посередине (6) или же одна (крайняя) холодная и две горячие с возрастающей температурой. Надо сказать, что *саук-хона* — помещение не абсолютно холодное, а просто имеет умеренную температуру. К помещениям для мытья примыкают сзади крытые цистерны с горячей и холодной водой — *су хона* (7), откуда черпалась через окошечки вода. Этих цистерн три (большой горячий водоем и два холодных по бокам) или две; иногда же — всего одна, где поддерживается нужная температура воды.

В составе помещений бани фигурирует иногда и маленькая комната интимного туалета — *ожи-хос*.

В банях, как уже говорилось, непременно было предусмотрено место для совершения купальщиками намаза. Для этой цели служила одна из лоджий центрального зала, которая ввиду этого должна была иметь ориентацию к Каабе — на юго-запад (4). Таким образом, оказывается, что и все здание бань получает определенную ориентацию, примерно по оси север — юг. Однако наблюдение над ориентацией бань показывает, что в смысле точности направления на Каабу допускались значительные погрешности. Так, например, в одной из ташкентских бань молитвенная лоджия отклоняется от западного направления к югу на 10° (правильная ориентация), в другой обращена точно на запад, а в третьей отклоняется на 17° к северу. Очевидно, к направлению молитвенной лоджии в бане предъявлялись менее строгие требования, чем в мечети, так как в последних нет столь резких колебаний ориентации. Нередко в молитвенной лоджии есть и махраб. Вне времени молитвы та же лоджия выполняла функции массажной.

Состав помещений бани можно считать полным, когда налицо все названные помещения: две первые комнаты, мион-сарай, с одной или двумя лоджиями, три помещения для мытья, т. е. всего семь или восемь зал, не считая цистерн. Такова баня в Ташкенте на ул. Махсидузлик. Установленное количество помещений превышалось лишь в редких случаях. В банях более скромного масштаба число помещений сокращается следующим путем: из двух предшествующих центральному залу комнат составляют одну, делают вместо трех две мыльные, вместо двух массажных (лоджий) одну. Так, например, небольшая баня в Ташкенте по ул. Абдуллы Тукаева имеет всего пять зал. В Узбекистане нет «двойных» бань, где женская и мужская половины имели бы равноценную планировку, как в Турции и Крыму (см. выше). Обычно не строили также специальных женских бань; одна и та же баня посещалась и мужчинами, и женщинами в разные дни недели. В Ташкенте последним отводилось в неделю два дня. Изредка лишь делалось при мужской бане женское отделение, в лучшем случае несколько сгруппированных в случайном порядке скромных комнат, где нет ни мион-сарая, ни молитвенных ниш. Такое женское отделение с особым входом было в ташкентской бане на улице Кара-Ягды (теперь — угол ул. Навои и Полиграфической).

Помимо бань к типу купальных построек должны быть отнесены

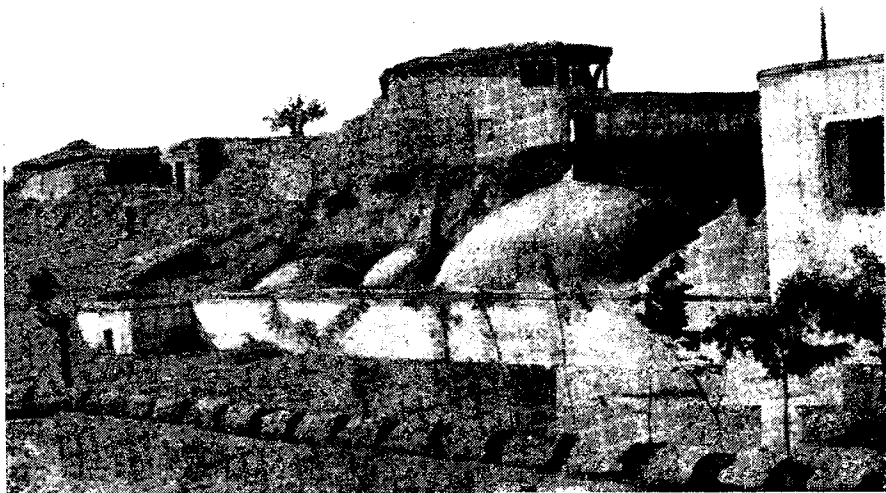

Рис. 3. Баня в Китабе. Общий вид. Фото Г. Гаганова

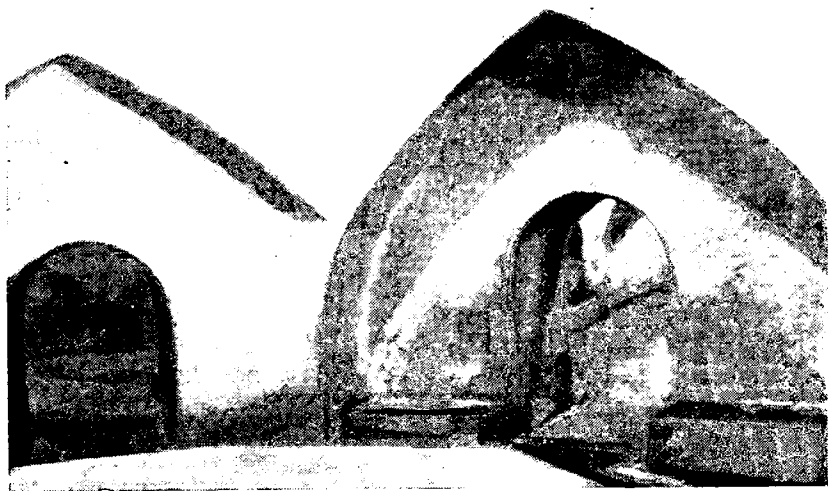

Рис. 4. Баня в Ташкенте на ул. Навои. Центральный зал. Паруса *багали*.
Фото автора

тахорат-хона — помещения при мечетях для ритуальных омовений, где вода обычно также подогревалась. Устройство их повторяет в миниатюре бани. Это, как правило, квадратный зал, иногда с водоемом посередине, к которому примыкают крошечная кубовая и одна-две комнаты. Тахорат-хона часто встречаются в Самарканде и Хиве. Строились они раньше и в Шахрисябзе²⁴. В Ташкенте не было принято

²⁴ По словам усто Каримова.

подогревать воду, поэтому тахорат-хона имели вид легких каркасных построек²⁵.

Техническое устройство бани

Система отопления, водоснабжения и технические приемы примитивны, но любопытны и заслуживают внимания. Начнем с водоснабжения и способов согревания воды.

Вода поступала в баню из арыка или колодца, который находится поблизости. Стремление приблизить уровень цистерн к источнику воды и было одной из причин углубления бани в землю, так как при этом условии вода из арыка идет самотеком. Там, где это было возможно, бани с арычным водопользованием зимой переходили на водоснабжение из колодца, так как в зимнее время арыки часто оказываются безводными из-за понижения уровня рек или замерзают. В цистерны вода подается желобами. Холодные водоемы отделяются от горячего глиняными стенами, реже низкими перегородками. Вода подводится к каждому бассейну особо или проходит в горячий из холодного через соединительную трубу. В днище горячего водоема вмазан *казан* — котел (или несколько котлов), под которым находится топка; таким путем осуществляется согревание воды. Для равномерности согревания воды резервуар делится невысокими тонкими стенками *хампа*, *пас-деволь* на отсеки, и вода поступает к котлам постепенно, переливаясь через выемки в верхней части перегородок. Вода не разводится по комнатам, а черпается через окошечки в капитальных стенах, которыми отделены водоемы от помещений для мытья.

Способ удаления сточных вод примитивен. Канализация как таковая не делалась, и подпольных труб не прокладывали. Использованная вода желобками в полу бани отводилась в каналы и далее в поглощающие колодцы, которые выкапывались по несколько штук рядом с баней. При наличии вблизи какого-нибудь оврага сточные воды спускались непосредственно в него.

Баня работает на отходах. В старину ее вытапливали *хашаком* — степной колючкой, иногда навозом, теперь часто можно видеть рядом с баней целые массивы опилок. Жерлю топки, которая, как уже сказано, находится под горячим водоемом, открывается под навес. Под полом бани проложена система жаропроводящих каналов (рис. 12, 14); первоначально от топки отходят два или три канала, постепенно разветвляются и сводятся к дымоходам, устроенным в стенах центрального зала или первых двух комнат. Число дымоходов — три, четыре или более. Температура помещения определяется количеством подпольных каналов, отчасти же может регулироваться путем прикрывания дымоходов. Жаровых каналов в стенах бани не делали. Для отопления чайханы никаких мер не принимали, и там каналы отсутствуют. Магистральные каналы — *боги-куча*, которые берут начало у топки и скрещиваются под центральной супой, делались шириной в 1 гыз (72 см); в основном же отопительная система состояла из каналов меньшего сечения — *гульбадоу* шириной в один-полтора кирпича, высотой 1 или 1,2 м. Между ними оставлялись стенки в полтора кирпича. Каналы покрывались сводиком или крупными обожженными плитами. В топку они выходили не всем сечением, а лишь небольшим отверстием — *модион*, величиной с пиалу, сантиметров 10 в поперечнике. От мастера требовалась большая точность при определении размеров этих отверстий, так как если сделать их слишком маленькими, вода нагревается чрезмерно, а поме-

²⁵ При медресе Ходжа Имам Ишон Козы, впрочем, была тахорат-хона с котельной, типа бани.

нения бани остаются холодными; если же, наоборот, сделать их большими, чем нужно, — пол будет обжигать ноги, но вода не согреется.

Рисунок жаровой системы в плане помещений для мытья имеет вид эскиза параллельных каналов, заключенных обводящим контуром (рис. 12); но в катта-гумбаз рисунок каналов состоит из сочетания радиальных и концентрических линий (рис. 14, а). Усто Юсупов в своих остроюшках заменял обычные каналы отдельными столбиками из кирпича, что экономит расход материала (рис. 14, б).

Жаровые каналы и водоемы время от времени требуют очистки. Бассейны нужно очищать от ила два-три раза в год. Очистка отопительной сети, которая совершается один или два раза в год, является делом довольно сложным. При этом для выемки сажи и освещения проходов местами вынимаются плиты пола.

Свет поступает через круглые отверстия в зените куполов. Эти проемы, покрываемые теперь остекленными пирамидками, в прежнее время закрывались *туйнуком* (фонарем), который в данном случае представлял собой колпак из обожженной глины с прорезами. Отсюда можно заключить, что в банях царил полумрак, так как освещение было явно недостаточным, поскольку диаметр отверстий составлял всего полметра или немногим более.

Бани отличались солидностью постройки. В Бухаре сохранилась и действует до сих пор Саррафон времен Абдулла-хана (XVI в.). Масивные стены из жженого кирпича на алебастре достигают метра и более толщины. Помещения, кроме центрального зала, невысоки. Все это, в совокупности с особенностями подпольной системы отопления, обуславливает солидную теплоемкость бани и способность сохранять тепло в течение долгого времени. Но, с другой стороны, холодную баню трудно прогреть, поэтому ее топят с таким расчетом, чтобы она не успела остынуть.

Купола бани клались в один-полтора кирпича. Пол выкладывался иногда мраморными плитами, но обычно выложен жженым кирпичом. Пол бани и дно цистерн, а также стены на известную высоту (до 1 м) покрывались гидравлическим раствором, который носит название *кыр*. Способ приготовления кыра весьма интересен. Вот рецепт, сообщенный старым ташкентским мастером — каменщиком Насыбом Икрамовым.

Смешивается отборная известь и зола болотного камыша *кийж*, причем последней приходится $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{3}$ по объему. Зола кийока получали обычно у горшечников или у кожевников, которые пользовались им в своем производстве. Смесь должна быть хорошо измельчена и промешана, для чего ее очень долго взбивают палками. Затем смесь кладут в котел, замешивают с водой и добавляют туда для вязкости пух от шишек болотного камыша — *тузгох*. Кладутся, кроме того, яйца, 20—30 штук на котел. Рекомендуются добавлять в раствор еще виноградную патоку *шинни* (полведра, ведро). Процесс оштукатуривания продолжается несколько дней: кыр, отвердевая, трескается; по мере появления трещин его опрыскивают смесью воды с патокой (вплоть до насыщения) и затирают гладким камнем — прием, соответствующий железнению цементированных поверхностей.

Рецепты приготовления кыра были не везде одинаковы. Так, например, усто Каримов из Шахрисябза составлял раствор без добавления яиц и патоки, зато последняя втиралась в штукатурку при выравнивании камнями — до насыщения, а затем штукатурка, также до сткказа, опрыскивалась молоком. В Шахрисябзе для кыра брали золу рисовой соломы. В рецепте усто Юсуф-Али Мусаева известь и зола замешиваются поровну с постепенным добавлением воды, причем требуется около $\frac{1}{60}$ по весу патоки (виноградной можно взять меньше, чем тутовой). Камень для выравнивания штукатурки называется *мухраги*.

Употребление кыра известно с незапамятных времен, он обнаружен еще в бане X в. на Афрасиабе²⁶.

Архитектура

В облике узбекских бань архитектурному замыслу подчинен лишь интерьер, где в этом плане могут рассматриваться организация внутреннего пространства и формы покрытия. Декорация отсутствует, нет росписи, резьбы по алебастру или какой-либо скульптурной моделировки — наличников, сталактитов. Конструкция выступает одновременно как архитектурный элемент, будучи покрыта лишь слоем штукатурки.

Снаружи баня имеет характерный вид. Группа куполов (иногда почти вровень с поверхностью земли благодаря нарастанию отбросов топлива кругом корпуса здания), обмазанных глиной с саманом, среди которых высится катта-гумбаз и поднимаются там и сям струйки дыма. Расположение куполов обрисовывает внутреннюю организацию помещений.

Подчинен ли каким-либо закономерностям план бани? На этот вопрос помогает ответить та же ташкентская баня на Тупи-базаре, которая уже была проведена как пример идеального состава и распределения помещений (рис. 2). В плане ее ясно видна фигура креста, обычного в планировке крымских и болгарских бань. Но здесь крест уже не выступает в столь элементарном виде, как там: концы его выделены и читаются как самостоятельные залы, соотношение величины угловых и средних помещений приведено к равновесию. Есть и еще одно различие. Ввиду того, что в узбекских банях требуется всего восемь зал, выпадает одно из угловых помещений, и в передней части плана, как здесь, так и в других случаях, получается входящий угол. Баня на Тупи-базаре замечательна четкостью и ясностью планировки: фигура креста здесь еще подчеркнута тем, что в его рукавах, как и в центре, один прием покрытия — кольцевым куполом, а в угловых залах другой — купола балла (см. ниже). Обычно же план бань бывает гораздо менее правилен и система планировки часто в такой степени затуманена, что фигура креста становится неразличима.

Описанный прием организации весьма распространен (Ташкент, Самарканд, Кашка-Дарья), но не является единственным. В Фергане принята композиционная схема, которая носит ясно выраженные локальные черты: мион-сарай вынесен вперед и граничит с чорхарами, отделенным от последнего только одним помещением люнги-хона, тогда как горячий водоем больших размеров врежется глубоко в тело здания. Контур здания, в первом случае продолговатый, здесь приближается к квадрату. Наконец, особый образец планировки представляет баня Саррафон в Бухаре с рядом многоугольных комнат — композиция не встречающая подобия в других городах Средней Азии.

В архитектуре интерьера главенствует мион-сарай, композиция которого в согласии с общей структурой плана определяет характер внутреннего пространства. Мион-сарай, или катта-гумбаз, параднее и просторнее других помещений, всегда октогонален и покрыт высоким куполом. Эти его черты объясняются тем, что здесь протекали самые существенные и длительные стадии купального процесса — массаж и подготовка к нему. Мион-сарай был своего рода общественным узлом, местом приятного времяпрепровождения.

Возможны следующие варианты объемно-пространственного решения центрального зала: 1) по обе его стороны расположена пара беньюарда или лоджий, открытых к центру широкими арками; 2) подчеркнут

²⁶ В. Вяткин, Афрасиаб — городище бывшего Самарканда, Ташкент, 1931, стр. 11. Неизвестно, впрочем, какой состав имеет в виду автор — аналогичный описанный или натуральный битуминозный.

объемная самостоятельность мион-сарая, арка беньюара (который в этом случае обычно один) суживается, и в углах зала делаются ниши; 3) мион-сарай архитектурно обособлен, но его замкнутость восполняется глубокими нишами по периметру.

Первый случай, где центральный зал пространственно слит с беньюарами, соответствует крестовой схеме планировки (рис. 2, 6, 10). При этом план зала получается в виде не октогона, а квадрата со срезанными углами, что обусловлено широким пролетом арок беньюаров. Прекрасным образцом третьего варианта может служить приводимая здесь маргеланская баня с залом правильной октогональной формы (рис. 11). Зал, связанный с беньюарами наполовину, дает промежуточное решение. В рисунке плана последних, в зависимости от того или иного решения, возможны некоторые различия. Так, если они открыты в зал всем объемом, они подчиняются поперечной оси симметрии, если же соединяющая арка узка, они получают часто собственную ось симметрии и вытянуты параллельно оси здания.

Ниши в углах октогонального зала называются *мусаммаль*.

Лоджии — массажные при центральном зале могут оказаться или совершенно одинаковыми, или неравноценными по величине и архитектурному решению. В последнем случае лоджия для молитвы, даже если она меньше другой, обладает более продуманными формами.

Вдоль стен комнат и в нишах расположены возвышения — супа. В первой комнате часто делается очень глубокая ниша с супой для одежды; в мион-сараях непременно есть супа в центре, равносильно *гейбек-таши* турецких бань. В лоджиях супа или вдоль стены, или в нишах, иногда совсем отсутствует, а нередко занимает всю площадь беньюара. Открытых бассейнов или фонтанов нет.

Типы покрытия можно классифицировать следующим образом:

Большую роль играют простейшие по форме купола типа балхи или *балхпуш* (т. е. балхские), возводимые на прямоугольном основании без опалубки. Кладка ведется наклонными отрезками от четырех углов к центру купола, образуя посередине два пересекающихся шва. Но так как эти купола мало удовлетворяют с архитектурной точки зрения, ими покрываются по преимуществу помещения, играющие второстепенную роль — сау-к-хона, одна из первых комнат и всегда — цистерны. Тот же прием кладки применительно к октогональному и вообще многоугольному основанию дает так называемый тип *чархи*²⁷, также весьма распространенный в архитектуре бань (рис. 10).

Самым обычным типом покрытия купальных зал является кольцевой купол стрельчатого профиля на квадратном или восьмигранном основании. Переход от основания к кольцевой кладке осуществляется системой щитовидных парусов — *гаджак*. Применяется также часто род сферического паруса под названием *багали* (рис. 4), более раннего происхождения (гаджак появились в XV в.). Тромпы встречаются редко.

Продолговатая форма помещения не была препятствием для возведения над ним кольцевого купола, благодаря чему основание последнего получается эллиптическим.

Помещения бани, за исключением центрального зала, низки (для сохранения тепла), отсюда сплюснутая, «репчатая» форма кольцевых куполов — *шалъгами* и арки небольшого подъема. Для того чтобы было удобнее выкладывать отверстие в центре, куполам приходится иногда луковичная форма (рис. 10).

Конструкция покрытия главного зала насчитывает несколько вариантов. Простейший из них чархи, который употребителен при всех случаях композиции зала. Весьма обычна система щитовидных парусов в один или два ряда (*дугаджак*, рис. 7). Иногда при квадратном со сре-

²⁷ Получил название от колеса прялки — *чарх*.

занными углами плане возникает своеобразная угловая конструкция полуарка-полупарус, имеющая целью свести основание к равностороннему восьмиугольнику (рис. 7).

Более светлый, высокий и богатый по архитектуре мион-сарай выглядит параднее других помещений, которые по формам и размерам примерно равноценны. Если же какое-либо из них в свою очередь акцентировано, — это обычно одна из предшествующих мион-сарая комнат: первая, иногда вторая. В целом архитектурные формы купальных залов выглядят массивными и тяжелыми.

Чорхары по характеру резко контрастируют с интерьером самих бань — это просторное, светлое помещение с балочным потолком и стойками или колоннами. Сопы разделяются проходами, ведущими к входу в баню, расставлены *сурь* (досчатые платформы), на которых пьют чай и отдыхают. Встречаются приятные пространственные решения с правильной планировкой, верхним светом (фонарь — туйнук) и детализированными колоннами.

Бани в городах Узбекистана

Локальные признаки в типе и архитектурных формах узбекских бань выражены весьма слабо сравнительно с тем, как это наблюдается в сооружениях иного назначения — жилище, мечети и т. д. Один и тот же композиционный прием повторяется в различных областях края. Это можно объяснить тем, что бани не были распространенным типом сооружений, как жилище или мечеть, и строились относительно редко, поэтому и мастеров-специалистов было немного, и их при надобности вызывали из других городов. К тому же специфика сооружения, ее технология, связывала творческий замысел, принуждая к определенной схеме и конструкции. Тем не менее, как говорилось выше, различается несколько композиционных вариантов бань, а некоторые постройки обладают индивидуальными чертами.

Обилием бань отличалась Бухара. Борнс отмечает их 18. Ханыков, посетивший Бухару более 100 лет назад, пишет, что в городе было 16 главных бань; среди них упоминаются известные бани Саррафон, Чашма-Аюб, как лучшие названы бани Мис-Гиран (Мисгарон) и Базари-Хаджа²⁸. Из перечисленных бань Саррафон и Мисгарон действуют и в настоящее время. Первая из них построена еще во времена Абдулла-хана (XVI в.)²⁹, вторая, по устным преданиям, при Арслан-хане, т. е. в XII в.³⁰ Чашма-Аюб, также весьма старая, заброшена недавно.

Можно допустить, что баня Мисгарон построена на месте древней, однако в современном виде следует признать ее ровесницей Саррафона — планы их представляют зеркальное отражение: своеобразный рисунок с использованием целой гаммы форм от квадрата до традиционного октогона, причем все залы снабжены глубокими нишами (рис. 5). Там и здесь тамбур пойшуи, мион-сарай, мечеть и т. д. В качестве подкупольной конструкции в бане Мисгарон фигурируют шитвидные паруса, тогда как покрытия Саррафона выполнены приемами чархи. Обе эти бани — древнейшие из действующих в Средней Азии, свидетельствуют о формах данного рода зданий в прошлом. Но в большей степени они, повидимому, представляют образец локальных бухарских традиций. Интересно при этом, что чорхары с его крестовым планом как будто отражают традицию крестовокупольных залов Передней Азии, но в иных конструкциях.

²⁸ Ханыков, Описание Бухарского Ханства, СПб., 1849, стр. 89, 90.

²⁹ В. А. Шишкин, Архитектурные памятники Бухары, Ташкент, 1936, стр. 71.

³⁰ Сообщено проф. М. С. Андреевым. Если и была построена в XII в., с тех пор несомненно неоднократно перестраивалась.

Баня в Самарканде на улице Чарага имеет объединенный с двумя женьюарами центральный зал, т. е. принадлежит по композиции зала к первому из описанных выше вариантов (рис. 6). Эта баня выстроена, повидимому, уже очень давно, не раз ремонтировалась и некоторые купола выложены заново из кирпича современного стандарта (в том

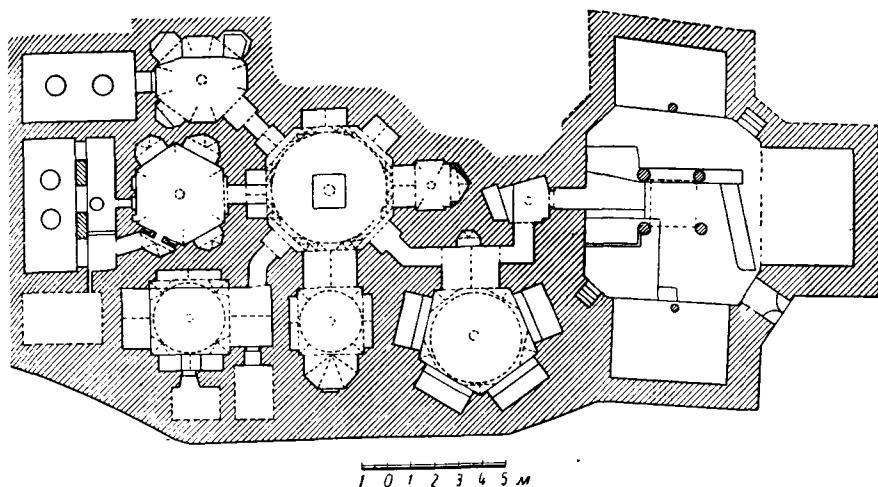

Рис. 5. План бани Мисгарон в Бухаре. Обмер автора

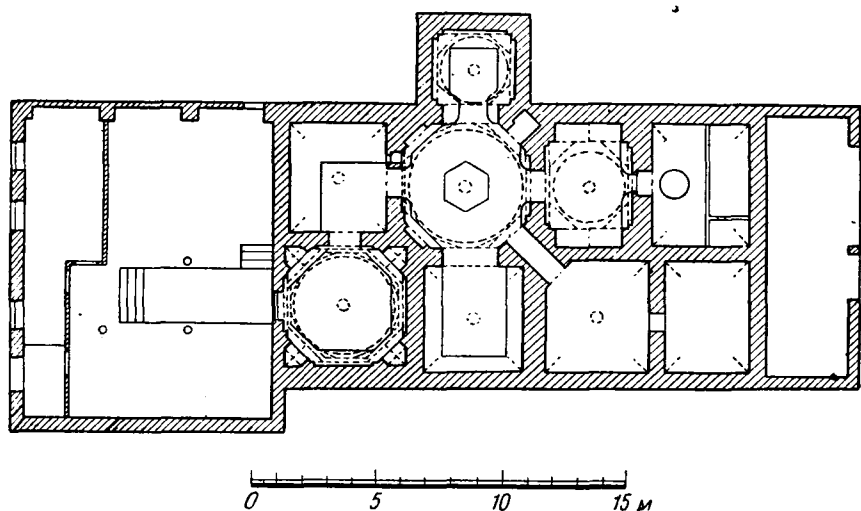

Рис. 6. План бани в Самарканде на ул. Чарага. Обмер автора

числе большой купол). Заслуживает внимания решение первой комнаты — люнги-хона; она почти равна по размерам центральному залу, восьмиугольна в плане, с оригинальными нишами в углах (рис. 8). Красиво решен центральный зал с такими же нишами. Лоджия для молитвы очень мала (рис. 6), но по формам гораздо интереснее другой, которая покрыта куполом балхи.

Аналогичная организация бань принята повсеместно в городах Кашка-Дарьи. Баня в Шахрисябзе с четкой и правильной планировкой очень напоминает самаркандскую (рис. 10). Купол сильно деформирован, молитвенная лоджия заложена, так как, вероятно, обрушилась или грозила обрушением. Мраморные плиты, которыми вымощены полы купов бани, указывают, что постройка относится ко времени процве-

Рис. 7. Центральный зал бани в Самарканде. Фото Л. И. Ремпеля

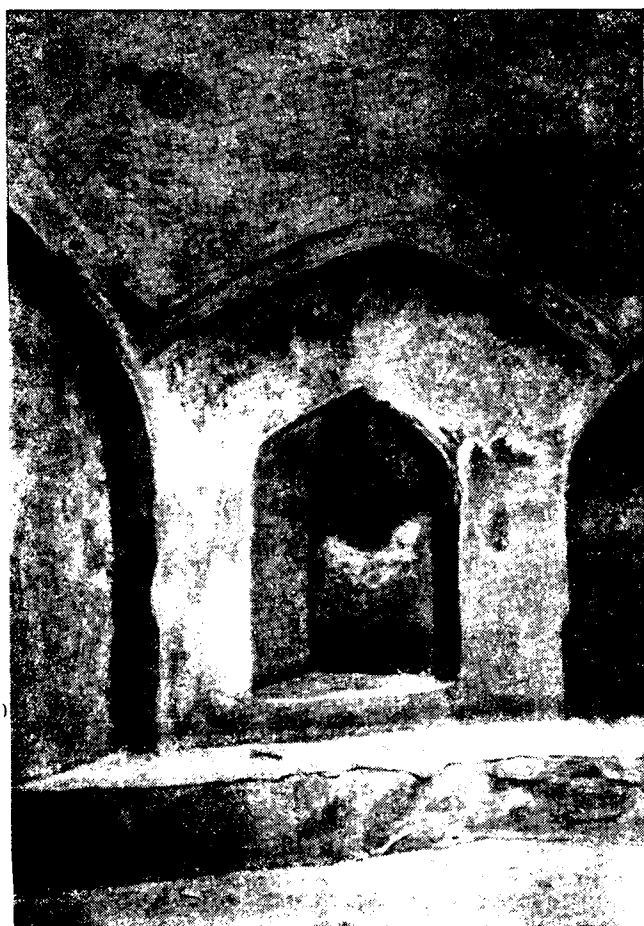

Рис. 8. Баня в Самарканде. Угловая ниша первого помещения. Фото Л. И. Ремпеля

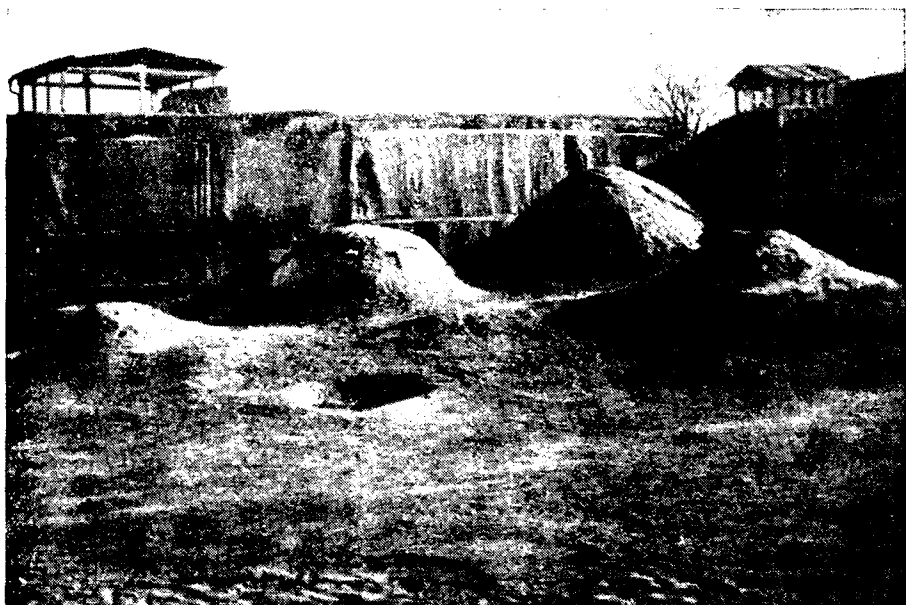

Рис. 9. Баня в Самарканде. Внешний вид куполов. Фото Л. И. Ремпеля

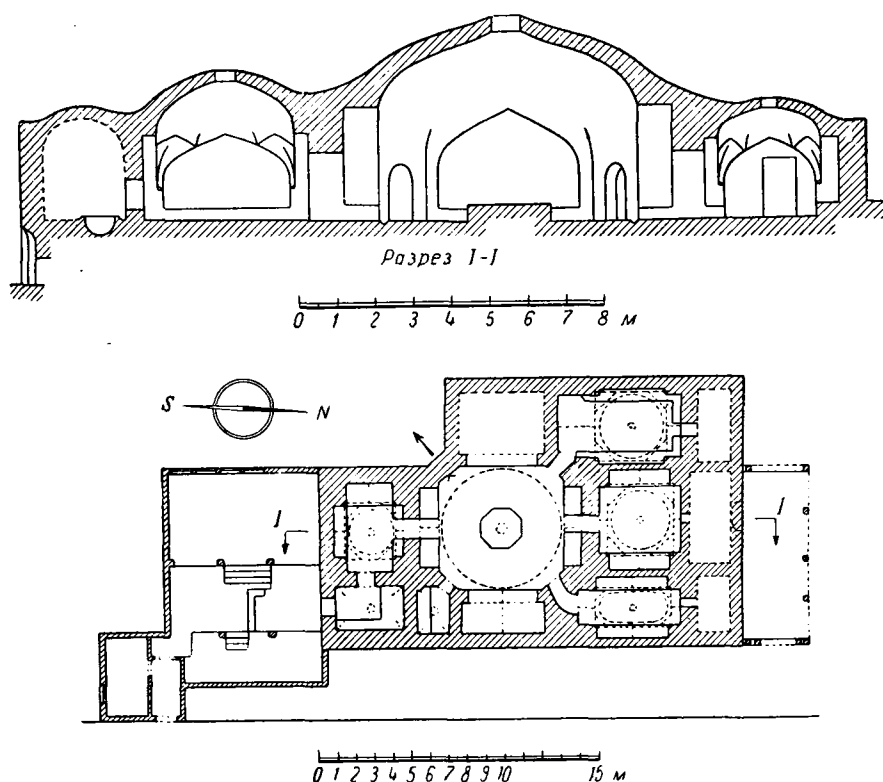

Рис. 10. Баня в Шахрисабзе. Обмер автора. Государственный научно-исследовательский институт искусствоведения Узбекской ССР

тания города, т. е. по меньшей мере к XVI—XVII вв., когда там еще возводились монументальные здания. Кун в 1870 г. упоминает, что в Шахрисябзе имеются две бани³¹. С тех пор сохранилась одна. Центральный зал в плане квадратный со срезанными углами и куполом

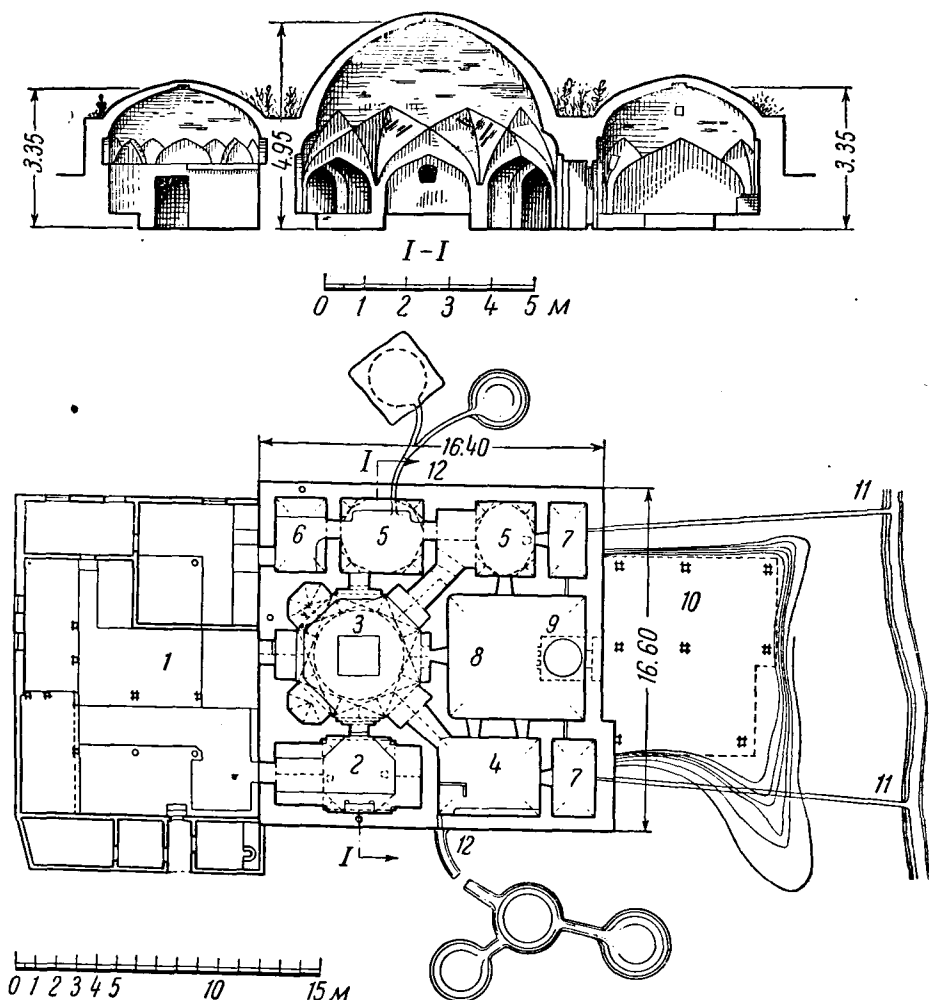

Рис. 11. Баня в Маргелане. План и разрез. Обмер автора.
Управл. п/д архит. Узбекской ССР

чархи. Сверх обычного числа помещений добавлена маленькая комнатка со входом из центрального зала — джой-хос. Как и везде в городах Кашка-Дарьи, воду подают из колодца, который вырыт у северо-восточного угла здания. Способ подачи самый примитивный, с помощью журавля; в старину вместо ведер служили бурдюки. Две бани в Карши и Китабе с небольшими изменениями повторяют план шахрисябзской бани, но центральный зал каршинской по конструкциям сходен с формами описанной выше самаркандской.

В Ташкенте работают в разных частях города шесть старых узбекских бань. Несколько лет назад была снесена седьмая (угол улиц Маслак и Чарсу). Все они, кроме бани на улице Махсидузлик, по композиции центра принадлежат ко второму варианту с одним, полуотделенным от зала, беньюаром. План зала в большинстве почти квадратный.

³¹ А. Л. Кун, Очерки Шахрисябзского бекства, Зап. Имп. русского геогр. об-ва по отд. этнографии, т. VI, СПб., 1880, стр. 224.

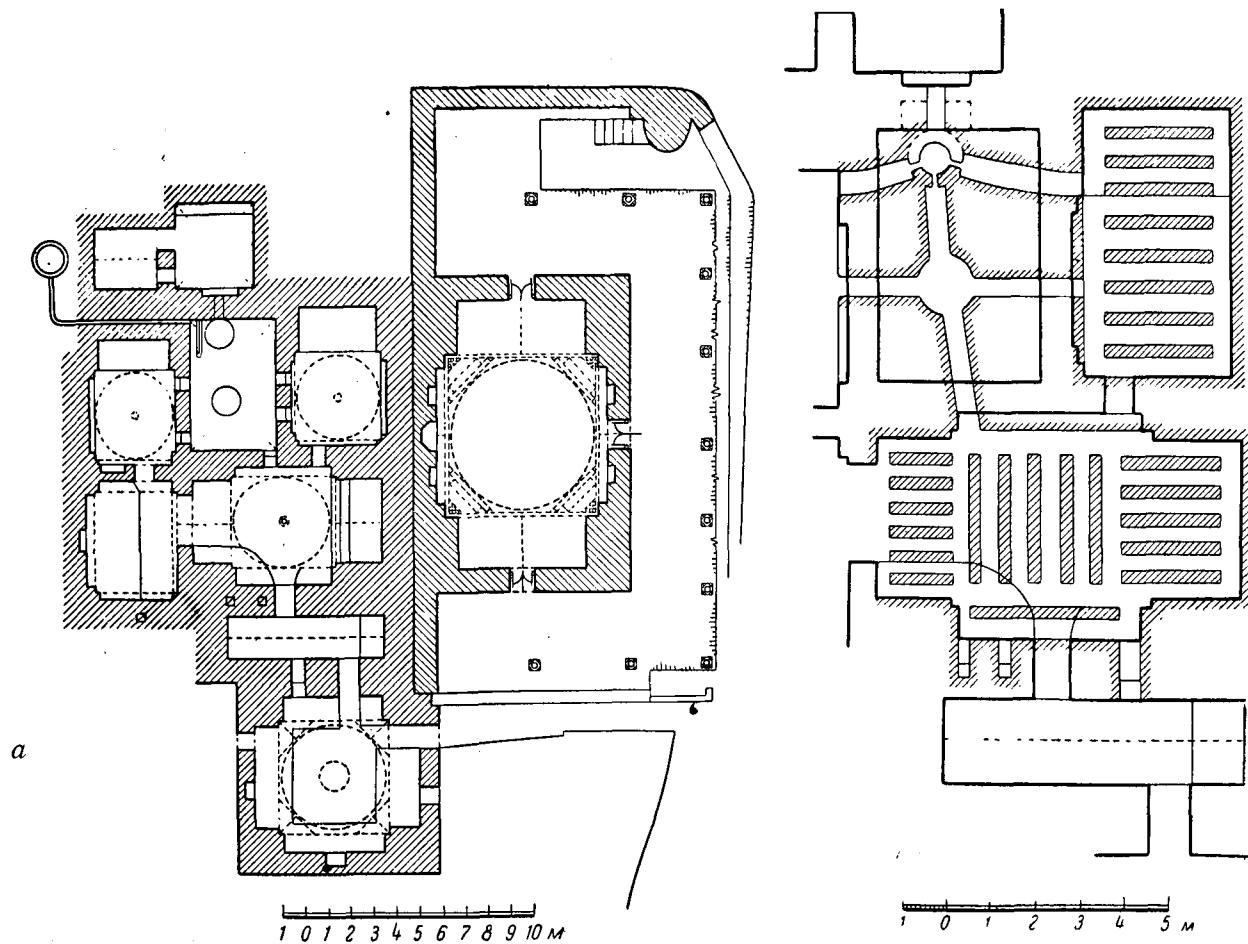

Рис. 12а, б. Мечеть и баня Ануша-хана в Хиве. План и система отопления. Обмер автора

В бане на улице Кара-Ягды было женское отделение — три комнаты в западной части здания.

Бани в Фергане отличаются, пожалуй, наиболее ярко выраженной локальной архитектурной характеристикой. Для них, как уже отмечено, типично стремление к правильной архитектурной организации плана с квадратным или прямоугольным очертанием. Маргеланская баня в квартале Гур-Аваль вовсе не имеет при центральном зале лоджий (рис. 11). Для молитвы отведена особая небольшая комната. Заслужи-

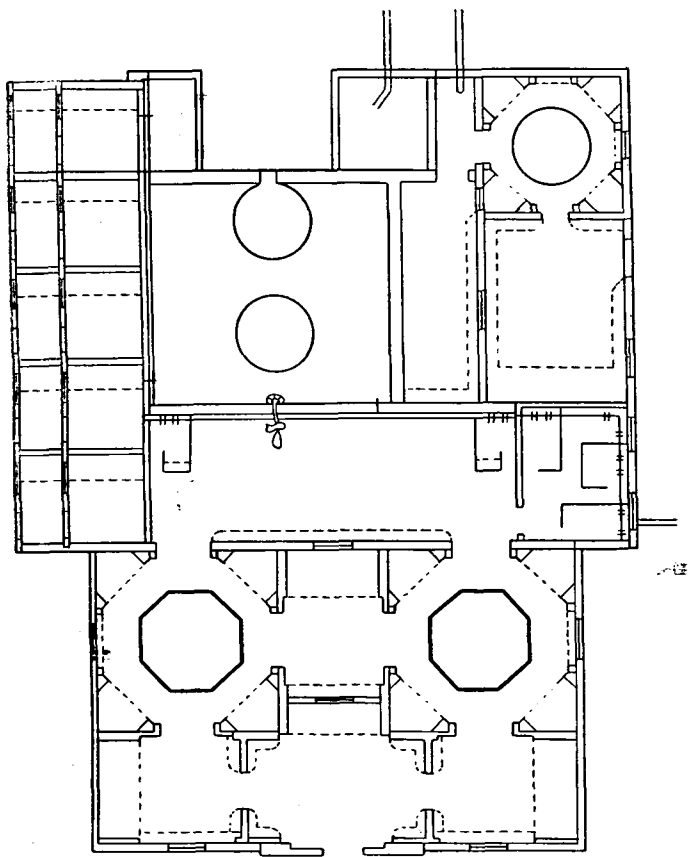

Рис. 13. План бани в Ассаке (Фергана), выстроенной усто Юсуф-Али Мусаевым. Чертеж мастера

вают быть отмеченными формы главного зала, где стройная и логичная система парусов несет высокий купол. Объемное построение пропорционально (рис. 11). Этот зал сообщается с чорхары окошечком — так делается всегда, когда они граничат друг с другом. Соседнее помещение покрыто куполом на тропях. Данный архитектурный тип характерен и для Ленинабадской области Тадж. ССР (баня в Ленинабаде).

В Хиве, как и во всем хивинском ханстве, по рассказам старожилов, было всего три бани, которые назывались: баня Ануша-хана, Мухаммед-хана и Саид-Мухаммед-Раим-хана. Приводим здесь самую древнюю из них и единственную сохранившуюся до сего времени баню Ануша-хана (XVII в.). Расположенная близ Палван-дарбаза, она составляет единый комплекс с мечетью постройки того же правителя, известной под названием Ак-мечеть, примыкая к последней с юга (рис. 12). План бани упрощен; купальных помещений всего пять, бассейн для холодной воды отсутствует. Раздевальня представляет большой купольный зал с фонарем.

Археологические данные

Искусство возведения бань едва ли не самая статичная из отраслей родства Средней Азии. Архитектура культовых зданий из века в век проходила ряд стилистических этапов, на облик жилища кладут отпечаток десятилетия. В банях же столетиями остаются неизменными строительные приемы, технология и архитектурные формы. Причину этого явления нужно искать, повидимому, в специфике сооружения — сосредоточении архитектурных элементов внутри здания, обнаженности конструкции — отсутствии элементов декора, который легче всего подчиняется смене вкусов и требованиям времени, наконец, в ограниченности технических возможностей. Технология бань остается неизменной издревле. В. Вяткиным были открыты на Афрасиабе остатки бани X в. с той же системой отопления и нагрева воды, что и в современных³².

Однако археологические исследования показывают, что в древности на территории Средней Азии существовал тип бани, совершенно не сходный по формам с распространенным в настоящее время.

При раскопках древнего Тараза (Джамбул, Казахстан) обнаружены остатки бани, датируемой X в.³³ В то время как бани Крыма и Булгара во многих чертах весьма близки узбекским, таразская стоит особняком от тех и других, как по характеру планировки, так и по убранству. Напротив того, ее формы ближе к типу античному, каковы и некоторые кавказские бани (см. выше). Рисунок плана напоминает баню Дманиси. Помещения были украшены яркими настенными росписями (что сближает ее с банями Ани и Анберда) и стукowymi рельефами, причем последние, повидимому, покрывали и своды бани. Найдены остатки водопровода и ванна в полу одного из помещений.

На городище Новая Ниса (Туркмения) раскрыты остатки бани, датируемой XII в., где сохранились основания стен трех-четырех помещений³⁴. Отличительной особенностью постройки является несколько «ванн» или, вернее, резервуаров для благовоний. Стенки резервуаров украшены росписью геометрического, растительного и отчасти эпиграфического содержания. Несмотря на фрагментарность плана, взаимное расположение комнат — над главным жаровым каналом и боковой, с угловым входом — позволяет заключить, что нисийская баня, в противоположность таразской, совпадает с типом позднейших бань Средней Азии и является прообразом наиболее распространенного приема планировки, каковы бани Ташкента, Шахрисабза и других городов.

Что касается уже описанных бань в городах Узбекистана, определенный исторический этап (хотя в то же время и локальный тип) представляют бани Мисгарон и Саррафон. Сферические паруса являются по времени более ранней конструкцией, чем щитовидные, появившиеся в конце XIV в. В последующие века эволюция форм незаметна. Вообще же, для уяснения вопроса эволюции форм бань в Средней Азии, необходимо уточнение датировок и пополнение сведений об исторических образцах этого типа зданий.

Современное строительство бань местного типа

Историческая традиция устройства бань вовсе не является отжившей и утратившей смысл, но имеет большую практическую ценность для современного строительства. Не только действуют поныне старые узбек-

³² В. Вяткин, Афрасиаб — городище бывшего Самарканда, Ташкент, 1931, стр. 16.

³³ А. Н. Берштам, Баня древнего Тараза и ее датировка, ТОВЭ, II, Памятники старины Таласской долины, Алма-Ата, 1941, стр. 54—57.

³⁴ Г. А. Пугаченкова, Архитектурные памятники Нисы, Труды Южнотуркменистанской археологической комплексной экспедиции, т. I, Ашхабад, 1949, стр. 241 и сл.

ские бани, но и строятся во множестве новые по тому же образцу в городах и колхозах. Бани местного типа обладают значительными достоинствами в постройке и эксплуатации: они не требуют ни дорогостоящих привозных материалов (тогда как кирпич может быть заготовлен и обожжен на месте), ни сложного оборудования, осуществляются местными мастерами, крайне нетребовательны к роду топлива (потому и работают без простоев); наконец, положительную их сторону составляет такая особенность, как горячий пол. Разумеется, в современных постройках вводятся известные усовершенствования как гигиенического, так и технического свойства: кыр заменен в строительстве цементом, вода подается трубами и кранами, вводится специальное женское отделение, отдельные номера и т. д. В Узбекистане есть ряд мастеров-специалистов этой отрасли строительства, которые занимаются своим делом по сей день, так как оно остается живым и нужным в наши дни.

Особенного внимания заслуживает деятельность усто Юсуф-Али Мусаева, родом из Ферганы (Ассак), почетного члена Академии Наук Узб. ССР, принимавшего участие в строительстве Большого академического театра в Ташкенте. Юсуф-Али Мусаевым построено большое количество бань в Фергане по составленным им же проектам. Архитектурные работы усто Мусаева представляют большой интерес для анализа — это творчество мастера, освобожденное от запретов феодального строя, обогащенное новыми техническими и материальными возможностями, вдохновленное новыми запросами и требованиями.

Просматривая выполненные усто Мусаевым проекты бань, можно составить следующую характеристику его архитектурного мастерства:

1. Рисунок плана везде архитектурно продуман, помещения komponуются парадно. Катта-гумбаз составляет центр композиции.

2. Новые бани по планировке гораздо сложнее старых, так как содержат большее количество помещений. Почти везде запроектировано женское отделение, где катта-гумбаз равноценен по формам центральному залу мужской половины (выраженное в архитектуре равноправие полов). Кроме того, и для мужской половины запроектирован кое-где двойной катта-гумбаз, и таким образом получается до трех таких зал в одном здании — неслыханная роскошь для бань дореволюционного времени. В некоторых случаях вводится ряд отдельных номеров. Расширение состава помещений делает возможным запроектировать центральный вход, чего прежде, как правило, не было, и обогащает планировку бани в целом.

3. Замечается стремление к симметрии и компактному рисунку плана.

4. В творчестве усто Юсуф-Али заметны местные архитектурные традиции: общая композиция, техническое устройство и объемные формы напоминают черты старых бань Ферганы. В некоторых проектах намечается сходство планировки с приведенной выше маргеланской баней; бассейн для горячей воды отличается большим объемом и помещен большей частью по оси здания. Для покрытия использована та же великолепная система парусов, которую мы видим в маргеланской бане, и тропы.

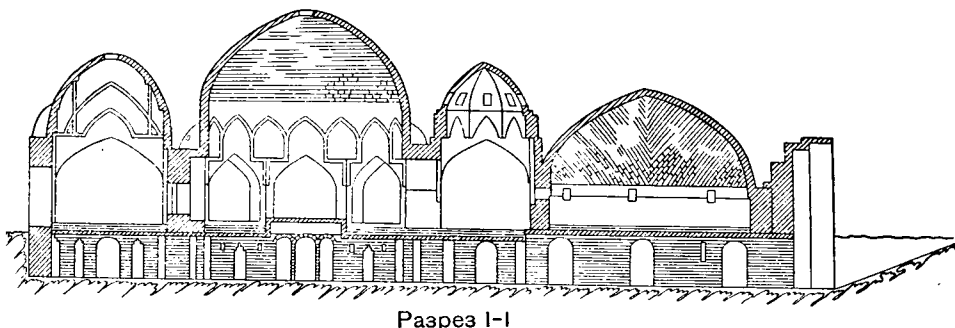
5. Устройство водопровода позволяет отделить холодный водоем от помещений для мытья, и в ряде случаев он вынесен за пределы здания. Это обстоятельство в свою очередь помогает мастеру свободно оперировать с рисунком плана, группируя помещения вокруг цистерны с горячей водой.

Мастерство усто Мусаева сочетает в себе черты индивидуального творчества и лучшие традиции местной архитектуры.

Манера выполнения чертежей условна — так, например, не указывается нормальная толщина стен (рис. 13). В показе конструкции по-

крытия интересно сочетаются проекции в плане и объемно-пространственные представления³⁵.

Вместимость больших бань постройки Мусаева намного превышает 100 человек.

Разрез I-I

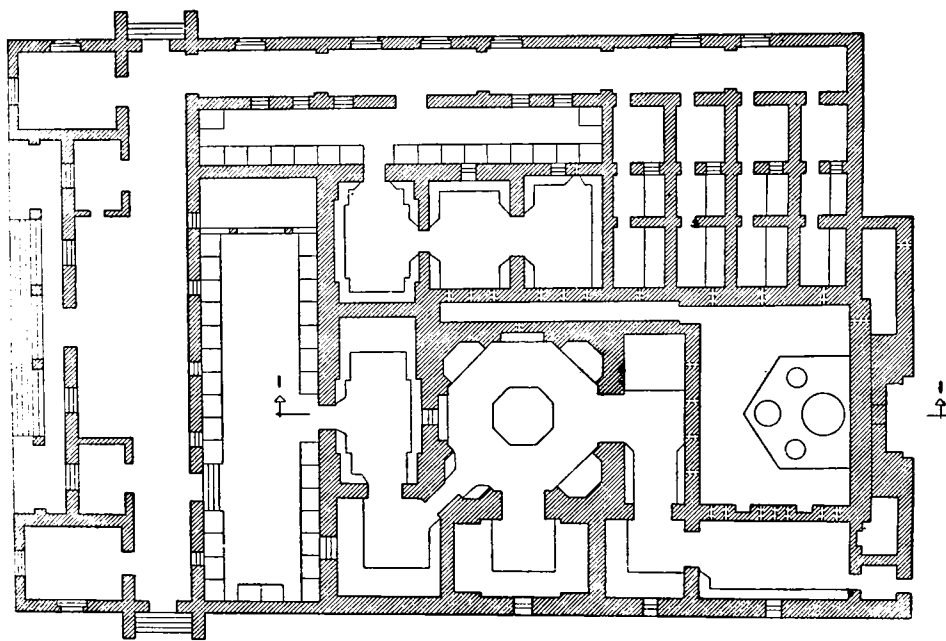

Рис. 14,а. Баня в Янги-Юле. Построена усто Юсуповым (По материалам Узпланпроекта)

Постройкой колхозных бань местного типа занимаются и другие мастера. Так, например, в 1947 г. самаркандский мастер Шамси Гафуров построил в колхозе им. Карла Маркса в Пенджикенте (Тадж. ССР) баню, которая обслуживает не только колхоз, но и весь город.

Наконец, бани местного типа фигурируют иногда в практике архитектурно-проектных организаций.

Опыт проектирования бани местного типа на 80 чел. был сделан Ташгорпроектком уже в 1937 г.; его, однако, нельзя признать удачным. Наряду с местной системой отопления и нагрева воды введена и котельная — получился неуклюжий и нерациональный гибрид. Мысль использования местной традиции не доведена до конца. Проект остался неосуществленным. Остался без практического применения и проект

³⁵ Приводимый здесь чертеж усто Юсуф-Али Мусаева принадлежит Государственному научно-исследовательскому институту искусствознания Узбекистана.

бани, разработанный в 1940 г. по заданию Союза советских архитекторов Узбекистана.

Своей положительную роль местный тип бань призван был сыграть в условиях Великой Отечественной войны Советского Союза. В колхозах Андижанской области Узб. ССР по директиве областного комитета партии и областного исполкома были построены бани-пропускники местного типа на 25 чел. Пропускники запроектированы в 1942 г. узбекстанской группой Академии архитектуры СССР³⁶. Усто Юсуф-Али Мусаев консультировал работу по проектированию бань и вел их постройку.

Жаровая система

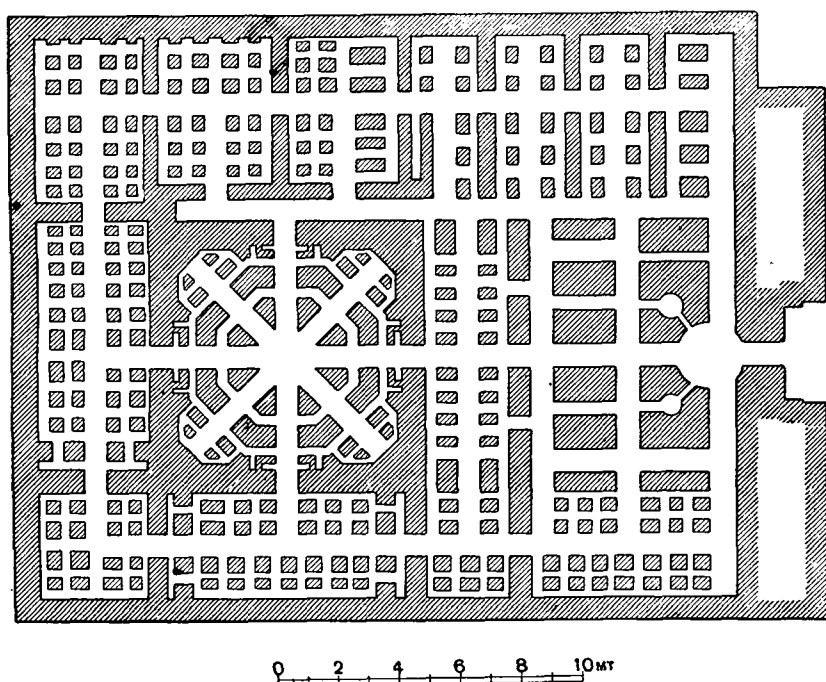

Рис. 14,б

В городе Янги-Юле выстроена большая баня на 100 чел., где купальные залы выполнены усто Юсуповым, а вестибюль и раздевальная запроектированы архитектором Тохтаходжаевой (1945 г.). Здание включает мужское отделение с большим центральным куполом, меньшее по размерам женское отделение и несколько номеров (рис. 14). Согревание воды и отопление производятся старым способом. Жаровая система для экономии кирпича на столбиках по методу усто Юсупова. Толщина стен от 0,40 до 0,75 м (наружные), в центральном купольном здании — до 1,10 м. Купола возведены толщиной в один кирпич. Вода подается кранами, причем горячая подводится к женскому отделению закрытым каналом, а холодная — посредством труб. В архитектуре использованы различные вариации подкупольных конструкций.

Бани местного типа заслуживают подробного изучения со стороны техники и экономики для более широкого использования в строительстве. Что касается собственно архитектуры узбекских бань — композиции плана и внутреннего пространства, ее значение выходит далеко за рамки данного типа сооружений: эта архитектурная идея может подсказывать решение любого общественного здания или его элементов.

³⁶ Автор — архитектор Д. Б. Хазанов. В основу работы были положены данный очерк и ряд обмеров автора предлагаемой статьи.

* * *

Архитектурные формы бань Узбекистана следует признать в значительной степени своеобразными. Рисунок креста в плане бани временами замечен, но значительно переработан и не выступает в чистом виде. Для ферганских бань с их четким компактным планом мы не можем указать полных аналогий в зодчестве других стран Востока. То же надо сказать о бухарских банях Саррафон и Мисгарон.

Формы действующих узбекских бань отличаются простотой и монументальностью; моделировка отсутствует. Таким образом, они оказываются скромнее турецких или персидских. Но надо отметить, что конструктивная форма покрытий сама по себе дает прекрасный архитектурный эффект; главное достоинство форм интерьера составляет игра теней, создаваемая различными системами парусов и ниш.

Судя по данным истории и археологии, в прошлом архитектура бань Средней Азии отличалась большим богатством и разнообразием. Вспомним игру цветных стекол в бухарских банях по описанию Борнса, росписи и стукковые рельефы таразской бани. Сохранилось упоминание о роскошно отделанной бане Улугбека с полами из разноцветных мраморных плит³⁷.

В заключение отметим, что приемы строительства местных бань не утратили до сих пор практического значения. Что касается архитектурных форм, то они имеют более широкий смысл и могут быть учтены во всех отраслях современной строительной практики.

³⁷ Захиреддин Бабур, Бабур Намэ, Ташкент, 1948, стр. 61.

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

М. В. РАЙТ

ПЛЕМЯ БАМАНГВАТО И ЕГО ВОЖДЬ СЕРЕТСЕ КАМА

1

Случай с вождем племени бамангвато — Серетсе Кама, заинтересовавший широкую мировую общественность¹, является ярким примером лживости британской политики так называемого косвенного управления; для советского этнографа он представляет интерес с разных точек зрения. Настоящая статья имеет целью показать тот колониальный и социальный фон, на котором разворачивался этот неприглядный эпизод.

В этническом и лингвистическом отношениях бамангвато принадлежат к народности бечуана, населяющей Британский Бечуаналенд (северные районы Капской провинции Южно-Африканского Союза) английский протекторат Бечуаналенд и западные районы провинции Южно-Африканского союза — Трансвааль. Общая численность бечуанов определяется цифрой порядка одного миллиона человек.

Английское колониальное господство над бечуана было установлено в XIX в. В 1806 г. Англия захватила голландскую Капскую колонию. Начался период колониальной экспансии Англии в глубь Африки с юга период ожесточенной, кровопролитной борьбы народов банту за сохранение своей независимости, за землю и свободу. К последней четверти XIX в. Англия в результате ряда кровавых колониальных войн утверждается в большинстве земель Южной Африки.

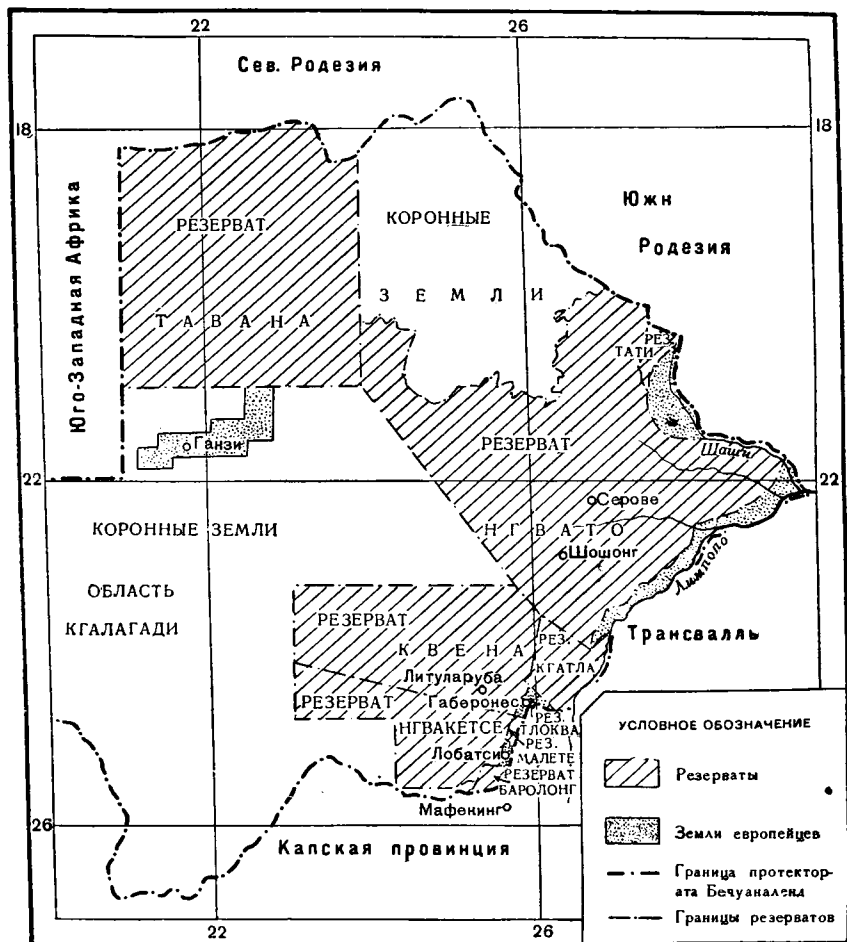
Часть земель бечуана была присоединена к Капской колонии, часть была захвачена бурами и вошла в состав бурской республики Трансвааль.

Территория современного протектората Бечуаналенд, представляющего собой в значительной своей части пустыню или полупустыню, не привлекала внимания ни бурских, ни английских колонистов. Но она оказалась на перекрестке империалистических устремлений Англии и Германии, утвердившейся в 1884 г. в юго-западном углу Африки. Через Бечуаналенд и Родезию германский империализм намеревался соединить свои владения в юго-западной Африке с Танганьикой в Восточной Африке. Кроме того, через Бечуаналенд германский империализм надеялся установить территориальные связи с бурскими республиками с тем,

¹ См. «Daily Worker», London, 15 марта 1950 г.

тобы использовать их в борьбе с Англией за господство в Южной Африке.

Английский империализм в свою очередь планировал через Бечуаналенд проникнуть на земли машона и матабеле (нынешняя южная Родезия), славившиеся тогда богатыми месторождениями золота. Известный английский колонизатор Сесиль Родс выдвигал империалистическую идею создания сплошной полосы английских владений от Кейптауна до Каира. Бечуаналенд был нужен Англии как одно из звеньев окружения бурских республик, судьба которых была английским империализмом уже предрешена. Наконец, и бурские республики претендовали на

Бечуаналенд. Английские колониальные агенты развернули большую активность среди бечуана, обрабатывали вождей бечуанских племен, уговаривая их встать под «покровительство» британской короны.

Англия сбогнала своих соперников: в 1885 г. над Бечуаналендом был установлен английский протекторат. С тех пор по настоящее время английское господство в Бечуаналенде непосредственно осуществляется комиссаром-резидентом, опирающимся на немногочисленную полицию протектората и вооруженные силы Южно-Африканского Союза.

Площадь протектората Бечуаналенд составляет 712 тыс. км²; это почти в три раза превышает площадь Англии, но населения там имеется всего лишь четверть миллиона человек. Большая часть страны это пустыня Калахари. В прошлом эта территория была хорошо орошаема, о чем свидетельствуют многочисленные русла высохших рек. Предполагают, что расположенное на территории протектората озеро Нгами по-

крывало когда-то огромное пространство в 130 тыс. км², вдвое превышавшая крупнейшее озеро современной Африки — Виктория, и что р. Замбези несла в него свои воды. Сейчас его можно переплыть на лодке с шестом. Количество атмосферных осадков незначительно. Среднегодовое количество по отдельным районам колеблется от 125 до 250 мм. В Серове, административном центре резервата Нгвато, среднемесячное количество осадков колеблется от нуля в августе до 75 мм в декабре. Высыхание этого района вызывается, с одной стороны, высокой водопроницаемостью песчаных отложений, с другой, — превышением испарений над осадками.

Основная трудность, с которой встречается население Бечуаналенда, состоит все же не в том, что атмосферных осадков выпадает мало. За очень небольшим исключением все пространство Калахари покрыто сплошным, местами достаточно густым растительным покровом; повсюду встречается низкорослый редкий лес, образующий иногда рощи. В целом это может быть хорошее пастбище. Главная трудность состоит в том, что открытые источники воды крайне редки. Осадки или быстро испаряются, или уходят под почву. Грунтовые воды находятся на большой глубине — 60 м. Население концентрируется около немногочисленных открытых водоемов, а огромные пространства, лишенные таких водоемов, совсем не заселены.

Устройство широкой сети колодцев преобразило бы этот край. Существует проект использования вод рек Замбези и Окованга для орошения Бечуаналенда. В условиях колониального господства подобные проекты, однако, не осуществимы.

Население Бечуаналенда, по переписи 1946 г., составляет 252 869 человек, включая 2325 европейцев, 96 выходцев из Азии и 1708 «цветных», потомков банту и европейцев.

Основным занятием мужской части населения является работа в горной и обрабатывающей промышленности Южно-Африканского Союза и Родезии. Примерно 50—60% мужчин в возрасте 18 лет и старше находятся постоянно на отхожих заработках. Быть источником дешевой рабочей силы — таково назначение протектората Бечуаналенд в системе империалистической эксплуатации Южной Африки.

Остальное население занимается земледелием и скотоводством. Однако вследствие засушливого климата и ухода на заработки лучшей части населения урожайность настолько низка, а сбор хлебов настолько мал, что даже в лучшие урожайные годы продовольствие ввозилось и ввозится извне.

Главными статьями экспорта являются продукты животноводства и золото. Это показывают следующие цифры экспорта.

	1944 г.	1945 г.	1946 г.
	(в фунтах стерлингов)		
Скот	417 520	514 240	574 650
Кожи и шкуры . . .	17 886	30 533	20 757
Масло	32 043	11 838	19 000
Золото	93 246	95 062	83 901
Всего . . .	560 695	651 673	698 308

Золото добывается с 1940 г. в районе Тати компанией «Бритиш Чартед Компани». В этом же районе обнаружены медь и другие полезные ископаемые.

Бечуаналенд, как и другие английские протектораты в Южной Африке — Басутоленд и Свазиленд, давно уже является объектом притязаний южноафриканских империалистов. Еще в 1929 г., а затем в 1934 г. южноафриканское правительство поднимало вопрос о присоединении протекторатов к Южно-Африканскому Союзу. Сейчас, когда в Южно-Африканском Союзе пришла к власти националистическая фашистская партия Малана, вопрос о протекторатах поставлен вновь в порядок дня. Горно-промышленники и лендлорды Южно-Африканского Союза добиваются присоединения к нему протекторатов с тем, чтобы захватить еще имеющиеся у местных крестьян плодородные земли, пастбища и использовать все население протекторатов в качестве дешевой рабочей силы. Народы протекторатов решительно возражают против присоединения к Южно-Африканскому Союзу.

Население протекторатов подвергается такой же жестокой эксплуатации, как и народы любых иных колоний. Но в протекторатах, в том числе и в Бечуаналенде, нет того чудовищного режима расовой дискриминации, который господствует в Южно-Африканском Союзе. Народы протекторатов понимают, что, если их территория будет присоединена к Южно-Африканскому Союзу, фашистские расовые законы малановского правительства будут распространяться и на них.

Около двух третей всего земельного фонда Бечуаналенда объявлено собственностью английской короны. В основном это земли центральных и северо-западных областей, пустынные и сейчас фактически почти необитаемые; лишь кое-где небольшими группами рассеяны готтентоты, гереро и бушмены. Английская правительственная «Корпорация по развитию колонии» разработала сейчас проект создания на пустующих коронных землях крупных скотоводческих ферм. Английские империалисты намерены превратить Бечуаналенд в огромное ранчо, а самих бечуана — в пастухов.

Около 10% земельного фонда принадлежит европейским земельным и горным компаниям и фермерам. Эти земли расположены в наиболее благоприятных в климатическом отношении и наиболее плодородных юго-восточных районах протектората. В распоряжении местного населения осталась, таким образом, лишь примерно одна треть всей территории. Она разделена на девять резерватов, названных по имени того племени, которое составляет основное население того или иного резервата. В эти резерваты колониальные власти загнали 90% всего населения протектората; остальные 10% живут или на коронных или на европейских частновладельческих землях.

Приводим таблицу размещения населения в резерватах:

Название резервата	Площадь (км ²)	Население (1940 г.)	Плотность (на 1 км ²)
Нгвато	103 700	108 000	1,0
Тавана	89 500	35 000	0,4
Квена	38 850	29 000	0,8
Нгвакетсе	23 310	26 000	1,1
Кгатла	9 330	16 000	1,7
Баролонг	1 120	5 000	4,5
Тати	858	8 500	9,9
Малете	462	7 000	15,2
Тлоква	173,5	2 000	11,6

Как видно из этой таблицы, самым крупным резерватом является резерват Нгвато и самым меньшим — резерват Тлоква. Фактически резерват Тлоква — это одна большая деревня с населением около 2000 человек. Он со всех сторон окружен европейскими фермами и является

по существу резервуаром дешевой рабочей силы для этих ферм. Несколько бóльшим является резерват Малете, насчитывающий около 7000 человек, живущих в трех населенных пунктах. По данным профессора Кейптаунского университета Шапера², 60% населения этого резервата не имеют собственной пашни и живут заработками на стороне.

Британские колониальные власти сохранили и стараются законсервировать старую родо-племенную организацию бечуана примерно в том виде, в каком она существовала ко времени установления английского господства. Они сохранили деление населения на племена, сохранили традиционных вождей племен, превратив их в своих марионеток, а племенную организацию — во вспомогательный административный аппарат. Теоретически считается, что каждый резерват населен одним племенем. Вождь этого племени является признанным главой резервата. Фактически реальная политическая и административная власть в резервате осуществляется английским областным комиссаром.

2

Племя бамангвато населяет резерват Нгвато. Общая численность населения резервата составляет 108 000 человек. Английские колониальные власти всех их считают бамангвато и на этом основании власть вождя бамангвато распространяют на весь резерват. На самом деле бамангвато насчитывают всего лишь 18 000 человек, а остальные 90 000 — это «бафалади», как их называют бамангвато, — пришельцы, иноплеменники. Большинство бафалади это те же бечуана, но из других племен: баквена, бангвакетсе и другие. Встречаются здесь представители северных басуто, южных машона (талаоте), баротсе, матабеле, сбежавшие от германского произвола в Юго-Западной Африке гереро, бушмены.

Как видно, население резервата Нгвато, которое считается одним «племенем», очень неоднородно. Этническая пестрота этого района вызвана многочисленными переселениями племен, войнами, которые вели местные племена между собой и против европейских колонизаторов, и рядом других, не менее значительных причин. В дневниках известного английского миссионера-путешественника Роберта Моффата мы находим многочисленные указания на передвижения бамангвато. Моффат приводит интересные материалы и по вопросу их расселения. В середине XIX в., во время путешествий Моффата, бамангвато расселены были в основном между г. Литуларуба (резиденция племени квена) на юге и р. Шаши на севере — там, где официально считались владения вождя бамангвато Секоми; однако они жили и за пределами его владений. Моффат рассказывает, что он проходил через поселения бамангвато, находящиеся севернее р. Шаши, которыми правил один из военачальников (индуна) матабеле³. Моффат встречал бамангвато и на территориях, населенных баквена и бангвакетсе, а также за пределами владений этих племен, на крайнем юге нынешнего протектората.

Как видно, уже во времена Моффата бамангвато не жили компактной группой. Многочисленные войны, переселения племен, столкновения, временные союзы против общих врагов, какие, например, имели место между бамангвато и баквена, как раз способствовали созданию той этнической пестроты, о которой мы говорили выше.

В XIX в., до прихода европейцев, у бамангвато, как и у остальных

² I. Schapera, *Native Land Tenure in the Bechuanaland Protectorate*, The Lovedale Press, 1943, стр. 120.

³ «The Matabele Journals of Robert Moffat. 1829—1860», edit. by J. P. R. Wallis, London, 1945. 1, стр. 211—212.

племен бечуана, уже наблюдалось значительное разложение первобытно-общинного строя и становление классового общества. Вождь племени, называемый *кгози*, постепенно превращался в феодального правителя. Кгози собирал подать через посредство глав поселков. Подать ималась скотом, зерном, шкурами убитых диких животных, слоновой костью и страусовыми перьями. Кгози имел большое число слуг, исполняющих домашнюю работу. Шапера пишет: «Вождь был всегда самым богатым человеком в племени»⁴.

У бамангватто, как и у остальных бечуана, передача власти кгози идет по нисходящей линии: от отца к сыну, причем именно к старшему из первой жены. Иногда этот порядок нарушался, и тогда возникала борьба между претендентами. Часто в эту борьбу вмешивались вожди соседних племен.

Во время одного из своих первых путешествий Моффат познакомился с кгози бамангватто — Секоми, который являлся сыном покойного кгози Кари, однако не от первой его жены, а от второй: Кари умер, когда он был еще ребенком, и Секоми захватил соседний престол. Мать Машенга, боясь козней Секоми, бежала с дочерью к вождю соседнего племени баквена Сечели, который принял их в свое племя; семья Кари находилась под его покровительством довольно долго. Спустя несколько лет между матабеле баквена начались военные столкновения; в одном из сражений матабеле захватили большое число пленников, среди которых находился и Машенг. Моффат заинтересовался судьбой Машенга. Бамангватто часто рассказывали ему свое недовольство правлением Секоми, и Моффат решил освободить Машенга из плена и восстановить его в правах. Так же Моффат пользовался большим уважением со стороны Моселикатсе, вождя племени матабеле, то последний ему не отказал в просьбе и позволил забрать с собой Машенга.

Началась многолетняя борьба Секоми и Машенга за власть кгози, за господство в племени. Активное участие в этой борьбе принимал вождь баквена Сечели; сейчас трудно судить о мотивах, которыми он при этом руководствовался. Машенг, используя недовольство бамангватто правлением Секоми, свалил его и сам стал кгози. Секоми сбежал к Сечели. Воспитанный в условиях режима военной демократии матабеле, Машенг начал насаждать в племени новые порядки, вызвавшие острое недовольство бамангватто. Тогда Секоми, опираясь на помощь Сечели, изгоняет Машенга и становится кгози. Спустя несколько лет Машенг, воспользовавшись раздорами между Секоми и его сыновьями — Кама и Камане, еще раз становится у власти.

После нескольких лет правления Машенга снова возникают междоусобные споры. Себеле, сын Сечели, изгоняет Машенга, и вождем становится Кама, известный как Кама III.

Эта история борьбы за господство над бамангватто характерна во многих отношениях. Она является одним из показателей степени разложения первобытно-общинного строя: старые порядки уже не соответствовали уровню развития бамангватто, новые порядки рождались в жестокой борьбе. Вмешательство вождей баквена, как и ряд других аналогичных случаев, говорит о наличии тенденции к концентрации власти над всеми племенами бечуана в руках одного вождя, подчинения всех племен одному племени. Английская колонизация помешала бечуана подняться на следующую ступень развития своей социальной организации подобно зулу или коса, у которых уже в начале XIX в. создались зачатки государственности.

⁴ M. Fortes and E. E. Evans-Pritchard, *African Political Systems*, London, 1940, стр. 77. I. Schapera, *The Political organisation of the Nguni of the Natal Protectorate*.

Сейчас невозможно проверить, но можно предполагать, что Моффат, проводя английскую политику, играл не последнюю роль в разжигании этой междоусобной борьбы.

В настоящее время собственно бамангвато, или вернее те, которые называют себя так, сконцентрированы вокруг Серове, насчитывающем 25 тыс. человек населения. Однако в окрестностях Серове и в самом Серове встречаются значительные группы бафалади.

Английское империалистическое господство внесло значительные перемены в экономическую и общественную жизнь бамангвато. Как и прежде, основным занятием являются земледелие и скотоводство. Выращивают маис, просо, дурра и бобы. Разводят крупный рогатый скот, лошадей, овец, коз, ослов. По данным на 1941 г., в резервате имелось 350 874 голов крупного рогатого скота и 288 064 голов мелкого.

До настоящего времени у бамангвато, как и у остальных бечуана, сохраняется особый метод ведения скотоводческого хозяйства. В резервате, в его восточных районах, выделены пастбища со специальными скотоводческими стоянками, находящимися на расстоянии 100—150 км от поселений. Семьям строго воспрещается селиться на этих стоянках, где бамангвато круглый год держат весь свой скот. Обычно скот находится там под присмотром младших сыновей хозяев скота или пастухов, которые время от времени привозят молочные продукты хозяевам. На стоянке каждый пастух сооружает ограду, куда на ночь загоняется скот. Стоянки распределены между владельцами стад. Иногда на одной стоянке пасутся стада нескольких хозяев. Скот, как указывалось выше, составляет важную статью экспорта.

Империалистическое господство создало рынок для крестьянской продукции и вызвало острую нужду в деньгах. Деньги нужны прежде всего для уплаты налогов. С каждой хижины уплачивается 25 шиллингов в бюджет колониальной администрации и от 3 до 8 шиллингов в казначейство племени (так называемый местный налог). Деньги нужны для уплаты взносов в церковь, за обучение детей в школе, для покупки европейских товаров, ставших неотъемлемой принадлежностью быта бамангвато.

Урожайность и сбор сельскохозяйственных культур настолько незначительны, что покрыть нужду в деньгах продажей своей сельскохозяйственной продукции крестьянин не в состоянии. Основным источником денежных доходов крестьян являются работа на фермах европейцев или отходничество в Южно-Африканский Союз и Южную Родезию. По данным на 1943 г., 36,9% мужчин бамангвато находились на заработках за пределами Бечуаналенда.

Сельскохозяйственная и аграрная статистика в протекторате совершенно отсутствует, и поэтому нет возможности судить о степени классового расслоения крестьян бамангвато. Выборочные обследования, проведенные проф. Шапера в 1943 г. и охватившие 376 семей бамангвато, показали следующую дифференциацию по размерам посевной площади: 27% семей засеивали по 2 га, 36% по 4 га, 25% по 6 га, 9% по 8 га, 3% по 10 га. Имеются косвенные свидетельства того, что богатые крестьяне, владеющие плугами, обрабатывают ими землю крестьян, не имеющих плугов, и получают от них за это часть урожая. Можно предположить, что при всей бедности крестьян бамангвато имущественное неравенство и классовая дифференциация достигли значительного развития.

Развитие товарно-денежных отношений, отходничество, рост имущественной и классовой дифференциации явились мощным фактором расложения родо-племенной организации. Не только население резервата не составляет единого племени, но и бамангвато уже не являются племенем. Резерват Нгвато это не племенная территория, а административная единица в колониальной системе протектората. Но английские колонии

альные власти тем не менее продолжают сохранять прежнюю племенную структуру. Низшей единицей ее или, что сейчас одно и то же, низшей административной единицей являются *мотсе*.

Как собственно бамангвато, так и бафалади живут поселениями, численность которых варьирует от 100 до 2000 человек и более. Поселения состоят из одного или нескольких *мотсе* в зависимости от их численности. Поселение с численностью в 100 человек — это один *мотсе*. Шапера пишет: «*мотсе* — это патрилинейная, но не экзогамная группа людей, большинство членов которой принадлежит к семейной группе главы *мотсе*, но обыкновенно он (*мотсе*.— М. Р.) включает несколько других семей или семейных групп, прикрепленных к нему в качестве подчиненных...»⁵

Далее Шапера разъясняет, что «семейная группа — *кготлана* — это коллектив семей, главы которых происходят все по мужской линии от общего деда или прадеда. Старший потомок по рождению является «старшим» в группе»⁶.

Можно полагать, что семейная группа бамангвато это какая-то родственная группа, возможно — большая патриархальная семья. Что касается *мотсе*, то имеющихся в нашем распоряжении данных не достаточно, чтобы сказать окончательно, что же представляет собою *мотсе*. Шапера подчеркивает то обстоятельство, что жители маленькой деревушки или *мотсе* обычно принадлежат к одной и той же племенной общности. Члены *мотсе* — соплеменники, но *мотсе* уже не род, так как, во-первых, он не экзогамен, во-вторых, в его состав входят группы семей, находящихся в подчиненном положении по отношению к семье главы *мотсе*. Особенно важно указание, что в состав *мотсе* иногда входят семьи пришельцев, т. е. *мотсе* даже не всегда состоит из членов одного и того же племени.

Крупные поселения состоят из нескольких *мотсе*, причем «деревня в таких случаях должна рассматриваться не как местная единица, разделенная на меньшие сегменты, но как группа самостоятельных социальных групп, населяющих один центр, внутри которого каждый *мотсе* имеет свою деревушку, ясно отделенную от остальных, и свое собственное *кготла* (место для общественных собраний)...»⁷

В резервате имеется около 300 *мотсе*, причем среди них встречаются *мотсе* собственно бамангвато, *мотсе* других бечуанских племен и *мотсе*, состоящие из членов разных племен. Внутри *мотсе* каждая семья занимается своими собственными делами под руководством старшего. Но все члены *мотсе* находятся под общим контролем их главы. Он распределяет между ними землю для поселения, для обработки и под пастбища, организует общественные работы, собирает подать. Прежде члены *мотсе* держали скот на одной скотоводческой стоянке, в настоящее время члены *мотсе* часто пасут свой скот на разных пастбищах.

Все 300 *мотсе* сгруппированы в 4 административные области — *дикгогла*. У бамангвато к приходу европейских колонизаторов уже существовала сложная административная иерархия: главы семьи или семейной группы подчинялись главе *мотсе*, последние подчинялись главе области, причем главой области обычно был глава одного из *мотсе* данной области; главы областей подчинялись *кгози*.

Интересна организация управления отдаленными от резиденции *кгози* поселениями собственно бамангвато и бафалади в прошлом. *Кгози* выделял из окружающих его бамангвато наместников, которым поручалось наблюдение за более отдаленными поселениями. Наместники эти жили в резиденции *кгози* и только временами наезжали в поселения, к

⁵ M. Fortes and E. E. Evans-Pritchard, Указ. раб., стр. 58.

⁶ Там же.

⁷ M. Fortes and E. E. Evans-Pritchard, Указ. раб., стр. 58.

которым они были прикреплены. Они собирали подать и привозили жалобы населения на суд к кгози, сообщали населению о распоряжениях кгози и т. д. Позднее Кама III ввел новый порядок. Более отдаленные поселения были сгруппированы в провинции, во главе которых были поставлены близкие к Каме люди, причем эти новые наместники жили уже в провинциях, а не в резиденции кгози. Они были своего рода вассалами по отношению к кгози. Эта система управления сохраняется и в настоящее время, только права и обязанности самого кгози значительно изменились.

До введения колониальной администрации кгози, как указывалось выше, являлся настоящим правителем бамангвато. Он же выполнял функции верховного судьи и верховного жреца. Современный кгози лишен суверенной власти: он подчинен непосредственно английскому резиденту, выполняя его волю. Он извещает население о всех приказах и распоряжениях колониальной администрации, собирает налоги, организует общественные работы по устройству дорог и мостов, выполняет множество мелких поручений резидента. Но за ним сохранена возможность эксплуатации соплеменников. Сейчас это богатый человек. Он получает жалованье от колониальной администрации. Он крупнейший скотовладелец, ему принадлежат лучшие пастбища. Он распределяет пахотную землю, пастбища и получает за это в той или иной форме дань. Крестьяне, рядовые соплеменники обязаны работать на его полях; он сеет в большом количестве сорго, кукурузу и затем продает их своим же соплеменникам или на вывоз. Это своеобразный феодал.

Сейчас колониальные власти с целью поддержания всей уже разлагающейся родо-племенной структуры стараются возродить совет старейшин племен при кгози. Этот совет уже давно отжил свой век и был вытеснен советом близких родственников и друзей кгози, причем последние постепенно начали заменять родственников.

Кгози иногда еще собирает бамангвато на кготла, но чаще разрешает все вопросы в окружении своих приближенных.

Хотя кгози и сохраняет внешне некоторые свои права, по существу он — марионетка в руках колониальных властей.

Сами кгози понимают истинную сущность своих прав. Регент племени бамангвато Чекеди Кама еще в 1936 г. в статье «Власть вождя под влиянием косвенного управления» писал: «Если вождь не заслуживает этого доверия, тогда фраза «управлять через и посредством вождя» означает, что вождь только удобный инструмент, используемый подобной администрацией... Английские авторы, в частности Эдгар Брукс, стараются изобразить вождя как «воплощение племени», как «главу и центр его устройства», как «священную власть» и т. д.». «Если мы поверим, — пишет далее Чекеди, — что власть вождя это священная служба его народу, то мы будем смущены, принимая во внимание то обстоятельство, что назначение, признание и положение вождя в значительной мере определяются мнением верховной власти»⁸.

3

К моменту установления протектората над Бечуаналендом вождем бамангвато был Кама III, правление которого продолжалось до 1923 г. Ему наследовал его старший сын Секоми II. После смерти последнего вождем должен был стать его сын Серетсе Кама, но так как ему было всего три года, был назначен регент, его дядя, Чекеди Кама. Последний пытался в начале своего правления оказывать сопротивление колониальным властям и произволу английских колонизаторов. В 1935 г. он приказал выпороть одного английского хулигана, систематически наси-

⁸ Tshekedi Kgama, Chieftainship under Indirect Rule, «Journal of the Royal African Society», XXXV, 1936, стр. 254.

овавшего девушек бамангвато, т. е. поступил как независимый глава свободного народа. Колониальные власти ввели в резерват Нгвато войска, сместили Чекеди Кама за такое «самоуправство» и восстановили его вновь лишь после того, как он дал торжественное обещание «не нарушать права (!?) европейцев». Последние годы Чекеди Кама вел себя как «примерный» вождь.

Колониальная администрация в целях подготовки вождей, послушных властям, отправляет юношей, наследных кгози, учиться в Англию. Поэтому и Серетсе Кама был направлен в Кембриджский университет. В 1948 г. Серетсе Кама женился на английской девушке Рут Вильямс. Характерно, что ему с большим трудом, удалось уговорить одного пастора обвенчать его с Рут. Почти везде ему в этом отказывали. Еще прежде, чем Кама женился, он послал в свое племя запрос, как будет смотреть его народ на этот брак. Первые два собрания кгогла во главе с регентом Чекеди Кама, действовавшего безусловно по указке английского резидента, вынесли решение, запрещающее ему жениться. Однако Кама не подчинился их решению.

Летом 1949 г. Серетсе приехал в резерват. Нгвато вместе с женой. Созванное в связи с этим собрание бамангвато вынесло решение признать Серетсе Кама и его жену правителями. Только регент Чекеди и несколько его сторонников отказались подчиниться подобному решению и заявили о своем уходе из резервата. Английские колониальные власти отказались согласиться с свободно выраженной волей народа и вызвали Серетсе Кама в Лондон «для обсуждения этого вопроса».

Английское правительство потребовало от Серетсе добровольно отказаться от претензий на пост вождя и в качестве компенсации предложило ему пожизненную ренту в 100 фунтов стерлингов в год. Серетсе Кама решительно отказался от этого. Тогда правительство запретило ему возвращаться в резерват в течение 5 лет. Министр по имперским делам Уолкер объяснил поведение британского правительства якобы заботой о том, что «признание вождем Серетсе поставит под угрозу единство и благосостояние племени»⁹.

Лживость этого объяснения очевидна уже потому, что большая часть племени признала Серетсе Кама своим кгози, а женщины приветствовали Рут Вильямс как «королеву».

Бесцеремонное вмешательство английских колониальных властей во внутренние дела бамангвато вызвало законное возмущение всех народов Африки и протесты демократической общественности Англии. Африканская Лига в Лондоне организовала митинг протеста, на котором была принята резолюция, предложенная Семакулой Мулумба из Уганды. Среди пунктов резолюции особого внимания заслуживает следующее: «1) это решение британского правительства по делу Серетсе Кама убивает веру колониальных народов в Британию; 2) оно — открытая дверь для действий м-ра Малана на любой территории Африки; 3) оно поддерживает расовую политику Южно-Африканского Союза. Африканцы проданы фашизму в Южной Африке»¹⁰.

В Лондоне был создан комитет защиты Серетсе Кама. Английская коммунистическая партия выразила свое возмущение делом Серетсе Кама. Комитет человеческих прав телеграфировал жене Кама — Рут — выражение симпатии за ее «храбрость и решительность»¹¹. Индийский конгресс объявил о своей солидарности с Серетсе Кама и с Африканским Национальным конгрессом, протестующими против насилий над человеческими чувствами.

⁹ «Британский Союзник», 2 апреля 1950 г.

¹⁰ «Daily Worker», 20 марта 1950 г.

¹¹ «Daily Worker», 15 марта 1950 г.

Бамангвато в знак протеста отказались платить налоги колоннальным властям до возвращения Серетсе Кама на родину.

В марте 1950 г., после длительных и настойчивых требований, Серетсе Кама удалось добиться разрешения поехать навестить свою жену, которая должна была в ближайшие дни родить. Колониальные власти согласились на въезд Кама в Бечуаналенд, но не в пределы резервата Нгвато, причем поставили обязательным условием не устраивать никаких собраний и встреч с бамангвато. Кама прибыл в Бечуаналенд и вынужден был остановиться в чужом городе — Лобатси. Население Бечуаналенда тепло встретило Кама. Несколько бамангвато, выразивших свои симпатии к Кама, были арестованы.

В Лобатси Серетсе Кама встретился со своим дядей, бывшим регентом Чекеди Кама. Между ними состоялось примирение; Чекеди Кама согласился с тем, что Серетсе может вернуться в резерват и занять отцовский престол. Тем самым из рук английского правительства был выбит последний козырь: лицемерная забота об единстве племени. И тем не менее оно не желает признать Серетсе Кама вождем бамангвато.

Брак африканского вождя племени с белой женщиной и признание этого брака племенем являются ударом по политике расовой дискриминации, по расистской теории, являющейся «обоснованием» этой политики. Именно так был истолкован этот брак реакционными кругами Южно-Африканского Союза, фашистская, маланистская печать которого в своих попытках очернить английскую девушку, вышедшую замуж за африканца, допускала хулиганские ругательства по ее адресу. Кроме того, этот брак подрывает традиционные основы племенной организации бечуана, которую колониальные власти пытаются во что бы то ни стало сохранить. Этим только и объясняется новый случай дикости, проявленной английскими лейбористами.

Случай с Серетсе Кама еще раз разоблачает демагогию английских империалистов относительно косвенного управления как особой формы «африканской» демократии: английские империалисты «считаются» с традиционными вождями племен, пока они им служат и беспрекословно выполняют их волю, и «свергают» их немедленно, когда они пытаются поступать по-своему; английские империалисты сейчас ни в какой мере не желают считаться с волей народов своих колоний, как не считались они с нею и раньше. Этот случай еще раз показывает, что английские лейбористы проводят традиционную империалистическую политику.

Бамангвато остаются пока без вождя. Английский резидент управляет резерватом непосредственно сам; произошел, как говорят английские колонизаторы, переход от косвенного управления к прямому. Бамангвато продолжают борьбу за возвращение Серетсе Кама, но эта борьба имеет более глубокий смысл и более широкое значение. Положение бамангвато не изменится от того, будет ли вождем Кама или кто-либо другой, — бамангвато борются за право самим решать свои дела, за свободу и независимость. Именно поэтому борьба бамангвато за произвол английской колониальной администрации находит горячую поддержку всех африканских народов, всего антиимпериалистического лагеря мира и демократии.

ИЗ ИСТОРИИ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

Н. Н. СТЕПАНОВ

В. Н. ТАТИЩЕВ И РУССКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

*„... Я ни о чем более прилежу, как
ясною историею моему отечеству славу и
честь приумножить“.*

(Из письма В. Н. Татищева П. И. Рычкову 2 ноября 1749 г.)

«Птенец гнезда Петрова», видный государственный деятель первой половины XVIII в. Василий Никитич Татищев сыграл крупную роль в развитии самых различных отраслей знания в России. С. М. Соловьев справедливо сравнивал в этом отношении В. Н. Татищева с М. В. Ломоносовым. «Такова громадная деятельность Татищева,— писал Соловьев,— которому, наряду с Ломоносовым, принадлежит самое почетное место в истории русской науки в эпоху начальных трудов»¹.

В. Н. Татищев написал фундаментальный труд в пяти томах «История Российская», имевший основополагающее значение в становлении истории как науки в России. Он же является автором замечательного философского трактата «Разговор двух приятелей о пользе наук и училищ». Его перу принадлежит труд «Экономические записки», и он же был автором первых историко-юридических комментариев к «Русской правде» и «Судебнику Ивана IV». Татищев составил первые сравнительные словари языков ряда народностей, населявших Россию, и он же написал ряд географических работ, посвященных как отдельным частям Российской империи, так и Русскому государству в целом.

Историк и философ, юрист и географ, лингвист и экономист, В. Н. Татищев оставил яркий и глубокий след и в развитии этнографии в России.

Юбилейная дата,— 200 лет со дня смерти Татищева в 1950 году,— же вызвала ряд откликов в советской науке². Отметить эту дату должны и этнографы.

Этнография в России в то время, когда жил и работал В. Н. Татищев, еще не выделилась в самостоятельную отрасль научного знания, дифференцированную от других отраслей. Такое выделение этнографии произошло значительно позднее, уже в XIX в. В XVIII в. в России,

¹ С. М. Соловьев, Писатели русской истории XVIII в., Собрание сочинений, изд. «Общественная польза», стб. 1350.

² Географгизом выгущен сборник «В. Н. Татищев. Избранные труды по географии России» под редакцией А. И. Андреева и с его вводной статьей «Труды В. Н. Татищева по географии России». В Ленинградском государственном университете защищена диссертация Е. Г. Шапот на тему «В. Н. Татищев и его деятельность в области русской географии (автореферат опубликован)». В № 7 «Вестник Ленинградского университета» опубликована статья А. П. Аверьяновой «В. Н. Татищев как филолог».

так же как и в Западной Европе, этнография развивалась в рамках таких наук, как география, естествознание и история. В трудах, посвященных изучению природы России, накапливались материалы по характеристике народностей Российской империи. В исторических трудах ставились и разрешались вопросы, ставшие позже достоянием исторической этнографии.

Этот период развития этнографического знания в рамках таких наук, как естествознание, география и история, имел большое значение в истории этнографической науки в России. Научные деятели этого периода подготовили становление этнографии как науки. Среди этих ученых один из наиболее видных мест бесспорно принадлежит В. Н. Татищеву.

Кипучая деятельность Татищева протекала в различных местах Российского государства. Он строил заводы на Урале и создавал там школы, руководил Оренбургской экспедицией и был наместником Астраханского края. И всюду Татищев собирал материалы для своих трудов, закупал рукописи и расспрашивал через переводчиков местных жителей, составлял карты и изучал древности. Его биограф Н. А. Попов такими штрихами характеризует Татищева как исследователя: «Он усердно и отовсюду собирал рукописи исторического содержания, народные песни и поверья, старинные ландкарты; а во время частых странствий своих из одного конца России в другой по обязанностям службы не упускал ни одного удобного случая научиться чему-нибудь. Так он роется в архивах, покупает рукописи на площадях у разносчиков; читает у князя Д. М. Голицына письмо царя Михаила Федоровича к Федору Шереметьеву, у князя А. М. Черкасского два или три письма царя Алексея Михайловича к князю И. Б. Черкасскому; разъезжая по Уральским горам, беседует с инородцами; спрашивает пояснения слов: у татар, у бухарцев; о том же спрашивает Дондук Даши, его абу-гелюнга; чрез оренбургского асессора Рычкова расспрашивает ученых магометан о разных наименованиях заморских народов, и те доставляют ему письменные ответы; того же требует от служивших при нем восточных переводчиков; переписывается о литовских древностях с одним знатым смоленским шляхтичем; чуваша, черемисы толкуют ему свои собственные имена; о том же расспрашивает он вогуличей через переводчиков; говорит с грузинским царевичем Бакаром о книгах Мефодия Патарского; донские казаки показывают ему различные местности, славившиеся знаменитыми в древности; кабардинские уздени передают ему предания кавказских горцев; он сам осматривает развалины старых городов на реках Ахтубе, Волге, Ингулу, Проне и посылает с тою же целью офицеров и геодезистов... он делает наблюдения над солнечными затмениями, записывает себе на память годы, когда было северное сияние, когда являлись метеоры, плодилась саранча, записывает различные поверья... у Татищева по всему восточному краю России разбросано было немало крестников из инородцев, которым он же давал русские прозвища вместо собственных имен, и которые иногда навещали его и вели с ним разговоры о своем быте и т. д.»³. В этой характеристике В. Н. Татищева как исследователя, набросанной профессором Казанского университета Н. А. Поповым, вряд ли можно усмотреть какую-либо направленность в подборе этнографических сюжетов. Н. А. Попов как ученый особой любовью к этнографии не отличался. И вместе с тем как много в этой характеристике для современного исследователя-этнографа специфических этнографических тем и сюжетов! Здесь и запись народных песен и поверий, и беседы с представителями различных народностей — татарами, бухарцами, вогулами, чувашами, черемисами, и расспросы о названиях народов, об их быте, и т. д. и т. п. Все это прекрасно подчеркивает тот факт, что круг вопросов, который в настоя-

³ Н. Попов, В. Н. Татищев и его время, М., 1861, стр. 434—435.

шее время входит в ведение этнографии, занимал в научных интересах В. Н. Татищева большое и важное место.

Вопросы этнографии у В. Н. Татищева самым тесным образом переплетались с вопросами географии, составляя единую науку, которая, по его классификации, входила в разряд полезных наук и обозначалась им как «землеписание или география».

В «Разговоре двух приятелей о пользе наук и училищ» В. Н. Татищев так определяет ее объем и задачи: «Землеписание или география показывает не токмо положение мест, дабы в случае войны и других приключений знать все оного во укреплениях и приходах способности и невозможности, при том н р а в ы л ю д е й, природное состояние воздуха и земли, довольство плодов и богатств, избыточество и недостатки во всяких вещах, наипаче же собственного отечества, потом пограничных, с которыми часто некоторые дела, яко надежду к помощи и опасность от их нападения имеем, весьма обстоятельно знать, дабы в государственном правлении и советах, будучи о всем со благоразумием, а не яко слепой о красках рассуждать мог»⁴. К этому же вопросу В. Н. Татищев возвращается и в «Истории Российской», где он делит географию на математическую, физическую и политическую. Вопросы этнографии составляют важнейшую часть последней.

«Политическое географии описание представляет селения великие и малые, яко грады, пристани и пр., правительства гражданские и духовные, способности, прилежности и искусства, в чем-либо того предела обыватели упражняются и преимуществуют, яко же их нравы и состояния, и как сии обстоятельства по временам переменяются»⁵.

Политическая география иначе определялась Татищевым и как география историческая. «География гисторическая, или политическая, описует пределы и положения, имя, границы, народы, преселения, строения, или селения, правление, силу, довольство, недостатки, и оная разделяется на древнюю, среднюю и новую, или настоящую»⁶. Последним определением и самим термином (историческая география), а также делением ее по периодам (древняя, средняя и новая) Татищев резко подчеркнул теснейшую связь, по его представлениям, истории и географии. Вопросы этнографии, в силу такого подхода Татищева к задачам истории и географии, занимают в его работах (исторических и географических) весьма важное место.

Задаче создания «Российской географии» В. Н. Татищев придавал не меньшее значение, чем «Российской истории», и в своих трудах и деловых бумагах (доношения в Сенат, Академию Наук и т. д.) он неоднократно обосновывал важность и настоятельную необходимость для Русского государства создания таких трудов. Можно сказать, что Татищев придавал государственное значение работе по написанию систематической «Российской географии» и «Российской истории».

«Географ, по мнению Татищева,— это человек, который от государя определен... сочиняет обстоятельное всея земли или государству, иногда же коего предела, описание, должен быть довольно искусен в астрономии, геодезии и истории, дабы не токмо все обстоятельно описать, но правильные чертежи сочинять, к чему служат ему геодезисты»⁷.

Прекрасно разбираясь во всей научной литературе того времени, Татищев ясно осознавал недостатки существовавших в то время пособий

⁴ «Чтения в Московск. об-ве истории и древностей российских», кн. 1, М., 1887, стр. 81 (разрядка моя.— Н. С.).

⁵ В. Н. Татищев, История Российская, кн. 1, ч. 2, Имп. Моск. ун-т, М., 1769, стр. 501.

⁶ Лексикон Российской, исторической, географической, политической и гражданской, сочиненный господином тайным советником и астраханским губернатором Васильем Никитичем Татищевым, ч. II, СПб., 1793, стр. 39.

⁷ Там же, стр. 38; см. также В. Ф. Гнучева, Географический департамент Академии Наук XVIII века, М.—Л., 1946, стр. 29.

и трудов по географии и истории. Но особенный гнев и возмущению вызывали у него многочисленные иностранные «труды» и «записки» путешественников о России. В доношении в Сенат 30 апреля 1739 г. Татищев писал: «Российского ж государства доднесь никакой географии не сочинено и в школах младенцы учатся по сочиненным от иностранцев, но понеже оные частию неполны, частью неправдами и поношениями наполнены и для того их переводить или в школах употреблять более вреда нежели пользы...»⁸

Передовой дворянский идеолог первой половины XVIII в., патриот Русского государства, В. Н. Татищев резко выступил против фальсификации иностранных ученых, принижавших русский народ, русскую культуру.

В космополитической работе Н. Л. Рубинштейна «Русская историография» в корне неверно освещены взаимоотношения В. Н. Татищева и немецкого ученого Байера, работавшего некоторое время в Академии Наук и в своих «трудах» извращавшего историю русского народа. Татищев изображен в ней учеником Байера, послушно шедшим за своим учителем в решении исторических и историко-этнографических вопросов. В действительности же, пользуясь материалами Байера и излагая их, В. Н. Татищев отнюдь не разделял его построений и теорий. В «Истории Российской» Татищев писал о Байере, что тот «со избытком к умножению прусских, а к уничижению русских древних владений пристрастным себя показал, что я видя многое из его сказания извергнул». Ясны были Татищеву и недостаточные знания Байера в русской истории и географии: «Беер русской истории не читал, а что ему переводили, то неполно и неправо»⁹. «Беер как историй русских и географий не был достаточно сведом»¹⁰, «ему руского языка, следственно и русской истории, не доставало»¹¹. Излагая самые материалы Байера (переводы византийских хроник и скандинавских писателей), Татищев корректировал их и вносил свои поправки («я сие Беера сочинение в некоторых местах сократил... инде же его речения, яко недовольно знающего русской язык и историю, переправил») ¹². В критике Байера Татищев выступил предшественником Ломоносова. Татищев начал борьбу с норманской теорией, Ломоносов продолжил и завершил ее.

Столь же критическим было отношение Татищева и к другому столпу современной ему западноевропейской науки, — Страленбергу, специалисту по Азиатской России, автору труда «Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia» (1730). Татищев считал необходимым использовать материалы, собранные Страленбергом в этой книге. По его поручению был сделан даже ее частичный перевод¹³. И вместе с тем Татищев не относился слепо к авторитету Страленберга. В 1732 г. он составил 36 примечаний на его книгу¹⁴. Позднее Татищев вновь вернулся к разбору Страленберга и дал уже 125 примечаний¹⁵. Татищев писал, что к «изъяснению древностей нужных языков, никакого знания, ни прилежания европейцы не имеют, и пользы оных не знают, и от того в рассуждениях немало погрешают, что в Страленбергове книге описания Татарии со избытком видимо, что он, не зная нужных языков, странные и несогласные с истинною имен произвождения наклал»¹⁶. Указывая,

⁸ «Материалы для истории Академии Наук», т. IV, СПб., 1887, стр. 98.

⁹ В. Н. Татищев, История Российская, кн. 1, ч. 2, Имп. Моск. ун-т, М., 1769, стр. 267.

¹⁰ Там же, кн. 1, ч. 1, стр. 89.

¹¹ Там же, кн. 1, ч. 2, стр. 260.

¹² Там же, кн. 1, ч. 1, стр. 213.

¹³ Хранится в Ленингр. отд. Института Истории (ЛОИИ), № 358. Архив АН СССР (в дальнейшем цит. ААН), разр. III, оп. 1, № 384.

¹⁴ Примечания к книге г-на фон Страленберга «Северная и Восточная Азия».

¹⁵ Библиотека АН СССР (в дальнейшем цит. БАН), рукописн. отд., шифр. 17.9.17.

¹⁶ В. Н. Татищев, История Российская, кн. 1, ч. 1, стр. XXVI.

по Страленберг жил в Тобольске, Татищев не без иронии подчеркивал, то «русской язык надлежало бы ему гораздо основательнее знать»¹⁷.

Привлекая данные иностранных авторов, Татищев всегда старался подвергнуть их проверке, если к этому представлялась возможность. Так, сделав выписки о тунгусах и бурятах из работ ряда западноевропейских путешественников и писателей (А. Брант, Л. Ланг, Страленберг, *Das allerneueste Staat von Sibirien*), Татищев послал их в Иркутск, где и были сделаны замечания на полях выписок, а также сделаны дополнения о «местных якутах»¹⁸. На экземпляре таких же выписок Татищев сделал и собственные критические замечания¹⁹.

Особо острой критике подвергал Татищев теории и гипотезы западноевропейских писателей, в которых он видел уничижение русской истории и русского народа. В иностранных работах, указывал он, «на русское государство многие лжи и злобные поношения и клеветы находятся»²⁰. Справедливой критике Татищев подверг словопроизводство имени славян от *Sclaven* — рабы. «Оного ни по какой гистории доказать не можно,— писал Татищев,— чтоб сей народ когда либо от кого завоеван и в неволе содержан был, но паче всегда, хоть под разными именами... в делах военных имуществвах славимы были...»²¹

Практическая деятельность Татищева непрерывно сталкивала его с вопросами этнографии. Урал, Оренбургский край, Астраханская губерния раскрыли перед ним все многообразие национального состава Российского государства. Уже на Урале Татищев знакомится с башкирами, вогулами (манси) и другими народностями. Организация управления краем, деятельность по созданию горных заводов связываются у Татищева с изучением края, его населения, его культуры и быта, его истории. То же продолжается и в Оренбургском крае и Астраханской губернии. Татищев ясно представлял себе всю сложность и пестроту национального состава Русского государства, разнообразие населения и отношения культуры, быта, религии, языка. «Между монархиями видим несколько государств, а паче наша Россия не токмо разных исповеданий христиан, но магометан и язычников многим числом наполнена»²². Значительное число деловых бумаг Татищева посвящено именно вопросам экономики и культуры, быта и религии тех народностей, с которыми он сталкивался. Так, уже в 1721 г., посланный Петром в первый раз на Урал, Татищев представляет доношение из Уктуса о необходимости организации там годовой ярмарки. «На сие, как я слышал от многих купцов сибирских и российских, что с великою охотою желают об оном... Також башкирцы и прочие народы, которые здесь в близости, весьма с охотою будут приезжать, из чего пошине прибыток, оные же в лучшую любовь и обхождение придти могут»²³. Характерна для Татищева эта постановка вопроса о сближении русского населения с другими народностями. Передовой русский ученый XVIII в., сторонник просвещения и веротерпимости, Татищев утверждал, что «разность вер великой в государстве беды не наносит», религиозные распри «ни от кого более как от попов для их корысти, а к тому от неверных ханжей или несмысленных набожников происходят, между же людьми умными произойти не могут, понеже умному до веры другого ничто касается и ему равно люют ли, калвын ли, или язычник с ним в одном городе живет, или с ним торгуется, ибо не смотрит на веру, но смотрит на его товар, на его поступки и нрав, и потому с ним

¹⁷ БАН, рукописн. отд., 17, 9, 7, л. 5.

¹⁸ ААН, ф. 21, оп. 5, № 149, лл. 348—367, 410—416.

¹⁹ Н. Попов, Указ. раб., стр. 705—716.

²⁰ «Материалы для истории Академии Наук», т. III, СПб., 1886, стр. 257.

²¹ БАН, рукописн. отд., 17, 9, 7, стр. 8—9.

²² «Чтения в Московском обществе истории и древностей российских», 1887 г., кн. I, р. 72.

²³ «Записки русск. географич. общества», кн. III, 1863, стр. 113—114.

обхождение имеет». Такова теоретическая постановка вопроса, что же касается истории России, то и здесь «от разности вер вреда не имели» и народы Российской империи не раз помогали русскому народу, как, например «во время великого в государстве междоусобного смятения и от поляков разорения»²⁴.

В донесениях Татищева из Оренбурга и Астрахани содержится значительный материал о народностях Оренбургского края и Астраханской губернии. В частности, отметим такие документы, как постановление «о рыбных ловлях для калмык» (январь 1742 г.), доклад Татищева Елизавете Петровне об астраханских татарах и волжских казаках (ноябрь 1743 г.) и «мнение об астраханских, юртовских и степных татарах»²⁵.

Наконец, особенного внимания заслуживает такой документ, как «Рассуждение о ревизии поголовной и касающемся до оной»²⁶. Татищев писал это «рассуждение» в связи с производством второй «ревизии» (переписи населения) в 1742 г. Первая была при Петре, и за 25 лет протекавшие за это время, население России изменилось и в количественном отношении и в отношении национального состава (был присоединен ряд земель). Рассуждение Татищева представляет собой целый ученый трактат, содержащий 87 пунктов, касающихся самых различных вопросов, связанных с переписью как русского, так и инонационального населения.

Практическая деятельность, связанная с организацией управления народностями Российской империи, толкала Татищева и к непосредственному изучению самих народностей, их быта и культуры, языка и религии. В рамках статьи трудно исчерпывающе осветить всю многообразную научную деятельность Татищева, так или иначе связанную с вопросами этнографии. Остановимся лишь на важнейших работах и датах.

В литературе о Татищеве, а также в специальной этнографической неоднократно указывалось на значение анкеты Татищева²⁷. Анкета Татищева явилась первой в истории не только русской, но и мировой науки, программой собирания этнографического материала — и не только этнографического, но и естественно-исторического, археологического, исторического и т. д.

В первой редакции анкета, написанная в 1734 г., состояла из 92 вопросов. Татищев отправил ее в Академию Наук и уже в конце 1734 г. торопил ответом: «О вопросах для известия о народах идолопоклоннических прошу меня уведомить, что по тому зделано»²⁸. Не дождавшись ответа Академии Наук, Татищев сам разослал анкету по губернским и провинциальным канцеляриям Сибири и Казанской губернии и вскоре начал получать ответы с мест. В 1737 г. Татищев составил вторую редакцию анкеты (198 вопросов), разослав ее вновь на места. Татищевская анкета и сейчас поражает всякого, кто знакомится с ней, исключительной широтой и полнотой охвата вопросов, а также методической рекомендуемой для изучения поставленных вопросов²⁹.

²⁴ «Чтения в Московском обществе истории и древностей российских», 1887 г., кн. I стр. 71—72.

²⁵ Опубликованы в книге Н. Попова «Татищев и его время», стр. 635—640, 646, 648 и 649—655.

²⁶ Там же, стр. 716—758.

²⁷ См. например, А. И. Андреев, Труды и материалы В. Н. Татищева о Сибирь. «Советская этнография», 1936, № 6; С. А. Токарев, Вклад русских ученых мировой этнографической науке, «Советская этнография», 1948, № 2.

²⁸ ААН, ф. 121, оп. 2, № 130.

²⁹ См. В. Н. Татищев, Избранные труды по географии России, М., 1939, стр. 77—95, а также Н. Попов, Указ. раб., стр. 663—696. Дату 1737 г. (составлена второй редакцией анкеты) дает А. И. Андреев в вводной статье к сборнику «В. Н. Татищев. Избранные труды по географии России», стр. 12. Е. Г. Шапот в своей работе дает дату 1735—1736 гг. — автореферат «В. Н. Татищев и его деятельность в области русской географии». Л. 1950, стр. 8.

В анкету входят вопросы о названиях и самоназвании народа, его территории, занятиях, происхождении, религии, народной медицине, обрядах и обычаях при рождении, браке, погребении, его языке и фольклоре и т. д. Все это рекомендуется спрашивать «без принуждения, но паче ласкою и чрез разных искусных людей, знающих силу сих вопросов и язык их основательно, к том же не одна, но чрез несколько времени спрашивать от других»³⁰. Записывающим слова того или другого народа Татищев дает ряд советов для того, чтобы сделать записи наиболее точными.

Материал с мест, собранный В. Н. Татищевым в ответ на его анкету, до настоящего времени не опубликован, не изучен и даже не описан полностью³¹. По своему характеру материал далеко не равноценен. Наряду с формальными отписками имеются ценнейшие подробные ответы. Имеются, наконец, небольшие специальные статьи по отдельным вопросам³².

Собирая материал с мест путем посылки анкеты, Татищев и сам производил наблюдения над бытом и культурой различных народов, беседовал с представителями этих народов, доставал различные памятники и документы. В своих трудах Татищев лишь только частично использовал свой собственный, так сказать, полевой материал, но и то, что Татищев сохранил и воспроизвел в своих работах, поражает и сейчас меткостью наблюдения, вниманием к этнографическим деталям и мелочам. Особенно замечательна в этом отношении глава I тома «Российской истории», посвященная «чинам и суеверствам» древних народов.

Не ограничиваясь рассказом о древности, Татищев сообщает материалы о современных ему народах, в частности об обрядах, которые он наблюдал «(1) при рождении, (2) в наречении имени младенцу, (3) при браках, (4) при погребениях»³³. Для характеристики этого материала воспроизвожу рассказ Татищева о свадьбе у башкиров. «Один знатной башкирец, уведав, что я из Кунгура намерен ехать в Сибирь на заводы и путь мой был не далеко от его жилища, просил меня, чтоб я к нему на свадьбу сына его заехал, присроча 15 мая, что я из любопытства, а паче для приласкания их учинил, и оною числа к нему ввечеру приехал, где было собранных татар со оружием человек с 40. Поутру, как стало рассветать, жених со всеми оными поехал к невестинной деревне, которая в расстоянии была верст с 10, при том и я от себя послал толмача для надзирания поступков. Батырь, или предводитель, яко главные над тем собранием, послал от себя одного наперед, которой поворотясь встретил и сказал, что невеста в поле гуляет. Батырь, подъехав близ той деревни со всеми людьми, остался в леску, а жених с тремя человеки и заводною лошадью, увидя невесту, которая с несколькими женщинами по полю ходила, обскакав тотчас ухватя на заводную лошадь посадил, и как могли, скоро возвратно скакали. Тесть, услыша вопль бывших с нею женщин, ударил в бубны, и собранных у него человек до

³⁰ Н. Попов, Указ. раб., стр. 690.

³¹ Небольшие извлечения из анкетного материала напечатаны Н. А. Поповым (Указ. раб., стр. 569—577 и 696—704), В. В. Радловым («Сибирские древности», вып. 1, Приложение, стр. 140—146) и А. И. Андреевым («Советская этнография», 1936, № 6, стр. 99—103). Краткое описание анкетного материала, хранящегося в Архиве Академии Наук СССР, дано В. Ф. Гнучевой (Указ. раб., стр. 43). Анкетные материалы, кроме Архива Академии Наук СССР, хранятся также в архиве Ленинградского Отделения Института истории и в рукописном фонде Публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина.

³² К числу таких статей можно отнести «Объявление о деревне Батемировке и о состоянии в ней живущих черемисов» (ААН, ф. 21, оп. 5, № 149, лл. 368—383 об.), «Описание о черемиском народе, которые живут в Верхотурском уезде при речке Бисерте» (там же, лл. 384—398 об.), «О Камчатке и об Охотке» (там же, лл. 417—426) и некоторые другие.

³³ В. Н. Татищев, История Российская, кн. 1, ч. 2, стр. 577.

30 в панцерех и с ружьем за оными погнали. Жених как скоро к дому своему приехал, невесту сняв с лошади, ввел в избу, где мать его и другие жены на коврах более 20 сидели. Невеста, как ей свекровь указали, упала перед нею на землю, и со слезами просила, которую свекровь пред собою посадила, и тотчас стали ее разбирать. Батюшка с войскам остановился на краю деревни, приготовясь к бою. Тесть, прискакав с своими, вооружался против оных, но учинили пересылку, которая с час продолжалась. Между тем жених с невестой по прочтении абысом молитвы, отведены в особый покой, где их желания исполнили, и потом тесть со многими людьми приехал к дому. У крыльца и покоя привязаны были бык да лошадь. Тесть подъехал с голою саблею, якобы во отмщение обиды, пересек лошади шею, а шурина быку, и оных тотчас стали резать, и обед готовить, для которых у жениха довольно было кумыса и бузы приготовлено, а я дал пять ведер вина. Зять тестя встретил у крыльца, и просил прощения, а тесть замахивался на него саблею, однакож все видно было притворное, и потом помираясь пошли в избу, где женщин не было, и провождали пир с веселием, а женщины были гощены во особой избе, куда и мать невестина пришла. Я спрашивал о причине сего притворного увоза, то сказали, что жених богат, а тесть небогат, и отец его не давал столько калыма как большому его брату, а жениху казалось стыдно за малый калым жениться, то с тестем о увозе договорился за 50 рублев».

Не менее интересны наблюдения и замечания Татищева в той же главе об обрядах при рождении у русских, грузин, калмыков, наблюдения о покупке и краже жен у татар, о «родстве и свойстве» у татар и калмыков, наконец, о погребении и «музыке церковной»³⁴.

В «Примечаниях на Сибирскую историю» Миллера Татищев рассказывает о своих беседах с вогулами (манси), в частности о происхождении названия реки Туры³⁵.

Татищев собирает на местах и присылает в Академию Наук различные материалы, документы и древности о быте и культуре народов Российской империи. Так, по «Реестру чертежам и прочим вещам присланным в Академию Наук от тайного советника Василья Никитича Татищева» значится: «71) лист, а на нем изображены две женщины донских казаков, а при одной мальчик, 72) лист, а на нем представлены татарская девка в венешнем платье, татарская женщина в обыкновенной одежде, и притом еще две татарские бабы, а при них три мальчика, 73) лист, а на нем изображены две новгородки да одна мордвинка»³⁶. Характерно, что и в своей анкете Татищев требовал присылки изобразительного материала. «При описании каждого народа состояние телес обшественное нужно описать: крупен или мелок или широк; плечи, лица широкие, круглые, цветом серые, черные или белые; носы острые или круглые, покляповатые или плоские, волосы черные, русые, белые или рыжие и как долги; имеют ли нос, рот большой, губы толстые или средние, цветом смуглы или белы, желты; платье, обувь и убранство обыкновенное и уборное, как мужчин, так и женщин, особливо девок невест, яко и женихов при браке. Сие все как наиболее находится и весьма бы изрядно было, ежелиб, где живописца сыскав, оных смалевать»³⁷.

В 1736 г. Татищев присылает в Академию Наук «чертежи обретенного в степи старинного Обланского монастыря и идол древнего писма»³⁸, а в 1739 г. — ряд материалов по этнографии и истории калмы-

³⁴ Там же, стр. 577—599.

³⁵ ААН, ф. 3, оп. 1, № 817, л. 245.

³⁶ ААН, ф. 3, оп. 1, № 20, лл. 494—497 об.

³⁷ Н. Попов, Указ. раб., стр. 696. Также «В. Н. Татищев. Избранные труды по географии России», М. 1950, стр. 95.

³⁸ «Материалы для истории Академии Наук». т. III, стр. 305.

ков, среди них: «1) о вере, как сообщила княгиня Тайшина; на оное примечание обретающегося при ней священника; 2) повесть о Кутухте Гуселаме, с его ж примечаниями; 3) чудеса книги их Доржи Зодбы; 4) перевод с грамоты Далайламы к хану Черень Дундуку; примечания писаны по сказанию переводчика, но тот же священник ко исправлению оных свои сообщил; 5) церемония в принятии той грамоты; 6) ответ княгини Тайшиной на заданные гисторические вопросы; 7) 2 родословные росписи калмыцких ханов рода Торгоутов и Дюрбетов; 8) уложение калмыцкое с переводом, и на то изъяснение в письме того ж священника; 9) система мира по калмыцкому мнению, и с начертанием; 10) характеры, каковы калмыки для разных причин при себе написанные носят...»³⁹

Большой материал о восточных тюрко-монгольских народах, основанный на личных наблюдениях и беседах с представителями этих народов, помещен Татищевым в I томе «Российской истории». Однако Татищев прекрасно сознавал, что этот материал еще представляет первые разведки в совершенно неизученной истории и этнографии восточных народов Российской империи. «Все сие по сказаниям вероятных людей и историй хотя неколико изъяснения к лучшему понятию и разумению способствовать может, однако многое еще недостаточно, не ясно, или сумнительно», — писал он. Помещенный материал, считал Татищев, нуждается в дополнительной проверке, которую он и собирался предпринять после написания «Истории Российской». «Для того дал я бывшим в Оренбурге бухарцам, хивинцам и пр. записки, чего они имеют в их историях, а при том чтоб старались старинные истории, на каком бы языке ни были, не опасаясь цены, купить и привести...»⁴⁰

В ряде случаев Татищев сам проводил проверку переводов. Так, получив от Академии Наук рукописный перевод истории Абулгази-хана, Татищев нашел, что она «неправильно с татарского переведена: многие имена за недостатком букв перепорчены, и во многом переводчик русский нагрешил»⁴¹.

Придавая большое значение переводам с восточных языков, Татищев организовал в Самаре специальную школу для татар и калмыков, где, по его указаниям, начали заниматься и переводами. Большую деятельность развернули здесь П. И. Рычков и Кир. Кондратович. Вдохновлял их и руководил всей их работой Татищев⁴².

Помимо ряда переводов, П. И. Рычков написал и послал Татищеву и свои собственные работы: «Краткое описание известий о татарах» и «О торгах русских и промыслах». На первый труд Татищев откликнулся обширной рецензией, озаглавив ее «Напомнение на присланное описание народов, что в описании географическом наблюдать нужно»⁴³; с похвалой отозвался Татищев и о второй работе Рычкова⁴⁴.

Деятельность К. Кондратовича ознаменовалась составлением словарей. Как говорится в одном академическом доношении, К. Кондратович составил «лексиконцы или дикционеры: татарско-русский, вотяцко-русский, чувашско-русский, черемисско-русский. Все ж оное переводил и собирал по увещанию... тайного советника Татищева»⁴⁵. К этим «лек-

³⁹ «Материалы для истории Академии Наук», т. IV, стр. 41.

⁴⁰ В. Н. Татищев, История Российская, кн. 1, ч. 2, стр. 282.

⁴¹ «Материалы для истории Академии Наук», т. VIII, СПб., 1895, стр. 248.

⁴² О деятельности П. И. Рычкова и К. Кондратовича имеются работы акад. П. Пекарского: «Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова» (СПб., 1867) и «Кондратович, русский прозаик и стихотворец, филолог и беллетрист XVIII столетия» («Современники» 1858, № 6).

⁴³ Опубликована П. Пекарским в книге «Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова», стр. 162—166 и в издании «В. Н. Татищев. Избранные труды по географии России», стр. 229—233.

⁴⁴ ААН, ф. 141, оп. 1, № 5, л. 20.

⁴⁵ «Материалы для истории Академии Наук», т. IV, стр. 385.

сиконцам» следует добавить также и «дикционер остячко-русский», и «дикционер вогулицко-русский»⁴⁶. С работой К. Кондратовича, видимо, связана и рукопись Института востоковедения Академии Наук СССР, на которую недавно обратила внимание А. П. Аверьянова⁴⁷. Рукопись имеет заголовок «Ведомость сочиненная в Тобольску по именному е.и.имп. велич. указу присланному из кабинета и по определению тайного советника господина Татищева потребное к сочинению истории» и содержит словари «тобольского татарского языка», нарымских остяков и тарских татар. Татищев и сам работал над составлением словаря языков народов Российской империи («всех подвластных России языков»), не закончив, однако, его, а также над составлением славяно-русского лексикона, в который включил и «иноязычные» слова, вошедшие в русский язык. В 1739 г. он обратился к Академии Наук с предложением: последний лексикон, «напечатав на писчей бумаге, во все разные языки разослать, и те языки к тем печатным приписывать, обещая трудящимся достаточное награждение, чрез что можно б в краткое время всех российских подвластных языков полный лексикон сочинить»⁴⁸.

Предложение Татищева осталось неосуществленным, и лексикон его был погребен в стенах Академии Наук. Он имеет следующий любопытный заголовок: «Лексикон, сочиненный для приписывания иноязычных слов обретающихся в России народов, для которого выбраны токмо такие слова, которые в простом народе употребляемы»⁴⁹. Кончается лексикон словом «покой». В лексиконе даны разные значения одного и того же слова, например «ведро, сосуд; ведро, погожее время», «покой, покойное житие; покой, изба с жилищем». Лексикон содержит и методические указания о записи «иноязычных слов», аналогичные указаниям в анкете.

Вопросы языкознания в общей системе взглядов В. Н. Татищева занимали видное место. Связаны они были в его понимании теснейшим образом и с вопросами этнографии. «Весьма нужно всех иноземных подданных российских народов разность и согласие языков знать, дабы их происшествие знать и древность рускую изъяснить», — писал Татищев, посылая свой лексикон в Сенат⁵⁰.

Теоретическое обоснование такой постановки вопроса дано им в «Разговоре двух приятелей о пользе наук и училищ». В языках «иноземных подданных» «весьма нужное до гистории полезное находим»; языковый материал указывает, «где прежние их обиталища были», ибо «когда звание городов, рек, озер их языка в тех местах остались, то наипаче оное утверждается»⁵¹.

Языковый материал, по Татищеву, играет важнейшую роль не только в разрешении вопросов древних «преселений» народов, но и в вопросе самого «происшествия» народов, т. е., выражаясь современным языком, в вопросах этногенеза (об этом ниже).

Составление словарей и изучение языков народов России имело для Татищева и другое значение. Татищев был сторонником сближения этих народов с русскими, усвоения ими русской культуры, русской веры. Татищев указывал, что если такие словари напечатать, «то нашим проповедникам в тех народах немалая польза быть может»⁵².

Современная ему практика крещения «иноподданцев» не удовлетворяла Татищева. Острую и меткую характеристику ее методов и результатов

⁴⁶ Н. Попов, Указ. раб., стр. 582.

⁴⁷ «Вестник Ленинградского университета», 1950 г., № 7, стр. 51.

⁴⁸ Н. Попов, Указ. работа, стр. 582—583.

⁴⁹ Хранится в БАН, рукописн. отд., шифр. 32. 13. 14.

⁵⁰ ААН, ф. 95, оп. 5, № 3.

⁵¹ «Чтения в Московском об-ве истории и древностей российских», 1887 г., кн. 1, стр. 106.

⁵² ААН, ф. 3, оп. 1, № 617, стр. 249.

дает он в «Разговоре двух приятелей», «Да хоть и крестят, как то Филофей, архиепископ Сибирский, по сказанию его, многие тысячи остяков⁵³ крестил, но когда посмотрим, то видим, что он более сделал, как их перекупал, да белые рубашки надевал; и оное в крещение причел. Оное согласно ль с Христовым о крещении повелением не знаю, ибо Христос учит: всяк, иже веру имеет и крестится, спасен будет, для которого апостолом повелел перво научить, а потом крестить, сии же сами русского, а крестьящие их языка не зная учили их чрез толмачей. И как те крестители с тою честью в дома возвратились, так крещение скоро все забыли, и что верят не знают».

Татищев — сторонник иной практики. «Для сего весьма нужно школы такие устроить, чтобы русские младенцы их языка, а их младенцы русской грамоте, языка и закона божия учиться возможность имели». Тем самым можно будет изменить и быт этих народов и их «к домовному житию приучить». С явным одобрением отзывается Татищев о Швеции, где «лапландцы» не только окрещены, но где «для них книги на их языке напечатаны». А ведь «лапландцы, что у нас и гораздо дичее, нежели мордва, чуваша, черемиса, вотяки, тунгусы и прочие», и последних «весьма легче научить». Все это можно сделать, но при условии знания языков этих народов и обратно — при условии усвоения этими народами русского языка, а без знания языка «ничего полезного учинить в них невозможно»⁵⁴.

Сообразно с этим Татищев предлагал организовать целую сеть (по тому времени) школ для изучения «нужнейших» языков. В Казани, Тобольске, Астрахани и Оренбурге должны быть открыты школы для обучения татарскому языку, в Петербурге, Архангельске, Казани и Тобольске — для обучения сарматским языкам (так Татищев называл, главным образом, финские языки), в Астрахани для обучения калмыцкому языку, в Иркутске и Нерчинске — «мунгальскому и тангутскому», и наконец, в Якутске и Охотске — «северным и камчадалским»⁵⁵.

В одном из своих донесений в Сенат из Астрахани Татищев в 1741 г. писал: «При прежних, порученных мне делах трудился я о сочинении российской истории и географии, и через 21 год не мало собрал»⁵⁶. В 40-х годах XVIII в. Татищев как бы подводит итоги этой собирательской работы и создает несколько обобщающих трудов. К числу их относятся: «Краткая Российская география» (другой заголовок «Введение к гисторическому и географическому описанию Великороссийской империи»), «Россия, или, как ныне зовут, Россия», «Лексикон Российской». В эти же годы продолжается работа и над «Историей Российской», основным трудом Татищева, начатым еще в 20-х годах.

В своих географических трудах Татищев использовал самые разнообразные источники, собиравшиеся им в течение 20 лет. Здесь и анкетный материал — ответы провинциальных и губернских канцелярий на разосланные анкеты, и литературные источники (труды русских и иностранных авторов по географии и истории России), и рукописный материал по отдельным вопросам, присланный Татищеву из разных мест (в том числе и материалы Рычкова), и, наконец, показания отдельных лиц, в том числе и «инородцев». С последними Татищев, как мы уже отмечали, часто встречался и беседовал. Недаром и в «Разговоре двух приятелей...», говоря о своих расспросах «остяков, самоедов и т. п.

⁵³ В тексте явная опечатка, напечатано «вотяков».

⁵⁴ «Чтения в Московском об-ве истории и древностей российских», 1887 г. кн. 1, стр. 106—107.

⁵⁵ Там же, стр. 104.

⁵⁶ Н. Н. Пальмов, К астраханскому периоду жизни В. Н. Татищева, «Известия Академии Наук, Отделение гуманитарных наук», 1928, стр. 321.

наших язычников», он подчеркнул: «как то мне неоднократно случалось»⁵⁷.

В своих географических работах, исходя из своего понимания географии, Татищев дает и этнографический материал. Уже в работе 1736 г. «Общее географическое описание всеа Сибири» Татищев целую главу предполагал написать «О жителях сибирских»⁵⁸. Татищев собирался в этой главе «все народы порознь описать». До нас дошел лишь небольшой отрывок, в котором Татищев излагает свои соображения о названиях народов у Геродота⁵⁹.

В «Краткой российской географии» девятая глава озаглавлена «О жителях Великороссийской империи» и содержит материал о 42 народах. О задачах этой главы автор скромно пишет в самом начале: «...в великой империи, по крайней мере, т. е., таких, кои из описания ведомы, 42 народа находятся. Всех сих начала и происхождения описывать дело великого труда и сведения... требуют весьма пространного описания, которое без перевода татарских, персидских, черкесских и грузинских гисторей основательно сочинить неспособно. Того ради, доколе обрящутся вышеписанные способы о народах древле в сих местах живущих, которые или еще ведомы и в иных местах или под именами других находятся или весма без остатка погибли и из имеющихся у меня манускриптов ...прилагаю краткое описание, дабы впредь обстоятельную гисторию или географию, сочиняющему чрез то подать некоторой способ и руководство...»⁶⁰ Таким образом, сам Татищев рассматривал эту главу как некоторый предварительный материал для последующих подробных описаний. Подчеркнем, однако, что при всей краткости сведений, которые даются в этой главе, это была первая попытка дать полный перечень народностей на территории Российской империи с указанием на их исторические судьбы.

Более обстоятельный материал об этническом составе Российской империи, и при этом материал, скомпонованный в определенных теоретических и практических целях, дан в работе «Россия или, как ныне зовут, Россия»⁶¹. По существу это специальный историко-этнографический очерк. Автор начинает с «древнего имени» России, в которой имеется множество «различных, прежде живших и ныне находящихся народов и вер». Вторая часть работы посвящена «настоящей России». Кроме таких разделов, как воды, границы, подземные богатства, фабрики, «о довольстве от животных», «о житах и овощах», «горы знатные», степи или пустыни, автор дает административное деление Российской империи с перечислением народностей и небольшой раздел «о верах».

Административное деление, какое дает Татищев в своей работе, не сходится с официальным административным делением того времени. По существу это проект Татищева, о котором он писал, что «звания губерниям, провинциям и городам положены древние с новыми, для лучшего знания и памяти древней истории и титула императорского». Проект этот уже привлек внимание современных исследователей. Нельзя не согласиться с соображениями Л. Е. Иофа, который, указав, что в императорском титуле перечислялись области и народности, постепенно входившие в состав России, и, что, таким образом, титул в некоторой мере «отражал процесс территориального и национального фор-

⁵⁷ «Чтения в Московском об-ве истории и древностей российских», 1887 г., кн. 1, стр. 47.

⁵⁸ А. И. Андреев, Труды и материалы В. Н. Татищева о Сибири, «Советская этнография», 1936 № 6, стр. 94. «Общее географическое описание всеа Сибири» впервые опубликовано в сборнике «В. Н. Татищев. Избранные труды по географии России», стр. 36—42.

⁵⁹ В. Н. Татищев. Избранные труды по географии России, стр. 37, 70—72.

⁶⁰ Там же, стр. 173—174.

⁶¹ См. там же, стр. 107—135.

мирования Российской Империи», высказал предположение, что «требование отражения в административном делении императорского титула практически сводилось к требованию учета географического размещения народностей в административном делении, с чем абсолютно не считались при установлении губернских и уездных границ»⁶². Добавим, что дело было не только в императорском титуле. Проект Татищева дает и такие административные единицы, которые не были связаны с императорским титулом. Да и сам Татищев подчеркивал: «для лучшего знания и памяти древней истории и титула императорского...» Проект Татищева должен был связать «древнюю Россию» и «нынешнюю Россию» и дать такое административное деление, которое отразило бы весь процесс формирования Российской империи.

Значительный историко-этнографический материал дан Татищевым в «Лексиконе российском...» Лексикон был доведен до буквы К и издан же после смерти автора, в 1793 г., под названием «Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской, сочиненный господином тайным советником и астраханским губернатором Василием Никитичем Татищевым». Для характеристики этнографического материала даем в извлечениях две статьи. «Вогуличи, сами овутся Манчи, народ Сарматской, видом более подобны осяткам самоедам, ростом малы и более толсты, одежда из кож зверей, обитают в горах Пояса и по всей провинции Угорской по лесам, многие из них крещение восприяли и живут деревнями, но в содержании пищи для недостатка жить имеют вольность и более питаются зверми рыбами... Вогуличи же имеют идолов, токмо их не токмо числа, ни мян сказать не можно, ибо все, что ему видением полюбится, за бога ли вещество святое и умное почтет, например, пуговица медная, оную зложу, пред нею кланяется, и от нее милости просит, называя ее аким либо имянем, и есть ли ему тот день, что полезное учинится, то злого чтит, если ж хотя мало что противно, то изломает и бросит, когда возмет какую чурку дерева, обертит в лоскуток и оную почитает, кормит или паче мажет пищею, також звериные кожи, а наипаче всех едведя почитают, и убив кожу ростянут, молятся иной сошедшись ножеством, мнится, во убийстве его извиняются, возлагая всю вину на русских, мясо же с благоговением ядят. Их год начинается в новомесеце как снег сойдет, тогда во множестве народа празднуют приношением жертвы, что у кого случится...»⁶³ «Кара калпаки. Татарский народ; ая значит черные шапки; живут великими деревнями при Аральском орце, от реки Сыр... неколико же их кочует и по южной стороне косах, или между заливами и по островам, которые более от рыб зверей питаются; имеют особногo хана; народ не столько о войне, млико о домоводстве прилежат, от чего они имеют множество жит скота. Токмо от киргиз-кайсака терпят беспокойство, и для того они в 1740 году просили, чтоб их принять в российское подданство; что им оупущено, и они все знатные с ханом в верности присягу учинили»⁶⁴.

В таком же плане даны статьи и о других народах — абхазах, башкирах, болгарях, «бухарах», кабардинцах и т. д.

«Лексикон российский...» был первым опытом создания в России энциклопедического словаря. Значительное место в этой энциклопедии заняла и этнография. Статьи этого раздела, несмотря на свою краткость, давали основные данные о расселении того или другого народа, о занятиях, вере, наконец, краткую историческую справку.

Большое внимание вопросам этнографии Татищев уделял и в картографических работах. Правда, собственных этнографических карт

⁶² Л. Е. Иофа, Современники Ломоносова И. К. Кирилов и В. Н. Татищев. Географы первой половины XVIII в., М., 1949, стр. 77.

⁶³ «Лексикон Российской», ч. 1, СПб., 1793, стр. 252—255.

⁶⁴ «Лексикон Российской», т. III, стр. 51.

у Татищева нет, но подход к созданию таких карт виден из его переписки с Академией Наук, связанной с созданием академического «Российского Атласа». В 1737 г. в «проме́мории» в Академию Наук Татищев предлагал сочинить «генеральную и достаточную инструкцию», а в качестве составной части инструкции для «описания иноязычных народов» включить всю его анкету⁶⁵. Эти соображения не были приняты во внимание, и в 1745 г., уже после выхода «Российского Атласа», недовольный Татищев писал: «...народы обитающие не означены; и сие, мнится, весьма нужно исправить»⁶⁶. И обратно — об одной из частных карт, карте Волги, составленной капитаном Елтоном, Татищев, с удовлетворением писал: «место поселения крещеных калмык правильно положено»⁶⁷.

Особую группу составляют в работах Татищева вопросы исторической этнографии и, в частности, вопросы этногенеза. Этими темами историк занимался с необычайной любовью, и достижения его в этом направлении были для своего времени очень велики.

Татищева с полным правом можно назвать создателем исторической этнографии в России. Крупнейшее значение в этом отношении имеет первая часть «Истории Российской». Об ее направленности прекрасно рассказал сам Татищев в своем письме к Ганвею в 1745 г. «Вам известно, что почти тридцать лет, как я предпринял писать русскую историю, которую намереваюсь теперь окончить, и затем надеюсь, что она будет вскоре издана в свет к удовольствию ученого мира. Эта история тем выше оценится любознательною частию человеческого рода, что никем из греческих и римских историков, а также в нескольких географических описаниях, на сколько они дошли об этом государстве, не сообщено нам известий о настоящем языке и пр., о важнейших народах, именно: славянах, скифах, ни об амазонах, вандалах, готах и кимбрах, которые от них произошли; равным образом нет у нас полных сведений о гуннах и аварах. Великая отдаленность мест и незнание языков затрудняли получение верных о том известий. Здесь можно также прибавить, что у греков была такая страсть к басням, что вместо заботливого разыскания истины, они еще более затемняли историю, чему служит доказательством повесть об амазонках. Обо всех этих народах, я, сколько было возможно, старался представить ясные и обстоятельные известия, которые и составляют первую часть моей истории»⁶⁸.

Вопросы происхождения народов, живущих или живших на территории Русского государства, их этнические связи и классификация — центральные вопросы I части «Истории Российской». В постановке этой темы Татищев порывает с давней историографической традицией, возводившей происхождение современных европейских и других народов к библейской легенде о Ное и его сыновьях. «Сие же когда тако рассудить, что все народы, колико их разных званий было и есть, по уверению Моисееву, от единого Ноя и его сынов произошли; но чтобы можно сказать, кто от которого сына пошел, оное весьма сумнительно; ибо чрез так много 1000 лет народы преходя мешались, иногда пленниками и покоренными себе размножались, иногда пленением и обладанием от других язык свой переменить и оставить принуждены были»⁶⁹. Критикует в этом отношении Татищев и «Повесть временных лет». Нестор заимствовал эту легенду «от некакого греческого, но не весьма в географии искусного писателя». Историк, подходя с приемами исторической критики, не может принять эту легенду, так как «от древних и могущих

⁶⁵ «Материалы для истории Академии Наук», т. III, стр. 500.

⁶⁶ Там же, т. VIII, стр. 259.

⁶⁷ Там же, т. III, стр. 724.

⁶⁸ См. П. Пекарский, Новые известия о В. Н. Татищеве, СПб., 1864, стр. 5.

⁶⁹ В. Н. Татищев, История Российская, кн. I, ч. 2, М., 1769, стр. 431.

хотя бы по преданиям ведать ничего о том не имел»⁷⁰. Столь же отрицательно относится Татищев и к легенде о Мосохе, как праотце славян⁷¹, и к легендам о трех братьях — Чехе, Ляхе и Русе — и Славене. «Иные же когда своего или другого народа не зная от чего имя произошло, и не потрудясь о деривации или знаменовании древних языков, тотчас в неизвестной древности владетеля имя зделали, и от того родословие непрерывное сложили... Чехи и поляки вымыслили трех братьев, Чеха, Ляха и Руса, наш новгородец князя Славена и других славных имен, которые басни от самых тех сложений лехко обличаются»⁷².

Как основу классификации народов и важнейший источник для изучения происхождения народов Татищев рассматривает язык. «Доказывать языками» «происшествие народов» «есть между всем наилучший способ», — пишет Татищев⁷³.

Буржуазная историография выдвигала в свое время Шлецера как ученого, впервые поставившего в России вопрос о языке как основе этнографической классификации⁷⁴. Между тем приоритет в этом отношении бесспорно принадлежит Татищеву. Шлецер уже шел по стопам замечательного русского ученого, используя между прочим словарные материалы Татищева⁷⁵.

Подробное обоснование нового подхода к вопросам этногенеза дано в «Разговоре двух приятелей...» Сходство в языках дает возможность объединять языки, вместе с тем и народы. Группа языков ведет свое происхождение от одного языка. Татищев первый в России обратил внимание на необходимость сравнительного метода в языкознании, подчеркнув его значение для исторической этнографии. «Но что из одного многие разные языки произошли, то по сходству в языках многие познаются, что прежде были одного, или по случаю один другого многие слова прирав, свой собственный потеряли». В качестве примера Татищев берет славянские языки. «Но протчих отставя, представляю своих славян, от них же произошли сербы... болгары...»; дальше Татищев перечисляет «долматов, славонов, кроатов, моравов, чехов, поляков, русских». «Все они, как видимо, от начала одного рода были; но потом в речении так далеко друг от друга разделились, что один другого, без долговольного учения или долговременной привычки, разуметь не может; многие же совсем свой язык погубя, чужим говорят, а многие от иных родов, разными случаю к ним присвося, не токмо нашим языком говорят, но и отродие свое чрез долголетство забыв, отродию славянским именуются»⁷⁶.

Важнейшее значение для изучения происхождения народа имеет самоназвание народа, а также названия, которые даны ему соседними народами. Вопрос этот специально разбирается Татищевым в X главе I тома «Истории Российской», носящей название «Причины разности званий народов». С. М. Соловьев считал эту главу исследованием по «тому времени превосходным»⁷⁷. Татищев указывает, что у разных авторов народы «разные и малосходные звания имеют», как например, народность, какую мы зовем немцы; «они сами зовутся те у т ш, латини зовут германе, французы аллемани, фини саксолайн», и разбирает причины «разности званий народов», подчеркивая происте-

⁷⁰ В. Н. Татищев, История Российская, кн. 2, М., 1773, стр. 349.

⁷¹ Там же, кн. 1, ч. 2, М., 1769, стр. 431.

⁷² Там же, кн. 1, ч. 1, стр. 71.

⁷³ БАН, рукописн. отд. 7. 9. 7, стр. 3.

⁷⁴ См. П. Милюков, Глазные течения русской исторической мысли, СПб., 1913, стр. 89.

⁷⁵ П. Пекарский, История Академии Наук, т. 1, СПб., 1870, стр. 631—632. Вестник Ленинградского государственного университета, 1950, № 7, стр. 56—57.

⁷⁶ «Чтения в Московском об-ве истории и древностей российских», 1867, кн. 1, стр. 89—90.

⁷⁷ С. М. Соловьев, Собрание сочинений, изд. «Общественная польза», стб. 1338.

кающие отсюда трудности в изучении происхождения и древнейшей истории народов («чрез что давно немалое смятение в истории и географии нанесли») ⁷⁸.

Татищев видит непрерывность исторического процесса на территории Европейской и Азиатской России: древние народы «не исчезли, но где либо под другими именами дондсь остались» ⁷⁹. Так, народы, о которых писал Геродот и «которых греки скифами именовали», «многих из сих стран произшедших народов предки были» ⁸⁰.

Татищев дает лингвистическо-этнографическую классификацию всех народностей и племен на территории Российской империи, предлагая следующие большие три группы: скифы, сарматы и славяне. К «скифам» отнесены, помимо ряда древних народов, следующие современные народы, как потомки «скифов»: башкиры, каракалпаки, киргизы, татары, мешеряки, туркмены («трухмени»), авары, буряты и т. д. В основном это тюрко-монгольские народы. К потомкам «сарматов» Татищев отнес финнов, вотяков, болгаров, весь, емь, корелов, мерю, мордву, мешеру, мурому, чудь, югру и т. д. ⁸¹ В основном это финно-угорские народы.

Ряд народностей Татищев затруднялся отнести к той или другой группе. Так, по поводу многих сибирских народов он писал, что «неизвестно за которой род их почитать, а некоторые особого рода, и ни к которым из сих не принадлежат» ⁸².

Представленная классификация является первой в русской литературе классификацией народностей и племен России. Бесспорно, она имеет ряд недостатков и ошибок. Термины «скифы» и «сарматы» получили в ней чисто отвлеченное значение. Ряд народностей были ошибочно включены в ту или другую группу. Так печенеги, половцы и литовцы попали в «сарматы», тунгусы в «скифы» и т. д.

При всех ее недостатках эта классификация имела два важнейших достоинства: 1) она была основана на данных языка и в основном охватывала близкие в этом отношении народности (тюрко-монгольские и финно-угорские) и 2) стремилась восстановить единство и непрерывность развития от ранних времен до XIX в. или, иначе говоря, она была глубоко исторична. Таковы принципиальные особенности этой классификации. Конечно, конкретное разрешение отдельных вопросов не всегда стояло на уровне поставленных задач. Слишком велики были эти задачи, и слишком мал был еще накопленный материал по языкам и этнографии народов России. Татищев и сам понимал, что им сделан лишь первый шаг. Резко критикуя западноевропейские работы (Страленберга и др.), в которых безапелляционно разрешались важнейшие вопросы этногенеза без знания «нужных языков» и производились «странные и несогласные с истиною имен произвождения», Татищев со свойственной ему научной скромностью писал о себе: «Я же тем не хвалясь, чтоб сии произвождения все точно положены, и не может где либо быть погрешность... но за тем еще многое не изъяснено осталось... что любопытному и трудолюбивому впредь ко изъяснению остается» ⁸³.

Особо следует остановиться на вопросах этногенеза славян у Татищева. Основное здесь, правда, уже сказано С. М. Соловьевым. Соловьев правильно указал, что в работе Татищева «выражена подтвержденная теперь мысль о древности славян в Европе и в тех местах, где они до сих пор обитают» ⁸⁴. В другом месте тот же Соловьев

⁷⁸ «История Российская, кн. 1, ч. 1, стр. 73, 76.

⁷⁹ Там же, кн. 1, ч. 2, стр. 274.

⁸⁰ Там же, кн. 1, ч. 1, стр. 5.

⁸¹ Там же, кн. 1, ч. 2, стр. 283—321.

⁸² Там же, стр. 316.

⁸³ Там же, кн. 1, ч. I, стр. XXVI.

⁸⁴ С. М. Соловьев, Собрание сочинений, изд. «Общественная польза», стб. 1341.

подчеркнул, что «в главе «О дальней древности славенского народа» Ломоносов повторил мнение Татищева, которое в наше время выражено почти в тех же самых словах и подтверждено Шафариком»⁸⁵.

Татищев так формулировал свою мысль об автохтонности славян в Европе и их древности: «Хотя подлинно о старости звания сего, сколько мне известно, прежде Прокопия не упоминается, но народ без сомнения так стар, как все прочие; и хотя оное прежде за отдалением римлянам знаемо не было, однакож то вероятно, что оное весьма древнее, и всем того языка или по малой мере по Днестру и Днепру обще употребляемо было да и на Север не поздно перенеслось; а по уделам каждый предел особно именовался, как в Европе окело Дуная и в Азии многих разных славенских званий народов задолго прежде Прокопия находилось, что у древнейших землеописателей находим»⁸⁶. Остонавливается Татищев и на венедах и антах, рассматривая их правильно как славян («венети хотя разные имена имеют, однако же обще суть все славяне, а другие их называют анты») ⁸⁷.

Не свободен оказался Татищев и от отдельных ошибок и увлечений в этом вопросе. В частности, некритически заимствовал он трактовку Ф. Прокоповичем античной легенды об амазонках, согласно которой древние амазонки неожиданно оказались славянами.

* * *

Замечательный русский ученый первой половины XVIII в. В. Н. Татищев сыграл крупнейшую роль в развитии этнографической науки в России.

Новый этап в развитии Русского государства, связанный с реформами Петра, требовал более углубленного внимания и изучения природы страны, ее производительных сил, ее населения и, наконец, истории ее народов. Передовой дворянский идеолог своего времени В. Н. Татищев был одним из тех, кто прекрасно понимал и осознавал поставленные задачи. Россия должна была иметь свою географию, свою историю, описание своих народов, написанные своими, русскими, учеными. В создании таких трудов и прошла вся жизнь В. Н. Татищева.

В. Н. Татищев оставил неизгладимый след в истории этнографической науки. Его анкета явилась родоначальницей многочисленных анкет XVIII в., сыгравших большую роль в изучении народов России (анкеты Миллера, Ломоносова и др.). Его «Лексикон...» был отцом многих словарей XVIII—XIX вв. (словари Полунина, Максимовича, Щекатова и др.). Татищев — создатель исторической этнографии в России. Татищев первый начал борьбу с извращениями русских древностей западноевропейскими учеными. Ломоносов продолжил и завершил эту борьбу. В разрешении вопросов славянского этногенеза Ломоносов во многом продолжал линию Татищева.

Советская историческая наука помнит В. Н. Татищева как русского патриота, как одного из крупнейших деятелей в истории русской исторической науки, частью которой является и этнография.

⁸⁵ «Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, изд. Калачовым, книги второй половина первая, М., 1855, отд. III, стр. 40—46; см. также П. Пекарский, История Академии Наук, т. II, СПб., 1873, стр. 794—795.

⁸⁶ В. Н. Татищев, История Российская, кн. 1, ч. 2, стр. 428.

⁸⁷ Там же, стр. 449.

ЗАМЕТКИ · СООБЩЕНИЯ РЕФЕРАТЫ

С. О. ХАН-МАГОМЕДОВ

НАРОДНОЕ ЖИЛИЩЕ ЮЖНОГО ДАГЕСТАНА

Летом 1949 г. студенты Московского архитектурного института В. А. Марценюк и автор этой статьи при содействии научного студенческого общества Института проводили работу по изучению архитектуры Южного Дагестана, не исследованного с архитектурной стороны. Собранный материал делится на две части: 1) архитектура Дербента и 2) народная архитектура Южного Дагестана (жилая, культовая, оборонительная и т. д.).

Настоящая статья посвящена народной архитектуре жилища. Экспедицией обследовано 17 селений в Касумкентском и Хивском районах, где было обмерено подробно и эскизно до 50 объектов, зарисовано много деталей, снято большое количество шаблонов с деревянной и каменной резьбы.

Собранный по народному жилищу материал делится на две группы в зависимости от строительного материала. В нижней части предгорий основным строительным материалом является сырцовый кирпич, в верхней же части предгорий — пастелистый песчаник.

I. Саманные дома

Саманные постройки встречаются во многих местах нашей страны. В Южном Дагестане удалось выявить интересные местные особенности саманной архитектуры и проследить развитие жилого дома от древнего однокамерного до современного жилища.

Дома, как правило, имеют два этажа: первый — хозяйственный, второй — жилой. Но иногда встречаются и одноэтажные постройки, если хозяева не смогли осилить постройку второго этажа.

Селения обычно располагаются на склонах с ориентацией на юг, юго-восток и юго-запад. Строительным материалом служат сырцовый кирпич и дерево, причем последнее выполняет и конструктивную и декоративную функции.

Сырцовый кирпич делают так: в земле роют яму, наливают в нее воды, насыпают землю (обычную землю, не выбирая ее специально) и рубленую солому; все тщательно перемешивают с помощью вола. Эту массу заливают в деревянную форму. Затем полученные кирпичи сушат на солнце. Средние размеры кирпича современных домов: $40 \times 15 \times 20$ см. Кирпичи старых построек более плоские. Это различие в размерах кирпича часто помогало определить новые пристройки и представить первоначальный вид старого дома.

Стены домов кладутся толщиной в полтора кирпича. В старых домах стены были толще (в два кирпича). Кладка обычная, цепная и ведется на растворе из той же земли. Продольные швы делаются широкими (до 2 см) из-за неравномерности в размерах кирпичей.

Стены новых и старых домов изрезаны нишами, которые делаются глубиной до 40 см. В толщу стены закладываются деревянные прокладки на всю толщину стены: на эти прокладки (связи) кладут балки перекрытия. Перекрытия имеют такую конструкцию: главные балки, на них кладутся второстепенные прогоны, затем досчатый настил (или накат из жердей), на который настилают солому и насыпают слой земли до 30 см толщиной. Перегородки часто делают из плетенки, обмазанной глиной. Снаружи стены домов обмазывают глиной, но не белят. Внутренние стены белят в жилых комнатах. Балки кровли выпускаются наружу и образуют вокруг дома своеобразный карниз с выносом до 50—60 см.

Накопленный экспедицией материал позволяет проследить эволюцию жилого дома. Удалось обнаружить очень старые дома, большей частью переделанные и испор-

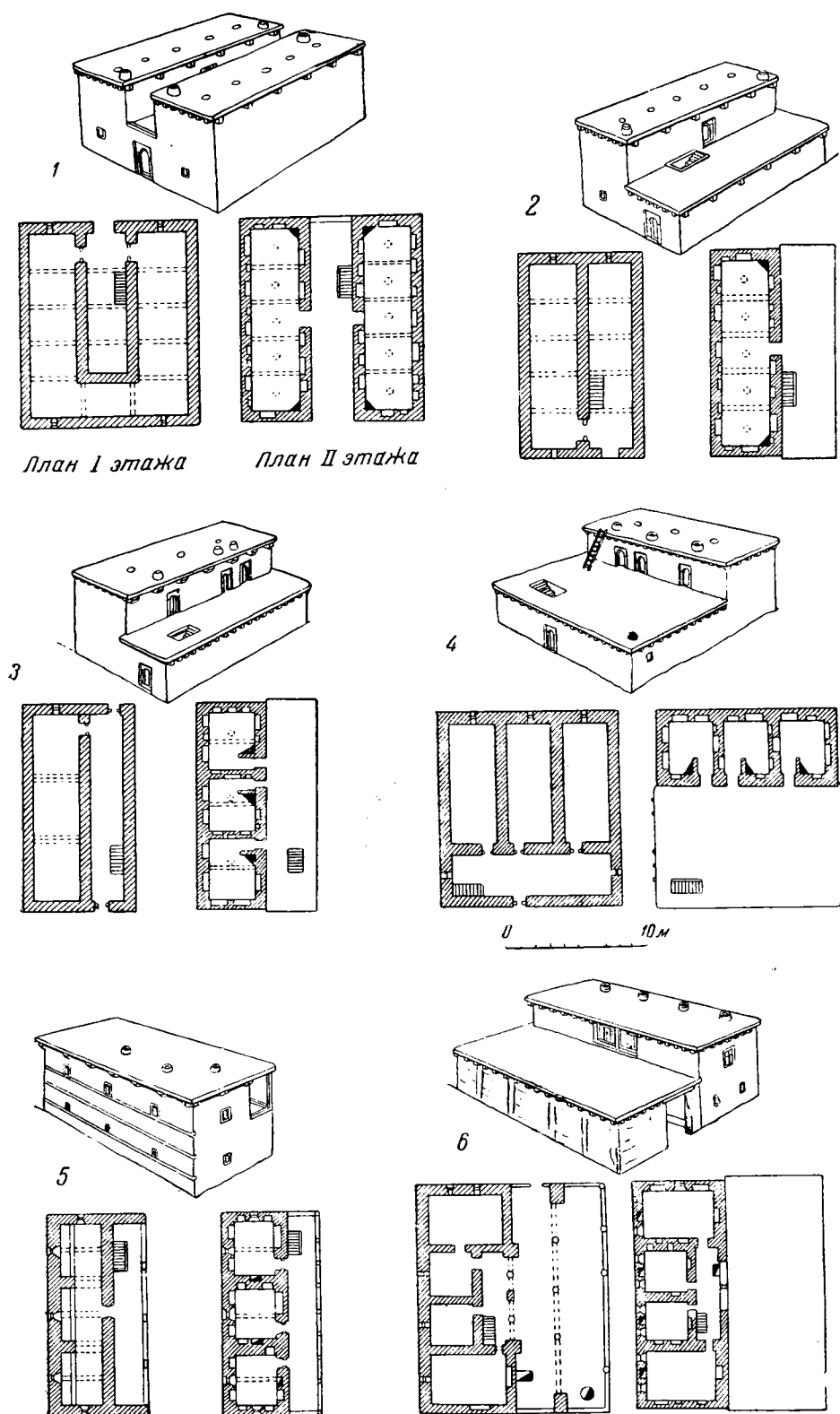

Рис. 1. Эволюция жилого дома (саманного)

ченные позднейшими пристройками. После изучения на месте этих домов появилась возможность дать их реконструкцию.

Наиболее древний дом — это дом Рыфьева (рис. 1, 1) в селении Зухрабкент. Он насчитывает до 200 лет существования. По рассказам стариков, это был первый дом построенный в селении, от него и начало расти селение Зухрабкент.

Дом двухэтажный. Первый этаж состоит из хлева в виде буквы П в плане и не большого крытого дворика, в который ведет дверь с улицы. Из этого дворика лестница ведет на открытую террасу второго этажа, из которой две двери ведут в две огромные комнаты. В доме жила одна семья, и деление на две комнаты непонятно. Дальнейшие типы жилых домов иллюстрируют распад этой большой родовой семьи.

Как и во всех старых домах, перекрытия дома Рыфьева сделаны из прекрасно обработанных прогонов. Сначала на стену кладут поперечные прогоны размером в сечении до 60×30 см, затем по ним укладывают продольные прогоны (20×15 см). Интересно отметить, что поперечные прогоны над первым этажом укладывают плашмя, а над вторым — на ребро, столбы же в первом этаже (террасы, крытые дворы и т. д.) всегда ставят комлем вверх.

Все деревянные части старых домов выполнены очень тщательно и из хорошего материала. Потолок в комнатах обмазывают нефтью (для предохранения от гниения), что придает интерьеру особую выразительность. Старые дома (и дом Рыфьева) имели верхнее освещение жилых помещений. В потолке делалось круглое отверстие до 20 см в диаметре, которое на ночь и во время дождя закрывали сверху камнем.

Все стены изрезаны нишами, которые играют большую роль в быту из-за отсутствия мебели. В ниши на день складывают постель, там же ставят посуду и т. д.

Интерьер комнаты старого дома создается угловым камнем (рис. 2, 1), яркими коврами, которыми устлан пол, и прекрасной металлической и глиняной посудой, которая стоит в нишах и висит по стенам.

Порог в старых домах очень высокий (до 40 см), а дверь низкая (всего 130 см высоты в свету), хотя она и производит впечатление массивной из-за своего материала (дуб) и конструкции. Дверь состоит из массивной дубовой коробки с проемом арочного очертания и полотнища из одной или двух сплоченных досок, которое вращается на деревянных шпихах.

Высота этажей очень небольшая: от 1,7 до 2 м (в свету).

Следующий хронологически после дома Рыфьева тип жилища получился как бы разделением его на две части. Этот тип представлен домом Сафихановой в том же селении Зухрабкент (рис. 1, 2). Этот тип дома является отправной точкой развития саманного жилища, в то время как дом Рыфьева скорее спаренный из двух домов.

Дом Сафихановой имеет один хлев и над ним обширную жилую комнату, где жила большая семья. К первому этажу пристроен крытый двор с выходом по лестнице на второй этаж. Как и дом Рыфьева, этот дом выходит на улицу короткой стороной, а длинной примыкает вплотную к другим подобным домам. Несмотря на обилие земли, дома строились рядом, так как старинная вражда и возможность нападения врагов заставляли искать помощи у соседей.

Следующий тип дома иллюстрирует начавшееся распадение семьи, жилая комната делится на части. Женатые сыновья уже живут в отдельных комнатах. Хлев же остается общим, что указывает на общность хозяйства всей семьи.

Интересна планировка этих маленьких жилых комнат. Внутри около входной двери делается небольшая стенка, за которой располагается угловой камин (рис. 3, 2 и 3). Таким образом, около двери образуется нечто вроде маленьких сеней размером 1×1 м. По рассказам стариков, эта стенка предохраняла семью, сидящую перед камином, от выстрелов в дверь, а также защищала камин от ветра при открывании двери. Такие комнаты-крепости обнаружены во многих селениях. Дома обычно имеют по три комнаты, но есть дома и из двух комнат. Один дом состоял из одной ячейки (с. Испик). Примером этого типа служит дом Курбана Магомедова в с. Испик (рис. 1, 3). Он, как и дом Сафихановой, имеет крытый двор, на крышу которого выходят двери трех жилых комнат. Внутренние стены жилых комнат густо покрыты нишами (в два этажа); кроме ниш, под потолком на стене устроена полка для посуды.

Концы балок перекрытия дома Курбана Магомедова резные. В старых домах, кроме балок, резьбой покрывалась деревянная лестница, ведущая на второй этаж.

Следующий тип дома иллюстрирует дальнейший распад семьи. Делится на части первый этаж, и каждый женатый сын получает свой хлев. Происходит хозяйственное выделение сыновей. Таким домом является дом Меджидовой в селении Ашага-Стал (рис. 1, 4). Хлев не мог быть просто разделен на три части, так как его назначение (содержание скота и т. д.) лимитирует его минимальные размеры, поэтому хлев значительно вырос по сравнению с жилыми комнатами. Крытый дворик и терраса остались еще общими.

Все описанные четыре типа домов не имели стальных окон во втором этаже и по существу еще не имели ярко выраженного фасада.

Следующий тип дома уже имеет окна, хотя еще и без стекол. Это уже дом отдельной семьи, состоящий из нескольких комнат. В планировке дома чувствуется влияние традиции, он еще имеет все комнаты одинакового размера, наизнанные на одну ось. Хозяйственный этаж состоит из одного помещения. К дворовому фасаду дома пристроена деревянная галерея на два этажа, в которой расположена лестница.

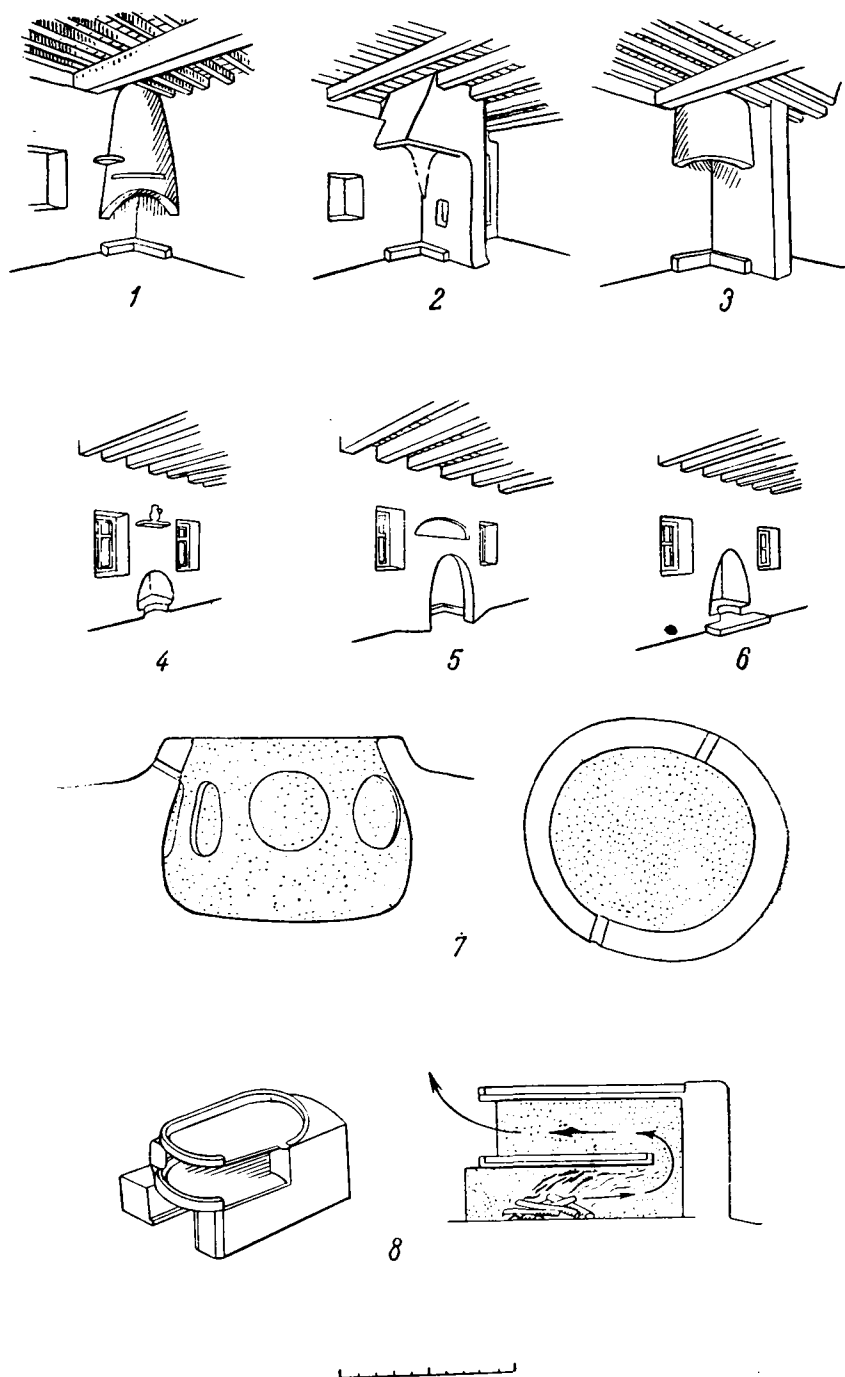

Рис. 2. Каминьы (1—6) и печи для чуреков (7 и 8)

ца, ведущая на второй этаж. К галлерее примыкает крытый двор, но он уже не такой как в старых домах. Он значительно превосходит их по размерам и по высоте (перекрытие выше, чем перекрытие первого этажа).

Такие крытые двory имеют несколько рядов столбов, поддерживающих их крытие. Во двор ведет не дверь, как в старых домах, а ворота (во двор заезжают на подводе).

Как пример приводим дом Гаджикеримовой в селении Юхари-Стал (рис. 1, а). Интересны дверные запоры в этом доме. В стене устроен жолоб, в котором ходит засов. Из ниши можно двигать его и запереть сразу две смежные комнаты. Дверь, ведущая в хлев, запирается засовом сверху из жилой комнаты.

Лет 60—70 назад появляется стекло в жилых домах. Это резко меняет весь облик здания как снаружи, так и внутри. Окна делаются крупные и играют во внешнем облике дома большую роль.

Дома предреволюционного периода имеют общую схему. Дом делится в первом и втором этажах на равное число помещений и имеет план в виде букв Г или П (иногда просто вытянутый). Дом всегда с южной стороны имеет галлерею, окна же выходят на северный и боковые фасады. К южному фасаду примыкает большой крытый двор с воротами. Северный фасад дома часто имеет навесной балкон.

Наиболее ранним примером такого дома является дом Берембека Бабаева в селении Гезеркент; галлерея здесь (рис. 1, б) еще слабо развита.

Все дома с окнами имеют камин в стене, а не в углу, как в старых домах (см. рис. 2, 4, 5, 6).

Интересные варианты этого типа дома получаются в зависимости от того, какой фасадом выходит он на улицу. Если южной стороной, то фасадом оказывается стена крытого двора с большими глухими воротами (рис. 3, 1). Если дом выходит на улицу северной стороной, то крытый двор оказывается за домом, а на улицу выходит фасад с окнами и навесным балконом (имеется не всегда). Под домом делают проезд в крытый двор (рис. 3, 2). Наконец, если дом выходит на улицу боковым фасадом, то ворота во двор делают сбоку (рис. 3, 3). Возможен еще угловой вариант дома.

Дома стоят тесно, так как приусадебных участков нет и весь хозяйственный двор находится в крытом дворе и первом этаже.

Лет 40—50 назад были распространены дома с сильно развитыми навесными деревянными балконами, часто с прекрасно обработанными деталями (рис. 3, 4).

Современные дома продолжают развитие старого жилого дома, но новые условия жизни вносят в дома новое содержание. С образованием колхозов отпала необходимость в единоличном хозяйстве, а следовательно, и в большом крытом дворе. Люди уже не отгораживаются от соседей. Они хотят жить открыто, в коллективе, а крытый двор способствовал замыканию семьи в своем кругу.

Крытый двор все более уходит в прошлое. Это, казалось бы, чисто хозяйственное изменение повлекло за собой качественное изменение архитектуры дома. С уничтожением крытого двора обнажился самый выразительный фасад дома — южный фасад с его галлереями, с богатой игрой светотени, резными столбиками и т. д. (рис. 3, 5 и 6).

Дом из замкнутого, выходящего на улицу глухой стеной, превратился в открытый, приветливый и гостеприимный.

Он получил новое содержание, отражающее сегодняшний день колхозника. Современные дома имеют большие окна, высокие потолки, стенные шкафы вместо ниш и т. д. Современное селение характеризуется обилием галлерей и балконов, что придает ему большую выразительность (рис. 4).

Обогащается и быт колхозника. В домах можно видеть городскую мебель, радио, электричество, картины. Все это резко изменило и интерьер дома, где камин уже не играет главной роли, как в старых домах. Камин здесь малы и часто на лето заклеиваются бумагой.

Собранный материал позволил доказать, что в нижней полосе предгорий самый известный давно, а не является нововведением последних лет, сменившим камень, как утверждают не только специалисты, но и некоторые местные работники. Остатков каменных домов, якобы предшествовавших саманным, не обнаружено.

Несколько слов о деталях саманных домов.

Основным декоративным украшением старого дома являлись резные концы балок. Резьба их крайне примитивна и представляет собой систему треугольных вырубков. Несмотря на это, она очень выразительна и представляет незаурядный художественный интерес. Так же обработаны и столбики второго этажа галлерей. Своеобразны окна первого этажа некоторых домов. Это — квадратное окно небольшого размера, в деревянную коробку которого вставлены две металлических полосы с отгибами в стороны в виде острых шипов. Такое окно очень украшает дом.

Надо отметить еще печи для приготовления чуреков. Они располагаются или в крытых дворах, или даже на крыше крытого двора. Такие печи имеет каждая семья.

В зависимости от способа приготовления и вида чуреков различают два вида печей. Первая печь (тэндыр) представляет собой вырытую в земле яму, расширяющуюся вниз (рис. 2, 7). Иногда печь несколько выступает над землей, тогда в ее стенках делают отверстие (отдушину). Диаметр ямы 1 м. Изнутри печь обмазывают

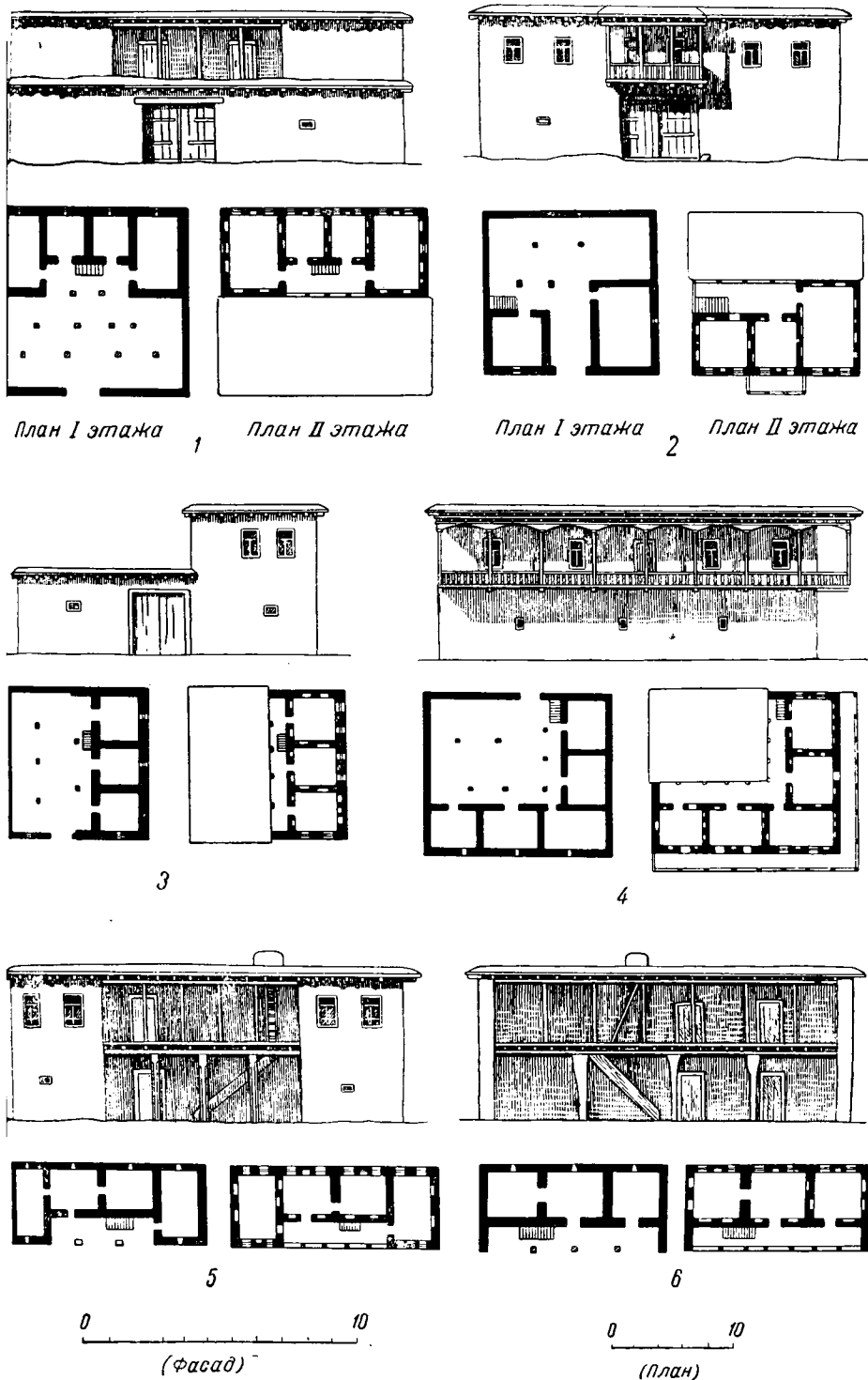

Рис. 3. Эволюция жилого дома

красной глиной. В таких печах пекут толстые чуреки (до 3—4 см толщиной) диаметром до 30 см, которые прилепляют на разогретые стенки печи, предварительно смочив водой. Яму сверху закрывают. За один раз готовят до 15—20 штук чуреков. Эти чуреки мягкие и делаются на дрожжах.

Второй тип чурека (лаваш) делают без дрожжей. Это большая (до 50 см в диаметре), тонкая (0,5 см) и сухая лепешка. Печь, в которой пекут такой чурек,

Рис. 4. Общий вид селения

имеет очень интересное устройство (рис. 2, 8). Она устроена таким образом, что чурек, лежащий на обожженной глиняной плите, обогревается огнем, разведенным под этой плитой, снизу и сверху, благодаря оригинальному устройству дымохода.

II. Каменные дома

Селения, расположенные в высокой части предгорий, пользуются песчаником как строительным материалом. Песчаник пастелистый, желтого цвета, от времени становится золотисто-коричневым (на солнце). Камень добывают в каменоломнях поблизости от селения.

Старые дома (построенные лет 100—150 назад) выполнены из необработанного камня небольшого размера на земляном растворе. Углы здания делались из больших отесанных камней. Для придания стенам большей устойчивости и прочности в стены закладывались деревянные прокладки, которые всегда выводились на фасад. Перекрытия такие же, как и в саманных домах, только по накату сначала кладут каменные плиты, а затем насыпают землю. На крыше каждого дома имеется каток для укатывания земли. Это выточенный в форме цилиндра камень длиной до 80—100 см и диаметром до 20—30 см.

Местность, где расположены аулы с каменными постройками, более пересеченная, и дома часто стоят на крутом рельефе, так что половина первого этажа бывает углублена в землю.

В результате изучения собранного материала удалось установить наиболее общий тип старого дома.

Однокамерного жилища в верхних предгорьях не обнаружено. Основная схема старого дома может быть хорошо прослежена на примере дома Абдулаева в селении Зизик (рис. 5, 1). Это двухэтажный дом с ярко выраженным главным фасадом. Как по плану, так и по фасаду дом имеет трехчастное деление. Первый этаж не весь предназначен под хозяйственные помещения. Часть его занята двумя жилыми комнатами, выходящими на фасад. В этих комнатах жили зимой. Между жилыми комнатами первого этажа расположены сени, из которых ведет дверь в хлев и лестница

и второй этаж. На втором этаже расположены четыре жилые комнаты и узкий двор.

Окна, выходящие на фасад, обычно спаренного типа. Дверь в сени с улицы всегда несколько сбита с центральной оси.

Большой художественный интерес представляет фасад дома. Его выразительность достигнута удачным сочетанием необработанного камня и хорошо обработанных деревянных частей. Декоративную функцию целиком выполняет дерево. На фасад выходят пять парных окон и дверь. Большую роль в выразительности дома играют деревянные прокладки, выходящие на фасад. На фасад же выходят семь деревянных консолей карниза. Искусство обработки консолей в каменных домах стоит выше, чем в саманных. Это обычно выкружка с гирькой той или иной формы.

В таком доме обычно жила большая семья — отец с выделенными сыновьями. Могут быть варианты этого типа дома. В зависимости от того, какой стороной прикрывает он к склону горы, с той стороны обычно делают хлев.

Второй разновидностью старого дома является дом с лоджией в центре второго этажа. Лоджия может быть глубиной во весь верхний коридор (рис. 5, 2) или частью его. В центре лоджии обычно ставят столбик с красивой резной подбалкой.

Третья разновидность старого дома — это дом с висячим балконом вместо лоджии (рис. 5, 5—6).

Можно отметить еще разновидности в зависимости от того, каким фасадом выходит дом на улицу. Если задним фасадом, то окна заднего фасада делают спаренные (рис. 5, 4). Иногда весь первый этаж занят хозяйственными помещениями, и на фасаде окна бывают лишь на втором этаже (рис. 5, 3).

В богатых домах деревянные части (окна, двери, связи, консоли) сплошь покрыты резьбой. Наряду с низкой техникой обработки камня искусство резьбы по дереву стояло раньше в этих местах на большой высоте. В настоящее время это искусство утрачено, но развилось искусство обработки камня и резьбы по камню.

Наиболее богатую отделку имеют дома, построенные в переходный период (лет 9—80 назад), когда техника обработки камня органически сочеталась с искусством резьбы по дереву. Интересны три дома этого периода в селении Хив. Из них самым замечательным по своим художественным достоинствам является дом Герейханова (рис. 6). Это местный «дворец» богача (старшины селения). Народные мастера строили дом семь лет.

Хорошо сохранились оба фасада дома (дворовый и уличный). Первый этаж состоит из сеней, куда ведут две каменные арки, и хозяйственных помещений. Второй этаж имеет четыре жилые комнаты и лоджию с подъемными окнами оригинальной конструкции. Все деревянные части дома (за исключением связей) покрыты резьбой. Народные мастера применили здесь старые традиции, смело переработав их. Здесь встречаются резные окна с одним проемом (рис. 6), прямоугольные (а не ромбические) резные двери, ведущие с лоджии в комнаты, резные вставки на фасаде, резные подъемные окна, резные панели и т. д. и т. п. Все это показывает высокую даренность мастеров и ставит этот дом в первый ряд домов народной архитектуры не только Дагестана. Наряду с прекрасно обработанным деревом и камень дома орошо отесан. Из тесаного камня сделаны арки и консоли по бокам дворового фасада. Арки имеют четверти и, вероятно, раньше запирались воротами.

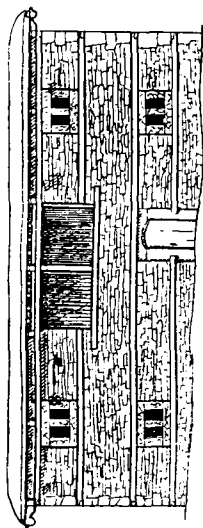
Интересен карниз над лоджией. Балки здесь выпущены очень часто. Между ними — деревянные вставки с отверстиями для птиц. Получилась целая полоса своеобразных «скворешен». Такие карнизы характерны для домов переходного периода.

Под окнами лоджии и под окнами комнат, обращенных во двор, сделаны ниши, которые ставятся улья. В стене сделаны отверстия для пчел. Внутри сеней в стенах сделаны кормушки для лошадей, а к нижней деревянной прокладке дворового фасада привинчены кольца для привязывания их. Интересны по отделке интерьеры дома (резные балки, двери, резные ставни окон). Особенно богата по отделке «кулацкая» (одна из боковых комнат). Ее стены отделаны резными деревянными панелями, а потолок сплошь покрыт резьбой.

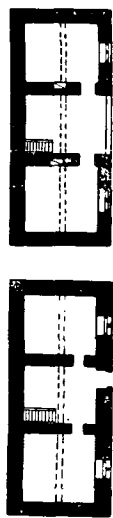
Надо отметить, что как в доме Герейханова, так и в других домах резьба нигде не повторяется. Каждое окно, дверь и т. д. имеют свой рисунок и орнамент. Интересно еще два дома переходного периода в Хиве — Мирзы Магомедова и Резаковой. Это дома с лоджиями, выполненные из тесаного камня и богато покрытые резьбой по дереву. Дом Резаковой уже стоит на пороге перехода к новому типу. У него почти не сохранилось деревянных связей и окна второго этажа уже со стеклом.

Надо сказать несколько слов о деталях старых домов.

Окна обычно с двумя проемами прямоугольного, арочного или стрельчатого сечения. Они покрываются резьбой либо равномерно по всей плоскости коробки, либо над прямоугольным проемом резьба имитирует арку. Характер резьбы — трехрядный: это или узоры из «плетенки» (рис. 7, 1—2), или геометрическая резьба (рис. 7, 3—4), полученная пересечением окружностей, или живописная резьба (рис. 7, 5—6). Окна состоят из массивных деревянных коробок и тонких ставен, распахивающихся на деревянных шипах. Конструкция дверей напоминает конструкцию окна. Двери также сплошь покрываются резьбой (рис. 8). Иногда в замке арочного проема двери резьба принимает формы волот. Богато декорируются балки карниза. Иногда покрываются резьбой и балки потолка.

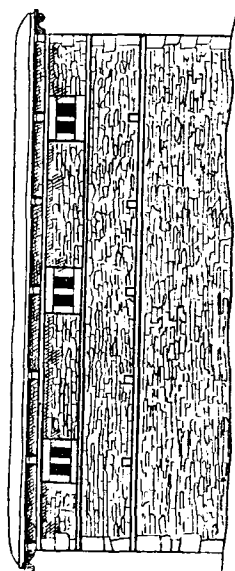

2

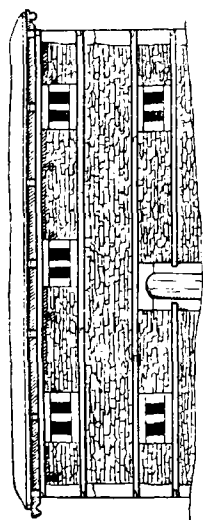
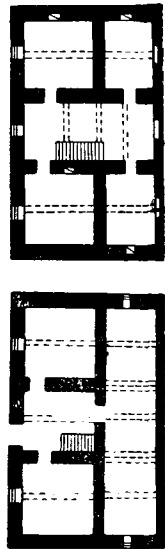

План II этажа

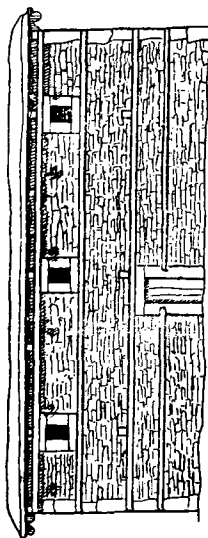
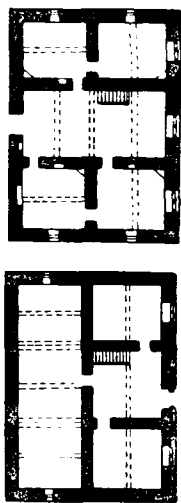
План I этажа

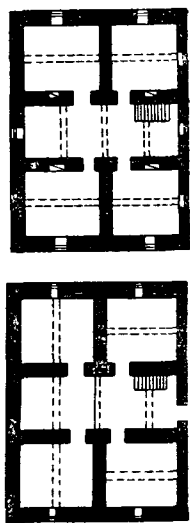
4

1

3

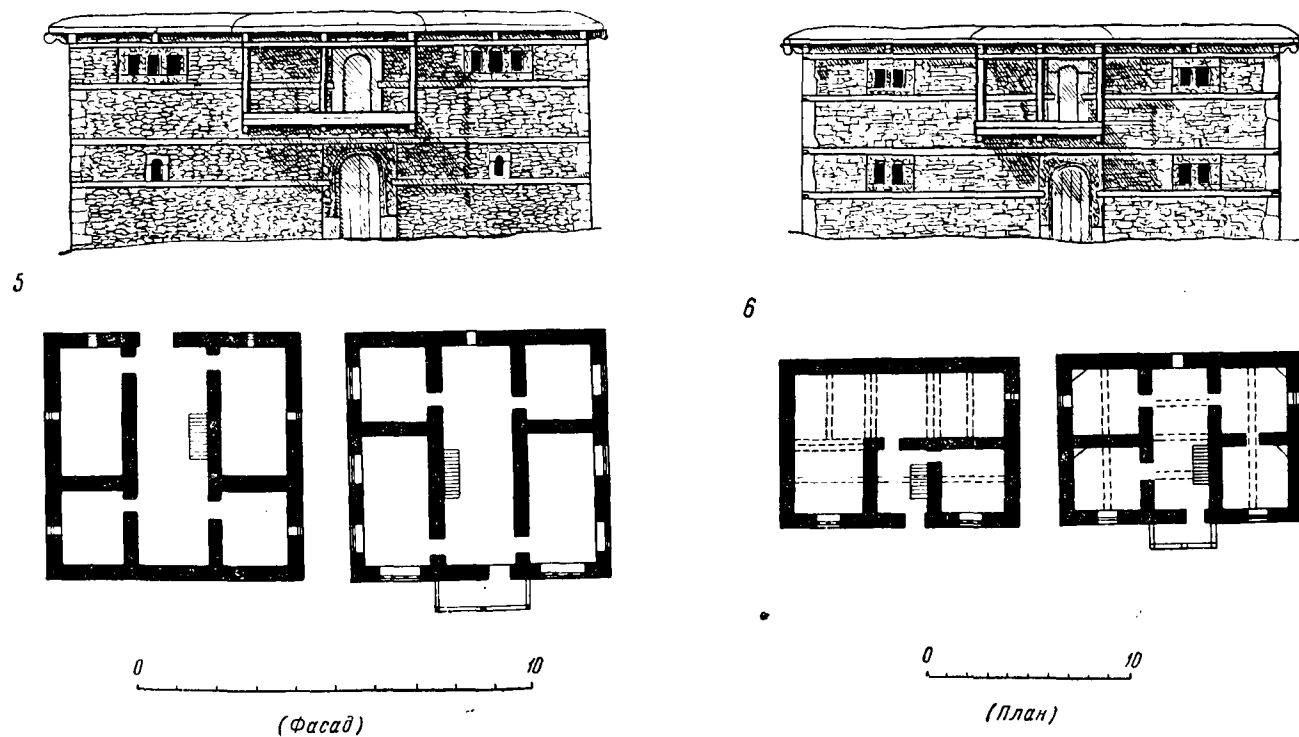

Рис. 5. Типы старых домов: 1, 2—сел. Зизик; 3—сел. Хив; 4—сел. Карчаг; 5—сел Юхари-стал; 6—сел. Зизик

Со временем все более развивалась техника обработки камня. С появлением стекла и филленчатых дверей старые окна и двери уходят в прошлое. Тесанная кладка стен делает ненужными деревянные связи, карниз из деревянных консолей заменяется карнизом из каменных консолей или профилированным. Это отмирание дерева на фасаде привело к утрате искусства резьбы по дереву. Оно потеряло декоративную функцию, которая перешла к камню. Появляются резные каменные консоли под балконами, резные каменные окна, резные каменные столбы и т. д.

Но, кроме этого, в новых домах появляется элемент большой архитектурной выразительности — арка. Собранный материал позволяет считать, что арка была давно известна народам Южного Дагестана. Новый каменный дом по своей планировке очень похож на саманные дома современного периода. Арка в этих домах выполняет роль ворот, ведущих в крытый двор; часто арка делается под домом. Отсюда обилие арок в селениях, что очень повышает архитектурную выразительность всего селения в целом.

Часто камни кладки покрываются насечкой в виде «елочки» или же покрываются резьбой из стилизованных рисунков. Современный дом не имеет крытого двора, и арка уже не находит всеобщего применения. Сейчас ее часто применяют как ворота в ограде.

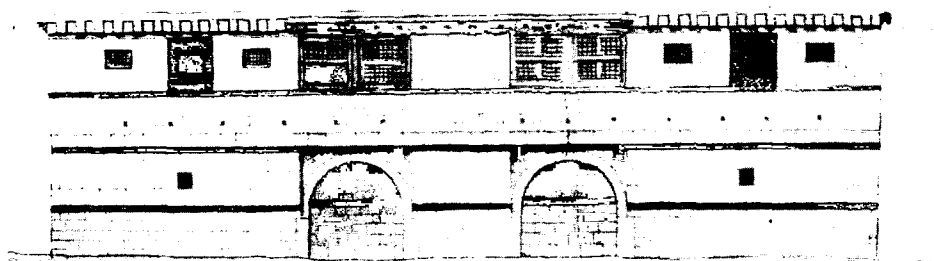
Селения с каменной архитектурой стоят на крутом рельефе и представляют собой единый архитектурный комплекс, где роль одного здания сводится к минимуму. Обилие арок, крутой рельеф и галереи домов создают неповторимые по красоте композиции.

Планировка селения не поддается какой-либо систематизации, так как рельеф местности затрудняет вести застройку улиц регулярно. Селения обычно компактные, так как прусадебные участки, благодаря наличию хозяйственного этажа и крытого двора, сведены к минимуму.

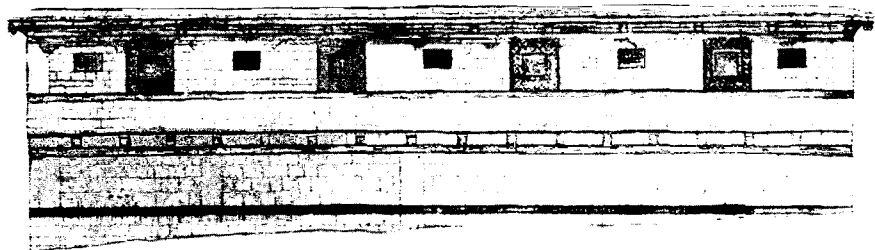
Подводя итог сказанному, хочется отметить, что статья не претендует на окончательность своих выводов, так как работа по изучению народной архитектуры Южного Дагестана находится в стадии накопления материала. Дальнейшие поездки в Дагестан внесут коррективы в первоначальные выводы.

Автор намеренно рассматривал архитектуру жилища лезгин (Касумкентский район) и табасаран (Хивский район) совместно, не расчленяя ее на две части, так как различия замечено не было. Таким образом, эту архитектуру можно назвать лезгино-табасаранской.

Собранный материал позволяет считать, что Южный Дагестан обладает нераскрытыми художественными сокровищами народного зодчества, изучение которого внесет большой вклад в историю архитектуры. Тщательное изучение и графическая обработка народной архитектуры Дагестана помогут возродить многие утраченные приемы народных мастеров и помогут созданию национальной архитектуры Дагестана, которая сейчас в значительной степени ориентируется на Азербайджан, что можно видеть по постройкам последних лет в Махач-Кале.

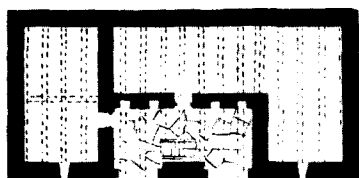
Фасад со двора

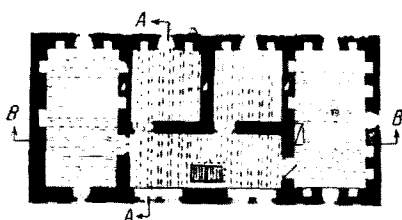
Фасад на улицу

0 1 2 3

1

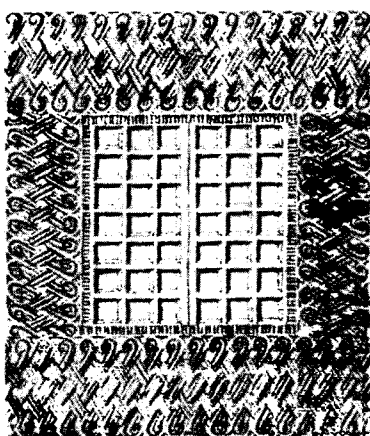
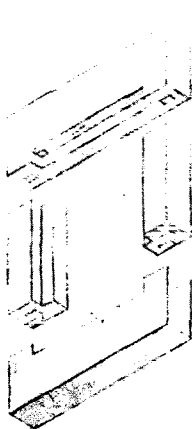

План I этажа

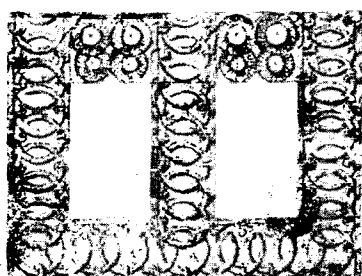
План II этажа

2

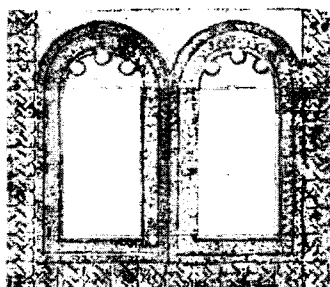

3

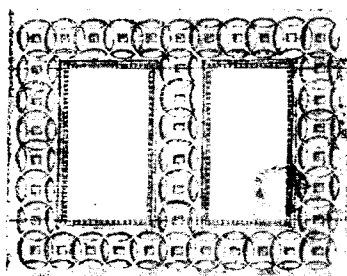
Рис. 6. Дом Герейханова

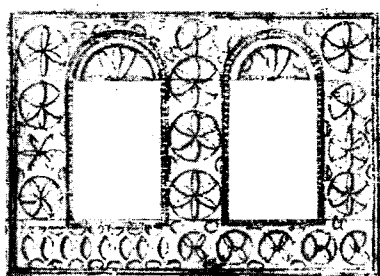
1

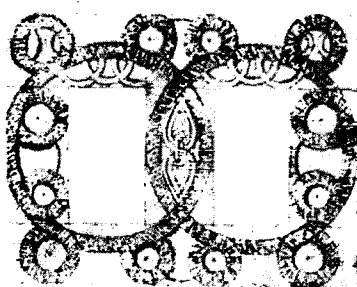
2

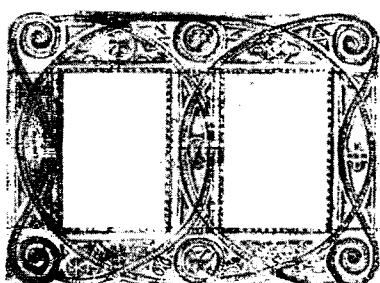
3

4

5

6

Рис. 7. Типы деревянных резных окон

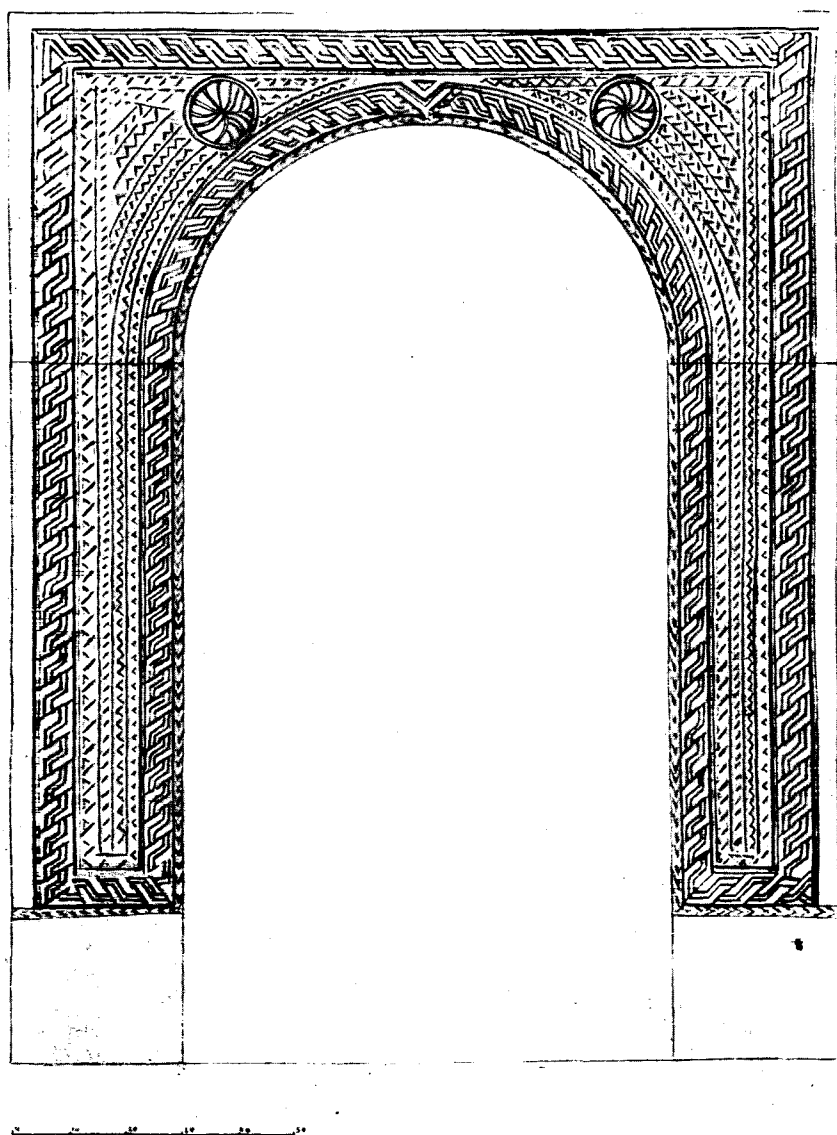

Рис. 8. Резная дверь жилого дома (с. Зизик)

А. И. ПЕРШИЦ

ФАМИЛИЯ — ЛЪЭПКЪ У КАБАРДИНЦЕВ В XIX ВЕКЕ

В 1948 г., собирая этнографические материалы в Лескенском и Нагорном районах Кабардинской АССР, мы попытались выявить сохранявшиеся здесь в прошлом пережитки патриархально-родовой организации и определить их значение в общественно-экономической жизни кабардинцев. Этому вопросу, в кавказоведческой литературе почти не затронутому, и посвящено настоящее небольшое сообщение.

Отдельные попытки найти у кабардинцев следы прежнего родового деления предпринимались уже авторами XIX в.¹ По Ф. И. Леонтовичу, Большая Кабарда состояла из 8 родов: 4 княжеских (Атажукины, Мисостовы, Бекмурзины и Кайтукины) и 4 дворянских-тлекотлешских (Анзоровы, Куденетовы, Коголковы и Тамбиевы). «Роды,— пишет Леонтович,— носили название тех княжеских или дворянских фамилий, родоначальники которых считались вместе с тем родоначальниками родов, на какие делился весь народ»². Ту же мысль проводит Леонтович в другом месте, считая, что «князья — родовые главы»³. Если отвлечься от антинаучного, применительно к феодальной Кабарде, отождествления князей с родовыми главами, то указание Леонтовича на бывшее деление кабардинцев на 8 родов представляется нам весьма основательным, так как число 8 указывает на дуальную экзогамию, а князья и дворяне — тлекотлешы, не будучи, конечно, родовыми главами, некогда из них выросли.

Других, более определенных данных о родовом делении кабардинцев нет ни в литературе, ни в воспоминаниях старейших из наших информаторов. Можно думать поэтому, что наиболее широкой структурной ячейкой распавшегося кабардинского рода в XIX в. являлся *лъэпкъ* — круг отцовских родственников-однофамильцев (*унакъуэцц*), или, как он чаще всего именуется в кавказоведческой литературе, *фамилия*. *Лъэпкъ* играл весьма заметную роль в жизни дореволюционной Кабарды, члены его были объединены рядом хозяйственных, общественных и идеологических связей, характеризующих нас на основе полевой информации и материалов Центрального государственного архива Кабардинской АССР.

Экономическое единство родственников-однофамильцев, не имевших в условиях соседской общины общей земельной собственности, проявлялось главным образом во взаимопомощи. По рассказам стариков, последняя имела место при пахоте и уборке урожая, когда на помощь малосильным семействам всегда приходили родственники. При постройке нового дома родственники-мужчины помогали подвозить материал и строить, женщины участвовали в обмашке. При женитьбе одного из родственников члены *лъэпкъ* несли часть расходов по свадьбе, помогая деньгами и продуктами. Калым, согласно *адыгэ хабзэ*, кабардинскому адату, должна была собирать семья жениха, но иногда оказывалась помощь в этом случае. 82-летний житель сел. Урух Х. Шогенов рассказывал нам, что когда женили двоюродного брата, отец послал его продать лошадь для уплаты части калыма. По рассказу жителя сел. Ст. Урух 80-летнего Х. Бижоева, в 1910 г. его бедный односельчанин Т. Паритов украл девушку. Родители ее на брак не соглашались. Тогда двоюродный брат Паритова внес большую часть калыма, другой брат, троюродный, нес расходы по свадьбе, остальные *унакъуэцц* помогли молодым в обзаведении хозяйством. Обычным было и участие родственников в составлении приданого девушки. Обязанностью родственников являлось воспитание сироты. Широко практиковалась передача одним родственником другому остающегося на долгий срок гостя. В случае нужды можно было, не спрашивая, взять на время из табуна коня своего *унакъуэцц*. При получении композиции за убийство одного из членов *лъэпкъ* часть денег делалась между всеми родственниками; при уплате композиции часть денег собиралась всеми родственниками убив-

¹ Ф. И. Леонтович, Адагы кавказских горцев, вып. I, Одесса, 1883; С. Броневский, Новейшие географические и исторические сведения о Кавказе, ч. 2, М., 1823; М. М. Ковалевский, Поземельные и сословные отношения у горцев Северного Кавказа, «Русская мысль», 1883, 12.

² Ф. И. Леонтович, Указ. раб., стр. 420—421.

³ Там же, стр. 422.

шего, вручавшими ее отцу или старшему брату последнего⁴. Аналогичным образом еще в середине XIX в. собирались внутри *лэпкэ* деньги для выкупа попавшего в плен родственника⁵.

Важно отметить, что взаимопомощь нередко осуществлялась не только родственниками-однофамильцами, но и соседями и даже односельчанами — членами той же поземельной общины. Так, соседи принимали участие в постройке дома, в свадебных расходах; композиции в случае надобности собиралась всеми односельчанами. Считалось, однако, что на родственниках-однофамильцах лежит безусловная обязанность взаимопомощи, отказ от которой явился бы позорным, аморальным поступком.

В области организационного единства, общественных связей членов одного *лэпкэ* следует прежде всего отметить наличие старшего — *нахыжэ*. С ним полагалось советоваться во всех существенных случаях жизни семейств данного *лэпкэ*. Советовались при разделе большесемейных общин, при раскладке композиции, при заключении брачных союзов. Нередко даже его спрашивали, кого пригласить на семейное празднество, где кого посадить, какой подарок поднести невесте. Выступая третейским судьей, *нахыжэ* примирял ссорящихся. За непослушание ему, по словам стариков, родственники могли побить или даже изгнать провинившегося из селения. С женой *нахыжэ* женщины *лэпкэ* советовались так же, как мужчины с ним самим. *Нахыжэ* обязательно приглашали на все празднества, происходившие в семьях данного *лэпкэ*. Приехать за ним и отвезти его назад должен был лично глава семейства, где происходило празднество. Когда в одном из семейств резали скот, *нахыжэ* обязательно приносили в подарок вареную баранью голову, переднюю лопатку, кусок сырой говядины и т. п.

Характерной чертой общественного единства членов одного *лэпкэ* была фамильная экзогамия — пережиток древней родовой экзогамии. Никто не имел права жениться на своей *унакхуэц*, хотя бы даже степень родства невозможно было проследить. По словам стариков, они не помнят случая нарушения фамильной экзогамии, но знают, что по *адыгэ хабзэ* за это полагалось изгнание или даже смерть.

Столь же яркой чертой общественного единства родственников-однофамильцев была общесемейная обязанность кровной мести. Броневский писал, что у кабардинцев «между простым народом за убийство откупаются деньгами, вещами, скотом, смотря по условию, но князья и уздени редко соглашаются на денежную пеню и требуют кровь за кровь. В таких случаях кровомщение переходит от отца к сыну и продолжается беспредельно, пока не приищут средства к примирению враждующих сторон»⁶. По словам наших информаторов, и в крестьянской среде кровомщение заменялось выкупом далеко не всегда, хотя достаточно часто. Обязанность мщения или участия в выплате композиции лежала на всех родственниках-однофамильцах. Характерно, что помогать при сборе выкупа должны были и материнские родственники — *анэш*, но «*анэш* помогали только деньгами, *унакхуэц* — кровью». *Анэш* не местили и сами места не подлежали. Характерно и то, что внутри *лэпкэ* не существовало ни кровомщения, ни композиции, за убийство же родственника со стороны матери платились неопределенный выкуп.

Достаточно ясно выражено было и идеологическое единство родственников-однофамильцев. Наиболее характерным моментом являлась здесь единая общесемейная генеалогия, воспоминание об общем родоначальнике группы, обычно ее эпониме. Так, все Бижовы (Ст. Урух) считали своим родоначальником некоего Бижо или Бичо, все Бетровы (там же) — некоего Бетроза и т. д. Лишь в редких случаях память о таких родоначальниках стиралась, и фамилия производилась сразу от двух или трех братьев. В честь предков-эпонимов и других предков фамильных групп произносились обрядовые здравицы, так называемые *хьуэхъу*. По окончании уразы или на курмане собирались старики-однофамильцы, и старший от имени всех присутствовавших произносил: «Все мы просим тебя, аллах, простить грехи (такого-то), а также (таких-то)». В пятницу вечером, начиная семейную трапезу, глава дома произносил *хьуэхъу* в честь родоначальников, прося аллаха предоставить им хорошее место в раю. Именно так, по рассказу 95-летнего А. Бетрова, вспоминали в его семье Бетроза и других памятных предков фамилии.

Фамилии — *лэпкэ* имели свои участки на сельских кладбищах. В некоторых кабардинских селениях такие участки сохраняются поныне: в Ст. Урухе, например, нам показывали фамильные участки Мирзоевых, Блиневых, Битоковых и другие. Другой отличительной чертой были «фамильные дни». В прошлом у всех кабардинцев вторник и пятница считались особенными, необычными днями, но в разных фамилиях значение их было неодинаково. Так, для Гауновых (Каменноостское) вторник считался неудачным днем, пятница — удачным; для Бетровых (Ст. Урух) вторник был удачен, пятница — неудачна; для Битугановых (Каменноостское) и вторник и пятница — считались одинаково неудачными днями.

Таковы основные моменты, объединявшие членов *лэпкэ* — кабардинской «фами-

⁴ Ср. Грабовский, Очерк суда и уголовных преступлений в Кабардинском округе. Сборник сведений о кавказских горах, вып. 4, 1870, стр. 31.

⁵ Центральный государственный архив Кабардинской АССР, ф. 24, д. 204, л. 1. «О выкупе из плена».

⁶ С. Броневский, Указ. раб., стр. 119.

лии». В некоторых, сравнительно редких случаях сообщения информаторов позволяют установить более широкую группу отцовских родственников, которую мы вслед за М. О. Косвенем можем назвать фамилией второго порядка⁷. Так, в сел. Каменномостское фамилии Макоевых, Крымкуковых, Куважуковых и Тхашоковых составляют *лыбын* (потомство одного мужчины) и «могут называться Тхашоковыми, так как происходят от Тхашоки и его трех сыновей: Макоя, Крымку и Куважуки». Аналогичным образом образуют, по словам 94-летнего Х. Мирзоева, один *лыбын* фамилии Еловых (Ст. Лескен) и Мирзоевых (Урух), но «когда и как они разделились, — никто не помнит». Для кабардинской фамилии второго порядка характерно отсутствие в ней какой бы то ни было материальной взаимопомощи, но сохранение строгой экзогамии и обязанности кровомщения. Повторяем, однако, что у кабардинцев (по крайней мере во второй половине XIX в.) фамилии второго порядка не были сколько-нибудь распространенным явлением.

Рассмотренная нами кабардинская фамилия — *лэпкэ* представляет собой пережиточную форму патриархально-родовой организации, воплощавшую реликтовое единство распавшегося отцовского рода. Но этим значение *лэпкэ* отнюдь не исчерпывается, ибо пережиточные внутрифамильные традиции широко использовались дворянской верхушкой кабардинского общества в целях увеличения феодальных поборов и повинностей, усиления феодального гнета. Ряд архивных данных свидетельствует о том, что по требованию князей и дворян крестьяне должны были нести в отношении их те же самые обязанности, которые они по адату выполняли в отношении своего фамильного коллектива или своего *нахыжэ*. Чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить внутрифамильные традиции кабардинцев (столбец слева) с записанными в середине XIX в. «обрядами кабардинского народа» (столбец справа).

1. При получении композиции за убийство одного из членов *лэпкэ* часть денег делилась между всеми родственниками.

«Когда какого из крестьян Г. Г. другие убьют по мщению или другому чему, по Азиатскому обычаю платить за убитого двух человек, по получении кои один берется теми, чей убитый, другой — Господину»⁸.

2. Родственники-однофамильцы помогали друг другу при оказании гостеприимства надолго остановившемуся человеку.

«Если прибудет к Г. Г. в дом из женского полу гостя, бывшую при ней прислугу и волв прокармливают крестьяне»⁹ (надо полагать, что прокорм прислуги и коней гостя-мужчины даже не требовалось оговаривать).

3. Когда в одном из семейств *лэпкэ* резали скот, *нахыжэ* подносили вареную лопатку, баранью голову, кусок говядины.

«Кто зарежет из крестьян рогатую скотину собственную, а не подаренную, тот обязан сварить переднюю лопатку и принести Господину»¹⁰.

4. Родственники-однофамильцы помогали друг другу при постройке нового дома.

«Если Господин пожелает строить вновь дом, крестьяне обязаны его поставить, а старое, и вообще, что будет годиться от старого дома, остается в пользу крестьян»¹¹.

5. В случае нужды можно было, не спрашивая, взять из табуна лошадь родственника-однофамильца.

«Весьма часто поступают жалобы, что князья Кабардинские по древневедическому 'в крае обычаю берут из чужих табунов лошадей, принадлежащих их знакомым, и ездят на них как на своих собственных без позволения хозяев... Строжайше воспрещая всем жителям округа держаться этого устаревшего и вредного обычая, как не сообразного с современным взглядом на право собственности»¹².

Совершенно очевидно, таким образом, что в феодальной Кабарде фамилия — *лэпкэ* являлась не только пережиточной формой патриархально-родовой организации, но и удобной оболочкой, служившей привилегированным сословиям для прикрытия крепостнической эксплуатации феодально-зависимого крестьянства. Вместе с тем феодальная верхушка использовала *лэпкэ* и в качестве взаимовыгодного коллектива тесно связанных между собой крестьян. За убийство дворянина простым

⁷ М. О. Косвен, Очерки по этнографии Кавказа, «Советская этнография», 1946, 2, стр. 124.

⁸ Центральный Гос. архив Кабардинской АССР, ф. 23, д. 35, л. 18, «Выписка из обрядов кабардинского народа», ст. 15.

⁹ Там же, ст. 14.

¹⁰ Там же, ст. 19; ср. Ф. И. Леонтович, Указ. раб., стр. 238.

¹¹ Ф. И. Леонтович, Указ. раб., стр. 238.

¹² Центральный гос. архив Кабардинской АССР, ф. 23, д. 23, л. 277, «Приказ по Кабардинскому округу № 1102, 31 июля 1858 г.».

крестьянином родственникам последнего грозила не только кровная месть, но и поголовное изгнание из селения, сопровождаемое разграблением всего имущества. По рассказу 79-летнего жителя сел. Ст. Урух Т. Ходзокова, предок его Шабаттирей в середине прошлого века убил владельца сел. Тлановского дворянина Етлухова. Имущество Ходзоковых было разграблено, сами они выгнаны из Тлановского.

Из сообщений стариков-информаторов видно, что с конца XIX в., после проведения в Кабарде крестьянской реформы, общественно-экономическое значение *лэпкэ* приобрело новые, специфические черты. Классовая дифференциация кабардинской крестьянской общины обусловила растущее расслоение в среде родственников-однофамильцев, обособление внутри *лэпкэ* эксплуататорской кулацкой верхушки. В этих новых условиях взаимопомощь родственников-однофамильцев стала все чаще прикрывать эксплуатацию бедных родственников богатыми, бедняков кулаками. Так, по словам 87-летнего Х. Битуганова (Каменноостокское), родственник его Т. Битуганов в зимнее время нередко «помогал» своим бедным *унакьуэц* мукой и другими продуктами, за что те систематически «помогали» ему при пахоте, уборке урожая, доставке леса и т. п. Аналогичные факты сообщили нам 78-летний Т. Макоев (Ст. Лескен), 82-летний Х. Шогенов (Урух), 86-летний А. Шабитов (Ст. Урух). Из тех же рассказов явствует, что в описываемый период стало заметно ослабевать и традиционное влияние *нахыжэ*: теперь не старейший, а самый богатый из членов *лэпкэ* приобрел наибольшее влияние на ход фамильных дел.

Постепенно видоизменяясь и разлагаясь в условиях уничтожения «старинной патриархальной замкнутости»¹³ Кавказа, фамилия — *лэпкэ* еще в начале XX в. продолжала оставаться живым и весьма заметным фактом в быту кабардинского крестьянства. Действительное отмирание этой феодализованной пережиточно-родовой формы началось лишь после победы Великой Октябрьской социалистической революции, коренным образом преобразовавшей экономическую, общественную и культурную жизнь трудящихся кабардинцев. Первые серьезные удары реликтовому единству всех родственников-однофамильцев были нанесены в результате исчезновения в годы советской власти обычая кровной мести и отмирания религиозной идеологии, связывавших до этого времени членов одного *лэпкэ*. Решающую роль сыграла сплошная коллективизация Кабарды, которая на место весьма условной фамильно-родственной взаимопомощи принесла настоящую социалистическую взаимопомощь всех членов одного колхоза, одной бригады, одного звена. Эта же причина обусловила и полное падение формального авторитета самого старшего, поставив на его место авторитет самого лучшего, прославленного трудовыми подвигами на полях родного колхоза.

В настоящее время среди кабардинских колхозников *лэпкэ* совершенно перестал существовать как реальный бытовой факт, но еще сохраняется в сознании в качестве экзогамного круга людей, внутри которого браки считаются невозможными. Строгая фамильная экзогамия неукоснительно соблюдается и в тех весьма многочисленных случаях, когда степень родства между однофамильцами не поддается никакому определению. В условиях сильно разросшихся и утративших действительное родство кабардинских фамилий эта пережиточно-родовая традиция не только не имеет смысла, но и создает чрезвычайно стеснительные брачные ограничения; нет сомнения поэтому, что в недалеком будущем она отомрет, точно так же как отмерли уже в социалистической Кабарде многие другие ненужные и вредные пережитки.

¹³ Ленин, Соч., т. 3, стр. 521.

Х Р О Н И К А

НОВАЯ УЧЕБНАЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ КАРТА СССР

Сектор этнической картографии и статистики Института этнографии Академии Наук СССР совместно с научно-редакционной картосоставительской частью Главного Управления геодезии и картографии при Совете Министров СССР закончил составление учебной этнографической карты для средней школы под названием «Карта народов СССР». Карта имеет масштаб 1:5 000 000. Выполнена она по методу этнических территорий с выделением районов, имеющих смешанный национальный состав населения. На карте показано территориальное размещение 82 национальностей и этнических групп, причем каждая из них обозначена особым цветом и порядковым номером.

До последнего времени средняя школа пользовалась учебной этнографической картой, составленной по мажоритарному методу, т. е. на ней были показаны только те группы населения, которые в пределах микрорайона, взятого за основу территориального построения карты, составляли национальное большинство. Такое построение этнографической карты не отражало действительной картины географического расселения национальностей, ибо создавало представление о том, будто бы каждая национальность и мелкая этническая группа живут на обособленной от других национальностей территории, нигде не смешиваясь. В действительности дело обстоит иначе — в пределах СССР имеется множество крупных и мелких территорий, на которых живет многонациональное население, и многонациональный состав характерен в настоящее время не только для большинства городов, но и для многих сельских поселений. В качестве примеров такого многонационального состава можно назвать ряд индустриальных областей (Донбасс, Кузбасс и пр.) и аграрных областей (Краснодарский край, районы Средней Волги и пр.), где почти в каждом населенном пункте живут представители двух, трех и более национальностей.

Составители новой этнографической учебной карты отказались от мажоритарного метода и в пределах тех возможностей, которые допускает малый масштаб карты, постарались выделить районы со смешанным национальным составом населения. Выполнено это следующим образом: территории с этнически однородным населением (так называемые этнические массивы) закрашены сплошным цветным фоном — в соответствии со шкалой цветных обозначений, разработанной составителями; территории же, имеющие неоднородный состав населения, закрашены цветными полосами, причем цвет обозначает определенную национальность, а ширина полосы — относительную численность населения этой национальности («удельный вес») в сравнении с общей численностью населения на данной территории. В результате применения такого способа обозначения географического размещения национальностей карта делает наглядным для учащегося характер расселения народов СССР и помогает ему понять процесс этнического сближения соседящих компактных групп населения. Для преподавателя не составит труда привлечь внимание учеников к тем районам, где имеется смешанный национальный состав, и объяснить причины появления в этих районах таких форм национальной культуры, которые одинаково близки обоим соседящим народам.

На учебных этнографических картах, употреблявшихся в средней школе, этнические территории окрашивались сплошным цветным фоном без всякого учета того, насколько данная территория хозяйственно освоена населением. Охотничье и охотничье-оленоводческое население Крайнего Севера занимает громадные территории в СССР, численность же этого населения ничтожна (и абсолютно), и относительно населения народов, занимающихся земледелием и скотоводством. У учащегося средней школы при знакомстве с этнографической учебной картой создавалось поэтому впечатление, будто третий по значению национальностью в СССР (после русских и украинцев) являются эвенки. Между тем эвенки вовсе не занимают той террито-

рии, которая закрашивалась на карте их цветом, а территорию, значительно меньшую, если считать освоенной ими территорией районы кочеваний и охоты. Значит, метод обозначения, применявшийся на карте, был неправильным, не соответствующим действительности. Составители новой карты решили применить иной прием: они выделили районы с редким населением, ведущим экстенсивное охотничье-оленьеводческое хозяйство (а также районы отгонного скотоводства в Казахстане и Средней Азии), введя в условные обозначения этнографической карты особый знак для такого населения (редкую цветную штриховку) и ставя этот знак не равномерно по всей территории, а только в районах кочеваний и охоты. Характер заселенности территории при введении этого знака делается ясен для школьника, и он без труда отличит компактное оседлое население от населения полукошевого и кочевого. Так как на карте четко выявлены и незаселенные территории (хребты высоких гор, пески, пустыни, тундры, болота и пр.), то учащийся будет иметь более правильное представление об относительной численности населения разных национальностей и об этнических территориях.

Новая карта составлена на основе переписи населения 1926 г., с коррективами последующих лет. При коррективе переписных данных, в значительной части устаревших, использованы местные этнографические обследования, этнографические карты, сведения о передвижении населения и изменении его национального состава в настоящее время. Возможно, что эти данные не вполне отражают происшедшие за последние десятилетия этнические процессы и что новая перепись даст несколько иную картину расселения национальностей, но других данных пока не существует, и составители пощли по тому пути, который был единственно возможен. Так как в распоряжении Академии Наук СССР имеются поселенные карточки переписи 1926 г., на которых указан национальный состав каждого населенного пункта на территории СССР (в границах 1926 г.), то составители имели возможность значительно уточнить характер расселения в районах со смешанным национальным составом, что они и сделали.

В качестве предварительной работы по составлению карты пришлось вычислить относительную численность национальных групп населения в каждом административном районе, волости и пр. на территории СССР. Таких административных единиц, являвшихся для данной карты микрорайонами, оказалось свыше 7000. На основании этой предварительной статистической обработки порайонных данных были составлены карты-схемы национального состава, переведены в единый масштаб и нанесены на бланковую карту. Затем проведена генерализация (предварительная и окончательная), откинута мельчайшие этноточки, обозначающие большей частью не компактное, а рассеянное население, обобщены в более крупные контуры мелкие этнические территории, произведена унификация обозначений. Наконец, карта была прокорректирована по новейшим данным — вплоть до тех, которые были доставлены этнографическими экспедициями Института этнографии АН СССР в 1950 г. Так была создана та этнографическая нагрузка, которая отражена на новой карте.

Легенда к карте, включающая 82 названия народов и этнических групп, классифицирована по географическому признаку — народы показаны в ней в таком порядке, в каком они размещены на территории СССР (выделены особо некоторые народы, живущие почти всюду по всей стране, — русские, украинцы, белорусы, евреи), но цветные обозначения составлены в соответствии с языковой и этнической близостью отдельных народов друг другу: так, например, одинаковый цвет (но разные оттенки его, разные тона) имеют славянские народы, другой цвет обозначает народы тюркоязычные и т. д. Это обозначение сделано не столько для учащихся, сколько для преподавателей, которые могут использовать его во время занятий, если выявится необходимость в этом.

Предполагается составить в дополнение к карте небольшую пояснительную брошюру (размером в 1—1½ печ. листа) о национальном составе СССР, численности отдельных национальностей, национальных языках и некоторых, наиболее важных, этнических особенностях. Брошюра эта предназначается в помощь преподавателю.

Новая карта составлена бригадой картографов под руководством старшего научного сотрудника Института этнографии АН СССР П. Е. Терлецкого.

П. И. Кушнер (Кнышев)

ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИЙ В ИНСТИТУТЕ ЭТНОГРАФИИ АН СССР

28 февраля кандидатскую диссертацию на тему «Переселение илийских уйгур в Семиречье» защитил страш. научн. сотрудник Сектора уйгуро-дунганской культуры Академии Наук Казахской ССР М. Н. Кабиров. Официальными оппонентами выступили доктор историч. наук Н. Н. Чебоксаров и кандидат историч. наук Г. Г. Стратанович. Диссертация, представляющая собой монографическое исследование объемом свыше 10 авт. листов, основана на большом количестве литературных и архивных источников и собранных автором полевых материалов. Оппоненты отметили актуальность темы и удачный выбор ее, ибо история переселения уйгур в Семиречье до последнего времени оставалась почти не освещенной. Диссертант, сказал Н. Н. Чебоксаров, подошел к разрешению поставленной перед собой задачи во всеоружии марксистско-ленинской методологии и специальных знаний. Историю переселения

уйгур в Семиречье и их дальнейшей жизни в царской России и в Советском Союзе он рассматривает на широком историческом фоне, уделяя должное внимание экономическим, политическим и культурным вопросам, относящимся к Средней Азии и Восточному Туркестану, начиная со времени насильственного переселения уйгур в Илийский край (1760 г.) и кончая их современным положением в Казахской ССР в условиях развернутого социалистического строительства и постепенного перехода к коммунизму. Материалистический историзм, отметил оппонент, красной нитью проходит через всю работу, составляя ее большое и несомненное достоинство. Диссертант умело использовал, наряду с историческими источниками, богатый фольклорный материал уйгур, красочно отражающий и всю тяжесть насильственного переселения их в Джунгарию, и восстание илийских уйгур в 1864 г., и непрерывно возрастающие симпатии уйгур к русскому народу. Большой интерес, по мнению оппонента, представляют глава 3-я — «Уйгуры в Илийском крае», в которой диссертанту удалось варисовать яркую и убедительную картину угнетенного и бесправного положения илийских уйгур в цинском Китае, и особенно глава 5-я, посвященная разбору вопроса об оккупации Илийского края царской Россией и значения этого факта в жизни илийских уйгур. На большом архивном и литературном материале диссертант вскрыл исторические причины интереса царской России к Илийскому краю, вызвавшие в конце концов его временную оккупацию, и показал как положительные, так и отрицательные последствия для уйгурского народа этой оккупации. Однако автор, по мнению оппонента, несколько идеализирует последствия русской оккупации: нельзя, например, согласиться с тем, что вследствие этой оккупации в Илийском крае «окончились распри между отдельными национальностями», чему противоречат известные из истории факты. Центральной проблеме исследования — переселению илийских уйгур в Семиречье — посвящена 6-я глава диссертации. Развивая мысль Энгельса о цивилизирующем значении русского подданства для народов Центральной Азии, диссертант правильно подчеркивает большую роль зарождавшейся между русским и уйгурским народами дружбы в добровольном переселении илийских уйгур на территорию России. Существенную роль сыграли здесь также ненависть уйгурских трудящихся крестьян к маньчжуро-китайским властям и обоснованная боязнь жестоких репрессий со стороны последних.

Существенным недостатком работы оппоненты признали слабое использование диссертантом этнографических материалов, совершенно необходимых при описании хозяйства, культуры и быта семиреченских уйгур как в XIX — начале XX в., так и в период социалистического строительства. Рассмотрению положения уйгур в этот период посвящена последняя глава диссертации. Хотя она, по заявлению автора, не представляет собой самостоятельного исследования и является лишь дополнением, коротко суммирующим достижения семиреченских уйгур за годы советской власти, однако эта глава, по мнению оппонентов, содержит много ценных материалов, зачастую собранных лично автором во время экспедиций, — о первых мероприятиях советской власти в Семиречье, о борьбе с эксплуататорскими классами и их ликвидации, об участии уйгур в гражданской и Великой Отечественной войне, об уйгурских мононациональных и смешанных колхозах и т. д.; при соответствующей доработке этой главы она могла бы представить значительный самостоятельный интерес и явиться достойным завершением всей работы. Г. Г. Стратанович, давший весьма положительную оценку представленной работы, сделал ряд замечаний фактического порядка. Диссертация в целом, как указали оппоненты, является ценным, оригинальным вкладом в советскую историческую науку и после ее доработки бесспорно будет заслуживать скорейшего опубликования. М. Н. Кабирову присуждена степень кандидата исторических наук.

25 апреля защитила диссертацию окончившая аспирантуру Института этнография Я. С. Смирнова. Диссертация, озаглавленная «Абхазская женщина в дореволюционном прошлом и в советскую эпоху», представляет собой монографическое исследование, основанное на большом количестве материалов, собранных лично автором во время полевой этнографической работы в 1946—1948 г., на обширных архивных фондах и значительной печатной литературе. Положенный в основу исследования полевой этнографический материал представляет собой личные наблюдения автора над семейной и общественной жизнью абхазов в настоящее время, а также опросы стариков, помнящих прежнюю, дореволюционную жизнь. Материалы этих опросов диссертантка, проведя перекрестную проверку сообщений своих информаторов, сопоставила с архивными и литературными данными, проверив таким образом доброкачественность собранных сведений. Основные главы диссертации, посвященные описанию быта и правового положения абхазской женщины, указал официальный оппонент доктор исторических наук П. И. Кушнер, исключительно богаты материалами. В результате обобщения собранных данных диссертантка дала яркую картину быта абхазов. Большим достоинством работы является последовательно проведенный анализ классовых отношений в Абхазии, что дало возможность диссертантке дифференцировать условия, в которых жили абхазки разных классов и сословий. Если у женщин из класса феодалов имелись некоторые элементы независимости, свободы распоряжения собой и своим имуществом, то у крестьянок таких возможностей не было. Этим объясняется кажущаяся противоречивость документов о положении абхазки в прошлом, одни из которых изображают женщину свободной и независимой, другие — зависимой

и бесправной. Из приводимых диссертанткой материалов явствует, что в общем положение абхазок, даже принадлежавших к привилегированным классам, было невыносимым, но все же некоторые черты относительной «свободы» женщин в быту имелись. Что Я. С. Смирнова объясняет, во-первых, общественно-полезным характером женского труда в период преобладания натурального хозяйства и, во-вторых, пережитками матриархата. С утратой общественно-полезного значения домашнего труда женщин в результате развития капиталистических отношений правовое и бытовое положение абхазок резко ухудшилось. Все это хорошо показано диссертанткой. Но оппоненту представляются мало убедительными построения Я. С. Смирновой, имеющие целью связать обычаи, существовавшие в XIX — начале XX в., с периодом, ведущим к эпохе матриархата; так, весьма спорной считает П. И. Кушнер попытку диссертантки связать с пережитками матриархата обычай проводить роды в специальном строении — амхаре. Как положительный факт, оппонент отметил отказ диссертантки от выведения подобных обычаев из магии. По мнению П. И. Кушнера, диссертантка удачно справилась с поставленной перед собой задачей, собрав ценнейший этнографический материал, умело обработав и обобщив его на основе последовательно проведенной марксистской методологии.

В своем выступлении П. И. Кушнер попутно остановился на вопросе об усыновлении у абхазов, целью которого в эпоху феодализма было получить защиту усыновляемого феодала, чтобы застраховать себя от возможного насилия со стороны других феодалов. Обычай этот, указал П. И. Кушнер, не исчез до сих пор — и в настоящее время в абхазской деревне некоторые колхозники «усыновляют» председателя или другого видного человека. Этот пережиток древнего обычая, по мнению П. И. Кушнера, далеко не является таким безвредным для социалистических отношений, каким его пытаются трактовать, ибо в существе его лежит своего рода захребетничество — стремление получить какие-то привилегии при посредстве усыновляемого человека.

Выступивший в качестве официального оппонента кандидат историч. наук Е. С. Зевакин, подробно разобрав представленную диссертацию, также дал ей весьма положительную оценку. В обзоре использованной литературы, сказал он, диссертантка дает политически заостренные критические оценки, исходящие из позиций марксистско-ленинской исторической науки; исключением, а не правилом, является отсутствие политической характеристики работы реакционера академика Дубровина. Недостаточно, по мнению оппонента, использована литература на европейских языках и не использована совсем — на грузинском. В целом же историографическое введение к диссертации представляет самостоятельный научный интерес. Во второй вводной главе — «Общий социально-экономический очерк Абхазии» оригинальны материалы и выводы относительно роли родоплеменных пережитков в условиях феодализма и последующих формаций. Что касается анализа феодальных и капиталистических элементов в развитии Абхазии, то здесь диссертантка полностью следовала за работами Фадеева, Олонецкого и других, далеко не безупречных в методологическом отношении. Необходимо уточнить формулировки, касающиеся процесса разложения феодализма. Следовало бы, по мнению оппонента, более подробно остановиться на вопросе об этническом составе и этно-культурных связях абхазов. В отношении основных глав диссертации оппонент отозвался весьма положительно, высказав лишь ряд замечаний частного характера. Так, ему представляется сомнительным предположение диссертантки о том, что одним из мотивов запрета женщине называть фамилию своего мужа и его старших родственников был страх перед чужеродкой, которая могла бы путем магии повредить человеку, произнося его имя; такую чужеродку вообще вряд ли согласились бы допустить в свой род. Оппонент указал на встречающиеся в диссертации противоречивые положения, как например, по вопросу о преобладании патриархальных или классово-феодальных элементов; нельзя согласиться с тем, что в конце XIX — начале XX в., в период разложения натурального хозяйства и развития товарно-денежных отношений, «патриархальный порядок восторжествовал окончательно», — здесь надо говорить о разложении этих порядков, а не об окончательном их торжестве. Говоря об унизительности для достоинства абхазской женщины пережиточно бытующих норм адата, диссертантка должна была бы показать, какие именно из этих норм в той или иной степени тормозят социалистическое переустройство быта. Ибо задача нашего времени состоит в том, чтобы окончательно искоренить все вредные, отживающие явления, а не ждать, когда они сами отомрут, и цель научной работы, подобной обсуждаемой, — помочь в этом деле. Перечисленные погрешности, подчеркнул Е. С. Зевакин, не порочат работы в целом и могут быть легко устранены при подготовке ее к печати. Диссертация впервые освещает и интерпретирует многие вопросы этнографии Абхазии. Тщательно выявлены во всех областях жизни абхазской женщины следы различных социально-экономических этапов развития (матриархат, переход к патриархату, патриархально-родовой строй, феодализм с сохранением укладов и т. д.). Все свои положения диссертантка обосновывает большим количеством фактического материала.

На заседании был зачитан присланный Адыгейским научно-исследовательским Институтом отзыв на автореферат диссертации. В отзыве указывается на актуальность разработки темы и неизученность ее в советской историко-этнографической литературе, как по Абхазии, так и по Адыгее, которую эта работа интересует и с точки

зрения постановки вопроса, и ввиду многого общего, имеющегося у обоих народов. Достоинством работы, говорится дальше в отзыве, является то, что, в противоположность ряду других работ, где материалы советского периода составляют как бы прирост к основному изложению, в данной диссертации большое и серьезное внимание уделено показу коренных изменений в положении абхазской женщины, причем не статистически, а в динамике, в процессе борьбы за новый, социалистический быт. Необходимо направить внимание на пережиточные явления в современной жизни Абхазии, являющиеся тормозом в деле социалистического строительства, и активизировать борьбу с ними.

В прениях выступил кавказовед В. К. Гарданов. Возражая П. И. Кушнеру по затронутому им вопросу об аталычестве и усыновлении, В. К. Гарданов подчеркнул, что это различные институты. Аталычество, которое уже в эпоху феодализма утратило прежнее содержание и приняло форму вассального служения, в советских условиях совершенно исчезло. Усыновление же происходило между равными по социальному положению группами или семьями, и некоторые формы усыновления сохранялись и после Великой Октябрьской социалистической революции. В оценке обсуждаемой диссертации В. К. Гарданов солидаризировался с мнением официальных оппонентов и, так же, как они, подчеркнул желательность опубликования диссертации как первого исследования по вопросу об абхазской женщине, базирующегося на правильных методологических позициях, богато насыщенного фактами и сопровождаемого в приложении большим количеством архивных данных. Я. С. Смирновой присуждена степень кандидата исторических наук.

9 мая окончившая аспирантуру Института этнографии М. В. Райт защитила диссертацию на тему «Русские экспедиции в Эфиопию в XIX—начале XX века и их этнографические исследования». Оппоненты — академик И. Ю. Крачковский и

кандидаты исторических наук Б. И. Шаревская и И. И. Потехин — дали высокую оценку представленной диссертации. Они отметили, в первую очередь, своевременность постановки данной темы и значение ее не только для советской, но и для всей прогрессивной науки. Представленная работа, по мнению оппонентов, является первым шагом в решении большой и ответственной патристической задачи — выявления заслуг в абиссиноведении русских ученых и путешественников. В этом отношении, подчеркнул И. И. Потехин, М. В. Райт не имела предшественников. Она впервые разыскала в архивах Москвы, Ленинграда и некоторых других городов большое количество материалов, связанных с русскими экспедициями в Эфиопию, и вскрыла совершенно неизвестные или забытые имена, факты и этнографические сведения. Она кропотливо изучила музейные коллекции по Эфиопии, впервые выявив и определив некоторые из них. Ею проработана также большая литература на русском и иностранных языках. Собранные материалы позволили диссертантке в процессе разработки темы дать целостную картину социально-экономического строя Эфиопии конца XIX в., ее политической и культурной жизни, ее этнографическую характеристику. Опираясь на изученные материалы, М. В. Райт поставила и в основном правильно решила вопрос о формировании эфиопской нации. В процессе работы диссертантке пришлось также заняться вопросами, выходящими за рамки этнографии, — историей русско-эфиопских отношений, освещением борьбы империалистических держав за Эфиопию, без чего непонятными остались бы и политика российского империализма в Эфиопии, и характер русских экспедиций в эту страну, и обстановка, в которой им пришлось работать. С этой задачей диссертантка, по мнению оппонентов, также в основном справилась. Однако, указал И. И. Потехин, диссертантка напрасно ограничила себя рассмотрением событий, касающихся только Эфиопии: для правильного понимания их следовало взять более широкий исторический фон, включающий столкновения империалистических интересов и вне Эфиопии, хотя это и выходит за рамки основной темы диссертации.

К числу пробелов в работе Б. И. Шаревская отнесла то, что диссертанткой не дано объяснения, почему у амхара феодализм переплетается непосредственно с первобытнообщинным строем, не показано, прошли ли они стадию рабовладельческой формации. Автору следовало бы больше осветить вопрос о рабовладении в Эфиопии в прошлом, без чего определение пережитков рабовладения оказалось недостаточно четким. Недостаточно ясно, по мнению оппонентов, освещены в диссертации и вопросы о формах землевладения в Эфиопии, о земельной общине, совсем не затронут вопрос о переходе от родовой общины к соседской или сельской общине.

Диссертантка, сказала Б. И. Шаревская далее, правильно отмечает, что, вопреки широко распространенному в буржуазной этнографии глубоко ошибочному взгляду, население Эфиопии вовсе не представляет собой аморфного конгломерата разных народов и рас. Уже в 90-х гг. XIX в. русские путешественники отметили моменты, ведущие к объединению отдельных народов. М. В. Райт указывает, что языковая общность народов Эфиопии, отмеченная участниками русских экспедиций, в частности Булатовским, явилась результатом их исторического развития за последние столетия. Диссертантка выявляет три группы народов, каждая из которых объединяет по несколько из них. Однако общность прослежена только в языках, в типах хозяйства, в материальной культуре вообще; остался в стороне вопрос о духовной культуре,

общность в которой могла быть прослежена на материалах народного творчества; и затронут также вопрос о хозяйственных связях, об экономическом взаимодействии указанных групп народов.

И. Ю. Крачковский, ограничивший себя в своем отзыве вопросами историографии, отметил богатые результаты проведенного М. В. Райт исследования архивных материалов, но указал на некоторые недочеты в использовании ею литературных источников, погрешности в цитации и др. Недостатком в этом отношении оппонент считает и то, что диссертанткой не во всей полноте и не с должным вниманием учтены имеющиеся в литературе отзывы об участниках экспедиций или о ходе последних, не всегда отмечено участие русских кабинетных ученых в подготовке экспедиций, обработке их результатов (отзывы В. Б. Болотова об Ашинове, Булатовиче, отзыв Н. В. Юшманова о составленном Ашиновым букваре, отклики Б. А. Тураева на поездки в Эфиопию). Выражая свое одобрение вниманию диссертантки к лингвистической стороне терминологии, академик Крачковский предложил при дальнейшей работе для подготовки диссертации к печати выделить в терминологию слова арабского происхождения, что в некоторых случаях помогло бы уточнить вопрос и о путях проникновения в Эфиопию связанных с терминами понятий. В заключение экск. Крачковский, как и другие оппоненты, выразил пожелание о скорейшем опубликовании диссертации, представляющей собой серьезный вклад в советскую науку.

На заседании был зачитан отзыв экск. [Л. С. Берга] на автореферат диссертации. Л. С. Берг, оценивая эту работу, как выдающееся исследование, имеющее большую важность и для истории географической науки, и для этнографии, также выразил пожелание о скорейшем напечатании этого исследования, по возможности с изложением и более ранних данных о сношениях России с Эфиопией.

Выступивший в прения африканист С. Р. Смирнов присоединился к общей высокой оценке представленной диссертации, документально доказывающей приоритет русской этнографической и географической науки в разрешении важных проблем исследования Африки. Однако некоторые выдвинутые диссертанткой положения требуют, по его мнению, более глубокого анализа. Так, например, угроза империалистического нашествия на Эфиопию, которая, по мнению автора, потребовала объединения отдельных феодальных княжеств в центральное государство, являлась лишь внешней причиной такого объединения. Действительные же причины этого следует искать гораздо глубже, во внутренних социальных сдвигах, происшедших в Эфиопии. Следовало бы более выпукло показать распад феодально-натурального хозяйства, постепенное снижение роли рабовладения, стирание границ между отдельными ранее изолированными областями, возникновение новых торговых центров и т. д. Однако указанные пробелы, сказал в заключение С. Р. Смирнов, не снижают достоинства диссертации, представляющей собой выдающееся исследование.

М. В. Райт единогласно присудила степень кандидата исторических наук.

9 мая младш. научн. сотрудник Института этнографии Я. Р. Винников защитил диссертацию на тему «Социалистическое переустройство хозяйства и быта туркмен Марыйской области». Официальные оппоненты — доктор историч. наук С. П. Толстов, кандидат географических наук В. Б. Жмуйда и кандидат историч. наук Т. А. Жданко — подчеркнули значение обсуждаемой диссертации как первой историко-этнографической работы, целиком посвященной советской тематике. Автор, лично участвовавший в проведении земельно-водной реформы в Туркмении, в течение свыше полутора десятка лет работавший в этой республике, использовал богатый накопленный им материал, так же как и архивные и литературные источники и данные, собранные им во время проведенной в 1949 г. этнографической экспедиции. На основе этих материалов, сказал В. Б. Жмуйда, диссертант подготовил научное исследование, имеющее большой теоретический и практический интерес. Ему удалось ярко осветить различные этапы исторического пути от феодализма к социализму, пройденного туркменским народом. Вместе с тем оппонент отметил некоторую допущенную автором искусственность в периодизации дореволюционной истории туркмен, в результате чего весь период до национального размежевания Средней Азии отнесен к прошлому туркменского народа, а процесс социалистического строительства связывается лишь с образованием Туркменской ССР и последующими этапами. Вызывает возражения и оценка исторической роли присоединения Туркмении к царской России, которое автор рассматривает только с отрицательной стороны. Между тем в советской исторической науке прочно установилось положение о том, что при всех отрицательных сторонах реакционной политики царизма присоединение к России имело исторически прогрессивное значение для народов Средней Азии. Вызывает сомнение высказанное Я. Р. Винниковым утверждение о том, что огузы-туркмены появились на территории Туркменистана в начале XI в. Это утверждение противоречит высказанному крупным исследователем истории народов Средней Азии М. Ваткиным мнению о том, что огузы уже в VIII—X вв. занимали равнинную часть современной Туркмении.

Оппоненты отметили ценность представленных диссертантом иллюстративных материалов — этнографической карты Марыйской области, составленной Я. Р. Винниковым на основании собранных им статистических материалов, и особенно — схем дореволюционного родоплеменного деления туркмен-текинцев в Мервском оазисе, с

указанием на распределение земельных угодий между родами, и карты расселения текинских родов. Как текст диссертации, сказала Т. А. Жданко, так и эти содержательные, чрезвычайно наглядные и убедительные иллюстрации указывают на значительную роль родоплеменного деления в социально-экономической жизни туркмен в XIX в. Традиционный принцип «равного» распределения земли и воды между родами и их подразделениями, вследствие различного числа хозяйств в этих подразделениях, приводил к острой нехватке земли и воды у одних и запущенности, неосвоенности угодий у других. Диссертант показал, как пережитки родовых традиций использовались эксплуататорской верхушкой аула для захвата значительной части угодий, номинально считавшихся общинной собственностью. Очень интересно данное Я. Р. Винниковым описание значения в этом процессе «брачного права» на землю и воду «никах», используя которое богачи, формально не нарушая законов общины, захватывали по несколько водных наделов «су», так как имели возможность уплатить несколько калымов, и женили даже своих малолетних сыновей с целью расширения своих земельных владений. Очень важный материал приведен диссертантом для освещения социальной и экономической сущности переuloжной системы «санашик». Хорошо показаны формы эксплуатации (издолящина, аренда) и проникновение частной собственности на землю (мюльк), особенно развившейся в колониальный период. Интересны также приведенные данные о безземелье и экономическом закабалении туркмен в результате грабительского захвата у них царским правительством лучших земель под Мургабское царское имение; 63% дехкан Байрам-алийской области вынуждены были арендовать свои же земли у Мургабского имения. Характеризуя социальный строй туркмен Марыйской области в дореволюционный период, диссертант остро полемизирует с историками и этнографами, часть которых даже в первые годы советской власти приписывали туркменскому аулу родовую бесклассовую идиллию, не замечая или сознательно игнорируя (как это делали буржуазные националисты) происходившее там глубочайшее классовое расслоение и классовую борьбу. Одним из наиболее удачных разделов диссертации Т. А. Жданко считает главу, освещающую процесс социалистического строительства в туркменском ауле. С исчерпывающей полнотой описано проведение земельно-водной реформы в Марыйской области, интересно изложение истории кооперирования дехкан. Широко показана помощь государства дехканам, а также острая классовая борьба, развернувшаяся в туркменском ауле в этот период. В следующих главах, посвященных описанию современного хозяйства, быта и культуры туркмен, большой интерес вызывают приведенные диссертантом материалы по современному жилищу и колхозным поселкам. Очень интересен также материал о раскрепощении женщины, о современной семье и браке у туркмен. Одним из наиболее слабых разделов диссертации, по признанию оппонентов, является глава «Верования и обряды». Кроме недостаточной полноты описания роли ислама и доисламских верований в быту туркмен здесь допущен ряд неточностей. Оппоненты отметили также ряд погрешностей и пробелов в историографической части работы. Диссертанту, как указал профессор С. П. Толстов, не удалось до конца разобраться в соотношении различных туркменских племен и их борьбе, в использовании их боровшихся между собой феодальными государствами — Ираном и Хивой, натравливавшими друг на друга туркменские племена. Несмотря на имеющиеся погрешности, подчеркнули оппоненты, обсуждаемая работа представляет большой интерес и заслуживает скорейшего опубликования. Автору ее Я. Р. Винникову присуждена искомая степень.

О. Корбе

ВЫСТАВКА ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ АН СССР В ЦЕНТРАЛЬНОМ ПАРКЕ КУЛЬТУРЫ И ОТДЫХА ИМЕНИ С. М. КИРОВА (ЛЕНИНГРАД)

Два года подряд Институт этнографии АН СССР организует в Центральном парке культуры и отдыха им. С. М. Кирова в Ленинграде выставку, посвященную жизни и борьбе народов колоний и зависимых стран против империализма, а также строительству новой жизни в освобожденных от империалистического угнетения странах. Учитывая исключительный интерес посетителей парка к подобной выставке в 1949 г., дирекция парка предоставила Институту в 1950 г. отдельное здание, а также приняла на себя значительную часть расходов по оформлению выставки и полностью расходы по ее охране. Павильон выставки 1950 г. содержал 9 залов различной величины. Объединяющей стержневой темой экспозиции был показ того, что силам лагеря реакции и войны противостоят сейчас не отдельные вспышки восстаний, а грозный фронт народов, героически борющихся за свою свободу и национальную независимость. Конкретные формы и стадии этой борьбы были показаны на отделах Африки, Индии, Индонезии, Народной республики Китая, Демократической республики Вьетнама, Народно-демократической республики Кореи.

Этой выставке был предпослан вводный отдел, открывающийся высказыванием И. В. Сталина: «В лагере капитализма мы имеем империалистические войны, национальную рознь, угнетение, колониальное рабство и шовинизм. В лагере Советов, в

лагере социализма мы имеем, наоборот, взаимное доверие, национальное равноправие, мирное сожительство и братское сотрудничество народов.

Большая географическая карта наглядно показывала зрителю две группы стран современного мира: СССР, страны народной демократии в Европе и освободившиеся от империалистического господства колониальные и полуколониальные страны Азии, с одной стороны, и находящиеся еще в системе империализма страны — метрополии и колонии, с другой стороны.

Отдел Африки имел три основные темы: а) страна и ее население; б) культура населения и ее судьба в условиях колониального угнетения; в) история борьбы за национальную независимость и ее современный этап.

Почти пять столетий Африка служила резервуаром, из которого черпались рабы. Десятки миллионов несчастных были добычей специальных экспедиций, живым товаром в бесчеловечном торге европейских работорговцев. Почти 50% их гибло в пути; оставшаяся половина попадала на плантациях Америки в нечеловеческие условия. Организация кровавые колониальные войны, натравливая народы Африки друг на друга, колонизаторы захватывали шаг за шагом территорию континента, сгоняя коренных обитателей с лучших земель в гнилые места, так называемые «резерваты». Доведенное до предела обнищания, лишенное минимальных человеческих прав, коренное население континента рассматривается только как поставщик рабского труда для разработки горнорудных богатств и выращивания ценнейших экспортных культур.

Фотографии отдела показывают зрителю гнусную, предательскую роль, которую играли и сейчас играют в этом закабалении представители местной феодальной и племенной знати. Как пример колониального раздела континента и хищнической эксплуатации его богатств устроители выставки правильно взяли область Бельгийского Конго. Именно в этой области открыты богатейшие залежи военно-стратегического сырья. Схемы и фотоматериал отдела показывали вытеснение американским капиталом инвестиций остальных «рыцарей наживы»; создание и нынешний вид центра урановых и медных разработок — района Катанги. Лагерь за колючей проволокой, работа под надзором вооруженных надсмотрщиков, гроши за изнурительный труд, контрактация, равная самопродаже в рабство, и кандалы за малейшую попытку борьбы с ним (шейные кандалы нагло именуются колонизаторами «национальный галстук») — таковы условия жизни африканских рабочих в этом передовом по технической оснащенности районе. Ряд фотографий и документов позволял видеть, что народы Африки не мирятся с созданным положением. Они твердо идут по пути национальной и, что важнее, классовой консолидации. Создаются профсоюзные объединения; в Египте, Алжире, Тунисе, Марокко, Южно-Африканском Союзе, существуют коммунистические партии. Демократическое объединение Африки, руководимое коммунистами, насчитывает свыше 2 млн. членов. Народы Африки участвуют в международных съездах и организациях трудящихся (на конгрессах молодежи в Праге и Будапеште, на конгрессе женщин Азии в Пекине и т. д.). Экспонаты заключительного шита отдела (фото, местные газеты, листовки) свидетельствуют о горячей любви народов Африки к отечеству трудящихся всего мира — СССР, к гениальным мыслителям, вождям мирового пролетариата Ленину и Сталину.

Отдел Индии занимал два зала. Зал первый (карта, схемы, ряд фотографий, пять шкафов с вещевыми экспонатами и центральный макет индийской деревни, выполненный в Индии) давал представление об Индии — стране богатства и нищеты, стране величественных дворцов и жалких лачуг, стране древней культуры и потрясающего бескультурья преобладающей массы населения. Колониальная политика империалистической Англии превратила Индию в сырьевой придаток метрополии. Развитие промышленности тормозится из боязни конкуренции и потери рынка. Местные ремесла задавлены конкуренцией ввозимых из метрополии дешевых фабричных изделий. Индийские ткани, стяжавшие мировую известность качеством и художественностью, сохранили лишь узкий восточноазиатский рынок сбыта. Керамические изделия, ювелирные и художественные изделия из металла не находят сбыта. Ремесло теряет кадры и приходит в забвение.

Экспликация к стендам подчеркивают, что и прежде народ-творец, трудящиеся массы Индии (второй в мире по населенности страны) не пользовались плодами своего труда. Построенные на базе применения подневольного полурабского труда, величественные мавзолеи и дворцы, памятники — шедевры мирового зодчества высятся в колониальной Индии как символ многовекового феодального гнета. Не менее древними по типу являются и орудия труда, которые индийский крестьянин употребляет при возделывании почвы. Столь же древней является и оросительная система. Она еще поддерживается там, где земельные площади заняты под хлопок и другие технические, экспортные культуры; в остальных районах она запущена и разрушается год от года. Урожай низкий. Более 2/3 урожая отдает крестьянин владельцу земли и сборщику налогов. Макет деревни наглядно показывает, как ничтожны размеры арендуемых крестьянами полей — быку повернуться негде. До 20 посредников — субарендаторов стоят между владельцем земли и арендатором-крестьянином. Вот почему средняя продолжительность человеческой жизни в Индии 30 лет (в Англии 65 л.). Ежегодно умирают от голода десятки тысяч людей. Каждый третий индиец голодает.

Большой стенд отдела был посвящен борьбе индийского народа с колонизаторами, началом которой Маркс считал так называемое сипайское восстание 1857 г. Поч-

ты сто лет прошло с тех пор. В первом десятилетии XX в. борьба трудящихся масс Индии приобретает массовый характер. В 20-х годах в Индии возникают отдельные коммунистические организации. В 1923 г. они объединяются как единая компартия Индии. Пролетариат постепенно завоевывает руководящие позиции в революционном движении. В 1946 г. восточный Хайдерабад становится областью распространения советов. Захват и раздел помещичьих земель, установление власти трудового крестьянства, проведение социальных преобразований — определили расширение движения. Вскоре оно перекинулось в Центральные провинции, в Мадрас. Буржуазное антипарламентное правительство Хиндустана послало в Хайдерабад отборные войска. Однако движение не подавлено. Советы в Индии продолжают существовать.

Материал этого стенда говорит и о разделе Индии на Хиндустан и Пакистан, проведенном Англией вопреки желанию народа при поддержке индусской и мусульманской буржуазии. Карта Индии наглядно свидетельствует о лоскутности Пакистана, необоснованности принципов раздела, о вреде, приносимом разделом экономики обоих государств и их населению. Раздел лишь облегчает сохранение английского колониального господства в Индии. Стенд заканчивался материалами (фотографии, журнал «Индо-Совет»), говорящими о дружеских чувствах народов Индии к великому Советскому Союзу.

Зал Индонезии открывался стендом, посвященным географической, экономической и исторической характеристике страны. Экспликацией подчеркивалось также стратегическое значение островов Индонезии.

В качестве иллюстрации к купным строчкам о борьбе колонизаторов за острова пряностей в соседнем шкафу экспонировались образцы корицы, ванили, модель лодки, выполненная индонезийцем-кустарем из гвоздики, а также предметы внутренней и внешней торговли Индонезии: чай, кофе, сахарный тростник, дамаровая смола, кокосовый орех. Фотографии, копии гравюр и т. п. говорили о проникновении в Индонезию голландцев. В XVI—XVII вв. голландцы, пользуясь раздорами местных властителей, захватывают прибрежные районы островов, а затем распространяют свое влияние и на предгорья. Пользуясь почти даровым трудом порабожденного населения, колонизаторы принудительно вводили и распространяли плантационные культуры (кофе, сахарный тростник, каучуконосы, пряности), перепахивая и приспособлявая под их посадку посевные площади, издавна разгороженные под рис и другие продовольственные культуры.

Лишенное пищевых продуктов, индонезийское крестьянство под угрозой голодной смерти вынуждено было искать работу на любых условиях. Орудия труда примитивны. Работой заняты не только руки и ноги, но даже зубы индонезийских женщин (зерна кофе лущат зубами). Попытки найти работу в городах безуспешны. Промышленность не развита. Ремесло в упадке. Ткачество (на выставке были широко представлены образцы знаменитого яванского способа набойки — батикования в различных звеньях этого процесса) терпит жестокую конкуренцию дешевых индийских тканей. Ювелирные изделия не находят сбыта. Даже оружейники (малайские криссы с пламевидным лезвием славились по всему островному миру) сокращают выработку. Резьба по дереву, как и строительное искусство, не требует рабочих рук — колонизаторы не строят величественных храмов и дворцов (Боробудур и другие архитектурные ансамбли раннего индонезийского зодчества широко представлены на выставке в фотографиях и чертежах).

В конце XIX — начале XX в. развитие получает горнодобывающая промышленность. Растет сеть железных дорог. Растет индонезийский пролетариат. Железнодорожные мастерские явились колыбелью пролетарских организаций. Уже в 1920 г. оформляется организационно коммунистическая партия, ставшая во главе революционного движения трудящихся Индонезии. По указке колонизаторов местные власти проводят террор по отношению к компартии (фотографии стенда говорят об убийствах коммунистов, ссылке их в лагерь Дигуль и т. д.). Гонениям подвергается и профсоюзная организация Индонезии. В 1942 г. Индонезию оккупируют японские захватчики. С первых же дней оккупации индонезийцы ведут упорное вооруженное сопротивление, изгоняют японских оккупантов и провозглашают независимую демократическую республику.

Республика широким фронтом приступила к осуществлению культурного строительства. Мирный период в жизни республики недолог. Голландские колонизаторы пытаются вновь надеть ярмо рабства на шею народов Индонезии. Однако они наталкиваются на упорное сопротивление индонезийцев. Борьба за национальную независимость охватила различные слои индонезийского общества. Сопротивление не было сломлено, если бы не предательство крупной буржуазии. Стенд заканчивался материалом, говорящими о проникновении в Индонезию американских «миротворцев», марионетками которых фактически стали голландские колониальные власти. Майская демонстрация 1950 г. показала, что индонезийцы четко осознают, что главной опасностью сейчас является агрессия американская. Борьба за национальную независимость в Индонезии не кончена. Она вступила в новую фазу. В этой борьбе индонезийцев воодушевляет великая победа китайского народа.

Отдел Китая занимал два зала. Первый из них — исторический — открывался экспликацией, говорящей о провозглашении Народной республики 1 октября 1949 г. как моменте, открывающем новую эру в истории китайского народа. Китай — страна

древней высокой культуры. Территория ее богата ископаемыми, почвы известны своим плодородием. Китай первая в мире страна по количеству населения и по национальной компактности (более 80% ее почти пятистимиллионного населения составляют китайцы). На выставке были представлены прекрасные изделия из бронзы (образцы чжоуской, минской и современной бронзы: XII в. до н. э.—XIX в. н. э.), резного дерева, резного камня (нефрита, яшмы, аметиста и др. XV—XVIII вв.), слоновой кости, фарфора, лака, а также ширма из дворца из черного дерева с вышитыми гладью шелковыми панно, изображающими заоблачные чертоги 8 бессмертных. Среди изделий из фарфора была представлена коллекция табакерок, привезенных П. К. Козловым из мертвого города Харохото, сосуды уникальной коллекции Ухтомского (Минского времени — XV в.) и др. В витрине, отражающей вклад Китая в мировую сокровищницу культуры, были представлены писчая бумага, тушь, ксилографы для книгопечатания, компас, порох и т. д.

Вместе с тем экспликация подчеркивала, что создатель этих высоких культурных ценностей, китайский народ, тысячелетиями был бесправен, стонал под игом «своих» и иноземных угнетателей. В середине XVII в. Китай стал объектом нападения со стороны маньчжур. Завоевав страну, маньчжурская династия правила в ней почти три столетия. С периода так называемых опиумных войн, опасаясь народных восстаний, маньчжурские императоры Китая искали поддержки у зарубежных держав, компенсируя «издержки» предоставлением различных льгот и территориальных уступок. В 1911 г. династия Цин была свергнута, но революция 1911 г. не принесла освобождения трудовым массам. Земля осталась в руках помещиков. Страну раздирает борьба милитаристических групп.

Разбазаривание богатств страны, превращение ее в полуколоннию западных держав и США особенно сказались в период, когда после поражения революции 1925—1927 гг. к власти приходит правое крыло партии гоминдан, руководимое палачом китайского народа Чан Кай-ши. Материалы стенда (фото так называемых иностранных кварталов, парадов войск американцев, японцев, французов на улицах Пекина, Шанхая и других городов и т. п.) говорили о неравноправных договорах, праве экстерриториальности и тому подобным унизительных «обязательствах», навязанных китайскому народу империалистами и их чанкайшистскими пособниками.

Заключительный стенд зала говорил о бесправии и угнетении трудовых масс города и деревни в гоминдановском Китае, их бесчеловечной эксплуатации, об уродливом развитии экономики страны, деградации сельского хозяйства (модели орудий труда, диаграммы землевладения и землепользования и т. д.). Китай — страна древнего плужного земледелия. Однако в гоминдановском Китае земледелие стало мотыжным, грядковым. Огромные земельные массивы не использовались вследствие отсутствия орошения или разрушения древней ирригационной системы.

Трудовые массы Китая не могли и не хотели мириться с полурабским положением. Коммунистическая партия, у руководства которой с момента ее организационного оформления (1920), стоял вождь китайского народа т. Мао Цзе-дун, поднимает массы на борьбу за демократизацию страны, за национальную независимость, за улучшение положения трудящихся, за передачу власти в стране народу. С вторжением в страну японцев коммунистическая партия призывает к всенародному отпору агрессору. Вместе с тем в советских районах, возникших в огне революции 1925—1927 г., а затем в особом пограничном районе (Шэньси — Ганьсу — Нинся) китайский народ видит живой пример заботы о благе народа, осуществляемой народной властью под руководством коммунистической партии. Представленные на выставке макеты (подарок женщин освобожденных районов Китая Антифашистскому комитету советских женщин в 1948 г.) фанзы крестьянина в гоминдановском Китае и усадьбы крестьянина в освобожденном районе наглядно показывают преимущество последней.

Народно-освободительная армия, руководимая т. Мао Цзе-дуном и ее главнокомандующим т. Чжу Дэ, в течение всего периода борьбы с Японией была по существу единственной в стране военной силой, дававшей агрессору сокрушительный отпор и организовывавшей на борьбу силы народа. Лучшие гоминдановские военные силы по приказу Чан Кай-ши бросались на братоубийственную борьбу против Народно-освободительной армии, на блокаду Особого района и содержались у границ с СССР. После поражения, нанесенного армиями Советского Союза самурайским войскам, и капитуляции Японии чанкайшистская банда, при поддержке американских империалистов (в виде войск, вооружения и колоссальных денежных средств — свыше 6,6 млрд. долларов), развязала гражданскую войну. В ходе этой, последней для китайского народа, гражданской войны гоминдановские армии были разбиты, а остатки их и потрепанной банды Чан Кай-ши изгнаны за пределы страны. Лишь остров Тайвань еще томится под американско-чанкайшистским игом.

Великой победе китайского народа посвящен второй зал Китая. На новейшем фотоматериале, гравюрах, китайской периодической печати и других экспонатах, полученных сектором Восточной Азии Института этнографии от ВОКС и Антифашистского комитета советских женщин, посетитель выставки живо знакомился с военными событиями 1949 г.: освобождением Нанкина, Шанхая, Кантона, Пекина, Юго-Западного Китая, разгромом группировок Ма Буфана и Ма Хункуя. Большой стенд был посвящен созыву Всекитайской консультативной конференции, провозгласившей создание Народной республики Китая, принявшей ее гимн, герб и флаг и избравшей на

базе сотрудничества всех демократических сил страны ее Центральное правительство во главе с вождем коммунистической партии и всего китайского народа т. Мао Цзе-дун. Фотоматериалы о заседаниях конференции, портреты ведущих деятелей правительства, отдельные моменты военного парада в Пекине в честь провозглашения Народной республики, народное ликование в древней столице страны, схема центральных органов и т. п.— неизменно приковывали к стенду внимание посетителей.

Стенд заключался материалами о китайско-советском дружбе, признании молодой республики Советским Союзом и всем лагерем демократии. Говоря о причинах, обусловивших победы китайского народа, т. Мао Цзе-дун восклицает: «Если бы не существовало Советского Союза, если бы не было победы в антифашистской второй мировой войне, если бы — что особенно важно для нас — японский империализм не был разгромлен, если бы в Европе не появились страны новой демократии, то нажим международных реакционных сил был бы гораздо сильнее, чем сейчас. Разве мы могли бы одержать победу при таких обстоятельствах? Конечно, нет». Говоря о великой силе идей, приведших к победе, т. Мао Цзе-дун сказал: «Мы благодарны Марксу, Энгельсу, Ленину и Сталину, давшим нам оружие. Это оружие не пулеметы, а марксизм-ленинизм».

Отдельный стенд, над которым был расположен пятизвездный флаг нового Китая, ознакомил посетителей выставки с составом политбюро ЦК Коммунистической партии Китая.

Заключительный стенд отдела был посвящен хозяйственному и культурному строительству нового Китая. В области сельского хозяйства: аграрному закону (текст его, наделение крестьян землей, помощь армии крестьянам в обработке полей и крестьян армии в снабжении и переноске грузов), расчету крестьян с помещиками и ростовщиками, созданию бригад взаимопомощи — первичной формы коллективизации в обработке земли и государственных хозяйств — очагов механизации. В области промышленности и транспорта: восстановлению и введению в строй новых предприятий, шахт, железнодорожных линий. В области развития культуры материалы выставки показывали организацию сети технических школ, борьбу за ликвидацию неграмотности, широкое развитие детских оздоровительных учреждений и школ, применение новой программы преподавания в школах и вузах страны. Литература, искусство, наука стали достоянием народа. Исключительный интерес посетителей вызвал также шкаф, где были показаны подарки, преподнесенные в Китае членам первой советской делегации деятелей культуры и искусства: прекрасная, высокохудожественная картина с накладными рисунками из тонких слоев пробки и плетенные из соломы крестьянские туфли; детские игрушки работы школьников и стекальные изделия работы кустарей-стеклодувов и т. п.— все это выражало любовь и горячую признательность китайского народа его старшему брату — народу СССР и лично товарищу Сталину. Написанные каллиграфически искусно иероглифами здравницы в честь товарища Сталина и товарища Мао Цзе-дуна, выполненные китайским художником Ли Дэгинем, украшали этот зал.

Зал, посвященный демократической республике Вьетнама, строился по общему плану. Стенд первый говорил о природных богатствах страны, превращенной французскими колонизаторами в сырьевую базу, откуда выкачивались рис, каучук, кофе, чай, уголь, железо, олово, никель, вольфрам и т. п. Колониальным поработенно вьетнамского народа французскими империалистами содействовала феодально-бюрократическая верхушка, а в последнее время и городская и сельская буржуазия. Экспонаты шкафа (прекрасные изделия — лак, бронза, резной камень, высокохудожественные одежды из шелка, вышитого гладью и золотом и т. д., фото величественных архитектурных ансамблей и в параллель им — жалких лагун, пловучих жилищ — сампанов, мастерских с примитивным техническим оборудованием и т. д.) показывали, что народ, творец этих величайших культурных ценностей, систематически голодал, работал за гроши в ужасающих условиях. Хозяином страны был фактически «Его величество Индо-Китайский банк».

Заключительный стенд был посвящен борьбе вьетнамского народа за национальную независимость, возглавляемой объединением демократических партий Вьетмина, ведущую роль в котором играет коммунистическая партия, руководимая вождем всего вьетнамского народа президентом Хо Шиминем. Фотоматериалы стенда говорили об успехах республики в области военной (рост численности вооруженных сил, создание регулярной армии, оснащение ее вооружением, часто за счет оружия, добытого в боях), экономической (аграрные мероприятия, восстановление и создание промышленности и т. д.) и культурной (борьба за ликвидацию неграмотности, развитие народного образования и здравоохранения и т. п.). Американо-французские колонизаторы контролируют менее 10% территории страны с населением около 2 млн. человек, но и там у них почва горит под ногами. Недалек день, когда народ выбросит их из страны. В этой борьбе вьетнамцев поддерживают трудящиеся Франции, активно противодействующие отправке во Вьетнам военных грузов и т. д. Отдел заканчивался композицией из знамени республики и карты, показывавшей, с одной стороны, районы оккупации, но с другой, — районы борьбы с американо-французскими колонизаторами в соседних Лаосе и Камбодже.

Девятый зал выставки был посвящен борьбе корейского народа с американскими захватчиками. Отдел открывался стендом с физико-экономической картой Кореи. Экспликация к стенду знакомила посетителя выставки с узловыми момента-

ми истории Кореи, ранними этапами борьбы корейского народа с японскими захватчиками. На вещевых экспонатах двух шкафов и фотоматериалах второго стенда отражался быт, основные занятия, древняя культура корейского народа. Археологические экспонаты (керамика, бронза, резьба по кости, холодное оружие и т. д.) показывали отрасли художественного ремесла, в ряде случаев заимствованные затем у корейских мастеров японцами.

Третий стенд говорил о не ограниченной ничем эксплуатации Кореи и ее населения японскими оккупантами. Корейский народ не мирился с властью угнетателей. Восстание 1919 г. было потоплено в крови повстанцев, многие из них бежали в пределы нашей Родины. Восстания вспыхивали неоднократно. Освобождение от японского ига принесли корейскому народу воины Советской Армии. Последовательный в сталинской политике мира Советский Союз предоставил корейскому народу право решать самостоятельно вопросы дальнейшего государственного строительства. Однако свободное волеизъявление корейского народа было сорвано американскими империалистами.

Четвертый стенд отдела был посвящен плодотворному мирному экономическому и государственному строительству Северной Кореи и страданиям корейского народа под пятой американцев и их ставленников — банды Ли Сын Мана южнее 38-й параллели. Первоначально отдел заканчивался письмом корейского народа к товарищу Сталину, вождю народов, знаменосцу мира. Жизнь внесла коррективы в экспозицию: после провокации лисынмановцев 25 июня 1950 г. и открытия военных действий американского агрессора против героического корейского народа отдел был дополнен шитом с картой военных действий с флагами, отмечающими ежедневно изменения в линии фронта, в соответствии с сообщениями главного командования вооруженных сил Кореи.

Выставку посетило более 100 тыс. человек. Многие из них оставили в книге отзывов выставки записи, в теплых выражениях говорившие о гордости советских людей за успехи стран лагеря мира, возглавляемого нашей Великой Родиной.

...«Народы, не желая больше жить по-старому, берут судьбу своих государств в свои руки, устраивают демократические порядки и ведут активную борьбу против сил реакции, против поджигателей новой войны», — это высказывание товарища Сталина имели целью проиллюстрировать устроители выставки на материалах Африки и Восточной и Южной Азии. Судя по отзывам зрителей, это им удалось.

Г. Стратанович

НАУЧНАЯ СЕССИЯ В ХАКАССИИ

Хакасская автономная область является одной из передовых в Советском Союзе. До революции территория ее представляла собой обширный район, расположенный в Минусинской котловине, в которой довольно компактной группой обитали хакасы, именовавшиеся тогда «абаканскими» или «минусинскими татарами». Они были причислены к так называемым «кочевым инородцам» и жили в тяжелых социально-экономических условиях, порождаемых колониальной политикой царизма. Следствием этого явилась их политическая, экономическая и культурная отсталость, ликвидировать которую они смогли только после Великой Октябрьской социалистической революции в результате неуклонного проведения ленинско-сталинской национальной политики.

В условиях советского государственного строя Хакассия в исключительно короткий срок превратилась в индустриально-аграрную область с развитой промышленностью и крупным механизированным сельским хозяйством. На базе развитой социалистической экономики быстро растет и культурный уровень хакасского населения. Одним из важнейших показателей этого является развитие науки в Хакассии. Это выражается в наличии здесь как целого ряда научных учреждений, так и своих научных кадров, ведущих научно-исследовательскую работу. Вполне естественно, что в системе мероприятий, отметивших 20-летний юбилей существования области, выдающееся место принадлежит специальной научной сессии в г. Абакане, организованной Хакасским научно-исследовательским институтом языка, литературы, истории, Хакаской опытной станцией орошаемого земледелия, Абаканским государственным педагогическим институтом, при участии Южносибирской комплексной экспедиции Совета по изучению производительных сил, Института этнографии и Института истории материальной культуры Академии Наук СССР. Эта сессия явилась выдающимся событием как в культурной жизни области, так и в деле разностороннего изучения Хакассии передовой советской наукой. На этой сессии были подведены некоторые итоги научной работы и намечены пути и проблемы дополнительных исследований в Хакассии. В дни своей работы научная сессия находилась в центре внимания общественности Хакассии и привлекла большое число гостей.

В программу работы хакасской научной сессии было включено свыше 30 докладов, большая часть которых заслушана на открытых заседаниях сессии. Такое большое число докладов продиктовало необходимость разбить работу сессии по секциям. Были организованы две большие секции: сельскохозяйственная и секция языка, литературы, истории. Часть докладов заслушана на общих, пленарных заседаниях сессии. К ним относятся доклады: Л. П. Потапова «Основные этапы истории хакасов»,

С. В. Киселева «Вопросы происхождения хакасов в свете достижений советской исторической науки», директора Научно-исследовательского института Н. Г. Доможакова «Работы И. В. Сталина по языкознанию и проблемы изучения хакасского языка», заведующего сектором истории этого же института Н. С. Мартынова «К вопросу о формировании социалистической нации у хакасов» и К. П. Горшенина «Основные пути развития сельского хозяйства Хакассии».

Пленарное заседание прошло в обстановке большого подъема и торжественности. Просторный зал заседаний Дома Советов был переполнен гостями и участниками сессии. Сессию открыл 25 октября большим вступительным словом секретарь Хакасского областного комитета ВКП(б) Т. Н. Немежиков, отметивший успехи трудящихся Хакассии в области экономики и культуры, достигнутые к юбилейной дате. В конце пленарного заседания председатель Хакасского областного исполнительного комитета Совета депутатов трудящихся вручил почетные грамоты ряду ученых, работы которых оказали существенную помощь в деле развития экономики и культуры Хакассии.

Дальнейшая работа научной сессии протекала в секциях. В программу работы сельскохозяйственной секции вошло свыше 10 докладов. Ведущим из них явился доклад секретаря Хакасского обкома ВКП(б) Н. П. Гудилина «Развитие сельского хозяйства Хакассии за 20 лет». На сессии выступили работники Хакасской опытной станции орошаемого земледелия с группой интересных докладов, отражающих плодотворную работу этого научного учреждения. А. Г. Турбин представил доклад «Новая система орошения в Хакассии», кандидат сельскохозяйственных наук Г. Н. Мясников — «Механизация орошаемого земледелия». С докладом «Генезис почв Хакассии» выступил Н. И. Карнаухов, доклад на тему «Лесоразведение в условиях Хакассии» сделал П. Ф. Фомин. Группа научных сотрудников Южносибирской комплексной экспедиции Академии Наук СССР представила серию ценных научных докладов, имеющих большое практическое значение для народного хозяйства Хакассии. Из них отметим коллективный доклад кандидатов сельскохозяйственных наук С. А. Иванова, И. Ф. Ноздрева и ученого секретаря В. Ф. Червинского «Состояние и перспективы развития животноводства в Хакасско-Минусинской котловине», доклады кандидатов сельскохозяйственных наук Е. И. Саночки «Полководство Хакасско-Минусинской котловины», Н. Д. Градобоева «Почвы Хакассии и пути повышения плодородия», кандидата биологических наук Л. М. Черепнина «Естественные кормовые ресурсы Хакассии и перспективы их использования» и др.

Работа секции языка, литературы и истории также была посвящена интересным и актуальным темам. О Хакассии как стране древней металлургии сделал доклад руководитель Южносибирской комплексной экспедиции Академии Наук СССР кандидат геолого-минералогических наук Л. В. Громов. К этой группе докладов примыкает и работа крупного специалиста по археологии Хакассии кандидата исторических наук Л. А. Евтюховой на тему «Древняя культура хакасов». Отрадным явлением, характеризующим стремление наших историков изучать вопросы современности, нужно признать включение в работу секции следующих докладов: «Борьба за власть Советов в Хакассии» А. Н. Устинова; «Вопросы новейшей истории в трудах И. В. Сталина» доцента В. Э. Скорман; «Социалистическая культура хакасов» Д. И. Нагрузова; «Литература советской Хакассии» М. А. Унгвицкой. Вопросы изучения языка были представлены на сессии двумя докладами. Первый из них, уже упомянутый выше, был прочитан на пленарном заседании одним из первых советских ученых-хакасов кандидатом филологических наук Н. Г. Доможаковым, второй — на тему «Вопросы лексики хакасского языка» сделал научный сотрудник Хакасского научно-исследовательского института Г. Ф. Бабушкин.

Перечисленными докладами тематика хакасской научной сессии не исчерпывается. Однако уже из сделанного обзора программы работ научной сессии напрашиваются некоторые выводы. Прежде всего это относится к характеру тем, представленных на сессии, как тем актуальных, имеющих не только теоретическое, но и практическое научное значение. Тематика сессии убедительно отражает основной принцип советской передовой науки — связь ее с практикой экономического и культурного строительства Хакассии. Таким путем выполняется указание величайшего ученого современности И. В. Сталина о служении передовой науки народу. Программа работ хакасской научной сессии свидетельствует и о том, что на сессию вынесены новые, важнейшие вопросы, решение которых под силу только советской науке, вооруженной передовым методом марксизма-ленинизма. Старая казенная наука, оторванная от жизни, не имевшая научного метода исследования, даже не ставила вопросов, подобных тем, о которых речь шла выше. Наконец, нельзя не отметить содружества советских ученых, выступивших на данной сессии, выражающегося в соединении усилий местных научных работников и ученых из других городов нашей Родины. Едва ли можно сомневаться в том, что такая связь ученых различных специальностей с практикой социалистического строительства, братское содружество русских и хакасских ученых будут плодотворны по своим результатам.

Проведение научной сессии, посвященной 20-летию со дня образования Хакасской автономной области, — новое свидетельство постоянной заботы нашей коммунистической партии и правительства о дальнейшем развитии экономики и культуры Хакассии.

ЭКСПЕДИЦИОННАЯ РАБОТА ИНСТИТУТА ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ, ИСТОРИИ И ИСКУССТВА ЯКУТСКОГО ФИЛИАЛА АКАДЕМИИ НАУК СССР

Институт языка, литературы, истории и искусства Якутского филиала АН СССР летом 1950 г. провел большую комплексную экспедицию в Усть-Алданский и Амгинский районы Якутии по выявлению исторических памятников, изучению советского фольклора, современного народного музыкального, танцевального и прикладного искусства. Возглавил экспедицию директор Института кандидат исторических наук З. В. Гоголев. В составе экспедиции работали лингвистический отряд — начальник кандидат филологических наук Е. И. Убратова, члены: П. П. Барашков, Г. А. Никифоров, аспирант Н. К. Антонов, лаборантка В. Д. Кривошапкина; фольклорно-искусствоведческий — начальник заслуженный деятель искусств РСФСР и ЯАССР М. Н. Жирков, члены: кандидат филологических наук Г. У. Эргис, М. Я. Жорницкая, лаборантка А. Л. Новгородова; историко-этнографический отряд — начальник кандидат исторических наук З. В. Гоголев, члены: В. Н. Чезезов, народный художник ЯАССР М. М. Носов, аспирант Д. Д. Петров. За два месяца работы члены экспедиции проехали свыше 1600 км и побывали в 16 наслегах, в 22 колхозах.

Большой материал, собранный экспедицией, представляет несомненный интерес для понимания современной культуры якутского колхозного крестьянства и позволяет уточнить ряд историко-этнографических вопросов.

Данные, выявленные лингвистическим отрядом, характеризуют распределение и особенности якутских говоров в обследованных районах. Записано значительное число текстов по фонетике, лексике, морфологии и синтаксису. Материал, собранный лингвистическим отрядом, показывает быстрое проникновение якутского литературного языка в среду сельского населения.

Фольклористом экспедиции Г. У. Эргисом записано свыше 30 советских фольклорных песенных текстов, имеющих массовое распространение. Зафиксированы также исторические легенды и предания о местных героях-прародителях наслегов, о знаменитых олонхосутах, певцах и рассказы о гражданской войне с устоявшимся сюжетом. В процессе работы выявлены группы новых мастеров олонхосутов и певцов-импровизаторов.

Свыше двухсот песен и мелодий на современную тематику, а также образцы олонхо, старинных народных плясовых и исторических песен записаны композитором М. Н. Жирковым. Произведено изучение репертуара песенных коллективов при районных домах культуры, сельских клубах и школах. Особенно одаренные исполнители, встреченные экспедицией, направлены в музыкальное училище. Наблюдения, проведенные участниками экспедиции, показывают, что многие русские песни стали народными песнями якутов. Во всех обследованных наслегах отмечено широкое бытование песен якутских и русских советских композиторов. Новые мелодии сочиняются обычно на тексты якутских советских поэтов. Материалы экспедиции показывают исчезновение горловых песен.

Большой материал собран М. Я. Жорницкой, работавшей по изучению якутских народных танцев и игр. Впервые выявлены и описаны наследные варианты якутского танца осуохай, различающиеся по темпу и ритму. Как удалось выяснить, под влиянием русской пляски ритм осуохай за последнее время резко изменился от медленного к быстрому, маршеобразному. Несомненную ценность представляет материал, собранный по старинным якутским танцам, ритуальным движениям и позам.

Интересную работу провел историко-этнографический отряд. Членом отряда — народным художником ЯАССР М. М. Носовым — производилось обследование современных колхозных поселков. Изучению подвергались жилые и общественные здания, хозяйственные постройки. Отмечено полное исчезновение глинобитных полов, выгеснение камельков своеобразными, более экономными каминами с плитами. Из вещественных материалов, доставленных этим отрядом, особого внимания заслуживает старинная берестяная ураса, состоящая из 32 кусков бересты размером $3-3,5 \times 1-1,5$ м., юрта, обнаруженная в заброшенном амбаре. По словам населения, она пролежала свыше 120 лет. Участниками экспедиции изучены наземные погребения — арангасы и погребения XVII—XVIII вв.: могилы современника Тыгына предка Бугуйаского рода Суор Бугдука, предка Бетюнского наслега известного военного предводителя Эгей Делюю. В связи с раскопками З. В. Гоголевым записано значительное число исторических преданий.

Материал по теме «Земельная реформа 1929 г. в Якутии» собирал ученый секретарь Института В. Н. Чезезов. По полученным им данным составлены карты земельных владений до и после реформы. По своей диссертационной теме «Героический труд якутского крестьянства в период Отечественной войны» собирал материал аспирант Д. Д. Петров. Материалы, доставленные экспедицией, будут отражены в подготовляемых к печати плановых работах участников экспедиции.

И. С. Гурвич

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ РАБОТА В ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ЧЕХОСЛОВАКИИ

Культура и наука народов Чехословакии на протяжении нескольких столетий развивалась в специфических условиях гнета австро-венгерской монархии. Славянское население областей, входивших в состав многонациональной империи, систематически

подвергалось насильственной германизации и мадьяризации. Несмотря на тяжелый иноземный гнет, народы современной Чехословакии в ходе длительной борьбы за политическую и национальную свободу сохранили и развили свою национальную культуру.

В условиях чехословацкой буржуазной республики науки, в том числе и исторические, продолжали оставаться верным орудием в руках стоящей у власти буржуазии. Только освобождение Чехословакии Советской Армией от ига фашизма и победа чехословацкого народа под руководством коммунистической партии в феврале 1948 г. открыли новые, широкие перспективы для развития в стране науки и культуры, поставив одновременно перед работниками идеологического фронта ряд серьезных задач.

Огромное значение для дальнейшего развития в стране науки и культуры имели решения VIII съезда Коммунистической партии Чехословакии и состоявшейся 9/1 1948 г. в Праге первой общереспубликанской конференции партийных работников идеологического фронта. Во исполнение принятых решений было начато широкое наступление против всевозможных проявлений буржуазной идеологии, за воспитание новой интеллигенции «в духе прогрессивного мировоззрения, в духе диалектического и исторического материализма, в духе марксизма-ленинизма»¹.

Перед чехословацкой исторической наукой в связи с выдвинутыми партией и правительством задачами встала необходимость пересмотра с марксистских позиций ряда важнейших проблем истории Чехословакии и борьбы с буржуазно-националистическими извращениями истории. Среди мероприятий, отвечавших этим задачам, надо особо отметить два: в 1948 г. в Пражском университете был прочитан цикл лекций, посвященных основным этапам чехословацкой истории; в ноябре 1949 г. в Праге состоялась конференция историков Чехословакии совместно с представителями советской исторической науки, констатирующая победу марксизма-ленинизма в исторической науке Чехословакии.

Большое внимание коммунистическая партия и правительство Чехословакии обращают на изучение богатой национальной культуры народов страны.

В середине апреля 1948 г. в Праге состоялся двухдневный национальный конгресс работников культуры, поставивший ряд новых задач в области народной культуры. На конгрессе были заслушаны доклады президента республики К. Готвальда, министра информации В. Копецкого, министра высшего образования З. Неудлы. Основной задачей, стоящей перед работниками культуры новой Чехословакии, является, как отметил К. Готвальд, борьба за создание новой, социалистической культуры, национальной по форме, социалистической по содержанию, и возрождение освобожденной от иноземного гнета богатой самобытной культуры народов Чехословакии, ставшей теперь общим достоянием трудящихся масс.

«Теперь перед нами встала с полной серьезностью задача не только возродить наполненную новым содержанием народную культуру, но и вести ее к высшим ступеням развития. Мы ставим себе целью создать народную культуру высокой ценности и социалистической направленности»², — говорил В. Копецкий на вечере работников культуры в 1948 г.

Этнографическая наука в народно-демократической Чехословакии также переживает эпоху своего возрождения. Первое пятилетие ознаменовано возрождением на новых основах научных этнографических центров, культурно-просветительных учреждений, координацией в стране этнографической работы, огромным оживлением краеведческой работы.

29—30 января 1948 г. по инициативе министерства просвещения на философском факультете Пражского университета был созван первый общереспубликанский съезд этнографов, наметивший дальнейшие пути развития чехословацкой этнографии. На съезде был оглашен ряд докладов, затрагивавших важнейшие вопросы современной этнографической науки в Чехословакии. Участники съезда констатировали, что этнографическая работа в стране до сих пор стоит на низком идеологическом уровне, не отвечающем задачам исторической науки в народно-демократической Чехословакии; справедливо отмечалось, что в чехословацкой этнографии до сих пор господствующее место занимает взгляд на этнографию как «науку для науки», оторванную от конкретных потребностей и задач общества. «Необходимо стремиться поставить нашу этнографическую науку и практику на идеологическую основу, соответствующую народно-демократическому строю и способствующую созданию социалистического общества... Как наука о народе она будет служить прежде всего народу»³, — сказано в резолюции съезда по данному вопросу. Съезд отметил как один из серьезнейших недостатков, тормозящих развитие в стране этнографической науки, отсутствие единого научно-этнографического центра и подготовленных марксистски-грамотных кадров. Принятая на съезде резолюция указывала на необходимость создания в стране этнографического института, скорейшей подготовки квалифицированных кадров этнографов. Таким центром, по решению съезда, должен был стать вновь создаваемый общегосударственный этнографический союз с этнографическими секциями при краевых народных советах, координирующий в стране мероприятия по пропаганде этнографи-

¹ См. выступление президента Готвальда на IX съезде компартии Чехословакии, «Правда», 1949, № 147.

² Rudé Právo, 1948 № 65, с. 2.

³ I celostátní národopisná konference, «Český Lid», 1949, No 1—2, s. 44.

ческих знаний. В задачу Союза входит организация культурно-массовых мероприятий, пропаганда этнографии путем выставок, докладов и т. д. Отмечалась необходимость всемерной поддержки и изучения всех видов народного искусства, народных промыслов. В связи с этим было принято постановление об организации ежегодных этнографических праздников в Стражице и Девине. Участники съезда обратились в министерство информации и просвещения с просьбой возглавить организационную работу до создания этнографического союза.

На съезде также было принято решение об установлении теснейшего сотрудничества с этнографами СССР и стран народной демократии как важнейшего залога успешного развития чехословацкой этнографии.

Таким образом, общереспубликанский съезд чехословацких этнографов 1948 г. явился начальным этапом в создании новой чехословацкой этнографии, по своим установкам и устремлениям резко отличающейся от старой буржуазной науки.

До второй мировой войны этнографическая работа концентрировалась в ряде научных обществ и музеев страны. Им принадлежит большая заслуга в деле укрепления национального самосознания, развития народной культуры чехов и словаков, на протяжении нескольких столетий находившихся под гнетом австро-венгерской монархии. Но методологически работа, проводимая ими, была неудовлетворительна, так как она осуществлялась в направлении антимарксистских либерально-буржуазных изысканий.

Научными обществами и музеями Чехословакии, иногда насчитывающими около 100 лет существования, накоплен огромный фактический материал.

Пражский национальный музей (Národní muzeum), основанный в 1818 г., имеет большое этнографическое отделение, возникшее в результате слияния трех музейных фондов, значительно пополненных в последующие годы. Старейшими коллекциями музея являются предметы домашнего крестьянского производства из промышленного музея Напрстковой, основанного в 1877 г., экспонируемые в Национальном музее под характерным названием «труд наших матерей». Позднее этот отдел, наряду с чешскими и словацкими, стал включать и коллекции других славянских народов.

В 1891 г. в Праге была открыта Земская юбилейная выставка, имевшая большой успех у публики. Особое внимание посетителей привлекло отделение народного искусства, где была представлена чешская хата с ее внутренней обстановкой. Окрыленные успехом на выставке «чешской хаты», сотрудники отдела народного искусства энергично принялись за создание при Чешском национальном музее этнографического отдела. В 1893 г. в музее были экспонированы первые витрины в виде сельских интерьеров, размещенных по географическому признаку. В 1895 г. к чешским коллекциям прибавились одежда, мебель, хозяйственная утварь из моравско-силезских областей. В 1910 г. была создана общеславянская коллекция, состоявшая в основном из русских, сербских и хорватских подарков.

В 1891 г. в Праге состоялся съезд исследователей народной культуры, на котором была запечатлена организация в 1893 г. в Праге этнографической выставки, создание на базе ее экспонатов специального этнографического музея, открытие чешского этнографического общества как научного центра дальнейшей работы.

5 марта 1895 г. Любор Нидерле был назначен первым директором открытого Этнографического музея. Этим числом можно датировать начало в Чехии систематической этнографической работы. 15 мая 1896 г. состоялось открытие первых шести залов музея для публичного обозрения. Первый отдел выставки включал жилище, хозяйственные постройки, народную одежду и вышивки, народные занятия, материалы по обычному праву, народной медицине и народному творчеству чехов и словаков. Во втором отделе были сосредоточены материалы по географии, антропологии, демографии, языку народа. Позднее было организовано третье отделение, где были представлены сравнительные материалы славянских народов.

22 октября 1896 г. коллекции музея были переданы в ведение незадолго до этого основанного Чехословацкого этнографического общества (Národopisná společnost československá). К концу 1899 г. коллекции музея достигли 6000 экземпляров, собрание фотоснимков и диаграмм — 3000, этнографическая библиотека насчитывала около 1000 томов.

В 1921 г. часть коллекций Этнографического общества была передана Чехословацкому земледельческому музею, а основная масса коллекций вошла в состав Национального музея, где было создано специальное этнографическое отделение. В 1922 г. указанное отделение, наряду с чешскими и словацкими коллекциями, имело значительное собрание предметов материальной и духовной культуры других европейских народов. Больших размеров достигали вспомогательные коллекции, включающие собрания картин, гравюр, фотографий и репродукций, обширную этнографическую библиотеку.

Национальный музей располагает одним из старейших научных периодических изданий «Журнал Национального музея», основанным 124 назад Ф. Палацким⁴.

Вторым этнографическим центром Чехословакии является Этнографическое чехословацкое общество (Národopisná společnost československá), основанное в 1895 г., издававшее специальный этнографический журнал «Чехословацкий этнографический вестник»⁵.

⁴ «Časopis Národního musea», 1823—1940.

⁵ «Národopisný vestník československý», 1895—1939.

В 1892 г. под непосредственным влиянием двух краеведческих выставок было положено начало изданию научно-популярного этнографического журнала «Чешский народ»⁶. В первые годы издания, когда редактором и сотрудником журнала был Нидерле, журнал публиковал содержательные статьи по разным проблемам этнографии, археологии, антропологии, фольклора, рецензии на труды отечественных и иностранных ученых и имел обширный хроникальный отдел. Постепенно круг интересов редакции сужался, и в конце концов журнал превратился в простое собрание этнографического материала. В 1932 г. вместо «Český Lid» стал издаваться «Журнал по истории деревни»⁷, посвященный в основном изучению прошлого крестьянства, прекративший свое издание в период немецкой оккупации.

Перед войной этнографическая работа в Словакии концентрировалась в основном в Словацком национальном музее, основанном в 1893 г.; этнографические публикации помещались в «Сборнике Словацкого музейного общества»⁸.

Матица Словацкая, основанная в 1863 г. в Турчанском святом Мартине в период усиленного мадьярского гнета, явилась для угнетенного словацкого народа первым крупным культурным и научным центром, сыгравшим немалую роль в развитии его национального самосознания.

В 1939 г. при старейшем научном обществе в Словакии — Матиче Словацкой — была создана этнографическая секция и положено начало изданию «Этнографического сборника»⁹, крупнейшего этнографического ежегодника Чехословакии.

Этнография в буржуазной Чехословакии, как видно из изложенного, в основном ограничивалась собиранием, классифицированием и сравнительным изучением музейных материалов. Сотрудники музеев вели большую работу по собиранию этнографического материала и его научной систематизации. Но в самой организации и направленности собирательской работы нашли выражение в корне неправильные установки либерально-буржуазной науки. Исходя из укоренившегося в буржуазной этнографии порочного представления о том, что носителем специфики народа является зажиточная часть крестьянства, чехословацкая этнография занималась изучением быта и культуры преимущественно кулачества и городских ремесленников, предметы домашнего быта, национальная одежда, жилище которых и экспонировались в музеях. Таким образом, сельская буржуазия представлялась основным хранителем и выразителем национальной культуры, трудящиеся же массы крестьянства представлялись утерявшими национальный характер, недостойными представлять собой культуру народа.

Старые кадры этнографов, воспитанные на различного рода буржуазных школах, далеко стояли от подлинно исторической, марксистской науки. Нередко этнография служила орудием шовинистической политики националистически настроенной чешской буржуазии.

По окончании войны правительство новой демократической Чехословакии приняло энергичные меры по построению на новых основах этнографической науки, для чего надо было восстановить и реорганизовать научные и культурно-просветительные центры страны, деятельность которых была нарушена войной и немецкой оккупацией.

В 1946 г. был национализирован и получил дополнительное помещение Национальный музей, что дало возможность создать обширное собрание народной керамики. Этнографическое отделение Национального музея в настоящее время представляет в своих коллекциях быт и культуру трудового крестьянства и городских ремесленников буржуазной Чехословакии. Коллекции отдела материальной культуры дают представление о развитии жилища со всей его внутренней обстановкой и хозяйственными постройками, различных видов народного изобразительного искусства (архитектура, пластика, живопись), отдельных предметов труда городских и сельских ремесленников. Отдел духовной культуры содержит материалы по народным верованиям, народной медицине, фольклору, хореографии; отдел так называемой социальной культуры — материалы по семейной и общественной жизни на селе, народным обычаям. В 1946 г. было возобновлено издание «Журнала Национального музея»¹⁰. Журнал выходит двумя сериями: естественные науки и духовная культура. В последнем отделе помещают свои работы и сотрудники этнографического отдела музея.

Этнографическое общество после вынужденного бездействия в годы войны возобновило свою деятельность в 1947 г. изданием журнала «Чехословацкий этнографический вестник»¹¹. Помимо научной и издательской работы, сотрудники общества проводят публичные лекции. Так, в городской библиотеке Праги был прочитан цикл этнографических лекций по архитектуре сельского дома, старым формам народной культуры.

⁶ «Český Lid», 1892—1932.

⁷ Časopis pro dějiny venkova, 1932—1943.

⁸ «Sborník slovenskej muzealnej spoločnosti». Последний — 36-й том — вышел в 1943 г.

⁹ «Národopisný sborník. Časopis Národopisného odboru. Matice Slovenski, 1945/46, roc. VI—VII, zes. 1—2, 3—4; 1948, roc. VIII, zes. 1—2.

¹⁰ «Časopis Národného múzea», 1946, roc. 65; 1947, roc. 66; 1948, roc. 67.

¹¹ «Národopisný zvestník československý», 1947—1948.

В 1946 г. возобновилось издание ежемесячного этнографического журнала «Český Lid»¹², посвященного этнографии и истории чешского и словацкого крестьянства.

В настоящее время этнографическая работа в Словакии протекает в этнографической секции Матицы Словацкой и недавно основанном в составе Словацкой академии наук и искусств Институте этнографии. Матица является важнейшим научным, культурно-просветительным и издательским центром освобожденной Словакии, имеющим 10 научных секций в центре и около 400 отделений на местах. Этнографическая секция Матицы по освобождению из-под немецкой оккупации отчетливо выражает стремление чехословацкой этнографии преодолеть традиции либерально-буржуазной науки и развертывает свою издательскую деятельность. Сотрудники отдела, помимо публикаций научных статей в центральном журнале, сотрудничают в местных газетах, проводят большую культурно-просветительную работу на местах.

В настоящее время в Чехословакии функционирует ряд областных музеев. В городском музее Домажлица экспонируются собрания коллекций по народному искусству и национальным ходским костюмам. В городах Пильзне, Собеславе и в Весели над Лужницей находятся этнографические музеи народного искусства. В Рожнове выстроен «Музей в природе»; воспроизводящий валашскую деревню.

Говоря о развитии в послевоенной Чехословакии этнографической науки, нельзя не отметить большого оживления краеведческой работы и широкой пропаганды на местах этнографических знаний. В июне 1945 г. по решению министерства информации были созданы при областных отделах народного просвещения специальные культурно-региональные комиссии, на которые возложена концентрация в областях краеведческой, археологической и этнографической работы. Особое место в деятельности культурно-региональных комиссий уделяется этнографической работе, которая сосредоточивается в специально созданных этнографических секциях. Указанные секции развернули интенсивную работу по собиранию, а также изучению этнографического материала и народного творчества. Этнографические секции силами своих членов проводят чтение популярных лекций по народной культуре и искусству, организуют концерты народных песен и плясок, выставки, показ короткометражных этнографических фильмов.

Особенно интенсивно краеведческая работа развернулась в Моравии. В декабре 1945 г. по инициативе областного отдела народного просвещения города Брно в Силезской Моравии организовано краеведческое общество с целью установления сотрудничества между отдельными краеведческими кружками области. Краеведческое общество организует курсы, лекции, экскурсии, выставки, широко пропагандирует краеведение в печати. Общество ставит себе целью хранение всего архивного, музейного и мемуарного материала области, поддержку местных краеведческих журналов, в числе которых нужно отметить центральный краеведческий орган на Мораве — «Краеведческий вестник моравского музейного союза в Брно»¹³, а также ряд областных изданий, как-то, «Наша Валахия»¹⁴, «Загорская хроника», «Силезский сборник»¹⁵, являющийся продолжением «Вестника матицы опавской». В 1945 г. в Опаве был организован Силезский научный институт (Slezský studiijní ústav v Opavě), сосредоточивший в себе всю историческую, этнографическую и краеведческую работу в Опавской Силезии. Центральным органом Силезского института является указанный выше «Силезский сборник».

По инициативе отдела народного просвещения в Брно в Моравской Силезии создано 5 этнографических округов (словацких, ганацких, валашских, горацких, силезских) с объединяющим центром в областном музее города Брно, располагающим богатыми коллекциями народных костюмов и местных видов керамики. Каждая из указанных этнографических областей по намеченному плану превращается в объект всестороннего тщательного этнографического изучения. Подобное мероприятие предполагается провести в Чехии и других областях Словакии. В ближайшем будущем проектируется организация Музея на открытом воздухе в г. Готвальдове и Института народной культуры в Брно с его филиалами в центральных районах Моравии и Силезии.

За послевоенное пятилетие по инициативе министерства информации и искусства при непосредственном участии областных и центральных музеев был организован ряд выставок, посвященных народному искусству чехов и словаков.

В 1946 г. в Праге была открыта выставка, посвященная материальной и духовной культуре населения чешской Силезии. В 1948 г. в Кромержиже функционировала выставка ганацкого народного искусства, на которой наибольшее место было отведено народной одежде и керамике. В гравюрах, чертежах, рисунках и оригинальных картинах было представлено развитие ганацкого народного костюма от начала XVIII в. до 1860 г. Особое внимание привлекали картины Йозефа Манеса (1820—1871), изображающие бытовые сцены, костюмы, народные типы чехов и словаков.

Силами областного музея в Опаве в 1949 г. была открыта выставка народного искусства Силезии, на которой были сконцентрированы экспонаты двух предыдущих выставок — «Народная живопись на стекле в Силезии» 1948 г. и «Народное искусство в Силезии» 1949 г. 4—5 июня 1949 г. в Вшетине действовала выставка «Валахия в

¹² «Český Lid», 1946, roc. I, № 1—10; 1947, roc. II, № 1—10; 1948, roc. III, № 1—12; 1949, roc. IV, № 1—12; 1950, roc. V, № 1—11.

¹³ «Vlastivědný věstník Moravský», 1946, roc. I; 1947, roc. II.

¹⁴ «Naše Valašsko», 1948, roc. X.

¹⁵ «Slezský sborník» 1945, roc. 43, № 1—4; 1946, roc. 44, № 1—4; 1947, roc. 45, № 1—4; 1948, roc. 46, № 1—4; 1949, roc. 47, № 1—4; 1950, roc. 48, № 1—3.

труде», на которой довольно хорошо была представлена краеведческая и этнографическая литература о Валахии.

Неделя чехословацко-польской дружбы в марте 1948 г. была ознаменована открытием в Варшаве выставки чехословацкого народного искусства. В двух залах Варшавского народного музея были экспонированы пластика, живопись, графика, вышивки, керамика, ткани и т. д. чехов и словаков. Во время пребывания в Польше чешской делегации в Варшаве была созвана этнографическая конференция с участием историков искусства и музейных работников, положившая начало сотрудничеству ученых Польши и Чехословакии.

Большие успехи в области экономики и культуры, трудовой энтузиазм чехословацкого народа, повышение его материального благосостояния освобождают творческие силы народа, открывают богатые возможности для роста его творчества. В современной Чехословакии, где народное искусство и народное творчество пользуются всемерной поддержкой государства, широкое распространение получили народные этнографические празднества, привлекающие к себе внимание как любителей народного искусства, так и профессионалов-исследователей.

5—7 июля 1946 г. в словацком городе Стражнице было организовано первое массовое народное гуляние с широким участием самостоятельных народных коллективов из различных областей Словакии. На празднике перед присутствующими были продемонстрированы словацкие народные песни и пляски в исполнении народных коллективов близлежащих городов Ратишовец, Грубе, Врбка и Рохате. Это первое массовое послевоенное народное празднество выявило творческую силу народного искусства, его большие возможности, продемонстрировало богатство талантов народа и поставило перед чехословацкой этнографией ряд злободневных вопросов, связанных со всесторонним изучением народного искусства. Эти празднества послужили толчком к организации в отдельных областях Чехословакии краеведческих кружков, поставивших себе целью всестороннее изучение культуры и быта населения данной области.

Народные словацкие празднества приняли характер ежегодных общереспубликанских торжеств. Начиная с 1946 г., ежегодно в двух словацких городах Стражнице и Девине в июльские дни устраиваются народные гуляния, во время которых происходит смотр народных ансамблей песни и пляски, воспроизводятся отдельные бытовые сцены и народные обычаи. Народные исполнители включают в свой репертуар, наряду с современными народными песнями и плясками, старинные обрядовые песни и танцы. Особый интерес народные гуляния представляют для исследователя истории народной одежды и ее современных форм. Здесь можно наблюдать национальные словацкие костюмы различных областей, многие из которых вышли из повседневного обихода. Богатый материал для исследователя народных обычаев дает детальное воспроизведение отдельных бытовых сцен. Так, например, на празднике 1949 г. силами местных народных коллективов была дана театрализованная постановка свадьбы из Куновиц и Рогатицы.

В текущем году намечается организация общегосударственных этнографических праздников в Праге, Брно, Братиславе.

Чехословацкими этнографами за первое послевоенное пятилетие поставлен и отчасти разрешен ряд организационных вопросов, намечены пути дальнейшего развития чехословацкой этнографической науки. Основной задачей этнографов в настоящее время является борьба со всякого рода рецидивами реакционной идеологии и создание квалифицированных марксистских кадров исследователей. Этнографы вместе со всеми работниками научного фронта должны включиться в борьбу за создание новой, социалистической культуры. Чехословацкая этнография должна выйти за узкие рамки музейной работы и внести свою долю в дело социалистического строительства стран народной демократии. Чехословацкие этнографы должны сосредоточить свои силы на всестороннем изучении богатой национальной культуры освобожденных народов Чехословакии, важнейшим предметом этнографического исследования должен стать современный быт трудящихся города и деревни новой демократической республики.

И. А. Калоева

ЛЕВ СЕМЕНОВИЧ БЕРГ

(1876—1950)

Некролог

Смерть академика Л. С. Берга — одного из крупнейших советских биологов и географов — есть в то же время тяжелый удар и для нашей этнографической науки. Покойный академик как бы воплощал в себе ту славную традицию русской науки, которая делала многих выдающихся натуралистов одновременно и замечательными исследователями человека и его культуры. Эта традиция идет еще от Ломоносова и Крашенинникова и продолжается через Бэра, Миклухо-Маклая и Анучина до Л. С. Берга.

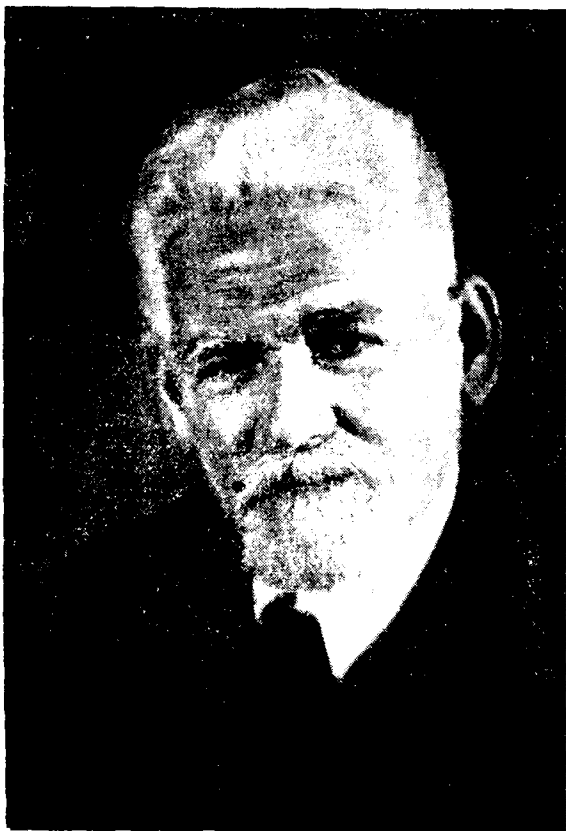
Л. С. Берг родился в 1876 г. в Бендерах Бессарабской губ. Окончив Кишиневскую гимназию, а потом физико-математический факультет Московского университета с дипломом первой степени (1898), он затем большую часть своей жизни посвятил

изучению рыб и географии морей и озер. Сначала он вел в этой области практическую работу — заведывал рыбными промыслами на Сыр-Дарье в 1899—1903 гг., в Казани в 1903—1904 гг., потом перешел на научную работу: с 1904 г. стал заведывать отделом рыб и рептилий Зоологического музея Академии Наук. В 1909 г. Л. С. Берг защитил магистерскую диссертацию на тему «Аральское море» (СПб., 1908), за которую ему была присуждена ученая степень не магистра, а сразу доктора географии, — настолько серьезным и фундаментальным оказалось исследование. Вскоре вышел в свет его трехтомный труд «Рыбы» (в серии «Фауна России»), а затем «О происхождении фауны Байкала». В 1914—1918 гг. Лев Семенович — профессор Московского сельскохозяйственного института по ихтиологии, с 1918 г. он вновь в Петрограде в качестве профессора по географии в Петроградском университете и заведующего озерным отделом Гидрологического института. В 1928 г. Л. С. Берг избран членом-корреспондентом АН СССР. С 1933 г. он — сотрудник Географического института, с 1935 г. — Зоологического. В 1934 г. ему присвоено звание заслуженного деятеля науки.

В 1940 г. он избран президентом Всесоюзного географического общества, в 1946 г. — действительным членом Академии Наук СССР. Таковы основные вехи научной биографии Льва Семеновича Берга.

До конца своей жизни Л. С. Берг продолжал считать ихтиологию основной своей специальностью. Однако меньше всего можно назвать покойного академика узким специалистом. Напротив, мало найдется ученых с таким необычайно широким горизонтом знания, с такой многогранной эрудицией, с такими разносторонними интересами. Он был географом и зоогеографом, лимнологом, климатологом... Недаром был он учеником Д. Н. Анучина и учеником, которого Анучин особенно ценил и любил. У Анучина Л. С. Берг слушал курсы географии, антропологии, может быть, и «этнологии», которую Дмитрий Николаевич тоже читал своим студентам¹. Отсюда, несомненно,

¹ Идеиная связь с Д. Н. Анучиным навсегда сохранилась у его ученика. В архиве Л. С. Берга сохранилось 25 писем Анучина. Памяти своего учителя Лев Семенович посвятил несколько очерков («Географический вестник», т. 2, вып. 1—2, 1922; «Природа», 1924, № 1—6; «Известия ВГО», т. 80, вып. 6, 1948, и др.).

идет у Л. С. Берга его неиссякаемый интерес не просто к географии, но и к «географии человека», т. е. к народам и их культуре.

Этот интерес сказался уже в первых работах молодого натуралиста. Еще в 1900 г.—в начале своей работы «смотрителем рыбных промыслов» на Сыр-Дарье—Л. С. Берг начал записывать народные предания и сказки казахов, с которыми он там сталкивался. Первая запись его—«Киргизское сказание о циклопе»—напечатана в газете «Русский Туркестан» (1900; позже напечатана в «Этнографическом обозрении», 1915, № 3—4). Он не только записал это сказание, но и подверг его сравнительному анализу, сопоставив с известным эпизодом из греческой «Одиссеи». Тогда же был напечатан его небольшой очерк «Уральцы на Сыр-Дарье» («Русский Туркестан», 1900, № 22).

В дальнейшем интерес Л. С. Берга к изучению человека и его культуры не только не ослабевал, но усиливался и расширялся. Постепенно наметилось несколько как бы мостиков, которые связывали область основной научной деятельности Л. С. Берга—зоологию, зоогеографию, географию—с изучением человека, с историко-этнографической тематикой. Такими мостиками были: 1) историческая география и история географических открытий, 2) современная география человека и 3) ономастика.

С областью исторической географии Л. С. Берг столкнулся сразу же, как только задался целью понять особенности природы Средней Азии, в частности изучавшегося им Аральского моря. Уже в 1902 г. он помещает в «Туркестанских ведомостях» (№№ 94, 96) статью «Исторические сведения об Аральском море». В 1905 г. в «Известиях Географического общества» напечатана его статья «Высыхает ли Средняя Азия?», где он выступает против ходячего мнения о роковом «высыхании» целых обширных стран. В его замечательной монографии «Аральское море» объемистая первая глава посвящена очерку истории исследования в связи с историей картографии Аральского моря. Здесь автор обнаружил такую глубокую эрудицию в исторической литературе, которой мог бы позавидовать любой историк. В дальнейшем Л. С. Берг не раз возвращался к вопросу об «изменениях климата в историческую эпоху» («Землеведение», кн. 3, 1911; «Природа», 1915, октябрь); в огромной степени раздвинув рамки исследования и сопоставив данные в разнообразных исторических источниках о климате Азии, Европы, Африки, Л. С. Берг пришел к решительному выводу, что «о непрерывном усыхании (земли или отдельных стран) в течение исторического периода не может быть речи». Понятно, какое большое значение имеет этот вывод для историко-этнографических исследований.

Впоследствии Л. С. Берг особенно заинтересовался историей замечательных русских открытий на крайнем северо-востоке Сибири и в северо-западной Америке. Этим открытиям посвящен целый ряд его работ: «Известия о Беринговом проливе и его берегах» (Записки по гидрографии, т. II, вып. 2, 1920); «Из истории открытия Алеутских островов» («Землеведение», г. 26, вып. 1—2, 1924); «Открытие Камчатки и камчатские экспедиции Беринга» (М.—Л., 1924; 2-е издание «Открытие Камчатки и экспедиции Беринга», 1935; 3-е издание 1946 г.); «Открытия русских в Тихом океане» (сборн. «Тихий океан», Л., 1926); «История географического ознакомления с Якутским краем» (сборн. «Якутия», 1927) и др. В последние годы появились работы Л. С. Берга: «Очерки по истории русских географических открытий» (М.—Л., 1946; 2-е издание, 1949 г.); «300-летие открытия Семеном Дежневым Берингова пролива» («Вестник АН СССР», 1948, № 10); «Открытия русских в северо-западной Америке» (Л., 1950) и др.

Эти работы сделали Л. С. Берга одним из крупнейших историков географических открытий. Но под географическими открытиями Л. С. Берг всегда понимал и этнографические открытия.

С историей этнографической науки непосредственно связаны такие работы Л. С. Берга, как «Русские этнографические карты» («Человек», 1928, № 1), а также его очерки об отдельных русских исследователях: о Л. Я. Штенберге («Человек», 1928, № 1, без подписи), о Н. Н. Миклухо-Маклае («Вестник АН СССР», 1938, № 5), о Д. Н. Анучине (см. выше).

К этому же кругу тем надо отнести и работы Л. С. Берга по истории научных учреждений, связанных с географическими исследованиями: «Всесоюзное Географическое общество за сто лет» (М.—Л., 1946; автор уделит там большое место и истории этнографических исследований); «Летопись Географического общества за 1845—1945 гг.» («Известия ВГО», 1946, № 1); «Географические и экспедиционные исследования Академии Наук» («Вестник АН СССР», 1945, № 5—6). Одной из предсмертных работ Л. С. Берга была статья «Вклад Географического общества в изучение Китая» («Вестник АН СССР», 1950, № 6).

Вопросам современной этнографии посвящено меньшее число работ Л. С. Берга,—зато они представляют особо большой интерес. Наиболее значительны из них две книги Льва Семеновича, посвященные Бессарабии. Первой из этих книг—«Бессарабия, страна, люди, хозяйство» (Пгтр., 1918)—русский ученый как бы выполняет почетный патристический долг. Будучи родом из Бессарабии, он не мог спокойно смотреть на то, как враги России незаконно захватили этот благодатный край, пользуясь временной слабостью молодой советской республики. Л. С. Берг вместе с другими советскими гражданами горячо протестовал против этого грабительского акта со стороны боярской Румынии. «Конечно, никогда,—писал он в предисловии к книге,—ни один

русский не согласится с отторжением от России одного из лучших кусков ее территории. Мы считаем ничтожным постановление какого-то никому неведомого «Сфатул-церия», действовавшего к тому же под угрозой румынских жандармов и пулеметов». «...Румыния произвела хищнический захват областей, на которые она не имеет никакого права, ни этнографического, ни политического». «Если, благодаря настоящей книжке, русская интеллигенция живее почувствует совершенное над ее родиной, в Бессарабии, насилие и проникнется убеждением в необходимости отстаивать эту жемчужину России всеми силами и средствами, то автор будет считать свою задачу исполненной» (названная работа, стр. VIII). В книге излагается в популярной форме серьезный и содержательный материал по географии, этнографии и экономике Бессарабии.

Очень интересна и другая книга — «Население Бессарабии, этнографический состав и численность» (Птгр., 1923, Труды КИПС, 6). Серьезные этностатистические и историко-этнографические данные сопровождаются подробной, крупномасштабной (10-верстной) этнографической картой Бессарабии. Составитель уделил в ней место даже самым мелким национальным группам, которых всего размещено на карте 11. Столь подробных этнографических карт немного можно указать для других местностей СССР или зарубежных стран.

Наконец, чрезвычайно интересные те работы Л. С. Берга, — хотя бы и мелкие по размерам, — где ученый касается вопросов этногенеза. Он подходил к этим вопросам большей частью со стороны ономастики, — прослеживая историю какого-нибудь названия, термина, этнического или местного имени. При этом у него иногда любопытным образом связывались его естественно-научные знания с интересом к этногенетическим проблемам. К этой группе относятся статьи Л. С. Берга: «О происхождении названия Москва» («Географический вестник», вып. 3—4, 1925); «О происхождении алеутов» («Человек». 1928, № 2—4); «О древнем расселении енисейских самоедов или энцев» («Известия ВГО», 1945, № 5); «Родина тохаров и распространение лосося» (там же, 1946, № 1); «Названия рыб и этнические взаимоотношения славян» («Сов. этнография», 1948, № 2); «О названии Хвалынского моря» («Известия ВГО», т. 81, вып. 4, 1949).

Однако трудно было бы перечислить все даже только этнографические или имеющие отношение к этнографии работы Л. С. Берга. Покойный ученый был буквально неистощим в своей литературной продукции. Общее число его печатных работ превышает 600. Были годы, когда он писал до 60 работ (59 работ в 1945 г.). Он не переставал писать почти до последних дней своей жизни. Еще немало работ, подготовленных или данных в печать Л. С. Бергом при жизни, увидит свет после его смерти. В числе их есть такие его рукописи, как «Кочующие и этнографические сюжеты», «Основные задачи нашей этнографии», «О происхождении домашних кошек» и др.

О живом интересе Л. С. к этнографии особенно наглядно свидетельствует такой факт. За три месяца до смерти Лев Семенович, еще полный творческой энергии, прислал в редакцию журнала «Советская этнография» письмо. Вот его текст:

«Ленинград, 2/X—1950.

В редакцию журнала «Советская Этнография».

Вернувшись из отпуска, я получил Ваше письмо от 28 августа.

Весьма признателен за любезное приглашение принимать участие в журнале «Советская Этнография». Предполагаю в 1951 г. прислать Редакции свою небольшую работу «Некоторые соображения об этногенезе».

В отношении содержания журнала нужно сказать, что Редакция делает все возможное, чтобы сделать журнал интересным. У меня на будущее есть такое пожелание: было бы желательно, чтобы в журнале давались краткие обзоры того, что сделано за советское время по этнографии отдельных народов СССР. Напр. по грузинам вышло за последнее время немало ценных работ, частью на грузинском языке. Некоторые были рассмотрены в «Сов. Эти.», но хотелось бы получить общий обзор — по этому народу (и по другим). Желательно, чтобы в этих обзорах была затронута также антропология и археология.

Акад. Л. Берг»

В лице Л. С. Берга страна потеряла не только крупнейшего ученого, но и активного советского общественника. С первых дней после Октябрьского переворота Л. С. Берг решительно стал на сторону советской власти. До последней своей болезни он не переставал горячо участвовать в общественной жизни родной страны. Даже в последние годы, несмотря на преклонный возраст, Л. С. Берг постоянно ездил по приглашениям читать лекции и доклады — на заводах, у писателей, у пионеров, по радио и во многих других местах. Все, кто лично знал Льва Семеновича, не могли не поддаться обаянию этой светлой личности, этого престарелого, но молодого духом, отзывчивого и неутомимого ученого и прекрасного человека.

С. Токарев

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ АБХАЗСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Абхазская литература — одна из самых молодых в СССР. Только в годы советской власти появились первые стихотворения, повести, рассказы писателей Абхазии, старейшим из которых является Д. И. Гулиа, выступивший на литературную арену уже в конце 20-х годов. 30-е и 40-е годы — годы невиданного расцвета социалистической по содержанию, национальной по форме советской культуры — отмечены появлением ряда первоклассных произведений молодых абхазских писателей. В числе их роман И. Г. Папаскири «К долгой жизни», повести лауреата Сталинской премии Г. Д. Гулиа «Весна в Сакене» и «Добрый город».

Роман Папаскири «К долгой жизни» впервые был напечатан на абхазском языке в 1937 г. и только в 1949 г. переведен на русский язык. Автор рисует картину жизни абхазской деревни, начиная с первых лет установления советской власти и кончая победой колхозного строя. На общем фоне борьбы с дореволюционным прошлым, со всевозможными вредными пережитками, мешающими построению в Абхазии социалистического общества, рельефно выступает основная сюжетная линия — борьба героя романа Темура с одним из сильнейших пережитков прошлого — обычаем кровной мести. Темура — сын бедняка. Отец его умер в нищете, брат убит. Темура дал клятву отомстить за смерть брата неизвестному убийце. Он считает это целью своей жизни и только по этой причине не женится на любимой девушке Зине. Ведь по старым абхазским понятиям не отомстить за кровь — величайший позор. Неотомстивший кровник не имеет права показываться в общественных местах, не может спокойно предаваться мирной жизни, не считается даже человеком. Тяжелый долг мести тяготит Темура. Он почти не занимается хозяйством, не участвует в жизни селения. Наконец, Темура узнает, что убийца его брата — отец Зины, мстивший за смерть своей сестры; князь Мурзакан, бывший действительным убийцей девушки, ловко сумел направить гнев ее родных на голову ни в чем не повинного человека. Однако теперь, когда убийца найден, Темура чувствует, что он не в состоянии совершить задуманную так давно месть: ведь Абхазия за эти годы изменилась и вместе с ней изменился и сам Темура. В селении построены новые здания, открыта школа, организован ликбез, ведется успешная борьба с кулаками и их приспешниками. Секретарь сельской парторганизации Миха уже втянул Темура в общественную жизнь: он присутствует на собраниях, его выбирают на работу в сельский кооператив, затем председателем сельсовета. Темура — кандидат партии, и Миха помогает ему окончательно преодолеть мысль о кровной мести, хотя жениться на Зине Темура еще не решает: ведь она — дочь убийцы его брата. Идут годы коллективизации. Темура активно участвует в организации колхоза, затем Абхазский Обком КП(б) Грузии посылает его на учебу в Коммунистический университет трудящихся Востока, и вот Темура снова возвращается в родное селение уполномоченным районного комитета партии. Это уже совсем новый Темура: передовой сын Советской Абхазии, сумевший полностью преодолеть все впитанные с молоком матери предрассудки. Доказательство этому — свадьба Темура и Зины. Поднимая бокал за свадебным столом, устроенным по всем правилам, предписанным абхазскими национальными обычаями, Миха говорит: «Темура — человек твердый и разумный, он знает, что кровной мести не быть в наше время. Тот, кто убивает человека, — враг народу, враг стране. Темура не считает месть доказательством мужества». Так свадьба Темура превращается в символ торжества нового, социалистического быта, нового, социалистического сознания абхазских людей.

Роман богато насыщен этнографическим материалом. Читатель находит здесь описание абхазской усадьбы, внешнего и внутреннего вида абхазского дома, предметов домашнего обихода, национальной одежды, обуви, головных уборов. Есть сведения о национальной пище, способах ее приготовления и еды. Дается довольно полное представление об обычаях гостеприимства и кровомщения, особенно о правилах поведения кровников. Несколькоми штрихами показано значение религии в прошлой жизни абхазов, рассказывается о запретных днях, жертвоприношениях, обетах в случае болезни, посиделках у постели больного. Автор рассказывает о роли знахарей и гадалок в старой Абхазии и дает описание самого обряда гадания. Небезынтересны приводимые в романе детали свадебной обрядности абхазов — приезд невесты в дом жениха, встреча ее старшим, описание «свадебного пира и т. п. Здесь, однако, вызывает сомнение сообщение Паласкири о совместном появлении на свадебном пире жениха и невесты, ибо в сельских местностях Абхазии еще и сейчас соблюдается старинный обычай, запрещающий как невесте, так и жениху присутствовать на свадебном пире. Столь же сомнительно и то, что в описываемые годы мог присутствовать на свадьбе отец невесты.

Немало внимания уделено автором описанию жизни абхазской женщины. В романе рассказывается о правилах поведения девушек, их занятиях, о семейном и общественном положении женщин, поговорной неграмотности их, разительной даже на фоне общей неграмотности абхазов. Образ матери Зины — Сельмы — это образ типичной абхазской крестьянки, опутанной в прошлом густой сетью предрассудков, чуждой и соблюдающей множество тягостных и ненужных обычаев, живущей только жизнью своей семьи и почти совершенно отстраненной от участия в общественной жизни.

Особенно большое место занимает в романе описание сословно-классовых отношений в старой абхазской деревне. Автор сообщает о сословиях князей, дворян, княжеских слуг — ашнакма, «чистых» крестьян-анхайю, рабов и рабов рабов. Давая некоторое представление о жизни этих сословий, автор, к сожалению, совершенно упускает из виду слой среднего крестьянства. Наиболее подробно описаны взаимоотношения между князьями и подвластными им крестьянами. Князь — полновластный хозяин в своих владениях. Земли принадлежит ему, крестьяне работают на его полях, их жены и дочери прислуживают в доме князя. Князю принадлежит первое место на общинных сельских собраниях. Каждый крестьянин знает, что понравившаяся князю лошадь должна быть ему подарена, ибо иначе она все равно исчезнет. Жестоко обиженный князем должен снести обиду, ибо иначе он погиб. Чтобы избавиться от княжеского произвола, многие абхазы рождаются с ним, усыновляют его по народному обычаю. Эти родственники князя — атальки, молочные братья и т. п. — становятся его ближайшими помощниками в конокрадстве, кровомщении, насилиях. Породнившиеся считаются братьями, все их имущество считается общим, но на деле (это, к сожалению, показано автором совершенно недостаточно) такое роднение приводит к еще большей эксплуатации крестьянства княжеско-дворянской верхушкой.

Не меньшее место уделено автором описанию кулацкой эксплуатации. Выведенный в романе кулак Кадыр — владелец мельницы, мануфактурной лавки, владелец обширных земель, сдаваемых крестьянам в аренду. Как и князь, Кадыр стремится «породниться» с крестьянами, чтобы этим путем усилить их зависимость от себя. В романе хорошо показано, как сословно-классовое расслоение абхазской деревни проявляется на общинных собраниях, при заключении браков и т. п.

Одно из центральных мест романа — борьба с представителями старого мира, начавшаяся в Абхазии сразу же после установления здесь советской власти. Ни князь Мурзакан, ни кулаки Кадыр и Мыкыч не могут примириться с новым порядком, когда «даже рабы рабов стали людьми». Враги ведут борьбу против нового строя жизни, против организации колхозов, всячески используя здесь не только темноту остальных абхазских крестьян, но и чтимые еще патриархально-родовые и иные пережитки: узы кровного и молочного родства, обычаи кровомщения, религиозные чувства народа, влияние знахарей и гадалок. Хорошо показано, как использовали враги народа для своей подрывной работы темных, остальных абхазских крестьянок: сестра кулака Мыкыча упорно восстанавливала женщин против вступления в колхоз.

Правильно и удачно рисуя картину подрывной работы кулачества, автор, однако, не всегда полностью использует имеющиеся у него возможности. Так, сын кулака Мыкыч, сообщающий Темуру имя убийцы его брата, делает это в романе главным образом из личных побуждений: ему, как и Темуру, нравятся Зина. Между тем хорошо известно, что абхазское кулачество еще в конце 20-х годов всячески способствовало сохранению института кровной мести, чтобы дезорганизовать с ее помощью советский правопорядок, мирную жизнь крестьян и колхозное строительство. В других случаях автор несколько упрощает сложную обстановку 20-х годов. В Абхазии, как и повсюду в СССР, враги вели работу исподтишка, скрываясь за спины подкулачников; между тем в романе антисоветская агитация проводится совершенно открыто и незамаскированно. В Абхазии, даже в наше время, молодежь отлично знает о существовании здесь в прошлом сословных различий, между тем в романе девушка Зина уже в середине 20-х годов ничего не знает о старом сословном делении.

С убедительной ясностью показано в романе торжество нового, советского строя. Если в начале книги еще говорится о том, что бедняк Ахмат берет деньги взаймы

у ростовщика, голодает и не знает, как свести концы с концами, то впоследствии мы видим его семью зажиточной, ожидающей большого урожая с колхозных полей, забывшей нужду и горе. Бедняки, никогда в жизни не имевшие собственной скотины, получают скот, им помогают выстроить новые дома. В доме кулака Кадыра открыта школа, к селению тянется нить телеграфных столбов, освоена новая культура чая, высаты огромные табачные сараи. Теперь даже старики заинтересованы в скорейшей и лучшей работе: так, на свадьбе у Темира завязывается спор стариков о том, кто из них заработал больше трудовых. Изменилась материальная основа жизни, изменились мысли и чаяния людей, незнаваемо изменились сами люди. Бывший бедняк, сын рабыни, Миха — умелый руководитель парторганизации селения. Крестьяне, еще недавно не желавшие вступать в колхоз, — теперь активные и трудолюбивые колхозники, со стыдом вспоминаящие свои бывшие заблуждения. И совсем уже невероятное превращение произошло с абхазскими женщинами, полнотой раскрепощенными советской властью. Женщины и девушки самоотверженно работают на колхозных полях. Первая комсомолка в селении Зина — лучшая ударница. Ей поручают ответственную работу колхозной учетчицы, и она успешно с ней справляется. Зина не боится нарушить запретный день своей фамилии и выйти на работу в колхоз, бросив этим вызов старому. Другие женщины не отстают от нее: Темира, вернувшегося из Москвы, более всего поражает небольшой, казалось бы, бытовкой штрих — женщины, не смевшие раньше выйти из дому без двух традиционных платков, теперь работают на полях в соломенных шляпах. Остаются еще, правда, поддерживаемые стариками пережитки прошлого (так, мать Зины приписывает болезнью мужа тому, что Зина нарушила запретный день; она обращается не к врачу, а к знахарке; устраиваются еще традиционные семейные моления), но этих пережитков становится все меньше и меньше, и полное их исчезновение — дело недалекого будущего.

Можно серьезно пожалеть о том, что автор романа, описывая великий перелом, совершившийся в абхазской деревне после установления советской власти, не подчеркнул в должной мере всю огромную роль партии большевиков, повседневно руководившей социалистическим преобразованием молодой Абхазской республики. Можно пожалеть и о том, что автор не показал, какую огромную помощь оказали абхазскому народу великий русский народ и другие народы нашей Родины, особенно грузинский, часть которого составляют абхазы. Роман Папаскири не лишен больших и малых недостатков, но эти недостатки не обесценивают интересной и полезной книги, ясно показывающей читателю торжество социалистического строя в далекой абхазской деревне.

Как бы продолжением романа Папаскири являются повести лауреата Сталинской премии Г. Д. Гулиа «Весна в Сакене» и «Добрый город», отражающие следующий этап в жизни Советской Абхазии: пышный расцвет колхозного строя, невиданный подъем социалистической по содержанию, национальной по форме абхазской культуры.

«Весна в Сакене» появилась впервые в 1948 г. и выдержала уже более 10 изданий на русском и на иностранных языках. Это — повесть о приобщении заброшенного в горах и отрезанного большую часть года от всего мира селения к современной культурной колхозной жизни с богатыми урожаями, собственной электростанцией, шоссейными дорогами. Люди, еще в недавнем прошлом поголовно неграмотные, ведшие счет времени применительно к таким «событиям», как большой снегопад, помпешляют теперь о дальнейшем повышении урожайности, о колхозной электростанции и полной электрификации села. Небольшими умелыми штрихами автор показывает перемены, происшедшие в жизни абхазов с победой советской власти и колхозного строя, и противопоставляет старое новому.

В прошлом сакенцы довольствовались жалким урожаем со своей скудной земли, считали себя в этом отношении обиженными богом, а свое положение — непоправимым. Школ и врачей не было и в помине. Некоторые более сильные семьи и фамилии (например, фамилия Мирба) занимались набегами за Кавказский хребет, откуда приводили скот. Многие из них пали жертвой кровной мести: так погибла вся семья Екупа Мирбы. Один из братьев Шаангери Канба пал от руки кровника — подручного князя Маршана, второй — сослан в Сибирь «из-за коня какого-то дворянина». Автор правильно обращает внимание читателя на характерную для дореволюционной Абхазии черту — святость родственных уз, под прикрытием которой действовали князья и дворяне, используя эти узы в своих интересах. Селение было отрезано от мира, жило своей замкнутой жизнью. Сакенцы выезжали из селения главным образом только тогда, когда нужно было просватать невесту. Девушек выдавали замуж насильно, крали, и тогда ночь, проведенная под одной кровлей с похитителем, делала ее законной женой или навлекала на нее в случае отказа от брака всеобщее презрение.

Отремела Великая Октябрьская социалистическая революция, победил и укрепился колхозный строй, многие из сынов Сакена вернулись с Великой отечественной войны, в корне изменилась и непрерывно меняется жизнь в Сакене. Глубокие старики еще выделяются своими привычками и обычаями, иным психическим складом и даже внешним обликом, но новое поколение изменилось незнаваемо. Так, 140-летний старик Шаангери Канба одевается в черкеску, носит башлык и бурку; в про-

типоволожность ему бригадир Мирба Кесоу одет в защитного цвета гимнастерку, туго перехваченную широким армейским поясом, и солдатские, смазанные козым салом сапоги — излюбленную одежду молодых абхазов. Однако, как правильно показывает автор, и среди нестарых людей имеются еще отдельные лица, поддерживающие сакенскую старину, чуждые почти забытые всеми алаты. Таковы Рашит Доуа и его друзья Антон и Адамур. Рашит не понимает, что сакенская девушка — это уже не прежняя полурабыня. Упоывая на силу аdata, он организует похищение Камы — невесты героя повести Кесоу. Похищение организуется по всем правилам, подписываемым «законом»: возвращающуюся домой девушку подстергают на тропинке, заворачивают в бурку, взваливают на лошадь, отвозят в незнакомый дом и передают на попечение старухе-хозяйке. Эта поборница отжившего прошлого угловаривает девушку покориться, ибо все совершается по предначертанию свыше. Однако советская девушка ведет себя совсем не так, как должна была бы вести себя согласно былым аdataм. Она не плачет, не покоряется, она — «взбешена». Обращаясь к похитителю, Кама запальчиво восклицает: «Я хотела бы знать, в какое время мы живем? Сород седьмой год? Да? Даже в таком углу, в медвежьем углу, как Сакен, все это напоминает глупое цирковое представление!» Разгневанная девушка требует коня, чтобы возвратиться домой, и добывается своего, ибо даже такой приверженец старины, как Рашит, понимает, что времена уже не те, и женщины не похожи на прежних.

К сожалению, из повести совершенно не явствует, что коренные изменения во всем облике абхазской женщины обусловлены прежде всего привлечением ее к общественно-полезному колхозному труду и вовлечением в общественную жизнь. Автору, несомненно, следовало бы уделить больше внимания показу роли женщин в колхозе, ибо «Женщины в колхозах — большая сила»¹. Женщины в повести Гулия почти не участвуют в важнейших событиях в жизни Сакена: обсуждении указа правительства о присвоении орден и званий Героев Социалистического Труда передовикам сельского хозяйства, пуске электростанции и т. п. Показана лишь мать молодого строителя электростанции, да и та скептически относится к затее сына. Не всегда автор достаточно последователен. Молодая колхозница Нина, сестра Кесоу, в одном месте гневно выговаривает брату, смущенному переменой, происшедшей с его невестой. В другом месте та же Нина, присутствуя при споре мужчин о необходимости новой культуры земледелия, молчит только потому, что один из спорящих — ее отец, другой — старший брат.

Таковы частные недостатки повести, но в целом она хороша и яркой картиной современной колхозной жизни, и значительным, художественно преподнесенным этнографическим материалом, и насыщающим всю книгу абхазским национальным колоритом, тонко передающим богатое своеобразие абхазской национальной культуры.

Вышедшая в 1949 г. и переизданная уже восемь раз повесть Гулия «Добрый город» продолжает сюжетную линию «Весны в Сакене». Главным героем повести Смед Куламба собирается в Москву, чтобы получить здесь высшее образование. Разве мог кто-нибудь из простых крестьян бывшего Сакена мечтать о высшем образовании, о поездке в большой город? Нашелся некогда, как вспоминают в Сакене, смельчак, пожелавший выучить сына. Долго обивал он пороги важных лиц, дошел до разорения и, так ничего и не добившись, покончил самоубийством. А сейчас молодой сакенец смело отправляется в далекий путь. Он, правда, немного смущен непривычной ему обстановкой, но беспокоится только за результат экзаменов. И действительно в огромной Москве Смед находит друзей среди русских, украинцев, белорусов, якутов. Так в повести подчеркивается благотворное влияние передовой русской культуры, братская помощь русского народа, значение великой дружбы народов СССР.

Чрезвычайно интересна небольшая, на первый взгляд, деталь, предшествующая отъезду Смела в Москву. Юноша должен уже улетать, но на паровой мельнице произошла авария, исправить которую, как кажется Смелу, может только он. Смед остается, производит ремонт и опаздывает к началу экзаменов. Здесь перед читателем раскрывается подлинно социалистическое отношение советского человека к общественному делу. Опоздавшего Смела все же допускают к экзаменам в институт, но он еще недостаточно подготовлен, и поступление на год откладывается.

В повести содержится ряд отдельных замечаний и штрихов, знакомящих читателя с теми или иными элементами абхазской национальной культуры. Автор приводит национальные песни абхазов, хорошо передает особенности своеобразной манеры абхазской речи. Имеется описание абхазской кухни, вокруг очага которой любят коротать вечера сакенцы. Кухня старая, крытая папоротником, с закопченными углами, но вместо прежней копилки в ней уже горит электрический свет. Как бы мимоходом автор описывает характерную для абхазской кухни обстановку — очаг, надочажную цепь, низенький узкий столик. Есть упоминания о национальных блюдах — мамалыге, поджаренном сыре. В дальнейшем мы видим, что Смед отправляется в Москву не с городским чехомодом, а с чрезвычайно распространенным в быту абхазов сундучком, украшенным фигурками птиц и оленей (излюбленный мотив абхазского орнамента).

¹ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е. стр. 420.

Мать Смела Камачич не плачет, провожая сына, ибо, по абхазским обычаям, «проливать слезы по сыну — позор», но, полная опасений, тяжело переживает отъезд сына. Остальные настроения Камачич подчеркиваются сентенцией отца Смела Гудала: «Женщины иногда большая помеха в жизни». Все это правдоподобно, но для Абхазии 1947 г. весьма не типично. Вряд ли в современной Абхазии найдется много матерей, сомневающихся в необходимости образования и боящихся отпустить сына на учебу; мало найдется в Абхазии людей, продолжающих считать «помехой» современную абхазскую женщину.

Сакен — типичное селение горной Абхазии, небольшая часть того огромного целого, имя которому Советский Союз. Вот почему так интересна и поучительна жизнь сакенских колхозников, их новый быт и новые далеко идущие планы. То, что рассказано здесь о Смеле Куламба, можно рассказать о миллионах советских юношей и девушек, различных по национальности, но совершенно одинаковых по своим взглядам, мыслям и чаяниям.

Новая повесть Гулиа «Черные гости» напечатана во втором номере журнала «Новый мир» за 1950 г. В основу ее положено историческое предание, раскрывающее перед нами одну из тяжелых страниц далекого прошлого Абхазии. В повести рассказывается о времени безудержной пантуркистской агрессии, поддерживаемой реакционными правительствами западноевропейских стран. Турецкие захватчики мечтают владычествовать над всем Кавказом; в Абхазии появляются «черные гости» — турецкие эмиссары, организующие феодальный заговор против владетельного князя Абхазии Келеша Чачба (Шервашидзе). Келеш — сторонник России. Вместе со всем абхазским народом он знает, что Россия — единственная страна, в составе которой возможно мирное развитие Абхазии. Лучше других абхазских князей Келеш понимает необходимость присоединения Абхазии к России: «Мы считаем себя составной частью Российской империи с той поры, когда осуществилось присоединение Грузии к России», — говорит он, выражая этими словами чаяния своего народа. Начинается инспирированный турками княжеский мятеж, Келеш и его близкие убиты. Однако действия мятежников и их связь с турками вызывают всеобщее возмущение, и все намерения турок и их сторонников, как о каменную стену, разбиваются о народное сопротивление, поддержанное дружественной Абхазии Россией. Эти далекие времена давно уже минули, но поднятые в повести Гулиа вопросы актуальны и по сей день, ибо и сейчас еще плетутся заговоры и строятся планы, заставляющие нас вместе с автором вспомнить о тех, «кто пытается снова итти проторенной дорожкой черных гостей, о тех, кто забыл уроки истории и мечтает вновь возродить темные времена». «Черные гости» Гулиа подверглись справедливой критике отмеченной, что эта жизненно-актуальная по своей теме повесть содержит ряд крупных идейно-творческих и художественных недостатков². Не считая необходимым приводить здесь уже высказанные в печати критические замечания, остановимся на имеющемся в повести этнографическом материале.

Несомненный интерес представляют описания старого Сухуми, жилища, утвари, одежды и оружия абхазов; описания эти очень отрывочны, но в большинстве своем верны. Имеются отдельные сведения об абхазском гостеприимстве: описание пира и приема гостей в княжеском доме, упоминание о том, что женщины сюда не допускаются. Упомянув о кровомщении, автор обращает внимание читателя на то обстоятельство, что этот обычай нередко использовался князьями в целях разжигания кровной вражды между двумя сильными фамилиями и тем самым — их ослабления. Умело обрисованы автором классовые взаимоотношения в абхазском феодальном обществе. Несмотря на постоянные междоусобицы, князья всегда поддерживают друг друга в своих отношениях с крестьянами. Келеш отклоняет просьбу крестьянина вернуть ему землю, отнятую князьями Маршания, ибо и Келеш — прежде всего помещик, защищающий интересы своего класса. Крестьяне ясно видят, что все князья сидят на шее у народа, но пока еще приписывают это личным качествам того или иного князя. «Как это без князей? Князь нужен, но он должен быть добрым», — говорит одно из действующих лиц повести; однако среди крестьян находятся уже и такие люди, которые выступают против классовой несправедливости вообще. Большое впечатление производят описания разбойничьих экспедиций турецких кораблей, экипажи которых разоряют и превращают в пепел целые селения, уничтожают стариков, а молодых мужчин и женщин уводят в рабство. Страшный бич абхазского крестьянства — работорговля, особенно процветавшая во времена турецкого владычества, была уничтожена лишь в середине XIX в., после утверждения в Абхазии русской администрации. Некоторые моменты повести вызывают у нас сомнения. Таково сообщение о телесных наказаниях, как известно, в Абхазии не практиковавшихся и влекших за собой кровную месть. Нельзя признать сколько-нибудь типичным и образ крестьянина-атеиста Бирама Айба: к сожалению, религиозное мировоззрение было широчайшим образом распространено в Абхазии не только в начале XIX, но и в первой четверти XX в., и в советское время потребовалось немало усилий для его преодоления.

Приведенные моменты свидетельствуют, на наш взгляд, о несколько небрежном, упрощенческом подходе к абхазскому этнографическому материалу. Нам кажется

² «Литературная газета» от 23 сентября 1950 г.

также, что этнографическим описаниям и характеристикам могло быть отведено значительно больше места, что сделало бы изложение более ярким и выигрышным.

Творческая работа писателей Советской Абхазии продолжается. И. Папаскири работает над переводом нового романа «Путь Химур», С. Цварава заканчивает работу над повестью, посвященной освоению новых земель. И. Тарба пишет новую поэму «Мать» и цикл стихотворений «Мерхеулы», Д. И. Гулна создает стихотворный цикл о колхозниках-абхазах. Можно рассчитывать, что в самом скором времени рядом с уже известными широкой общественности произведениями Г. Д. Гулна и И. Г. Папаскири появятся новые хорошие книги, принадлежащие перу абхазских писателей.

Я. Смирнова

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА, ПОСВЯЩЕННАЯ НАРОДАМ КРАЙНЕГО СЕВЕРА

Н. Задорнов, *Далекий край*, Л. 1949; Н. Задорнов, *Амур-батюшка*, Л., 1949; Р. Фраерман, *Повести и рассказы*, М., 1949; А. Коптяева, *Иван Иванович*, «Октябрь», 1949, №№ 5, 6, 7, 8; Н. Шундик, *На земле Чукотской*, Хабаровск, 1949; И. Крайт, *Северные рассказы*, Рига, 1949.

Народы Крайнего Севера, возрожденные советской властью, неоднократно привлекали внимание советских писателей. В золотой фонд советской литературы вошли книги «Последний из Удэге» А. Фадеева, «Алитет уходит в горы» лауреата Сталинской премии Т. Семушкина. Яркие моменты из современной жизни нанайцев и нивхов запечатлены в романе «Далеко от Москвы» лауреата Сталинской премии В. Ажаева (главы «Штаб Рогова», «Нани на своей земле»). В 1949 г. художественная литература обогатилась рядом книг, посвященных народам Крайнего Севера. Внимание читателей привлекают исторический роман Задорнова «Далекий край», повесть Н. Шундика «На земле Чукотской», избранные рассказы и повести Р. Фраермана и др. Предоставляя литературоведам судить о художественных достоинствах и недостатках этих книг, мы позволим себе подойти к их оценке с этнографической точки зрения.

Роман Н. Задорнова «Далекий край» повествует о событиях, происходивших на Амуре в середине XIX в., накануне вторичного присоединения этого края к России. Книга состоит из трех частей: «Амур» («Мангму»), «Маркешкино ружье» и «К Тихому океану». События в двух первых частях разворачиваются среди нанайцев (гольдов), показанных на промысле, в своих стойбищах, во время междоусобных столкновений. По ходу действия автор уводит читателя в низовья Амура к нивхам (гилякам), на остров Сахалин к айнам, на Шилку к русским казакам-забайкальцам. Третья часть романа посвящена первому путешествию Г. И. Невельского к устью Амура. В полном соответствии с историческими фактами обрисован в романе дикий произвол маньчжурских чиновников, грязные ростовщические махинации китайских купцов, каторжный режим, установленный японцами для айнов, грубые насилия «цивилизованных» американских и английских китобоев.

Перед читателем возникает яркая картина безрадостного прошлого народов Амура. Только переход в русское подданство мог избавить нанайцев, нивхов, айнов от разбоев и «услуг» китайских, маньчжурских и японских «купцов». С большим мастерством, на примере семьи гольда Ла, его сыновей Чумбуки и Удоги, автор показал мужественную борьбу коренного населения края с иноземными хищниками, стремление народов Приамурья и Приморья к сближению с русским народом, их тягу к передовой русской культуре.

Присоединение Амурского края к России в XVII в. имело большое прогрессивное значение, и когда в 1689 г. по Нерчинскому договору Амур отошел к Китаю, обменные связи между русскими крестьянами и казаками, с одной стороны, и малыми народами Амура, с другой, не прекратились. Автору удалось правдиво показать эти связи. Следует отметить, что Н. Задорнов не упал в идеализацию царских чиновников и купцов, видевших в Амурском крае лишь поле для обогащения. Носителями передовой русской культуры в романе являются простые русские промышленники, казаки, крестьяне. Именно от них заимствовали народы Амура русскую технику пушной охоты, у них научились они пользоваться огнестрельным оружием и приобретали необходимые товары. Автор нарисовал яркие, запоминающиеся образы русских: казака Алексея Бердышева, оружейника Маркешки Хабарова — благородных, честных и смелых людей, опытных промышленников, противопоставив им образы купцов Андрея Коняева, Новгородцова, атамана Скобелицына.

Сделав попытку воссоздать картину жизни народов Амура перед возвращением этого края России, автор естественно уделил большое место в своей книге описанию одежды, жилища, средств передвижения коренных жителей Амура, их охотничьих, свадебных обычаев, верований, родовых институтов. Знакомство с жизнью народов Дальнего Востока облегчило Н. Задорнову использование этнографического материала.

Однако с точки зрения этнографа отдельные положения романа «Далекий край» вызывают возражения. Фигура шамана Бичинги излишне модернизирована. Шаман

рисует Задорновым как жрец, обособившийся от своих соплеменников, закоренелый обманщик и эксплуататор. Но факты, зарегистрированные этнографами, свидетельствуют о том, что в конце XIX в. шаманы у нанайцев и нивхов не переросли в особое жреческое сословие.

Большое место в книге занимает роман между Чумбукой и его двоюродной или троюродной сестрой Одакой. Вопреки строго соблюдавшемуся нанайцами обычаю экзогамии, Чумбука вступает в брак со своей сестрой по отцовской линии. Для середины XIX в. это представляется маловероятным. Трудно поверить, чтобы человек, воспитанный в среде нанайцев, незнакомый с обычаями других народов, мог так свободно, как это описывается в романе, нарушить основной нравственный закон своего племени. Женитьба не только на двоюродной сестре, но на любой женщине из своего рода рассматривалась у народов Амура как тягчайшее преступление. Но по роману Задорнова Чумбука спокойно обращается со сватовством к своему дяде, отцу Одаки, и просит отдать ее ему в жены. Едва ли старик мог произнести по этому поводу следующие слова, вложенные в его уста автором: «Иди в хунхузы, тогда я тебе отдам Одаку. Я бы и без этого отдал, да закона боюсь». А если хунхуз будешь — то ничего, можешь закона не признавать» (стр. 167). И далее: «Хунхузу и закон можно нарушить — на сестре жениться» (там же). Сватовство Чумбука не вызвало осуждения, как ни странно, и у окружающих стариков. «Конечно, надо отдать ему девку! — соглашались голодные старики, усаживаясь вокруг стола и принимаясь за кашу» (стр. 166). Лишь шаман Бичинга и китайский купец Гао Цзо воспользовались проступком Чумбуки, чтобы натравить на него сородичей. Представляется, что автор и здесь несколько модернизировал картину быта народов Амура. Вызывает сомнение трактовка героев романа Чумбуки и Удоги как законченных атеистов. Чумбука не только не верит в шаманских духов и шаманские чудеса, но скептически относится к охотничьим обычаям своего народа. Резко критикует нанайские обычаи и его брат Удога (стр. 215). Удивляют отдельные подробности семейной жизни нанайцев, описанные в романе. Брат Одаки ругает своего отца и угрожает поколотить его (стр. 167). В новом издании романа эти подробности еще более усилены¹. Трудно допустить, чтобы молодежь соседних селений, как это описывает Задорнов, была незнакома между собой и люди одного рода, встречавшиеся на праздниках и церемониях, могли ничего не слышать друг о друге (например, Бичинга об Одаке — стр. 158).

Несмотря на отдельные упущения, в целом Н. Задорнов дал в своем романе исторически правдивую картину жизни народов Приамурья в период, предшествовавший возвращению Амура России. Касаясь третьей части романа — «К Тихому океану», отметил бережное использование автором посмертных записок адмирала Невельского — «Подвиги русских морских офицеров на Крайнем Востоке России 1849—1899 гг.». Используя факты, приведенные в записках Г. И. Невельского, автор сумел не только красочно рассказать о подвиге отважного адмирала, осветить борьбу вокруг амурского вопроса, но и показать исторически сложившуюся дружбу народов Приамурья и Приморья с русскими.

Издательство снабдило книгу Н. Задорнова кратким послесловием, посвященным истории присоединения Амурского края к России. К книге приложены три карты: «Освоение русскими Приморского края в XVII в.», «Часть карты лимана р. Амура по описанию Невельского» и «Карта современного Нижнего Приамурья и Сахалина».

«Далекый край» — первая книга задуманного Н. Задорновым цикла исторических романов, посвященных Дальнему Востоку. Как сообщила редакция, автор работает над второй книгой, предполагая в ней осветить дальнейший ход экспедиции Г. И. Невельского. Читатели с интересом ожидают эту часть романа, так как она должна заполнить разрыв между романом «Далекый край» и последующим историческим романом этого цикла «Амур-батьюшка».

Первая книга романа «Амур-батьюшка», написанная Н. Задорновым еще в 1941 г., явилась в печати в 1944 г. Интерес читателей к этому роману побудит ряд областных издательств переиздать его. В 1949 г. этот роман, заново переработанный автором, был выпущен издательством «Советский писатель».

Роман «Амур-батьюшка» представляет собой результат многолетней работы Н. Задорнова над темой освоения русскими людьми Дальнего Востока. Действие романа происходит на Амуре во второй половине прошлого столетия после окончательного присоединения Приамурья и Приморья к России. Пытаясь так же, как и в предыдущих книгах, раскрыть сущность исторических событий, автор нарисовал широкую картину жизни крестьян-переселенцев, полутно осветив и быт их соседей — нанайцев. Ему удалось показать быстрое сближение русских переселенцев с коренным населением, положительное воздействие русской культуры на нанайский быт. Рисуя быстрые изменения в жизни края, связанные с освоением его русскими, — основание сел, расчистку земель под пашни, проведение телеграфных линий, установление пароходного сообщения, Н. Задорнов показал классовое расслоение как в среде русских переселенцев, так и в среде нанайцев, отвратительные приемы скола-

¹ Так, на стр. 165 нового издания (Рига, 1950) упоминается о частых драках Одаки со своими братьями, хотя женщины у нанайцев не были так самостоятельны. Чумбука в припадке раздражения ударяет по голове своего дядю (стр. 192).

чивания больших купеческих капиталов. Следует отметить, что Задорнову не свойственно стремление к украшению исторической действительности. Правдиво и ярко изображает он хозяйничание чиновников и духовенства, взаимопонимание и связь между китайскими и русскими купцами. Хорошо показано в романе высокомерное, пренебрежительное отношение представителей господствующих классов к коренному населению и дружеское, сочувственное отношение простых русских крестьян к своим соседям-нанайцам. Русские переселенцы внимательно присматриваются к охотничьему опыту нанайцев, приобретают у них лыжи, лодки, обувь, помогают им заняться земледелием, передают им свой опыт. Совместно борются нанайцы и русские крестьяне-переселенцы с ростовщическими махинациями китайских купцов.

Подробно описаны Н. Задорновым отдельные стороны материальной культуры нанайцев, испытавшие влияние русской культуры. В дом Удоги, знакомого нам по предыдущему роману, проникает русская печь, в окна появляются стекла, среди нанайцев распространяются отдельные предметы русской одежды, кованные сундуки и т. д. Нанайские женщины усваивают русские приемы приготовления пищи.

Обращает на себя внимание образ юноши-нанайца Айдамбо, влюбленного в нанайскую девушку Дельдику, воспитанную среди русских. Чтобы понравиться ей, Айдамбо пытается сделаться русским. Сначала он неудачно копирует русский костюм, затем поступает в ученики к попу, обучается грамоте, учится возделывать землю, добивается чистоты в фанзе своих родителей. Ярко обрисована в романе миссионерская деятельность. К сожалению, образ жизни нанайцев, их духовный мир в этом романе очерчены автором сравнительно бедно.

Книги Н. Задорнова читаются легко, большой историко-этнографический материал подан в них ярко и доходчиво. Роман «Амур-батюшка», так же как и весь цикл романов Н. Задорнова о Дальнем Востоке, — ценный вклад в советскую литературу.

* * *

Среди повестей и рассказов Р. И. Фраермана, включенных в сборник его избранных произведений, внимание читателя, интересующегося Севером, привлекают две большие повести «Васька-гиляк» и «Никичен», посвященные гражданской войне на Дальнем Востоке и социалистическому переустройству жизни коренного населения этого края. Р. И. Фраерман участвовал в гражданской войне на Дальнем Востоке в рядах красных партизан, долго работал в этом крае, полюбил его суровую, величественную природу, близко познакомился с жизнью и бытом населения. Свои первые произведения Р. И. Фраерман посвятил Дальнему Востоку.

Повесть «Васька-гиляк» была впервые напечатана в 1924 г. и не раз переиздавалась. С большим мастерством показал в ней автор, какой горячий отклик вызвали освободительные идеи Великой Октябрьской социалистической революции в сердцах народов Дальнего Востока. Герой повести — забитый, измученный нищетою гиляк Василий, в поисках Семки-купца, похитившего единственного вожака его собачьей упряжки, сталкивается с партизанами, примыкает к лыжному отряду Интернационального амурского полка и стойко сражается с белогвардейцами и японскими оккупантами. В боях зреет и оформляется его классовое сознание. Василий принимает участие в съезде Советов и, вернувшись в свою деревню, становится организатором гилякской рыболовной артели, вступает в партию. Звериной ненавистью встречают артель местные богатые, но их попытки развалить артель не удаются. Срывается и тщательно подстроенное врагами убийство Василия на медвежьей охоте. Повесть читается с неослабевающим интересом. Перед читателем проходят картины гиляцкого промысла, быта, обычаев, эпизоды классовой борьбы.

Описанием последних этапов гражданской войны на побережье Охотского моря и в якутской тайге начинается и другая повесть Р. И. Фраермана — «Никичен». В этой повести, написанной в 1932 г., автор поставил перед собой задачу — изобразить становление советской власти среди ламутов (эвенов), показать глубокие сдвиги в их быту и сознании, произошедшие благодаря великой преобразующей силе ленинско-сталинской национальной политики.

Вместе с партизанским отрядом во главе с комиссаром Небываевым на побережье Охотского моря среди ламутов распространяются вести о советской власти и новых законах. По-разному воспринимают новую власть ламуты. Молодой охотник Олешек становится проводником партизанского отряда, участвует в боях, обучается грамоте, вступает в партию. Старик-бедняк Хачимас, чутьем понимающий правоту новой власти, становится председателем наследного Совета, но скоро падает под влияние кулаков и бывших купцов. Героиня повести, ламутская девушка Никичен, мечтающая о своем личном счастье, о приданом — ездовом олене, об украшениях, враждебно относится к партизанам. Американские торговцы и местные скупщики пушнины Грибакины ей кажутся в этот период более полезными людьми, чем партизаны, не имеющие ничего для обмена и торговли. Уход ее жениха Олешки с партизанами представляется ей непоправимым несчастьем. Непонятна для Никичен и самоотверженная борьба Олешки, вернувшегося после гражданской войны в свое стойбище, против кулаков и спекулянтов, засевших в Совете. Разоблачение врагов помогает Никичен понять окружающее. Следуя за Олешком, ставшим ее мужем, Никичен вступает в артель лесорубов. Вместе с ним Никичен по-

селяется в срубной избе. Долго не может она привыкнуть к русской печи, к бревенчатым стенам. Никичен садится на пол, выбегает на мороз, чтобы освежиться. Пол она украшает кумаланами — ковриками из головных оленьих шкурок. Сыну она делает тунгусскую люльку и наполняет ее опилками. Но недоверие к новому постепенно сменяется в ней стремлением к культуре. Никичен вступает в комсомол, она гордится своим мужем коммунистом, руководителем артели лесорубов. Жизнь меняется на глазах Никичен. Возник лесопильный завод, и директором на нем стал бывший комиссар партизанского отряда Небываев. Напряженная работа идет на пловучем консервном заводе. Закономерен и крах попытки самонадеянного американского предпринимателя Герберта Гучкинсона организовать сверхприбыльную торговлю с «дикарями» на побережье Охотского моря.

Писатель сумел подметить и отразить основное — стремительный рост культуры и хозяйства на заброшенных в прошлом окраинах Советского Союза.

Повести «Васька-гиляк» и «Никичен» выдержали испытание времени, но кое-что в них все же устарело и вызывает досаду. Трудно себе представить, чтобы председателя артели, заслуженного партизана окружающие называли Васькой. А именно так на протяжении всей повести именуется ее герой. Не вяжутся с содержанием повестей «Васька-гиляк» и «Никичен» упоминания об оскорбительных выдумках, гулявших когда-то по Северу: о кривоногости гиляков (стр. 210), о том, что «желудок с мхом любимое кушанье тунгусов» (стр. 24), но содержание оленьего желудка эвенки не употребляют в пищу, едят лишь сетчатый желудок. Рассказав о том, что Никичен, наконец, убедилась в преимуществе оседлой жизни, поверила в возможность для всех эвенков научиться грамоте, поверила в осуществимость таких «чудес», как передвижение по воздуху, автор приписал ей мысль, что все люди вшивые. «Одному только не хотела она поверить — что есть на свете люди, у которых нет вшей. — Хоть три вши, да есть — говорила она. — Иначе они бы умерли» (стр. 213).

Как известно, санитарно-просветительные мероприятия стали проводиться на Крайнем Севере с первых дней установления советской власти, и трудно допустить, чтобы они не коснулись поргово-промышленного района, описанного автором.

Нельзя не отметить путающее неискушенного в этнографии читателя непоследовательное употребление этнических терминов на протяжении повести «Никичен». Одна и та же этническая группа — эвены (ламуты) именуется то овнами (?!) (стр. 204), то тунгусами (там же).

Странно видеть в сборнике избранных произведений Р. И. Фраермана и рассказ «Соболя». Образ незадачливого партизана Селивчонка не типичен для партизана. Посланный командиром отряда с проводником-эвенком на приiski с конфискованными ценностями, Селивчонко «страшает» своего спутника оружием и покрикивает: «Толкай шибче, чортова кукла» (стр. 307). В конце рассказа партизан, затеряв в своей одежде доверенные ему соболя, ранит проводника, подозревая его в краже. Едва ли такие отношения между партизанами и населением были характерны в действительности.

Сборник повестей и рассказов Р. И. Фраермана несомненно выиграл бы, если бы автор и редакция строже подошли к тексту и отбору произведений.

* * *

На крайнем северо-востоке Сибири в якутской тайге разворачивается действие романа Антонины Коптяевой «Иван Иванович». А. Коптяева хорошо знает Север и в своем романе, хотя и бегло (центральное место в романе занимает семейная драма доктора Аржанова), но правдиво отразила новую жизнь якутов и эвенков. В глухой тайге растут города, возникают новые приiski, фабрики, многочисленные поселки, асфальтированные дороги. Огромные изменения происходят и в самых отдаленных якутских наслегх. «Теперь мы строимся в колхозе большим поселком. Дома настоящие. Говорят, скоро будет и электричество», — рассказывает молодой якут, приехавший на прииск в Каменушку. «Город построй большой. Дорогу сделают. Привезут машины. Нет, машины сами придут и привезут другие машины, которые не умеют ходить, а умеют работать на одном месте», — рассказывает якут Егор своим домашним, вернувшись после заседания районного Совета, о предстоящем строительстве в своем поселке. Как уже отмечала критика, наиболее удачны в романе главы, посвященные поездке доктора Аржанова в глухой якутский район. Хорошо описаны А. Коптяевой дорожные впечатления Аржанова, встречи, трудности пути. Запоминается встреча Аржанова с девочкой-якуткой, будущей художницей, с охотниками, борющимися за выполнение плана пушнозаготовок и в особенности с председателем райисполкома, членом правительства, в прошлом неграмотной якуткой Марфой Антоновой. С законной гордостью показывает она Ивану Ивановичу районный центр Учахан. «Эта наша учаханская школа-десятилетка, — говорит она. — Здесь мужской интернат... Там электрическая станция, юрта районного Совета, магазины, база Пушторга, радио, контора разведчиков. У нас производство рудное будет». Быстро меняется лицо якутской деревни. «Сегодня в Учахане, — думает Иван Иванович, — готовится открытие скромного лечебного пункта, завтра здесь вместе с заводом возникнет богато оборудованная больница».

Как торжество советской культуры воспринимается приезд знаменитого хирурга в труднодоступный якутский район, производимые им там сложные мозговые операции.

Талантливо обрисованы А. Коптяевой образы якутов — учеников доктора Аржанова — Варвары Громовой и Никиты Бурцева. Особенно привлекателен образ Варвары Громовой, девушки-якутки, ровесницы Октября, будущего фельдшера. Она страстно предана своему делу, целеустремленна, полна горячей любви к партии, к новой жизни, полна веры в будущее своего народа. «То, что мы теперь имеем, нельзя отнять», — говорит она. — Ведь нельзя же отнять жизнь у всего народа!» Социалистическая сознательность звучит в словах Варвары, когда она отвечает на вопрос одной из своих знакомых, довольна ли она своей судьбой. «Я счастлива не тем, что я вырвалась, а тем, что весь мой народ вырвался из грязи и нищеты! — с горячностью заметила Варвара. — Ведь раньше только крошечной кучке интеллигентов, имевшей общение с русскими, была доступна культура».

Рассказывая биографию Варвары, А. Коптяева показала, как изменился домашний быт якутов: исчезли сырые дымные юрты, соединяющиеся с хотоном (хлебом), исключена из рациона сосновая заболонь, отступили в прошлое голод и нищета. Коренным образом изменилось положение женщины. «У якутов ведь полагали, — рассказывает Варвара, — что женщину надо учить. Как? Бить почаще. В детстве родители были, потом мужья — злость срывали, как на собаках, за свою бедность, за холод, за падеж скота, за обиду от начальства». Могла ли мечтать якутка о том, чтобы получить образование, стать учительницей, фельдшером, руководителем наслега, района. Большой путь прошли за годы советской власти женщины-якутки. «Просто сам себе не верю, — говорит одно из действующих лиц романа, — когда вижу якутскую женщину на тракторе» (стр. 10). А. Коптяевой удалось отразить в художественной форме характерные черты нового быта якутов.

— К сожалению, некоторые сцены романа, посвященные якутам, архаичны и хронологически не соответствуют периоду, описываемому А. Коптяевой.

Якуты, желающие поступить на фельдшерские курсы, являются в поселок к доктору Аржанову с «подарками». «Они, — пишет А. Коптяева, — никак не думали, что дело обойдется без подарков» (стр. 101). И это в 1939 г.? Напрасно ввела этот эпизод А. Коптяева в свой роман. Учащиеся якуты, выпускники седьмых классов советской школы, не так наивны и невежественны.

Вот доктор Аржанов выезжает в далекий район. Множество больных якутов собрались в райцентр, прослышав о его искусстве. «Люди верили в чудо исцеления, жизнь открывала столько чудес повседневно. Но насчет даровщины они сомневались — гнали с собой лишние лошадей и оленей, прихватывали лучшие меха: кто лису, кто пару отменных соболей» (стр. 29). Брат одного из больных обращается к Аржанову с просьбой «не брать дорого за лечение. Такие факты могли иметь место в Якутии в 1920—30 гг., но не в 1941 г. Накануне Великой Отечественной войны в Якутской АССР не осталось таких мест, где бы не было известно, что Сталинская Конституция обеспечивает всем гражданам Советского Союза бесплатную медицинскую помощь».

Трудно вообразить, чтобы даже в самых глухих районах Якутии шаман пользовался таким авторитетом среди населения, чтобы решился открыто выступить против медицины. Эпизод с наглым выступлением шамана, приведенный А. Коптяевой, также не может быть датирован 1941 г. Нельзя не упомянуть о мелких досадных неточностях. Хотя А. Коптяевой хорошо описаны характерные особенности зимней одежды, но «островерхие шапки», упоминаемые автором, якуты не носят, они стали музейной редкостью еще в конце XIX в. Каюры действительно садятся на ходу на нарты, чтобы не сбить оленям холки, но не «падают животами», как пишет об этом А. Коптяева (стр. 120).

* * *

Неосменный интерес как для широких кругов читателей, так и для специалистов-этнографов представляет книга Н. Шундика «На земле Чукотской» (Записки учителя). Автор книги, молодой учитель, посланный после окончания Хабаровского педагогического училища в один из самых отдаленных уголков Чукотки, рассказывает о своей работе, встречах, впечатлениях и наблюдениях. Записки Н. Шундика, повествующие о новой Чукотке, преобразенной за годы советской власти, могут служить продолжением известных очерков Т. Семушкина «На Чукотке», посвященных первым культурным мероприятиям советской власти в этом отдаленном округе. Огромные сдвиги произошли за это время на Крайнем Севере. Приехав на Чукотку, автор «Записок» увидел в районном центре двухэтажные дома, электростанцию, семилетнюю школу, больницу, два клуба. «Признаться, — пишет автор, — когда я впервые попал в Певек (районный центр. — И. Г.), у меня появилось что-то похожее на разочарование: вот, мол, тебе и Чукотка! Чем же этот поселок, собственно говоря, отличается от поселков центральной части нашей страны? Но тут же я с глубоким удовлетворением подумал о том, что Чукотка, оказывается, уже совсем не тот отсталый, далекий край, каким представлялся он мне по книгам» (стр. 3).

Не только в районном центре произошло много нового, но и «в самом глухом месте района» — в приморском поселке береговых чукчей Пильгино, куда был направ-

лен молодой учитель, возник сельский Совет, товарищество по общественной добыче морских зверей, хотя старое и не исчезло бесследно. С первых же дней автору пришлось столкнуться с работой, на первый взгляд не входящей в обязанности школьного учителя. Вместе с председателем сельисполкома Гемальском, председателем товарищества Айметом и комсомольским активом учителю удалось предотвратить насильственную выдачу замуж невесты Аймета — Кэтыгу за старого шамана Понтотко, уже имевшего двух жен. Учитель явился и инициатором постройки для Аймета и Кэтыгу новой большой яранги «с простертым поломом, с дверью и окнами на русский лад. Внутри — железная печь, кровать, стол, лампа, зеркало, умывальник». Такие же яранги построили с помощью учителя и другие жители поселка. Постепенно у автора завязывалась крепкая дружба не только с молодежью поселка, но и со стариками.

Готовясь к преподаванию в школе, автору пришлось серьезно заняться изучением чукотского языка. Ярко описал Н. Шундик свой первый урок, затрунения, получавшиеся от непривычки правильно произносить чукотские слова, борьбу за культурный облик учеников, свои встречи с родителями, опасавшимися за благополучие детей в школе. Интересные страницы посвящены работе фельдшерского пункта, окончательно подорвавшего среди чукчей авторитет шамана Понтотко. Став посмешищем в чукотских стойбищах, убедившись в том, что никому его искусство не нужно, что чукчи уже не верят в духов, Понтотко застрелился.

За годы советской власти необычайно расширился кругозор чукотского народа, пробудилась тяга к образованию. За учебу принялись не только дети, но и взрослые. Хорошо изображен автором его ученик из школы ликбеза, молодой охотник Камчель — «и плохой парень, и очень хороший», как его отрекомендовал Аймет. Пытливый и любознательный Камчель, оставшись один, принимается за изучение мотора на зверобойной станции и ломает его, разбирает градусник, чтобы понять его тайну, то берется за изготовление музыкальных инструментов, то, принимаясь за ремонт нарт, уродует их пытаясь придать им вид машины. Камчель упорно ищет свое место в жизни, мечтает стать летчиком, бежит на фронт, наконец поступает на курсы кинематографов.

Хорошо описаны Н. Шундиком суровые годы Великой Отечественной войны на Чукотке. Весть о нападении гитлеровской Германии на Советский Союз вызвала и в глубоком тылу, на далекой Чукотке, патриотический подъем. Откликнувшись на призыв товарища Сталина к народу, члены товарищества перевыполнили план по добыче пушнины и морских зверей. До войны этот план систематически недовыполнялся. Трудовой подъем захватил даже отпетого лодыря Евыра. Попрошайка и лентяй под воздействием коллектива превращается в передового охотника. На характерных примерах автор показал хозяйственные успехи товарищества, подготовившие переход его на устав промысловой артели. С присоединением оленеводов артель превратилась в мощное хозяйство. Работа автора в качестве учителя кочевой школы дала ему возможность познакомиться с жизнью и бытом чукчей-оленьеводов, побывать в самых отдаленных стойбищах. И здесь, желая приблизить час разгрома врагов, чукчи славали в фонд обороны оленей, теплую одежду, пушнину.

Длительная совместная жизнь с чукчами позволила автору проникнуть в духовный мир своих героев, показать их рост, новое социалистическое отношение к коллективной собственности. В книге приведены яркие примеры трудового героизма чукчей-колхозников. Рискуя жизнью, перебирается молодой пастух Иынанто через ушелье, чтобы остановить стадо оленей, бросившееся к зараженному копыткой пастбищу. Камчель не задумываясь прыгает на плавающую льдину, чтобы спасти байдару, отгнанную ветром. В описании современного быта чукчей автор проявил свое умение наблюдать жизнь, ему удалось отразить своеобразное переплетение старых и новых черт в быту как оленных, так и береговых чукчей, быстрый рост культуры в чукотских стойбищах.

Работая над вторым и третьим вариантом своих записок, Н. Шундик отшлифовал стиль, ввел ряд эпизодов, показавших направляющую и организующую роль партии. Запоминается образ секретаря райкома Пугачева, одного из организаторов советской власти в этом районе.

Затронув в «Записках учителя» разнообразные стороны современной жизни Чукотки, автор уделил очень скромное место, как ни странно, школе, жизни детей в интернате, преподаванию, ограничившись описанием первого урока и ряда инцидентов в интернате. Приходится только пожалеть, что автор не показал рост своих маленьких учеников, их дальнейшую судьбу. В целом книга «На земле чукотской» — произведение большой познавательной ценности.

* * *

В заключение мы позволим себе коснуться изданных в Риге «Северных рассказов» И. Кратта. В отличие от Задорнова, Фраермана, Коптяевой, Шундика, автору не удалось правдиво обрисовать жизнь народов Крайнего Севера. Рассказы И. Кратта, изобилующие надуманными, необыкновенными ситуациями и нагромождением «ужасов», искажают северную действительность.

Девушке-ветврачу, приехавшей в стадо оленеводов по рассказу «В стаде», приходится вступить в схватку с волком. напавшим около жилья, среди бела дня на ста-

рика-пастуха. Затем ветврач вынужден в пургу выехать в соседнее стадо. В пути отвязываются и теряются запасные олени, гибнет часть упряжных. На последней остановке проводник проваливается в пропасть, тонет, но мальчик-проводжатый и ветврач вытаскивают его. Сгустив краски, автор забыл, что каюры обычно дают оленям небольшой отдых после каждого часа пути, так что пропаша запасных оленей не могла остаться долго незамеченной. Отыскать же недалеко ушедших оленей не составляет особого труда. Заметим также, что для опытного проводника, не побоявшегося сбиться с пути, во время пурги «купание» в пропасти по меньшей мере не характерно. К сожалению, из неправдоподобных происшествий составлен не только рассказ «В стаде».

Особенно увлекся приключениями И. Кратт в рассказе «Пастух». Ветеринарного фельдшера, героя рассказа, во время розысков оленьего стада покидают на произвол судьбы говхозные пастухи. Фельдшер попадает в лапы кулака Улахана. Тот убивает упряжных оленей и похищает у фельдшера спички. Гаснет костер. Пытаясь согреться, фельдшер ходит вокруг стоянки и попадает в наледь, замерзает, теряет сознание, но подбирается пастухом, изловившим злоумышленника Улахана.

Своим героям автор приписывает нелепые поступки. Ветфельдшер, много скитавшийся, по словам автора, по северу, разжигает костер сухим мхом и письмами дочери (!?) (стр. 92) — этот бывалый человек не умеет раздуть пламя из тлеющих углей. Начальник партии золотоискателей отправляется в экспедицию, захватив «только рюкзак с парой запасных обоем для маузера да книжку рассказов Джека Лондона» (стр. 61). Повидимому, в угоду романтике Джека Лондона, голодающая партия золотоискателей съедает собак (стр. 77), хотя за несколько километров находится заимка с солидным запасом продуктов (стр. 74), о чем разведчики не могли не знать. Старик-проводник ложится по прихоти автора на дорогу, чтобы остановить машину. «Иначе шоферы не увидели бы их в метель» (там же). Поражает незнание автора северной действительности. «Крайний бык упал, — пишет И. Кратт, — Настя отрезала лямку» (стр. 32). Но лямку не отрезают, а снимают (расстегивают), когда хотят выпрыгнуть оленя. «Алешка озабоченно дергал ремень, укрепленный за рога вожака» (стр. 29). Автору следовало бы знать, что повод отходит от недоуздка, надеваемого на голову оленя, а не на рога.

Обычный чум автор почему-то именует шатром. «Шатер был еще на месте. Невысокий, дряхлый, из обрывков шкур» (стр. 36). Наивно описывает И. Кратт окарауливание оленьего стада, думая, что стадо волков можно испугать, кидая в них камни. «Звериная стая подходила близко и, лежа на буграх, выла. Важенки сбивались теснее, переставали ципать мох. Прячась за Чока (оленья. — И. Г.), Танька кидала в хищников камнями, торопливо раскладывала костер» (стр. 39).

Но обиднее всего, что в «Северных рассказах» народы Крайнего Севера — саамы, чукчи — рисуются не как сознательные строители новой жизни, а как пассивные, отсталые и наивные люди. Старуха, обучавшаяся читать, выучила двенадцать букв, но за лето шесть забыла (стр. 9). Саамы-колхозники, перегоняющие оленей упряжки на борьбу с белофиннами и готовые принять участие в разгроме врага, ведут между собой мистические споры. «Луна другой стороной светит, — говорил Пыркен, хмурым высоким пастух. — Душам умерших настоящей стороной светит». «Э, — возразил Дмитро-Вань, — ...душам умерших звезды светят» (стр. 107). Смерть красноармейца Сомова, убитого белофиннами, осмысливается героем рассказа мальчиком Алешей как месть духов. «Видно духи наказали жадность. Не сердись... Буду помогать лучше» (стр. 112). Автор не заметил роста народов Севера. Не мысли о духах, а любовь к Родине, к советской власти владели саамами — участниками борьбы с белофиннами в 1939 году.

В карикатурном виде представил И. Кратт продвижение на Север земледелия. Члены артели, начавшей опытный посев ячменя, поняли только, что «председатель посадил какие-то желтые острые камешки, похожие один на другой, очень маленькие и легкие» (стр. 7). И когда урожай был снят, старый пастух стал ковырять землю, чтобы посмотреть: «А куда же девались камешки, посаженные весной» (там же). «Видимо пропали, — сказал наконец пастух с сожалением и пощипал три седых волоска на сухоньком остром подбородке. — А может провалились. Очень красивые были, целая шапка» (стр. 8). Напрасно автор пытается уверить читателя, что новые хозяйственные мероприятия проводятся на севере без надлежащей разъяснительной работы.

«Северные рассказы» И. Кратта не заслуживали бы внимания, если бы в нашей литературе порой не появлялись произведения, рассказывающие о Севере невероятные вещи. Задача советских писателей, работающих над темами, связанными с Севером, не в смаковании трудностей, а в правдивом художественном изображении современной жизни, нового, социалистического быта народов Севера.

И. Гурвич

АМЕРИКАНСКАЯ ФАЛЬСИФИКАЦИЯ БИОГРАФИИ ГОРЬКОГО

(О книге Филии Хольцман «Молодой Горький») ¹

Автор — преподаватель Бруклинского колледжа в Нью-Йорке. Рецензируемая книга издана в трех странах: в США, Англии и Индии. Содержание ее — основные проблемы творческой биографии А. М. Горького в ранний период его литературной и общественной деятельности. В книге рассматривается жизнь юного Горького в Нижнем Новгороде, в Самаре, на Кавказе. Заканчивается книга главами, посвященными литературным взаимоотношениям Горького с Короленко, Чеховым и Л. Толстым. Рецензируемая работа имеет характер компендия и предназначена для массового читателя.

Наше внимание привлекает прежде всего третья глава, названная автором «Фольклорист», — глава, дающая превратное, тенденциозное представление об отношении великого пролетарского писателя к народно-поэтическому творчеству. В неверном свете освещается здесь место А. М. Горького в русской науке о народном творчестве.

Сразу же бросается в глаза, что устное творчество рассматривается Ф. Хольцман в едином потоке, без учета классового своеобразия фольклора. Здесь — «фольклор вообще», в его «космическом» явлении. Хольцман вовсе не обнаруживает значительных усилий, чтобы увидеть и исследовать идейно-художественные богатства русского народно-поэтического творчества, а также основные особенности воззрений Горького на народное творчество.

Автор книги совсем не рассматривает замечательные, материалистические положения Горького о трудовой основе народного творчества, хотя, заметим кстати, Ф. Хольцман не ограничивается анализом творчества Горького лишь раннего периода: она претендует дать оценку творческой деятельности Горького и последующего периода. В книге ничего не сказано об оригинальности материалистических взглядов Горького на народное творчество, о великой плодотворной их роли для теории и практики народного искусства. Хольцман не замечает, что гениальным положениям фольклористической концепции Горького прямо враждебны домыслы современных реакционных фольклористов капиталистических стран Запада и особенно реакционные измышления фольклористов США. При этом скрадывается и извращается историческое своеобразие, действенность, новизна теоретических воззрений великого писателя, затухающаяся его заслуги в развитии передовой науки о народном творчестве. Гигант Горький выглядит под резвым пером Ф. Хольцман обычным бытописателем, каких «немало», заурядным «любителем фольклора», хотя и проявлявшим-де повышенный интерес к народной поэзии прежде всего потому, что сам писатель является выходящим «из бродяг» (стр. 27, 60 и др.). Если верить Ф. Хольцман, Горький в своей художественной практике обращался к произведениям народного творчества нередко в поисках поэтического орнамента, в поисках инкрустаций. В этой связи не случайным выглядит рассуждение автора (на стр. 49) о том, как Горький «утилизвал» (utilized) народное творчество, — рассуждение, научная несостоятельность и вздорность которого не требуют комментариев.

Следует подчеркнуть, что вообще в своей книге Хольцман не выставляет ни единого нового, свежезвучащего теоретического положения; ей не принадлежит ни одна новая мысль. Во всей книге, от первой до последней страницы, докучно повторяются компиляции давно известных утверждений, характерных для пройденных этапов литературоведения и давно отброшенных советским горьковедением как антинаучные и реакционные. Эти домыслы Хольцман заимствует у таких «авторитетов» буржуазного литературоведения, как Д. Мережковский и Г. Струве, П. Милюков, Иванов-Разумник и т. п. Хольцман не брезгает черпать полными пригоршнями «положения» и «мнения» из грязных источников, из писаний отъявленных идейных врагов Горького. Хольцман, хотя и делает иногда попытки быть оригинальной, тем не менее она не выходит из круга порочной, ненаучной концепции.

Эстетические взгляды Горького, в частности его основополагающие воззрения на народное творчество, рассматриваются здесь в отрыве от общественной, революционной деятельности Горького. Ничего здесь не сказано о той огромной и исключительно плодотворной работе пролетарского писателя, которая протекала в одном русле с деятельностью большевистской партии, не сказано о дружбе и совместной работе А. М. Горького с В. И. Лениным и И. В. Сталиным.

Горький показан здесь «вне партий», вне борьбы против империализма. Здесь ничего определенного не сказано о большевизме и о значении марксистско-ленинской идеологии для формирования мировоззрения великого художника рабочего класса.

Говоря о фольклористических интересах Горького, Хольцман подробно пишет о христианских и апокрифических легендах, о сектантских кантах и духовных стихах и т. п. Но автор книги даже не пытается рассмотреть становление взглядов писателя в связи с ростом революционного сознания рабочего класса, в связи с героической

¹ «The Young Maxim Gorky», 1868—1902, Columbia University Press, New York, 1948, X + 256 стр.

борьбой русского народа за свое освобождение от капиталистического гнета. Таким образом, книга не раскрывает главного в отношении писателя к фольклору.

Книга ополшает и обескровливает материалистические, прогрессивные воззрения молодого Горького на народное творчество.

Хольцман совсем беспомощна, когда покидает чужую указку и пытается статью на собственные ноги. Вот, например, какую «новую и оригинальную истину» преподносит Хольцман в заключение главы о Горьком-фольклористе. «Конечно,— пишет Хольцман,— надо отметить, что М. Горький не является единственным писателем, так близко и духовно приобщившимся к фольклору: Пушкин, Лермонтов, Некрасов и Лев Толстой еще до Горького смотрели на фольклор не только как на источник их искусства, но и как на наглядное изображение жизни и истории русского народа. Как говорится в русской пословице: песня — правда о жизни... Лейтмотив русского традиционного фольклора является лейтмотивом в произведениях всех русских писателей, особенно М. Горького, ибо между колоссами русской литературы Горький является единственным, вышедшим из масс и стоящим так близко к массам» (стр. 60). Таков методологический вывод в главе о Горьком как фольклористе.

Если верить Хольцман, то воззрения Горького на народное творчество «совпадают» с воззрениями писателей XIX в.; в отношении к фольклору и Горького и Л. Толстого будто нет существенной разницы; оказывается, и Л. Толстой, и Лермонтов, и Горький одинаково-де использовали в своем творчестве «лейтмотив русского традиционного фольклора». А если у них и есть кое в чем несовпадение, то оно, видите ли, не принципиальное и объясняется только «биографией писателя», ничем более. Таков «вклад», который Хольцман вносит в изучение «фольклористических интересов» М. Горького!

Что же она имеет в виду, когда пишет о русском традиционном фольклоре?

Традиционный русский фольклор, поучает Хольцман, это, оказывается, «поэзия религиозных песнопений», «поэзия экклезиастических легенд» и церковных притчей, старообрядческих кантов и древних лирических песен, песен разбойничьих и тюремных... (стр. 57 и др.). После этого не приходится особенно удивляться, что в главе «Фольклорист» исключительно много внимания и места отведено притчам об Алексее, человеке божием, о Бедном Лазаре, о Мироне отшельнике и т. п. При этом утверждается, что подобные церковные «стихи» сыграли определенно положительную роль в духовном формировании писателя.

Из новых фольклорных жанров Хольцман предпочтительно выделяет «жанр босяцких частушек». Попутно она изрекает, что такие произведения, как «Канн и Артем», «Мальва», написаны Горьким на основе «босяцкого фольклора».

В книге ничего не сказано о замечательных революционных песнях свободолюбивого русского народа, о песнях борьбы и свободного труда, так горячо любимых Горьким и так часто вводимых им в художественные и публицистические произведения.

Хольцман уверяет читателя, будто Горький в равной мере интересовался фольклором всех стран мира и всех классов и что он с молодости имел повышенный интерес к «мировому фольклору». При этом под пером Хольцман Горький предстает пасынком своей Родины; он выглядит космополитическим «гражданином мира». И это «качество» в воззрениях Горького на народное творчество Хольцман называет «одной из интересных черт», присущих творчеству Горького! Главу о Горьком-фольклористе Хольцман построила на непроверенном, случайном, часто сомнительном материале, выводы грубо тенденциозны.

Впрочем, этот раздел не хуже остальных частей книги. В целом вся монография страдает предвзятостью умозаключений, тенденциозностью. В угоду буржуазно-космополитической концепции автор передергивает факты. Хольцман рисует Горького стоящим вне общественных партий, в стороне от борьбы русского народа за свободу и мир во всем мире, от борьбы за освобождение от капиталистического рабства. Фальшивая по своей основе книга содержит быющие в глаза искажения истины и в деталях. Чего стоит, например, по-американски рекламное сообщение, что в архиве Горького в Москве «было собрано более чем шестьдесят два миллиона отдельных манускриптов» (стр. 228). Как известно, в архиве Горького насчитывается авторских рукописей несколько более 60 тысяч единиц. Но г-же Хольцман до этого, видимо, дела нет: даже о горьковских рукописях она желает говорить в астрономических числах. «Разрушение личности», написанное Горьким в 1908 г. и опубликованное в 1909 г., Хольцман выдает за произведение, созданное в 1915 г. (стр. 48). Неправильно указано в книге время первого посещения Горьким Тбилиси (см. стр. 3 книги Хольцман). В качестве образчика марксистской печати на стр. 203 упоминается газета «Самарский вестник», которая, как известно, не являлась органом революционного марксизма, и т. д. и т. п.

Научного значения такое исследование не имеет: ненаучный смысл концепции автора вполне очевиден и беспорочен.

Неверное толкование наследия Горького, извращение его идей, так же как ополчение устной поэзии русского народа в целом, хочет того или не хочет автор книги, могут быть выгодны лишь врагам трудовых масс, клике американо-английских империалистов, стремящихся принизить все великое страны социализма.

Книгу Ф. Хольцман, искажающую значение Горьковского наследия, широко раз-

рекламировала капиталистическая печать. Так, издательство Колумбийского университета изрекает:

«Несмотря на изобилие материалов о Горьком, это есть первая настоящая биография, первая из всего того, что имеется на английском или на русском языках». Захваливая эту книгу, буржуазные издатели заверяют, будто Хольцман «использовала все имеющиеся документы (!), а также новые критические материалы о Горьком... Она также дает убедительные оценки произведениям Горького». Так рекламируют американские бизнесмены книгу Ф. Хольцман о Горьком.

В действительности же рецензируемая книга не может быть признача научной и объективной. Книга глубоко порочна в основе своей. Она есть по сути дела довольно типичное явление для упражнений современных буржуазных, чуждых марксизму исследователей наследия А. М. Горького.

И. Дмитриков

НАРОДЫ СССР

Сказки и легенды пушкинских мест. Записи на местах, наблюдения и исследование члена-корреспондента АН СССР В. И. Чернышева, изд. Академии Наук СССР, М.—Л., 1950, стр. 342.

В издаваемой Академией Наук СССР серии «Литературные памятники» вышла в свет книга с чрезвычайно заманчивым названием «Сказки и легенды пушкинских мест», которая безусловно должна привлечь к себе внимание как специалистов-литературоведов, так и широких читательских кругов, в первую же очередь фольклористов и пушкинovedов. Рецензируемая книга построена на материале, записанном В. И. Чернышевым в окрестностях села Михайловского (1927), в селе Болдино (1928) и близлежащих к нему селах и деревнях и в близком к Пушкинскому Бежаницком районе. В «пушкинских местах» В. И. Чернышевым было записано сто две сказки и легенды, среди которых он отмечает девятнадцать текстов, «имеющих близкое отношение к сказкам, которые написаны Пушкиным, или к его записям сказок и легенд». Материалы, записанные В. И. Чернышевым, представляют интерес не только в плане изучения фольклоризма Пушкина, но и в порядке изучения очередного «белого пятна» на фольклорной карте, так как мы до настоящего времени имеем лишь немногие записи, характеризующие фольклорную традицию Псковской области и Болдинского района. Поэтому законно рассмотрение изданного Академией Наук сборника как новой публикации фольклорного материала и вместе с тем материала, имеющего интерес для пушкиноведения.

В сборник вошли 84 сказки. В. И. Чернышевым были, очевидно, отобраны лучшие, наиболее интересные и ценные тексты из числа собранного им материала. Правда, принцип отбора не совсем ясен, так как в сборнике, наряду с прекрасными сказками, дано немало бледных, малохудожественных текстов.

Запись сказок и легенд проводилась В. И. Чернышевым очень тщательно. Сказки записаны орфографически, но с сохранением всех типичных особенностей местной речи. Записи по памяти оговорены. К сборнику приложены статьи, комментирующие публикуемый материал, словарь и указатели.

Сборник делится на три основных раздела, определяемых местом записи текстов. Наибольшее число их относится к Пушкинскому району — записано в окрестностях села Михайловского, сыгравшего такую видную роль в творческой биографии великого поэта. Внутри этих разделов материал распределен по сказочникам. Среди сказочников, творчество которых представлено в рецензируемом сборнике, есть несколько несомненно талантливых исполнителей и творцов русской народной сказки, заслуживающих внимания к себе со стороны исследователей. Очень интересны сказки, записанные от П. Г. Брюсова, которого собиратель совершенно справедливо характеризует как сказочника «определенной хорошей школы и стиля», а также сказки Ф. П. Волкова, который привлек внимание собирателя «свободной разработкой повествования, богатством и мастерством использования стилистических приемов и средств языка». Хорошими сказочниками являются С. К. Матюшов из Болдинского района, П. Ф. Федоров из Бежаницкого района и ряд других. Мы находим в сборнике несколько прекрасных сказочных текстов, опубликование которых несомненно обогащает золотой фонд русской традиционной сказки. В сборнике опубликовано много записей, сделанных от детей, что доказывает живучесть сказочной традиции в обследованных собирателем районах. В. И. Чернышев дает довольно подробные биографические сведения о сказочниках и характеризует их репертуар и манеру рассказывания.

И все же сборник вызывает чувство неудовлетворенности и досады. Собирателю не удалось показать тот живой творческий процесс, свидетелем которого он был. Он не показал во всей полноте особенностей бытования сказки в обследованных им районах, отношения к ней аудитории и самих сказочников, роли сказки в жизни и быту населения. Материал, приведенный в сборнике, записан в 1927—1928 гг., однако советского крестьянина этих лет не увидишь по сборнику В. И. Чернышева. Невольно вспоминаются слова Н. А. Добролюбова, сказанные почти 100 лет назад о сборнике сказок Афанасьева: «А народа-то и не узнаешь из сказок, изданных господином Афанасьевым». Упрек Н. А. Добролюбова может быть с еще большей остротой обра-

щен к В. И. Чернышеву. Это тем более досадно, что в сборнике даны отдельные ценные штрихи, характеризующие бытование сказки. Например, на стр. 293 приводится такое любопытное наблюдение: «Для уяснения жизни сказки любопытно ее (сказочницы.—Э. П.) сообщение, что сказки у них обычно рассказывались, чтобы развеселить и ободрить себя во время зимних вечерних работ: пряденыя, тканья. Эта связь сказки с домашними работами — прядением и ткачеством — весьма замечательна». На стр. 300 даются сведения о том, что сказка «Лиса и волк» была рассказана сказочником Волковым в разговоре с домашними «как иллюстрация одной мысли об обмане». Однако отдельные меткие наблюдения не обобщены, как бы брошены случайно и не дают целостной картины жизни и бытования сказки в данных районах в 20-х годах нашего века.

Сборник дает материал, который может быть использован при изучении проблемы: Пушкин и народное творчество, проблемы, тесным образом связанной с вопросами народности пушкинского творчества. Рецензируемый сборник должен привлечь внимание исследователей, изучающих творчество Пушкина. Принимая во внимание особенности сказочного творчества, можно предполагать, что, несмотря на сто лет, разделяющих время пребывания Пушкина в Михайловском и Болдине от времени записей Чернышева, в книге отображен сказочный репертуар, близкий тому, какой существовал в «пушкинских местах» в пушкинские времена. «Данные тексты,— справедливо замечает собиратель,— ясно отражают то богатое сказочное окружение, своего рода народную литературную атмосферу, среди которой жил и творил наш величайший поэт» (стр. 272). В сборнике имеются варианты следующих пушкинских сказок: «Жених», «О царе Салтане», «О рыбаке и рыбке», «О попе и работнике его Балде», «О мертвой царевне», а также варианты записей Пушкина о царе Берендее, о Кашее, о Соломоне, о похищении детей нечистой силой. В остальных сказках В. И. Чернышев считает возможным усмотреть «много общего со сказками Пушкина по языку, складу речи, типичным выражениям, сказочным образом и мотивам, по художественному стилю вообще, который объединяет сказки Пушкина и народные русские сказки» (стр. 272).

Однако не следует преувеличивать значение этой книги для изучения вопроса о фольклоризме Пушкина. Великий поэт ориентировался в своем творчестве не на узко местную, областную традицию, а на мощное общерусское, общенародное поэтическое творчество.

Нельзя согласиться и с тем, как В. И. Чернышев формулирует задачи, стоящие перед исследователем пушкинских сказок. «Полагаем,— пишет исследователь,— что общая задача изучения сказок Пушкина сводится к 1) выяснению материалов, которые фактически были или могли быть источником его сказок, 2) изучению способов, которыми поэт использовал эти материалы, 3) исследованию конечного результата его творчества — самого текста его сказок». При такой постановке вопроса задача изучения творчества Пушкина сводится к формальным, текстовым моментам, а такие большие вопросы, как причины обращения поэта к фольклору, как целенаправленность использования им народного творчества, как идейное содержание его сказок,— остаются совершенно в стороне.

Недостаточлю дифференцированы в книге Чернышева вопрос об обращении Пушкина к фольклору и вопрос о влиянии Пушкина на фольклор. Несомненно, некоторые тексты, приведенные в книге, в основе своей имеют пушкинский текст, что и отмечено местами Чернышевым, но не обобщено, не выдвинуто как самостоятельная проблема. А между тем в книге можно найти многочисленные примеры использования сказочниками пушкинского текста.

Все это снижает исследовательскую значимость книги, не поднимающейся над уровнем сборника любопытных материалов, недостаточно осмысленных и обобщенных их собирателем и исследователем.

Э. Померанцева

Сказки Смоленщины. Сборник составил Б. Шурыгин. Смоленское областное государственное издательство, 1949, 66 стр., тираж 10 000 экз., цена 2 р. 50.

Сборник Б. Шурыгина — не научная публикация текста. Это — массовое популярное издание, далекое от полноты (в нем всего восемь сказок), призванное удовлетворить запросы широких читательских масс. Но такой характер сборника обязывает составителя особенно тщательно отнестись к вопросу отбора сказок, выбрать из них самые типичные для Смоленской области, лучшие как в идейном, так и в художественном отношении.

Составитель сборника чрезвычайно беззаботно отнесся к подготовленному им изданию. Сборник не имеет ни предисловия, ни указаний на использованные источники. Научность издания, как свидетельствует эта книга, смоленским издательством исключается из изданий для массового читателя.

Что же представляет собой сборник со стороны содержания?

Из восьми сказок сборника пять («Клец-солоней», «Знай свой топор», «Чудный сон», «Поп и работник» и «Разориновы найденыши») представляют собой перепечатку из вышедшего в 1938 г. сборника того же составителя Б. Шурыгина «Народные сказки» (Смоленск, Смолгиз, 1938), изданного тем же издательством тиражом в

25 000 экз. Этот сборник содержит сказки, записанные в областях, входивших ранее в Западную область (часть Белоруссии, Смоленская и Калининская области).

Может быть, перечисленные сказки настолько значительны и интересны, что появилась настоятельная необходимость в их переиздании? Возве нет. Как видно из предисловия к сборнику 1938 г., при записи этих сказок не преследовалась цель дать точный научный текст, а при издании сделанных записей «часть сказок подверглась небольшой литературной обработке» (стр. 3). Сборник, откуда перепечатывались сказки, был предназначен для работников художественной самодеятельности.

Но, возможно, содержание этих сказок ново и значительно само по себе? Снова приходится отвечать отрицательно. Это — обычные традиционные сказки на тему о солдатской хитрости («Клец-солонец»), честности бедняка («Знай свой топор»), чудесном сне («Чудный сон»), ловком работнике («Поп и работник») и т. д. Если перепечатка подобных сказок, не давая большой пользы, не принесет и вреда, то публикатора сказки «Разориновы найденыши» — явный недосмотр и составителя, и редактора сборника. Самая большая сказка (она занимает 26 стр. из 65-ти) представляет собой неумелую компиляцию лубочных сказок самого низкого качества, совершенно чуждых по идее, содержанию и языку русским народным сказкам. Чего стоят, например, образы двух братьев-лентяев, которые «Великолетний год напролет, целое лето теплое... на берегах без дела посиживали да завистливо поглядывали» на плывущие мимо купеческие корабли с разными товарами («Сказки Смоленщины», стр. 23). Русской сказке чужды изображения героев, занимающихся вместо труда тем, что «ловили шестами прилаженными, что бог послал, что от чертей осталось» (там же, стр. 22).

Изображению чертовской силы вообще в сказке уделено непропорционально много места. В ней рассказывается о сложной иерархии нечистой силы во главе со старым чертом Гальяном и его советниками: «двурогими, однорогими и безрогими чертями», о шабашах, где черт «тмьякал смачную купеческую душу», ожидая к блинам из перетертых человеческих костей салыца, натопленного из маленьких детей... Спрашивается: кому нужна эта сказка, чему она научит своих читателей, какие чувства она в них разовьет? Что может дать советскому школьнику (а именно для него в основном и предназначаются массовые издания сказок в наши дни) сказка, рассказанная таким языком: «Не сказано при каком короле, только на русской земле, где ведьмы ходили, ехидно притворяючись, где летали сороки-долгохвостки, низко опускаючись, где ветер ворчал, как злоный пес, на перекрестках, ...жили были два родные брата»¹.

Ко всему этому надо добавить, что, по данным комментария к сборнику Б. Шурьгина, откуда сказка «Разориновы найденыши» перепечатана, она и записана-то была вовсе не в Смоленской области. Сказка, как указывает комментарий, записана от 96-летней М. М. Назаровой из колхоза «Пестово» Новосколынического района, Калининской обл. в 1934—1935 гг. (интересно знать: точно ли эта сказка была записана? не прилжил ли к записи свою руку собиратель? Очень уж далека эта сказка 96-летней старухи от подлинного народного творчества!).

Остальные три сказки рецензируемого сборника также относятся к числу традиционных. Из них интересна лишь последняя («Еруслан Лазаревич»), представляющая собой новый вариант популярного в русской сказочной традиции сюжета, выделяющийся конечной победой сына над отцом (обычно, как известно, побеждает отец).

Удивление читателя вызывает отсутствие в сборнике современных советских сказок. Как мог составитель в сборнике «Сказки Смоленщины» так обеднить сказочную традицию области? Почему он не включил в сборник ни одной сказки периода Великой Отечественной войны, ни одного предания о партизанской борьбе, которыми так богаты и фольклор Белоруссии, и фольклор Смоленской области? И мог ли он в таком случае давать такое общее и многообещающее название своему сборнику, как «Сказки Смоленщины»?

Общезвестно, что язык массовой популярной книги должен быть простым, ясным, понятным. В книге же встречается немало таких местных терминов, которые для массового читателя просто непонятны. Вот несколько примеров: «тмьякать» (стр. 24 — вместо «жевать»), «клец» — (стр. 10 — зуб от бороны), «судница» (стр. 24 — ларь, прилавок), «стега» (стр. 31 — тропинка) и многие другие. Если составитель хотел сохранить эти слова при публикации, чтобы не лишить речь сказочника ее специфических особенностей, то нужно было бы объяснить эти слова в примечаниях так, как это сделано со словами «войты», «ялина» и т. д.

В заставках, концовках и иллюстрациях к сборнику (художник С. Шестопал) удачно использованы мотивы народного орнамента Смоленской области. Жаль только, что однотонность оформления (все иллюстрации и заставки даны в светлоселедном фоне) сильно снижает достоинства орнамента, создает впечатление однообразия и лишает книгу яркости и привлекательности.

Наша советская критика неоднократно указывала на необходимость строго критического отбора сказок для массовых изданий (см., например, «Литературную газету», 1950, 4 января, № 2 (2593), стр. 2). Несмотря на наличие хороших, полноценных сборников сказок, раскрывающих чаяния и ожидания народные, до сих пор продолжают выходить неумелые издания «литературных обработок», извращающие пред-

¹ Б. Шурьгин, Сказки Смоленщины, Смоленск, 1949. стр. 22.

ставление читателей о творчестве великого народа. К этим изданиям может быть отнесена и рецензируемая книга.

Л. Н. Пушкарев

Г. Д. Меновщиков, *Чукотские, эскимосские, корякские сказки*, Хабаровск, 1950.

Устное творчество народов крайнего северо-востока Сибири — чукчей, коряков, эскимосов — изучено крайне недостаточно. В особенности это относится к фольклору коряков и эскимосов азиатского берега.

Фольклорные тексты чукчей, опубликованные Г. В. Богоразом, дают лишь представление о характере их устного творчества в XIX в.; при этом многие из записанных им произведений являются фольклорными памятниками более раннего периода. Судить об изменениях, происшедших в советский период в фольклоре чукчей, коряков и эскимосов, затруднительно, так как публикаций современного устного творчества этих народов крайне мало. Вышедший в 1950 г. сборник «Чукотские, эскимосские, корякские сказки» частично восполняет этот пробел в отношении сказочного жанра. Сказки, включенные в сборник, записаны в период 1928—1948 гг. Переводы выполнены: с корякского С. Стебнищанин и Бабошиной, с чукотского — Г. Мельниковым и Л. Беликовым, с эскимосского — Г. Меновщиком и Н. Пугачевым.

Книга открывается новыми советскими сказками. Глубокие и быстрые перемены, происшедшие в тундре благодаря заботам советской власти о народах крайнего Севера, своеобразно отразились в чукотской сказке «Солнце». Жалобы бедняка, погибавшего с семьей от голода, услышало Солнце и, войдя в полог оленевода, указало ему на новых людей, появившихся в тундре, и на новую жизнь. Оленевод действительно нашел новых людей и новую счастливую жизнь в советском поселке. Сказка заканчивается словами: «Солнце — это советская власть. Она дала новую жизнь».

О новой жизни рассказывается и в эскимосской сказке «Нутагин и посланник Солнца». Сироте Нутагину приснился сон, что к нему от Солнца прилетел орел и рассказал, что на звезде Нихук живут счастливые люди — все они трудятся и нет среди них ни богатых, ни бедных. Нутагин со своими сородичами начал строить такую жизнь и стал «советским начальником». Своему народу он сказал: «Счастье пришло к нам от большого и яркого солнца, которое люди называют Сталин. Солнце это светит всегда».

Любопытное переплетение традиционных сказочных мотивов с новым содержанием можно наблюдать в чукотской сказке «Старик и мышка». Старик — охотник, ставивший капканы, подобрал замерзшую мышку, отогрел и отпустил ее. Благодарная мышь, когда за ней погнался песец, пробежала через капкан старика и заманила в него песца, в другой капкан она завела волка. Финал сказки весьма своеобразен. «Старик отправился домой, говорит: «В фонд обороны сдам эти шкурки. Действительно, сдал. Все!» В чукотской шуточной сказке «Большая птица» рассказывается о молодом чукче, испугавшемся огромной летящей и кричащей птицы. Сам юноша рассмеялся, когда окружающие разъяснили ему, что это самолет. Жизнь в тундре настолько изменилась, что испугаться самолета чукчи могут лишь в сказке. Отразились в сказках и огромные изменения, происшедшие в сознании чукчей, эскимосов, коряков в советское время. В этом отношении интересна эскимосская сказка «Человек и ворон». Притворившись мертвым, человек поймал ворона — вожака. За свою свободу ворон обещает сделать человека шаманом, но человек отвечает: «Не хочу быть хитрецом!» На предложение ворона сделать его богачом человек говорит: «Не хочу быть обманщиком». От ворона человек взял лишь волшебное деревянное блюдо с мясом, чтобы помочь бедным.

Особый интерес для этнографа представляют бытовые сказки чукчей, коряков и эскимосов: «Женитьба», «Брат и сестра», «Деревянное блюдо», «Собирающий лахтатского жира» и др. В этих сказках рисуются брачные обычаи, праздники, соревнование в производственных танцах, взаимоотношения, существовавшие в прошлом между кочевниками-оленьеводами и оседлыми зверобоями, материальный быт тех и других. Волшебные мотивы в этих сказках тесно переплетаются с бытовыми.

Весьма ценны помещенные в сборнике мифы о похождении птиц-творцов, культурных героев. Эти произведения позволяют видеть, что обряды космогонических мифов, бытующие среди народов северо-востока Сибири, окончательно потеряли в настоящее время религиозное значение. Многие из них приобрели юмористический оттенок и превратились в своеобразный отдел фольклора. Могушественный ворон-человек выступает героем ряда корякских сказок. «Жили-были в тундре два товарища, два побратима — Солнце и Ворон», — начинается сказка «Сохолылан». Оба героя пытаются жениться на красавице дочери Севера, но это удается лишь ловкому Ворону. Обидевшись на него Солнце перестает греть землю, а красавица возвращается обратно к своему отцу. В сказке «Ворон и Солнце» происхождение зимних морозов и полярной ночи также объясняется ссорой Солнца и Ворона. Хитрый юноша Ворон женится на девушке — Луне, сестре могушественного Солнца. Оскорбленное Солнце, забрав у Ворона сестру, удаляется в далекие южные страны. Подвигам ворона и его сына Эмемкута — первого человека — посвящена сказка «Эмемкут и богатырь». Силой и хитростью наделяется ворон и в эскимосских сказках «Кошкин ворон», «Ворон и волк». В эски-

мооской легенде «Как острова произошли» возникновение островов объясняется борьбой и падением в море птиц — великанов и богатырей.

Среди произведений, включенных в сборник, заслуживает внимания эскимосское предание «Виютку предводитель» о борьбе чукчей и эскимосов с коряками (тангитами). Объединившиеся приморские жители, по этому преданию, разбили нападавших на них коряков. По совету своего предводителя приморские натравили своих собак на ездовых оленей врагов и затем разбили нападающих. Заканчивается предание описанием похода приморских воинов в землю тангитов.

Из волшебных сказок сборника о великанах, богатырях, необыкновенных приключениях выделяется занимательностью эскимосская сказка «Каяксигвик» о похождениях охотника, попавшего к маленьким людям, оказавшимся куропатками. Мышь для них медведь, кунница — лось.

Интересные сказки посвящены популярным героям коряков — проказнику Куйкыняку, выступающему то в виде человека, то в виде ворона, Мивиту — человеку-великану. Богато представлены в сборнике сказки о животных. Глуповатый и трусливый медведь — частый герой чукотских сказок. В сказке «Как медведь бесхвостым стал» лось отрывает у трусливого медведя хвост. Медведя обманывают не только человек, но и лиса, песец, евражка. Герой эскимосских сказок о животных — храбрый заяц. В сказке «Заяц победитель» он похищает у чертей солнце и луну. Следует отметить, что темы и сюжеты ряда чукотских и эскимосских сказок о животных: война между птицами («Сказка о журавельке»), соревнование в беге между рыбами и лосем («Лось и бычок»), спор между лисой и медведем («Рассказчики»), вопросы и ответы («Мышка и птичка»), проделки лисы («Хитрая лиса») и другие широко распространены по Северу. Глубокое влияние на фольклор народов крайнего северо-востока Сибири оказали русские сказочные традиции. О творческом восприятии русских сказок свидетельствуют чукотская сказка «Лиса и ворон», эскимосская «Пять братьев», отдельные эпизоды из корякской сказки «Собиратель лахтачего жира» и другие.

Разнообразный сказочный материал сборника представляет несомненный интерес не только для массового читателя, но также и для фольклористов и этнографов.

К сожалению, ценность сборника несколько снижается рядом существенных недостатков. Материал в сборнике расположен бессистемно. Составитель не придерживался ни этнического, ни жанрового принципа. Для того чтобы узнать, какому народу принадлежит сказка, читателю приходится обращаться к примечаниям, помещенным в конце книги. Отдельные сказки подверглись в сборнике излишней литературной обработке. Эскимосская сказка «Добрая лисичка» лишилась второй части (чудесное бегство героини), свидетельствующей о проникновении русских сказочных мотивов в фольклор эскимосов¹. Недостаточно представлены в сборнике корякские сказки. Излишней краткостью отличаются примечания. Сведения о сказителях ограничиваются фамилиями. Только в двух случаях указан возраст сказочников. Почти отсутствуют в комментарии данные о характере бытования отдельных произведений. Приходится пожалеть, что в сборнике, рассчитанном на массового советского читателя, редакция ничего не сообщила о современной жизни народов крайнего северо-востока Сибири, не дала даже краткой характеристики их фольклора.

Несмотря на отмеченные недостатки, сборник является положительным вкладом в дело популяризации устного творчества чукчей, эскимосов и коряков.

И. Гурвич

СБОРНИКИ ТАДЖИКСКОГО НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА

Таджикский народный юмор. Собрал А. Дехоти. Перевод Клавдии Улуг-заде, под редакцией П. Лукинцкого. Госиздат Таджикской ССР, Сталинабад, 1947.

Таджикские сказки. Перевод и обработка Клавдии Улуг-Заде. Под редакцией Сергея Бородина и Веры Смирновой. Таджикгосиздат, Сталинабад, 1949.

Таджикские народные сказки. Составила и перевела К. Улуг-Заде под редакцией Веры Смирновой. М.—Л., 1950.

После первого сборника таджикских сказок на русском языке, выпущенного Институтом истории, языка и литературы Таджикского филиала АН СССР в 1945 г.^{1а} советский читатель получил еще три новых сборника на русском языке. За это же время на таджикском языке вышло (1948) второе, дополненное и исправленное издание (первое издание было выпущено в 1938 г.) сборника «Латифахон тоджики» — народных анекдотов, коротких рассказов, собранных известным таджикским поэтом А. Дехоти. К сожалению, до сих пор на таджикском языке не издано ни одного сборника сказок, хотя даже по имеющимся теперь публикациям на русском языке можно составить представление об исключительном богатстве и разнообразии этого жанра таджикского народного творчества.

Сборнику «Таджикский народный юмор» предпослано небольшое предисловие

¹ Сказка «Добрая лисичка» помещена без сокращений в сб. «Эскимосские сказки», Л., 1939. Сост. Г. Меновщиков.

^{1а} Рецензию см. «Советская этнография», т. I, 1947.

С. Улуг-заде, в котором характеризуется самый жанр таджикского сатирического короткого рассказа — латифа. Большая часть этих рассказов приписывается широко известному на Востоке Мулле Насреддину (Насреддин Афанди, Ходжа Насреддин), а также таджикскому поэту-сатирику XVI в. Мушфики. С. Улуг-заде пишет, что объектами самой злой насмешки становились представители светской и духовной власти дореволюционного времени: «слабоумный самодержец и его тупые, жестокие придворные; невежественный ханжа — мулла; льстивые и продажные чиновники, судья — крючкотворец и взяточник; скряги-богачи разных толков; ростовщики и прочая знать феодального строя». Всем им противопоставляется Афанди, Мулла Насреддин — сообразительный, находчивый, обладающий здравым смыслом и большим запасом житейской мудрости. Мулла Насреддин всегда на стороне народа, он выразитель народной мудрости, смекалки и всегда выходит победителем, разя своих противников острым оружием злой насмешки. Латифа очень разнообразны. Большую группу составляют также латифа, в которых высмеиваются разного рода людские пороки — глупость, лень, лживость, трусость, малодушие, бесплодная мечтательность и другие.

Сборник разбит на три части соответственно с тем, кому приписывается тот или иной рассказ: «Мушфики», «Насреддин Афанди» и «Народ рассказывает». Каждая часть в свою очередь разбита на более мелкие разделы. Первый раздел: «Встречи с падишахом», «Правая вера». «Ответы по существу». Второй раздел: «Перед сильными его мира», «В судейской должности», «В своем кишлаке и дома». Третий раздел: «О повелителе и его дворе», «О типах старого быта», «Будничные истории». Всех рассказов в сборнике 106.

Как нам представляется, принцип распределения материала в упоминавшемся выше сборнике на таджикском языке более правильный, и очень жаль, что переводчица не повторила его. Дехоти — составитель сборника на таджикском языке — распределил все латифа по содержанию, и читателю гораздо легче разобраться в материале при таком построении. В этом сборнике всего восемь разделов. Первый — посвящен рассказам, направленным против угнетения, деспотизма, невежества эмиров и их приближенных; второй раздел высмеивает хитрость и лицемерие духовенства и всякого рода суеверия; третий раздел направлен против невежественных лекарей — табибов; в четвертом разделе помещены латифа, остро высмеивающие баев, ростовщиков, богатеев; в пятом разделе высмеиваются людские недостатки, которые могут быть исправлены; в шестом разделе — сатира против пороков старого быта, таких как онекурение; в седьмом разделе — рассказы о животных и в восьмом — рассказы, рожденные в дни Великой Отечественной войны, высмеивающие Гитлера и его грабительскую армию. Дехоти каждому рассказу дал короткое яркое заглавие, раскрывающее самую суть латифа. Переводчица этих латифа К. Улуг-заде постаралась передать на русском языке их сатирическую заостренность. Однако, стремясь сохранить национальный колорит латифа, переводчица иногда использовала русские архаические выражения или обороты речи, отчего оказалась утраченной легкость оригинала. Особенно это сказалось на переводе заголовков, которые часто вообще непонятны, как, например, «Беседа на волосе», или очень тяжеловесны: «Жалостливое воспоминание», «Правильное местоположение», «Шашлык по поводу светопрествления», «Распространение справедливости», «Боговосхваления продавца халвы». Таджикский оригинал не дает никаких оснований для таких переводов, и именно задача редактора русского перевода и заключалась в том, чтобы избежать всяких стилистических погрешностей и, не искажая оригинала, помочь переводчику передать средствами русского языка динамичность и ясность остроумных таджикских латифа.

Вопрос о редакторе книги и в особенности редакторе переводной книги имеет первостепенное значение. К сожалению, редактор перевода часто не знает того языка, с которого книга переводилась, и, исправляя русский текст, очень далеко отходит от оригинала. Именно такая судьба постигла второй сборник «Таджикских сказок». Если составителя первого сборника «Таджикских сказок» Б. Ниязмухаммедова, а главное редакторов сборника справедливо упрекали в том, что они недостаточно поработали над языком перевода, то редакторы второго сборника — Сергей Бородин и Вера Смирнова — в этом отношении поступили совершенно произвольно, настолько «олигатурный» редактируемые ими сказки, что они потеряли не только местный колорит, но и вообще сказочный стиль. Это относится и к явлениям быта и материальной культуры и пейзажу, к животному и растительному миру. Покажем это на примерах.

В Таджикистане, как известно, не водится птица сойка — принадлежность северной фауны (сказка «Лиса и сойка»). В таджикском быту не употребляется ковш (сказка «Перепелка и лиса»), так же как нет у таджиков простокваши (сказка «Аист — божье дитя»), а есть густое кислое молоко, приготовляемое из кипяченого молока с закваской. В результате от местного колорита остались лишь имена собственные, но и они иногда приводятся не в их таджикской форме, как, например, Гафиз, звучащее по-таджикски Хафиз. Даже широко употребляемое в русском языке слово кишлак и то редакторы сочли нужным передать через слово деревня или селение. Объединив таким образом перевод, редакторы допустили весьма грубые ошибки с точки зрения русского языка и стиля: «Он дернул удочку и увидел, что поймалась (!) цветочная рыбка» (стр. 93); «Однажды перепелка встретила лису. Лиса поймала (а не схватила!) перепелку (стр. 24): «Жил-был когда-то волк. Ему не везло в жизни». В переводах встречаются такие уменьшительные названия животных,

как «лисанька», свойственные не таджикскому языку, а русскому. Вообще же весь язык сказок очень далек от привычного языка сказочного жанра.

В небольшом предисловии к сборнику от издательства указывается, что «...настоящее издание, хотя и не ставит перед собой чисто научных задач, в известной степени должно восполнить пробел в области публикации таджикской народной сказки». Несколькими строками выше говорится, что «некоторые сказки при переводе подверглись частичной обработке с учетом различных вариантов этих сказок». Следовательно, научная ценность этих сказок действительно невысокая, так как читателю трудно разобраться, какие же из приведенных сказок являются оригинальными и какие подверглись «частичной обработке с учетом различных вариантов». Несомненно, значение этих сказок для самого широкого круга советских читателей, любящих сказку, было бы гораздо выше, если бы редакторы более бережно отнеслись к издаваемым на русском языке сказкам. Сборник охватывает 37 сказок, которые разбиты на три раздела: Сказки о животных, Забавные сказки и Волшебные сказки. Нужно отметить, что значительная часть этих сказок вошла в упоминавшийся выше сборник, изданный Б. Нязмухаммедовым. Книга хорошо оформлена художником П. Зобниным и в этом отношении отличается от сборника «Таджикский народный юмор», безвкусно иллюстрированной художником Орловым.

Третий рецензируемый нами сборник «Таджикские народные сказки», предназначенный для младшего и среднего возраста, во многом выгодно отличается от двух вышеперассмотренных переводов образов таджикского народного творчества, изданных в Сталинабаде. Прежде всего обращает на себя внимание хорошее художественное оформление книги (худ. Л. Фейнберг). Чудесная таджикская природа, утопающие в зелени кишлаки, самобытный национальный костюм, характерный жест, поза переданы очень верно, реалистично и как бы дополняют содержание книги.

В книгу вошли те же сказки, которые были включены в издание «Таджикские сказки» (1949), но насколько отличен их перевод! Переводчица К. Улуг-Заде и редактор Вера Смирнова значительно переработали свое первое издание, отчего оно намного выиграло. За исключением небольших погрешностей («слетай же вниз» — говорит в одной сказке шакал курице — стр. 18), русский перевод отличается хорошим, легким языком, большой динамичностью и дает действительное представление о чудесных таджикских сказках.

Обращает на себя внимание поэтическая сказка «Баходур и Зарина», не вошедшая ни в один из более ранних сборников сказок. Как справедливо считает автор предисловия К. Улуг-Заде, «в этой сказке несомненно выражена многовековая мечта таджиков о воде». Два народа прорывают канал через высокую гору и вода дает жизнь безводной пустыне. Это сказка о мужестве и любви, о победе человека над злыми силами природы.

Таджикские сказки отличаются остроумным сюжетом, занимательны, поэтичны. «Много мудрых мыслей народа читатель найдет в таджикских сказках, — пишет в заключении предисловия составитель книги. — Уважение к родителям, забота о добром, честном имени, уважение к труду, презрение к бездельникам и тунеядцам, стремление вступить за обиженного и обездоленного, бесстрашие перед грозными силами природы, любознательность, любовь к животным, которые служат человеку — вот чему учат эти сказки».

Составитель и редактор сборника, как мне представляется, в данном случае правильно решили и вопрос о национальном, местном колорите сказок. Правильно переданы имена собственные, введены некоторые таджикские слова, которые либо поясняются в тексте, либо в сносках, но это несколько не затрудняет читателя: кишлак — селение, табиб — лекарь, хурджин — переметная сума, дехкане — крестьяне, кокуль — кошечка, хауз — пруд, див — чудовище и многие другие.

Второе издание сказок (1950 г.) может служить примером того, что на русский язык, обладающий исключительным богатством выразительных средств, можно передать любое произведение национальной литературы, сохранив всю его прелесть.

В заключение хочется пожелать Таджикскому государственному издательству поскорее издать таджикские народные сказки прежде всего на таджикском языке, ибо, как указывается в предисловии к сборнику «Таджикские сказки», Государственное издательство совместно с Союзом советских писателей Таджикистана в течение ряда лет проводили записи народных сказок в различных районах республики. Также должны быть изданы богатые фонды народных сказок, имеющиеся в Таджикском филиале Академии Наук. Вместе с тем необходимо продолжать публикацию таджикских сказок и на русском языке, однако с учетом того, что говорилось выше.

А. З. Розенфельд

НАРОДЫ АМЕРИКИ

Дж. Вайян, *История ацтеков*. Перевод с англ. М. И. Баранович, под ред. и с предисловием акад. В. В. Струве. Примечания и дополнения Р. В. Кинжалова. Изд-во иностранной литературы, М., 1949.

В советской исторической литературе почти отсутствуют работы, посвященные древним народам Центральной Америки. Поэтому перевод книги американского археолога Дж. Вайяна (G. C. Vaillant) является весьма своевременным. «История ацте-

ков» («Aztecs of Mexico») — популярное изложение результатов археологического изучения Мексики до 1940 г. Написанная простым и красочным языком, насыщенная фактическим и иллюстративным материалом, книга Вайяна может служить ценным пособием при ознакомлении с древней Мексикой.

В главах 1 и 2 дается обзор неолита Центральной Америки. Для культуры, соответствующей средней ступени варварства (экстенсивное — подсечно-огневое в лесной зоне — земледелие, орудия из камня, кости и дерева, гончарство, ткачество, женские статуэтки), Вайян предложил термин «средняя культура» (Middle Culture), несколько расплывчатый, но все же более удачный, чем употреблявшийся до этого термин «арханческая культура».

«Средняя культура» в долине Мехико подразделяется на две стадии; нижнюю (копилько-сакатекскую) и верхнюю (куикуилко-тикоманскую), отличающуюся от предыдущей появлением жилищ на искусственных террасах, керамикой с так называемой «негативной» росписью и другими особенностями. При характеристике культур основное внимание уделяется стилю статуэток и росписи на керамике, тогда как данные о планировке жилищ и селений отсутствуют, а об орудиях труда упоминаются вскользь.

Главы 3—4 посвящены культуре толтеков (первого народа, известного по местным преданиям) и чичимекского периода. У толтеков имелись уже большие города, монументальная архитектура и скульптура, иероглифическая письменность и календарь. Автор удачно сочетал археологические данные с противоречивыми местными преданиями и дал довольно ясную картину положения в стране перед возвышением Теночтитлана. В это время происходили движения племен и борьба за власть между отдельными городами.

Дополнением к этим главам является приложенная в конце книги статья молодого советского американиста Р. В. Кинжалова «Археологическое изучение Мексики за последние годы», хотя, к сожалению, запутанность и перегруженность специальной терминологией делают ее почти недоступной неподготовленному читателю. Данные о находке тепешпанского человека и о раскопках в Туле существенно дополняют соответствующие разделы Вайяна о заселении Америки и толтекском периоде. Правильно отмечая, что очень краткая характеристика культур майя, олмеков и сапотек в главе 1. Вайяна почти ничего не дает читателю, Р. В. Кинжалов подробно останавливается на раскопках в Вера Крус и проблеме олмеков. Сущность этой проблемы сводится к следующему: в американистике считалось установленным, что древнейшую цивилизацию в Центральной Америке создали майя в первые века нашей эры (монументальная архитектура и скульптура, большие города, иероглифическая письменность, сложный календарь и т. д.). В последние годы появились сторонники «приоритета» олмеков в деле создания цивилизации, причем в качестве основного аргумента фигурируют два памятника из штата Вера Крус — стела С в Трес Сапотес и статуэтка из Туштлы — с датами, написанными знаками майя и соответствующими 21 г. до н. э. и 162 г. н. э. (по хронологии Томпсона), тогда как древнейшие достоверные памятники майя датированы 320 и 328 гг. н. э. Мнение о «приоритете» олмеков не разделяется крупными специалистами, считающими эти даты сомнительными (см. S. G. Morley, *The ancient Maya*, 1946, стр. 41—42), но зато усиленно поддерживается националистически настроенными мексиканскими учеными (точно так же, как вообще американскими учеными отстаивается «приоритет» древнеамериканской цивилизации во всем мире). Вайян фактически уклоняется от решения этого вопроса, заявляя, что спор о «приоритете» олмеков и майя напоминает «старый спор о том, что появилось раньше — яйцо или курица» (стр. 32). К сожалению, и Р. В. Кинжалов в своей статье не вносит должной четкости в этот вопрос.

В главе 5 излагается политическая история теночков, а в 6 и 7 — их социальные строй и экономика. У жителей Теночтитлана имелось ирригационное земледелие (что объясняется условиями жизни на озере — теночки осушали болота и устраивали так называемые «пловучие сады», чтобы восполнить недостаток земли) в отличие от господствовавшего в Центральной Америке подсечно-огневого. Основными культурными растениями были кукуруза, бобы, тыква, а земледельческим орудием — палка-копалка. Следует отметить, что у народов Центральной Америки техника земледелия почти не изменилась за два тысячелетия цивилизации и палка-копалка остается основным орудием до наших дней. Такая примитивность техники объясняется не столько какой-то особой консервативностью народов Мексики, сколько очень небольшой глубиной почвы и многочисленными выходами на поверхность каменной породы. Плуг здесь был бы совершенно бесполезен, даже вреден: там, где он теперь введен фермерами-капиталистами, он содействует быстрому разрушению почвы.

Кроме того, следует учитывать высокую рентабельность кукурузы (средняя урожайность ее даже при подсечно-огневом земледелии выше, чем средняя урожайность пшеницы и ржи в современных капиталистических странах), что давало возможность получать значительный прибавочный продукт при низком уровне техники. Эта особенность не могла не ускорить процесс классового расслоения племен, переходивших к земледелию.

Описание социального строя ацтеков у Вайяна сделано весьма непоследовательно и с значительными пробелами (в частности, он не касается семьи), а, кроме того, терпит обычными в буржуазных работах модернизациями.

Акад. В. В. Струве во вступительной статье дает подробную характеристику социального строя ацтеков. Правильно указывая, что Л. Морган ошибался, относя ацтеков «к средней ступени варварства», он приходит к выводу, что «ацтекское общество XV в. стояло на грани перехода от средней ступени варварства к высшей» (стр. 17). Но это — слишком уж робкая критика Моргана. Если даже оставаться в рамках моргановской периодизации, то все же социальный строй ацтеков (хотя вопрос о нем еще не решен окончательно) есть все основания отнести на более высокую ступень развития. Отделение ремесла от земледелия, торговля, имущественное неравенство, рабство как постоянное явление, фортификация, регулярные грабительские войны — все это характерные признаки военной демократии, и Ф. Энгельс вполне основательно упоминает ацтекского военачальника наряду с греческим базилевсом («Происхождение семьи, частной собственности и государства», Госполитиздат, 1948, стр. 122). Строй ацтеков был уже государством, поскольку является продуктом непримиримости классовых противоречий, и вместе с тем еще не был государством, поскольку сохранял традиционную родо-племенную форму и организацию. Серьезным недостатком в анализе социального строя ацтеков у акад. В. В. Струве является недооценка исторической обстановки. Ацтеки рассматриваются изолированно. «Морган безусловно прав, — говорится во вводной статье, — когда заявляет, что «до 1426 г., когда возникла ацтекская конфедерация, в жизни племен долины произошло очень мало, что бы имело историческое значение» (стр. 8). С этим согласиться никак нельзя. Ацтеки (собственно — племя теночков) были варварами, покорившими сравнительно культурный народ. Они усвоили культуру и формы примитивной государственности покоренного народа, сохранив некоторые черты собственного варварского общественного строя. В этом одна из основных причин своеобразия ацтекского общества.

Главы 8 и 9 дают характеристику прикладного искусства (изделия из перьев, мозаика из раковин и камня, ювелирные изделия), архитектуры, скульптуры и — очень кратко — музыки и танцев. Главы 10—11 посвящены религии и культу, а четыре последние — военным обычаям, описанию Теночтитлана (по Бернальо Диасу), походу Кортеса 1519—1520 гг. и кратко очерку позднейших судеб индейцев Мексики.

Основным недостатком работы Вайяна является теоретическая беспомощность автора, когда ему приходится объяснять изменения в общественном строе или в культуре. Исходя из теории миграций, Вайян чуть ли не все изменения в хозяйстве, стиле керамики и статуэток, религии и т. п. пытается объяснить вторжением новых племен, несших новую культуру (неизвестно, где и когда созданную). С этим связана и другая крупнейшая ошибка: рассматривая каждую культуру обособленно, вне связи с другими, Вайян считает, что взаимного влияния племен не было до эпохи распространения культуры Миштека — Пуэбло. Между тем им самим приводится масса данных, свидетельствующих о широком обмене элементами культуры (находки тихоокеанских раковин в долине Мехико уже во время копилко-сакатекской культуры, широкое распространение «негативной» росписи сосудов, которую сам Вайян ведет из Южной Америки, и т. д.). Совершенно неправильно считать иероглифику и календарь майя, сапотек, толтеков и ацтеков независимыми друг от друга. Описывая ацтекский календарь, Вайян ни одним словом не упоминает о его тождестве с календарем майя (13-дневная неделя, 20-дневный месяц, 260-дневный цикл, 52-летний период и пр.). Ацтеки, несомненно, восприняли календарную систему майя (не непосредственно, а через толтеков) в несколько упрощенном виде, без больших периодов и без майяской эры.

Недооценка роли более культурных соседей затрудняет понимание и социального строя ацтеков. Ацтеки составляли периферию цивилизации майя и толтеков, что не могло не ускорить их экономического и политического развития, не создав все же достаточных предпосылок для перехода к классовому обществу. Если учесть это обстоятельство, равно как указанные выше особенности земледелия, дававшего большой прибавочный продукт при низком уровне техники, станут гораздо яснее резко противоречивые и своеобразные черты ацтекского общества.

Большинство отдельных ошибочных заключений Вайяна оговорено в редакционных примечаниях. Можно добавить несколько уточнений.

Утверждение, что женские статуэтки эпохи «средней культуры» не ценились (стр. 41), так как их находят сломанными и выброшенными, вряд ли основательно. По аналогии с другими народами известно, что такого рода ритуальные статуэтки часто намеренно разбивались и выбрасывались во время сезонных праздников (у самих ацтеков был обычай уничтожать всю домашнюю утварь в конце цикла).

«Школы» для юношей (стр. 88), видимо, восходят к мужским домам первобытного общества.

«Ордена» Орла и Оцелота (стр. 90), как правильно указано в примечании, восходят к тайным мужским союзам. Можно еще добавить, что, повидимому, они соответствуют двум фратриям, а состязания между ними отражают не борьбу света и тьмы, дня и ночи и т. п. (стр. 135), а ритуальную борьбу фратрий.

Из отдельных неточностей перевода нельзя не отметить значительного количества ошибок и недосмотров в приложенных к книге таблицах. Так, «Our Lord, the Flayed One» (стр. 183) переведено «наш владыка в ободранной коже» (стр. 207), хотя на

стр. 135 то же выражение «The Flayed One» передано правильно: «ободранный» (т. е. с ободранной кожей). «Cloud Serpent» (стр. 183) — облачный змей — переведено «змея туч» (стр. 208). «Coyote» в одном месте переводится «шакал» (стр. 208), в другом «койот» (стр. 87). «Death's Head» (стр. 191), название 6-го дня месяца (черепа, мертвая голова) переведено «голова смерти» (стр. 210 и далее).

В табл. XIII (стр. 212) нужно поменять местами день тростника (13) и день травы (12).

«Jaguar God» (стр. 194) — бог-ягуар, а не «бог ягуаров» (стр. 214, табл. XVI). Кстати сказать, неизвестно, почему в переводе нигде не оговорено, что «ошелот» — это и есть ягуар.

«Snake of Knives» (табл. 63) — змея с ножами — переведено «змея ножей» (иероглиф изображает змею с ножами на спине).

Названия годов ацтекского цикла приведены таким образом, что трудно понять, идет ли речь о годах или о днях (стр. 188, рис. 28; табл. 63). Следовало бы писать не просто «десятый день жожа», а «год десятого дня ножа» и т. д.

Ю. В. Кнорозов

Frances Toor. *A Treasury of Mexican Folkways. The Customs, Myths, Folklore, Traditions, Beliefs, Fiestas, Dances and Songs of Mexican People*, New York, 1947, XXXIV + 566 стр.; 10 цветн. табл., 100 рис. и 170 фотографий.

Рецензируемая книга является результатом многих лет упорного исследовательского труда. Автор ее — профессор фольклора в Национальном университете г. Мехико, Фрэнсис Тур — более двадцати пяти лет изучала быт и фольклор современного населения Мексики. Собранные ею материалы, частично уже опубликованные в книге «Мексиканское народное искусство»¹ и в целом ряде статей, легли в основу этой книги.

Книга Тур делится на пять неравноценных частей. Первая часть — введение — является краткой сводкой данных о наиболее значительных племенах и народностях Мексики до испанского завоевания: племен «Средней культуры», майя, толтеков, тотонаков, сапотеков, ольмеков и ацтеков. Автор совершенно правильно указывает, что для лучшего понимания современной жизни народа необходимо знать его прошлое. Изложению его и посвящено вступление, не отличающееся, однако, высокими качествами.

Вторая часть — «Труд и культ», открывающая исследовательскую часть книги, посвящена экономической жизни населения. В ней дается подробное описание жилищ, мебелировки, домашней утвари, пищи, напитков, наркотиков (табак в разных видах). Особо выделены домашние животные и пчеловодство. В следующем большом подразделе второй части рассматривается земледелие у майя, тешталь, мише, пополука и уичоль, а также религиозные церемонии, связанные с посевом и сбором урожая. Интересны приводимые автором данные об условиях труда батраков в больших поместьях: и в настоящее время там применяются самые примитивные орудия, так как «человеческий труд обходится значительно дешевле усовершенствованных машин»; владельцы поместий применяют потогонный «ускоренный метод» (сам автор называет его фордовским термином «спид ап»), при котором батрак не имеет ни минуты отдыха, иначе останавливается вся цепь работающих. Особо следует выделить здесь полемику автора с буржуазными исследователями, приписывающими мексиканцам леность как национальную черту (!). Тур резко протестует против этого (стр. 86).

Следующий подраздел — «Ремесла» содержит описание различных ткацких изделий, мужской и женской одежды и украшений (предметы из золота, серебра и бусы), производства мебели, музыкальных инструментов, различных плетеных изделий (гаммаков, корзин, сомбреро и т. д.), керамики (с подробным обзором по отдельным местностям), изделий из стекла, железа, меди, олова, кожи, лака; масок и игрушек.

Небольшой подраздел, описывающий рынки и их роль в хозяйственной жизни населения, заключает первую часть.

Во второй части — «Общество, обычаи, праздники» — все внимание автора обращено на подробное описание обрядов и праздников среди современного населения Мексики.

После описания обрядов, связанных с рождением, браком, смертью и погребением, автор переходит к обзору религиозных праздников и, в связи с этим, рассматривает проблему религии в Мексике. В книге правильно отмечена реакционная и эксплуататорская роль как официальной католической религии, так и различных местных культов, и приводится обильный материал, большей частью еще не публиковавшийся. Так, например, автор подробно останавливается на одном виде религиозного «бизнеса», получившем особенное распространение в последние годы в Чиapasе, — на так называемых «говорящих ящиках». Они представляют собой небольшой деревянный ящик в виде кукольного домика, внутри которого наклеена хромолитография какого-нибудь святого, что якобы дает ответ на все вопросы. Владельцы их переезжают из одного селения в другое и, поместив ящик в комнате, отгороженной занавесью от других, приглашают желающих получить пророчество. Несмотря на явный обман,

¹ F. Toor, *Mexican Popular Arts*, México, 1939

к такому «пророчествующему ящику» стекается большое количество народа. Вожди полунезависимых племен майя на территории Кинтана-Роо для укрепления своей власти используют подобные же средства. В большинстве селений (Ш-Какале и др.) имеются «говорящие кресты», которые якобы проявляют свою волю через жрецов и даже посылают от своего имени письма жителям селений.

Для того чтобы увеличить свое влияние среди индейского населения, католическое духовенство не стеснялось во многих случаях жертвовать частью своего ритуала или идти на компромисс с наиболее популярными древними индейскими культами. Наиболее показательна в этом отношении история с «чудесным явлением» мадонны де Гвадалупе, подробно излагаемая автором. Вскоре после завоевания епископ Сумаррага приказал разрушить все языческие храмы в Мексике, в том числе и храм ацтекской богини земли и плодородия Тонанцин, расположенный на холме Тепейак, близ г. Мехико. Однако популярность культа этой богини была столь велика, что просто подавить его не представлялось возможности. Тогда католическое духовенство нашло и попросту включило ацтекскую богиню в число святых католической церкви. Немедленно была сочинена легенда о том, что в 1531 г. на этом холме индейцу Хуану Диего якобы явилась мадонна и приказала ему сообщить епископу о своем желании иметь на этом месте храм для того, чтобы она могла всегда быть около своего народа — индейцев и защищать их, так как она — «мать всех живущих в этой стране». После того, как в подтверждение слов Диего произошло «чудо» — на его плаще появилось изображение мадонны с лицом индианки, — на холме был выстроен храм. В 1754 г. папской буллой мадонна де Гвадалупе была объявлена специальной покровительницей Мексики. Культ ее до сих пор поддерживается и всячески раздувается духовенством, причем в погоне за этим «святыне отцы» не останавливаются ни перед чем: как сообщает Тур, изображение мадонны помещается даже на этикетках ликерных бутылок. Но и такие «чрезвычайные» меры, предпринимаемые духовенством, помогают мало. Автор отмечает, что ему часто приходится слышать жалобы служителей культа на влияние рабочих союзов, вырывающих их из сферы их воздействия все новые и новые группы трудового населения.

Заканчивается вторая часть описанием детских игр и развлечений взрослых.

Следующая, третья часть посвящена музыкальному фольклору. Автор подробно рассматривает музыку, песни и огромное количество народных танцев, распространенных в различных местностях Мексики. К описанию танцев приложено большое число рисунков и фотографий, а к разделу о музыке — нотный альбом с мелодиями и текстами песен (95 номеров). Многие из приводимых песен записаны автором и никогда еще не были опубликованы. Отдельный раздел посвящен песням революции 1910—1920 гг.; в нем приводятся музыка и слова знаменитой песни партизан Франсиско Вильи — «Кукарача» и войск Салаты — «Аделита».

Последняя, четвертая часть посвящена изложению мифов, сказок, загадок и пословиц. После краткого изложения основных мифов ацтеков и майя Тур дает целый ряд записей легенд, сказок, пословиц и загадок, во многих случаях ею же самой собранных. Содержание их крайне разнообразно; отметим только чудесную сказку майя о состязании ящерицы с оленем и две антирелигиозные легенды: «Злой Христос» и «Крестьянин, бог и смерть» (записано в штате Сакатекас). В последней рассказывается, как голодный крестьянин украл цыпленка, чтобы хотя один раз в жизни поест досыта. Когда он, удалившись в пустынную местность, начинает варить цыпленка, к нему подходит какой-то человек и просит поделиться с ним пищей. Крестьянин отказывается. Тогда незнакомец говорит ему, что если бы крестьянин знал, кто у него просит, то он не отказал бы. На вопрос крестьянина, кто же перед ним, тот объявляет: «Я бог, твой владыка». В ответ на это возмущенный крестьянин говорит: «Теперь я тем более ничего не дам тебе. Одним ты даешь имения, дворцы, экипажи и лошадей, а другим, подобным мне, ты даже не дал ни разу возможности досыта поест. Нет, тебе я не дам цыпленка!» Бог вынужден удалиться ни с чем. Когда крестьянин принимается за еду, подходит второй незнакомец и также просит поделиться с ним. Узнав, что перед ним смерть, крестьянин уделает ей часть цыпленка, так как смерть «справедлива и берет к себе всех: тонких и толстых, молодых и старых, бедных и богатых». Оценка индейским крестьянством классовой роли католической религии выступает в этом рассказе весьма отчетливо.

Альбом фотографий, приложенный к книге, дает хорошо подобранный иллюстрированный материал и является полезным дополнением к исследованию. Рисунки на цветных таблицах художника К. Мериды подражают, правда, не всегда удачно, местным художественным традициям.

Книга Ф. Тур «Сокровищница мексиканского народного быта», несмотря на некоторые недостатки, дает обильный и свежий материал по культуре трудового населения современной Мексики, беспристрастно эксплуатируемого и своей империалистической буржуазией.

Р. Кияжолов

John. H. Rowe, *An Introduction to the archaeology of Cuzco*. (Expeditions 1, Southern Peru Peabody Museum, Report No 2), XII+63 стр., рис., VIII табл. Cambridge Mass, 1944 (Papers of the Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology, Harvard University, v. XXVII, No 2).

Книга является отчетом археологической экспедиции Института андских исследований, расквашавшей под руководством автора в 1941—1942 гг. область около г. Куско (Южное Перу). Наиболее интересным результатом экспедиции было определение и предварительное описание новооткрытой доинкской культуры «Чанапата», названной по поселению Чанапата, где она была впервые обнаружена. Были установлены соотношения между этой культурой и культурами Чавин (Сев. Перу) и Тиуанаку (Боливия). Датирует автор культуру Чанапата приблизительно XI—XII вв. н. э. (стр. 59). Раскопки дали большое число предметов; так, например, найдены более 25 тысяч фрагментов керамики, оружия из кости и камня, остатки строений, погребения и др. Из числа строений инкского периода был снят точный план «Храма Солнца» в Куско (рис. 9) и проведено исследование построек на холме Хуанакаури. Кроме того, были обследованы другие поселения инкской эпохи близ Куско: Корината, Льяулыпата, Муйю Коча, Каракапампа, Пикильякта, Уата и др.

Маленькая, но характерная деталь: книга посвящена автором «отцам-доминиканцам монастыря в Куско». Из этого посвящения видно, в контакте с какими силами работают некоторые американские археологи в Южной Америке.

Книга иллюстрирована фотоснимками керамики и построек, а также планами.

Р. Кинжалов

Антонио Пигафетта. *Путешествие Магеллана*. Перевод с итальянского и примечания В. С. Узина. Вступительная статья Я. М. Света. Государственное издательство географической литературы, М., 1950, стр. 177.

В последние годы Географическое издательство выпустило в свет серию документальных описаний и материалов, относящихся к замечательным экспедициям русских и зарубежных мореплавателей. К их числу относится и рецензируемая книга. Это конспект путевых записей, которые вел участник первого кругосветного плавания Антонио Пигафетта (полный текст дневника не обнаружен). Он содержит изложение того, что наблюдал автор с момента отплытия экспедиции из Испании 20 сентября 1519 г. до возвращения 6 сентября 1522 г. оставшихся в живых 18 человек. Как верно отмечается в вступительной статье, записки Пигафетты «не хроника бесстрастного летописца и не дневники вдумчивого ученого-исследователя. Это беглые заметки наивного и любознательного человека, страстного искателя приключений и наживы». Несмотря на много неточностей, непроверенных и нередко фантастических данных, дневник Пигафетты является одним из лучших источников сведений об этой экспедиции. До наших дней сохранилось очень немного свидетельств спутников и современников Магеллана. Следует пожалеть о том, что они не включены в это издание, что значительно повысило бы его познавательное значение.

В вступительной статье дается краткая биография Пигафетты и характеристика значения его записок для правильной оценки эпохи великих открытий, идеализированной буржуазными историками и географами. Автор статьи справедливо замечает, что записки Пигафетты дают более правильное представление об этой эпохе, «чем досужие упреждения американских и западноевропейских фальсификаторов от науки, стремящихся вытравить следы крови и грязи, которыми отмечен каждый шаг пионеров первоначального накопления. Записки Пигафетты рисуют подлинные, не украшенные образы этих смелых, жестоких и жадных рыцарей чистогана, позволяя по достоинству оценить их дела и помыслы, дают возможность уяснить подлинный исторический смысл заморских предприятий XV—XVI столетий». Далее излагаются сведения об экономическом и политическом положении Испании и Португалии в XV в., о международной обстановке в то время, вызвавшей необходимость поисков новых путей на Восток, а также о значении плаваний Колумба, Кабота, Веспуччи, Васко да Гамы, Бальбоа, Винсенте Янеса Пинсона, Хуана де Солиса. В заключительных разделах статьи даются биография Магеллана и характеристика его деятельности, особенно в период подготовки к кругосветному плаванию и во время путешествия, а также оценка огромного значения экспедиции.

Примечания уточняют и дополняют текст Пигафетты. На основании других источников сообщается состав экипажа экспедиции к моментам отплытия и возвращения ее, описывается ряд упущенных или неверно изложенных Пигафеттой событий, происшедших во время плавания, приводятся сведения об упоминаемых им личностях и др. Много внимания уделено уточнению географических пунктов, указаны их современные названия, даются также научные определения растений и животных, упоминаемых автором.

Наиболее слабую сторону статьи и особенно примечаний, составляют этнографические сведения, число которых совершенно недостаточно.

«Следует иметь в виду,—пишет автор вступительной статьи,—что Пигафетта, плоть от плоти человека своего века и своего класса, наблюдая и описывая неведомые дотоле страны и живущие в них людей, невольно придавал всему наблюде-

тому черты хорошо ему знакомого общественного устройства и быта. К тому же он обращал внимание главным образом на внешнюю, подчас даже парадную, показную, сторону жизни коренного населения заморских стран» (стр. 25). Однако в статье и в примечаниях очень мало пояснений и дополнений к материалам Пигафетты о населении Южной Америки, островов Великого океана и Малайского архипелага. Я. М. Свет и В. С. Узин совершенно правильно обращают внимание читателя на истинную сущность идилически описываемой Пигафеттой политики Магеллана в отношении коренного населения, принудительной массовой христианизации, ограбления и жестокого «наказания» огнем и мечом «непокорных», разжигания вражды среди населения Филиппинских островов и т. д. Этим и еще несколькими замечаниями ограничиваются дополнения к материалам Пигафетты о населении посещенных экспедицией стран. Неясным остается для читателя, с представителями каких этнических групп встретилась экспедиция на островах Великого океана и Малайского архипелага (Пигафетта называет их индейцами и маврами). Не следовало, вслед за Пигафеттой, называть коренное население Филиппинских островов индейцами (прим. 64).

Пигафетта неоднократно сообщает об одежде из древесной коры, из древесной ткани, о тканях из пальмового дерева и даже довольно правильно описывает способ изготовления одежды из древесной коры (точнее из луба) (стр. 66, 70, 77, 88, 121 и др.). В примечании 71 имеется лишь упоминание о ткани из пальмы (?). Между тем изготовление материи из луба («тапа», «фуйя») широко распространено среди коренного населения Океании, Юго-восточной Азии, Южной Америки, Африки. Этот замечательный пример первобытной техники неоднократно описан в литературе¹. Многочисленные упоминания Пигафетты заслуживают подробного пояснения.

В примечаниях имеется ряд неточностей. Укажем некоторые из них:

Прим. 22. «Пигафетта говорит тут о хлебе, изготовляемом из корней кассавы или маниоки». Из маниоки изготовлялись пресные лепешки, а не хлеб, так как закваска бразильским индейцам не была известна.

Прим. 107. «Anime» (смола), вероятно, один из многочисленных видов резины, добываемой из различных деревьев на Филиппинах». Из деревьев добывается не резина, а сок, из которого она изготовляется. Резина — это продукт, получаемый в результате вулканизации сырого каучука и различных примесей.

Определяя географическое местоположения Язы, лучше было указать современный термин — Малайский архипелаг, а не Восточные Индин — название, ныне устаревшее. Слишком лаконична карта маршрута экспедиции. Отсутствует даже название ее.

Несмотря на ряд недостатков, имеющихсЯ в рецензируемой книге, надо приветствовать инициативу Географгиза, впервые осуществившего публикацию полного перевода записок Пигафетты с итальянского оригинала (сокращенный перевод с краткого изложения их по-французски был издан в 1928 г.). Нельзя не отметить высокое качество перевода.

Н. Шпринцин

¹ См., например, публикацию музейных коллекций лубяных одежд с островов Малайского архипелага и описание их изготовления в Сборнике Музея антропологии и этнографии Академии Наук СССР, т. VIII, 1928.

СОДЕРЖАНИЕ

<u>Акад. С. И. Вавилов</u>	3
Вопросы общей этнографии и антропологии	
М. О. Косвен (Москва). Проблема общественного строя горских народов Кавказа в ранней русской этнографии	7
Вопросы этногенеза и исторической этнографии	
А. З. Розенфельд (Ленинград). qal'a (kala) — тип укрепленного иранского поселения	22
Материалы и исследования по этнографии и антропологии СССР	
Г. С. Маслова (Москва). Культура и быт одного колхоза Подмосковья (Колхоз имени Сталина Луховицкого района, Московской области)	39
Г. М. Василевич и М. Г. Левин (Москва, Ленинград). Типы оленеводства и их происхождение	63
П. Е. Терлецкий (Москва). Еще раз к вопросу об этническом составе населения северо-западной части Якутской АССР	88
М. Г. Воскобойников (Ленинград). Об эвенкийской народной песне	100
В. Л. Воронина (Москва). Об узбекских банях	114
Материалы и исследования по этнографии и антропологии зарубежных стран	
М. В. Райт (Москва). Племя бамангвато и его вождь Серетсе Кама	138
Из истории этнографии и антропологии	
Н. Н. Степанов (Ленинград). В. Н. Татищев и русская этнография	149
Заметки. Сообщения. Рефераты	
С. О. Хан-Магомедов (Москва). Народное жилище Южного Дагестана	166
А. И. Першиц (Москва). Фамилия — лъэпкъ у кабардинцев в XIX веке	177
Хроника	
П. И. Кушнер (Кнышев) (Москва). Новая учебная этнографическая карта СССР	181
О. А. Корбе (Москва). Защита диссертаций в Институте этнографии АН СССР	182
Г. Стратанович (Ленинград). Выставка Института этнографии АН СССР в Центральном парке культуры и отдыха им. С. М. Кирова	187
Л. П. Потапов (Ленинград). Научная сессия в Хакасии	192
П. С. Гурвич (Якутск). Экспедиционная работа Института языка, литературы, истории и искусства Якутского филиала Академии Наук СССР	194
Н. А. Калоева (Москва). Этнографическая работа в демократической Чехословакии	194
С. Токарев (Москва). <u>Лев Семесович Берг</u> (Некролог)	200
Критика и библиография	
Критические статьи и обзоры	
Я. Смирнова (Москва). Этнографические мотивы в произведениях абхазских писателей	203
И. Гурвич (Якутск). Художественная литература, посвященная народам Крайнего Севера	208
И. Дмитриков (Ленинград). Американская фальсификация биографии Горького	215

Народы СССР

Э. Померанцева (Москва). Сказки и легенды пушкинских мест	217
Л. Н. Пушкарёв (Москва). Сказки Смоленщины	218
И. Гурвич (Якутск) <i>Г. Д. Меновицков</i> . Чукотские, эскимосские, корякские сказки	220
А. З. Розенфельд (Ленинград). Сборники таджикского народного творчества	221

Народы Америки

Ю. В. Кнорозов (Ленинград). <i>Дж. Вайн</i> . История ацтеков	223
Р. Кинжалов (Ленинград). <i>Frances Toor</i> . A Treasury of Mexican Folkways	226
Р. Кинжалов <i>John H. Rowe</i> . An Introduction to the archaeology of Cuzco	228
Н. Шпринцин (Ленинград). <i>Антонио Пигафетта</i> . Путешествие Магеллана	228

